

ISSN 0042—8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3/95

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК
ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

М. Левин — Бюрократия и сталинизм 16

А. Б. Каменский — Сословная политика Екатери-
ны II 29

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

К. С. Вяткин — Гельмут Коль 46

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 67

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и
Латинской Америки (с древнейших вре-
мен до наших дней). Глава VIII (автор —
П. И. Пучков) 79

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты 90

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Г. В. Вернадский — Из воспоминаний 103

СООБЩЕНИЯ

- Ю. А. Поляков — Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920—1930-е годы) 122
- С. О. Андросов — Петр I в Венеции 129
- Е. Ю. Ванина — Человек, время, религия (средневековая Индия) 136

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В. В. Кириллов — Н. А. Попов как историк и общественный деятель 145
- В. Е. Баранченко — Кончина и похороны П. А. Кропоткина 149
- М. М. Галанов — Федор Шакловитый 155

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В. А. Китаев — Государственная школа в русской историографии: время переоценки? 161
- К. И. Седов — «Ярославская старина» 165
- Н. Н. Болховитинов — Г. А. Дубовицкий. Шесть портретов. Из истории США первой половины XIX века 166
- А. И. Борозняк — За Германию — против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров 168
- Э. Г. Задорожнюк — Ф. Гал, Й. Алан, Я. Ирак, Р. Махонин, О. Шолтыс, М. Тиморацкий. Современный кризис чешско-словацких отношений 170
- В. И. Матузова — М. Дыго. Изучение возникновения господства Тевтонского ордена в Пруссии (1226—1259) 172

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- С. Н. Щеголихина — Об авантюризме и карьеризме в годы гражданской войны 174

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

3 марта 1937 года. Вечернее заседание

А н д р е е в (председательствующий). Заседание открывается. Слово для доклада имеет т. Сталин.

С т а л и н ¹. Товарищи! Из докладов и прений по ним, заслушанных на пленуме, видно, что мы имеем здесь дело со следующими тремя основными фактами.

Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты. Таковы три бесспорных факта, естественно вытекающие из докладов и прений по ним.

Чем объяснить, что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску? Можно ли утверждать, что вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, действующих на территории СССР, может являться для нас чем-либо неожиданным и небывалым? Нет, нельзя этого утверждать. Об этом говорят вредительские акты в разных отраслях народного хозяйства за последние 10 лет начиная с шахтинского периода, зафиксированные в официальных документах.

Можно ли утверждать, что за последнее время не было у нас каких-либо предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний насчет вредительской, шпионской или террористической деятельности троцкист-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1992, №№2—12; 1993, № 2, 5—9; 1994, №№ 1, 2, 6, 8, 10; 1995, №№ 1, 2.

ско-зиновьевских агентов фашизма? Нет, нельзя этого утверждать. Такие сигналы были, и большевики не имеют права забывать о них.

Злодейское убийство т. Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца, для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации.

Судебный процесс «Ленинградского центра», равно как судебный процесс «Зиновьева — Каменева», дал новое обоснование урокам, вытекающим из факта злодейского убийства т. Кирова.

Судебный процесс «Зиновьевско-троцкистского блока» расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты объединяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы, что они превратились в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охраны, что двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши организации, что бдительность и политическая прозорливость представляют наиболее верное средство для предотвращения такого проникновения, для ликвидации зиновьевско-троцкистской шайки.

Центральный Комитет ВКП(б) в своем закрытом письме от 18 января 1935 г. по поводу злодейского убийства т. Кирова решительно предостерегал партийные организации от политического благодушия и обывательского ротозейства. В закрытом письме сказано: «Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрывкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства как единственные средства обреченных в их борьбе с советской властью. Надо помнить это и быть бдительным».

В своем закрытом письме от 29 июля 1936 г. по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока ЦК ВКП(б) вновь призывал партийные организации к максимальной бдительности, к умению распознавать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы. В закрытом письме сказано: «Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны,— шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани,— все наши партийные организации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован».

Значит, сигналы и предупреждения были. К чему призывали эти сигналы и предупреждения? Они призывали к тому, чтобы ликвидировать слабость партийно-организационной работы и превратить партию в неприступную крепость, куда не мог бы проникнуть ни один двурушник. Они призывали к тому, чтобы покончить с недооценкой партийно-политической работы и сделать решительный поворот в сторону всемерного усиления такой работы, в сторону усиления политической бдительности.

И что же? Факты показали, что сигналы и предупреждения воспринимались нашими товарищами более чем туго. Об этом красноречиво говорят всем известные факты из области кампании по проверке и обмену партийных документов. Чем объяснить, что эти предостережения и сигналы не возымели должного действия? Чем объяснить, что наши партийные товари-

щи несмотря на их опыт борьбы с антисоветскими элементами, несмотря на целый ряд предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний оказались политически близорукими перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов народа?

Может быть, наши партийные товарищи стали хуже, чем они были раньше, стали менее сознательными и дисциплинированными? Нет, конечно, нет! Может быть, они стали перерождаться? Оять же нет! Такое предположение лишено всякого основания. Так в чем же дело? Откуда такое ротозейство, беспечность, благодушие, слепота?

Дело в том, что наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать. Они забыли об одном основном факте из области международного положения СССР и не заметили двух очень важных фактов, имеющих прямое отношение к нынешним вредителям, шпионам, диверсантам и убийцам, прикрывающимся партийным билетом и маскирующимся под большевика.

Что это за факты, о которых забыли или которых просто не заметили наши партийные товарищи?

Они забыли о том, что совесткая власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств. Они забыли, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазных стран, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае, подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом.

Взять, например, буржуазные государства. Наивные люди могут думать, что между ними существуют исключительно добрые отношения как между государствами однотипными. Но так могут думать только наивные люди. На самом деле отношения между ними более чем далеки от добрососедских отношений. Доказано как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские

шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими. Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства? Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи, и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох. Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полициейской охранки оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью.

Далее. Ведя борьбу с троцкистскими агентами, наши партийные товарищи не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был, скажем, лет 7—8 тому назад, что троцкизм и троцкисты претерпели за это время серьезную эволюцию, в корне изменившую лицо троцкизма, что ввиду этого и борьба с троцкизмом, методы борьбы с ним должны быть изменены в корне. Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств.

Что такое политическое течение в рабочем классе? Политическое течение в рабочем классе — это такая группа или партия, которая имеет свою определенную политическую физиономию, платформу, программу, которая не прячет и не может прятать своих взглядов от рабочего класса, а наоборот, пропагандирует свои взгляды открыто и честно, на глазах у рабочего класса, которая не боится показать свое политическое лицо рабочему классу, не боится демонстрировать своих действительных целей и задач перед рабочим классом, а наоборот, с открытым забралом идет в рабочий класс для того, чтобы убедить его в правоте своих взглядов. Троцкизм в прошлом, лет 7—8 тому назад, был одним из таких политических течений в рабочем классе, правда, антиленинским и потому глубоко ошибочным, но все же политическим течением.

Можно ли сказать, что нынешний троцкизм, троцкизм, скажем, 1936 г., является политическим течением в рабочем классе? Нет, нельзя этого говорить. Почему? Потому, что современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что, если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их как людей чуждых и прогонит их от себя. Этим, собственно, и объясняется, что основным методом троцкистской работы является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов, подобострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь своих собственных взглядов.

На судебном процессе 1936 г., если вспомните, Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы. У них была полная возможность развернуть на судебном процессе свою политическую платформу. Однако они этого не сделали, заявив, что у них нет никакой политической платформы. Не может быть сомнения, что оба они лгали, отрицая наличие у них платформы. Теперь даже слепые видят,

что у них была своя политическая платформа. Но почему они отрицали наличие у них какой-либо политической платформы? Потому что они боялись открыть свое подлинное политическое лицо, они боялись продемонстрировать свою действительную платформу реставрации капитализма в СССР, опасаясь, что такая платформа вызовет в рабочем классе отвращение.

На судебном процессе в 1937 г. Пятаков, Радек и Сокольников стали на другой путь. Они не отрицали наличия политической платформы у троцкистов и зиновьевцев. Они признали наличие у них определенной политической платформы, признали и развернули ее в своих показаниях. Но развернули ее не для того, чтобы призвать рабочий класс, призвать народ к поддержке троцкистской платформы, а для того, чтобы проклясть и заклеить ее как платформу антинародную и антипролетарскую. Реставрация капитализма, ликвидация колхозов и совхозов, восстановление системы эксплуатации, союз с фашистскими силами Германии и Японии для приближения войны с Советским Союзом, борьба за войну и против политики мира, территориальное расчленение Советского Союза с отдачей Украины немцам, а Приморья — японцам, подготовка военного поражения Советского Союза в случае нападения на него враждебных государств и как средство достижения этих задач — вредительство, диверсия, индивидуальный террор против руководителей советской власти, шпионаж в пользу японо-немецких фашистских сил — такова развернутая Пятаковым, Радеком и Сокольниковым политическая платформа нынешнего троцкизма.

Понятно, что такую платформу не могли не прятать троцкисты от народа, от рабочего класса. И они прятали ее не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но даже от руководящей троцкистской верхушки, состоявшей из небольшой кучки людей в 30—40 человек. Когда Радек и Пятаков потребовали от Троцкого разрешения на созыв маленькой конференции троцкистов в 30—40 человек для информации о характере этой платформы, Троцкий запретил им это, сказав, что нецелесообразно говорить о действительном характере платформы даже маленькой кучке троцкистов, так как такая «операция» может вызвать раскол.

«Политические деятели», прячущие свои взгляды, свою платформу не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но и от руководящей верхушки троцкистов, — такова физиономия современного троцкизма. Но из этого вытекает, что современный троцкизм нельзя уже называть политическим течением в рабочем классе.

Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств. Таков неоспоримый результат эволюции троцкизма за последние 7—8 лет. Такова разница между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем.

Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили этой глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем. Они не заметили, что троцкисты давно уже перестали быть идейными людьми, что троцкисты давно уже превратились в разбойников с большой дороги, способных на любую гадость, способных на все мерзкое вплоть до шпионажа и прямой измены своей родине, лишь бы напасть на советскому государству и советской власти. Они не заметили этого и не сумели поэтому во-время перестроиться для того, чтобы вести борьбу с троцкистами по-новому, более решительно. Вот почему мерзости троцкистов за последние годы явились для некоторых наших партийных товарищей полной неожиданностью.

Дальше. Наконец, наши партийные товарищи не заметили того, что между нынешними вредителями и диверсантами, среди которых троцкистские агенты фашизма играют довольно активную роль, с одной стороны, и вредителями и диверсантами времен шахтинского периода, с другой стороны, имеется существенная разница.

Во-первых. Шахтинцы и промпартийцы были открыто чуждыми нам людьми. Это были большей частью бывшие владельцы предприятий, бывшие управляющие при старых хозяевах, бывшие компаньоны старых акционерных обществ либо просто старые буржуазные специалисты, открыто враждебные нам политически. Никто из наших людей не сомневался в подлинности политического лица этих господ. Да и сами шахтинцы не скрывали своего неприязненного отношения к советскому строю. Нельзя же самое сказать о нынешних вредителях и диверсантах, о троцкистах. Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты,— это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане, стало быть, люди формально не чужие. Если старые вредители шли против наших людей, то новые вредители, наоборот, лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, подхалимничают перед ними для того, чтобы втереться в доверие. Разница, как видите, существенная.

Во-вторых. Сила шахтинцев и промпартийцев состояла в том, что они обладали в большей или меньшей степени необходимыми техническими знаниями, в то время, как наши люди, не имевшие таких знаний, вынуждены были учиться у них. Это обстоятельство давало вредителям шахтинского периода большое преимущество, давало им возможность вредить свободно и беспрепятственно, давало им возможность обманывать наших людей технически. Не то с нынешними вредителями, с троцкистами. У нынешних вредителей нет никаких технических преимуществ по отношению к нашим людям. Наоборот, технически наши люди более подготовлены, чем нынешние вредители, чем троцкисты. За время от шахтинского периода до наших дней у нас выросло десятки тысяч настоящих технически подкованных большевистских кадров. Можно было бы назвать тысячи и десятки тысяч технически выросших большевистских руководителей, в сравнении с которыми все эти Пятаковы и Лившицы, Шестовы и Богуславские, Мураловы и Дробнисы являются пустыми болтунами и приготовишками с точки зрения технической подготовки.

В чем же в таком случае состоит сила современных вредителей, троцкистов? Их сила состоит в партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации. Их преимущество состоит в том, что, имея партийные билеты и прикидываясь друзьями советской власти, они обманывали наших людей политически, злоупотребляли доверием, вредили втихомолку и открывали наши государственные секреты врагам Советского Союза. «Преимущество» — сомнительное по своей политической и моральной ценности, но все же «преимущество». Этим «преимуществом» и объясняется, собственно, то обстоятельство, что троцкистские вредители как люди с партбилетом, имеющие доступ во все места наших учреждений и организаций, оказались прямой находкой для разведывательных органов иностранных государств. Ошибка некоторых наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили, не поняли всей этой разницы между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и троцкистами, и, не заметив этого, не сумели во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с новыми вредителями по-новому.

Таковы основные факты из области нашего международного и внутреннего положения, о которых забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи. Вот почему наши люди оказались застигнутыми врасплох событиями последних лет по части вредительства и диверсий. Могут спросить: но почему наши люди не заметили всего этого, почему они забыли обо всем этом? Откуда взялись все эти забывчивость, слепота, беспечность, благодущие? Не есть ли это органический порок в работе наших людей? Нет, это не органический порок. Это — временное явление, которое может быть быстро ликвидировано при наличии некоторых усилий со стороны наших людей. В чем же тогда дело?

Дело в том, что наши партийные товарищи за последние годы были всецело поглощены хозяйственной работой, они были до крайности увлече-

ны хозяйственными успехами и, будучи увлечены всем этим делом, забыли обо всем другом, забросили все остальное. Дело в том, что, будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом деле начало и конец всего, а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение, усиление политической работы партии, борьба с вредительством и т. п., не стали просто обращать внимания, полагая, что все эти вопросы представляют второстепенное или даже третьестепенное дело.

Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства, действительно, огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, мало искушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Неудивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и как следствие всего этого появляется политическая слепота. Тут я должен сказать несколько слов об опасностях, связанных с успехами, об опасностях, связанных с достижениями.

Об опасностях, связанных с трудностями, мы знаем по опыту. Вот уже несколько лет ведем борьбу с такого рода опасностями и, надо сказать, не без успеха. Опасности, связанные с трудностями, у людей нестойких порождают нередко настроения уныния, неверия в свои силы, настроения пессимизма. И, наоборот, там, где дело идет о том, чтобы побороть опасности, проистекающие из трудностей, люди закаляются в этой борьбе и выходят из борьбы действительно твердокаменными большевиками. Такова природа опасностей, связанных с трудностями. Таковы результаты преодоления трудностей.

Но есть другого рода опасности, опасности, связанные с успехами, опасности, связанные с достижениями. Да, да, товарищи, опасности, связанные с успехами, с достижениями. Опасности эти состоят в том, что у людей, мало искушенных в политике и не очень много видавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением — порождает настроения беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных привествий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах.

Неудивительно, что в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений люди забывают о некоторых существенных фактах, имеющих первостепенное значение для судеб нашей страны, люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства, опасности, связанные с нашими успехами, и т. п. Капиталистическое окружение? Да это же чепуха! Какое значение может иметь какое-то капиталистическое окружение, если мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Новые формы вредительства, борьба с троцкизмом? Все это пустяки! Какое значение могут иметь все эти мелочи, когда мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда? Стоит ли вообще возиться с этими мелочами, если хозяйство у нас растет, а материальное положение рабочих и крестьян все более и более улучшается? Пустяки все это! Планы перевыполняем, партия у нас неплохая, ЦК партии тоже неплохой, какого рожна еще нам нужно? Странные люди сидят там, в Москве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают...

Вот вам наглядный пример того, как легко и «просто» заражаются

политической слепотой некоторые наши неопытные товарищи в результате головокружительного увлечения хозяйственными успехами. Таковы опасности, связанные с успехами, с достижениями. Таковы причины того, что наши партийные товарищи, увлекшись хозяйственными успехами, забыли о фактах международного и внутреннего характера, имеющих существенное значение для Советского Союза, и не заметили целого ряда опасностей, окружающих нашу страну. Таковы корни нашей беспечности, забывчивости, благодушия, политической слепоты. Таковы корни недостатков нашей хозяйственной и партийной работы.

Как ликвидировать эти недостатки нашей работы? Что нужно сделать для этого?

Необходимо осуществить следующие мероприятия.

1) Необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязавших в «текущих вопросах» по линии того или иного ведомства, в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера.

2) Необходимо поднять политическую работу нашей партии на должную высоту, поставив во главу угла задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров.

3) Необходимо разъяснять нашим партийным товарищам, что хозяйственные успехи, значение которых бесспорно очень велико и которых мы будем добиваться и впредь, изо дня в день, из года в год, все же не исчерпывают всего дела нашего социалистического строительства. Разъяснять, что теневые стороны, связанные с хозяйственными успехами и выражающиеся в самодовольстве, беспечности, в притуплении политического чутья, могут быть ликвидированы лишь в том случае, если хозяйственные успехи сочетаются с успехами партийного строительства и развернутой политической работы нашей партии. Разъяснять, что сами хозяйственные успехи, их прочность и длительность целиком и полностью зависят от успехов партийно-организационной и партийно-политической работы, что без этого условия хозяйственные успехи могут оказаться построенными на песке.

4) Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза. Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства. Разъяснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов. Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

5) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем классе, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов. Разъяснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома.

6) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам разницу между современными вредителями и вредителями шахтинского периода, разъяснить, что если вредители шахтинского периода обманывали наших

людей на технике, используя их техническую отсталость, то современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним как к членам партии, используя политическую беспечность наших людей.

Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду.

Могут спросить: разве нельзя было лет десять тому назад, в период шахтинских времен, дать сразу оба лозунга — и первый лозунг об овладении техникой, и второй лозунг о политическом воспитании кадров? Нет, нельзя было. Так у нас дела не делаются в большевистской партии. В поворотные моменты революционного движения всегда выдвигается один какой-либо основной лозунг как узловой, для того, чтобы, ухватившись за него, вытянуть через него всю цепь. Ленин так учил нас: найдите основное звено в цепи нашей работы, ухватитесь за него и вытягивайте его для того, чтобы через него вытянуть всю цепь и идти вперед. История революционного движения показывает, что эта тактика является единственно правильной тактикой. В шахтинский период слабость наших людей состояла в их технической отсталости. Не политические, а технические вопросы составляли тогда для нас слабое место. Что касается наших политических отношений к тогдашним вредителям, то они были совершенно ясны как отношения большевиков к политически чуждым людям. Эту нашу техническую слабость мы ликвидировали тем, что дали лозунг об овладении техникой и воспитали за истекший период десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров.

Другое дело теперь, когда мы имеем уже технически подкованные большевистские кадры и когда в роли вредителей выступают не открыто чуждые люди, не имеющие к тому же никаких технических преимуществ в сравнении с нашими людьми, а люди, обладающие партийным билетом и пользующиеся всеми правами членов партии. Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы. Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно получившим партийный билет.

Такова коренная разница между узловым вопросом в деле борьбы за кадры в период шахтинских времен и узловым вопросом настоящего периода. Вот почему мы не могли и не должны были давать лет десять тому назад сразу оба лозунга — и лозунг об овладении техникой, и лозунг о политическом воспитании кадров. Вот почему старый лозунг об овладении техникой необходимо теперь дополнить новым лозунгом об овладении большевизмом, о политическом воспитании кадров и ликвидации нашей политической беспечности.

7) Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным. Это — не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР неодинок. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классово-борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классово-борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки. Так учит нас история. Так учит нас ленинизм. Необходимо помнить все это и быть начеку.

8) Необходимо разбить и отбросить прочь другую гнилую теорию, говорящую о том, что не может быть будто бы вредителем тот, кто не всегда вредит и кто хоть иногда показывает успехи в своей работе. Эта странная теория изобличает наивность ее авторов. Ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу. Я думаю, что вопрос этот ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

9) Необходимо разбить и отбросить прочь третью гнилую теорию, говорящую о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на нет вредительство и результаты вредительства. Подобная теория может преследовать лишь одну цель: пощекотать ведомственное самолюбие наших работников, упокоить их и ослабить их борьбу с вредительством. Что значит — «систематическое выполнение наших хозяйственных планов»?

Во-первых, доказано, что все наши хозяйственные планы являются заниженными, ибо они не учитывают огромных резервов и возможностей, тающихся в недрах нашего народного хозяйства.

Во-вторых, суммарное выполнение хозяйственных планов по наркоматам в целом еще не значит, что по некоторым очень важным отраслям так же выполняются планы. Наоборот, факты говорят, что целый ряд наркоматов, выполнивших и даже перевыполнивших годовые хозяйственные планы, систематически не выполняет планов по некоторым очень важным отраслям народного хозяйства.

В-третьих, не может быть сомнения в том, что если бы вредители не были разоблачены и выброшены вон, с выполнением хозяйственных планов дело обстояло бы куда хуже, о чем следовало бы помнить близоруким авторам разбираемой теории.

В-четвертых, вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны. Допустим, что мы стали бы убаюкивать себя гнилой теорией о «систематическом выполнении хозяйственных планов» и не трогали бы вредителей. Представляют ли авторы этой гнилой теории, какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о «систематическом выполнении хозяйственных планов»? Не ясно ли, что теория о «систематическом выполнении хозяйственных планов» есть теория, выгодная для вредителей?

10) Необходимо разбить и отбросить прочь четвертую гнилую теорию, говорящую о том, что стахановское движение является будто бы основным средством ликвидации вредительства. Эта теория выдумана для того, чтобы под шумок болтовни о стахановцах и стахановском движении отвести удар от вредителей.

Тов. Молотов в своем докладе демонстрировал целый ряд фактов, говорящих о том, как троцкистские и нетроцкистские вредители в Кузбассе и Донбассе, злоупотребляя доверием наших политически беспечных товарищей, систематически водили за нос стахановцев, ставили им палки в колеса, искусственно создавали целый ряд препятствий для их успешной работы и добились, наконец, того, что расстроили их работу. Что могут сделать

одни лишь стахановцы, если вредительское ведение капитального строительства, скажем, в Донбассе, привело к разрыву между подготовительными работами по добыче угля, которые отстают от темпов, и всеми другими работами? Не ясно ли, что само стахановское движение нуждается в реальной помощи с нашей стороны против всех и всяких махинаций вредителей для того, чтобы двинуть вперед дело и выполнить свою великую миссию? Не ясно ли, что борьба с вредительством, борьба за ликвидацию вредительства, обуздание вредительства является условием, необходимым для того, чтобы стахановское движение могло развернуться во всю ширь? Я думаю, что вопрос этот так же ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

11) Необходимо разбить и отбросить прочь пятую гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских вредителей нет будто бы больше резервов, что они добирают будто бы свои последние кадры. Это неверно, товарищи. Такую теорию могли выдумать только наивные люди. У троцкистских вредителей есть свои резервы. Они состоят прежде всего из остатков разбитых эксплуататорских классов в СССР. Они состоят из целого ряда групп и организаций за пределами СССР, враждебных Советскому Союзу.

Взять, например, троцкистский контрреволюционный IV интернационал, состоящий на две трети из шпионов и диверсантов. Чем это не резерв? Разве не ясно, что этот шпионский интернационал будет выделять кадры для шпионско-вредительской работы троцкистов? Или еще взять, например, группу пройдохи Шефло в Норвегии, приютившую у себя обершпиона Троцкого и помогавшую ему пакостить Советскому Союзу. Чем эта группа не резерв? Кто может отрицать, что эта контрреволюционная группа будет и впредь оказывать услуги троцкистским шпионам и вредителям?

Или еще взять, например, другую группу такого же пройдохи, как Шефло,— группу Суварина во Франции. Чем они не резерв? Разве можно отрицать, что эта группа пройдох также будет помогать троцкистам в их шпионско-вредительской работе против Советского Союза? А все эти господа из Германии, всякие там Рут Фишеры, Масловы, Урбансы, продавшие душу и тело фашистам,— чем они не резерв для троцкистской шпионско-вредительской работы?

Или, например, известная орда писателей из Америки во главе с известным жуликом Истменом, все эти разбойники пера, которые тем и живут, что клеветают на рабочий класс СССР,— чем они не резерв для троцкизма?

Нет, надо отбросить прочь гнилую теорию о том, что троцкисты добирают будто бы последние кадры.

12) Наконец, необходимо разбить и отбросить прочь еще одну гнилую теорию, говорящую о том, что так как нас, большевиков, много, а вредителей мало, так как нас, большевиков, поддерживают десятки миллионов людей, а троцкистских вредителей — лишь единицы и десятки, то мы, большевики, могли бы и не обращать внимания на какую-то кучку вредителей.

Это неверно, товарищи. Эта более чем странная теория придумана для того, чтобы утешить некоторых наших руководящих товарищей, провалившихся на работе ввиду их неумения бороться с вредительством, и усыпить их бдительность, дать им спокойно спать.

Что троцкистских вредителей поддерживают единицы, а большевиков — десятки миллионов людей — это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что вредители не могут нанести нашему делу серьезнейший вред. Для того, чтобы напакостить и навредить, для этого вовсе не требуется большое количество людей. Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется, может быть, несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный

план и передать его противнику. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало. Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах.

Так обстоит дело с вопросом о том, как ликвидировать недостатки нашей работы, общие для всех наших организаций, как хозяйственных и советских, так и административных и партийных. Таковы меры, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки.

Что касается специально партийных организаций и недостатков в их работе, то о мерах ликвидации этих недостатков достаточно подробно говорится в представляемом на ваше усмотрение проекте резолюции. Я думаю поэтому, что нет необходимости распространяться здесь об этой стороне дела. Хотелось бы только сказать несколько слов по вопросу о политической подготовке и усовершенствовании наших партийных кадров.

Я думаю, что если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры, снизу доверху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач.

Как обстоит дело с руководящим составом нашей партии? В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тыс. высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тыс. средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тыс. низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство. Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти кадры свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров, — вот задача.

Что требуется для этого? Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям, от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций, подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и во-время выдвигать, чтобы они не переставали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящете.

Далее. Для партийного обучения и переподготовки секретарей ячеек необходимо создать в каждом областном центре четырехмесячные «Партийные курсы». На эти курсы надо направлять секретарей всех первичных партийных организаций (ячеек), а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место, — их заместителей и наиболее способных членов первичных парторганизаций.

Дальше. Для политической переподготовки первых секретарей районных организаций необходимо создать по СССР, скажем, в 10-ти наиболее важных центрах, восьмимесячные «Ленинские курсы». На эти курсы следует направлять первых секретарей районных и окружных партийных организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место, — их заместителей и наиболее способных членов районных и окружных организаций.

Дальше. Для идеологической переподготовки и политического усовершенствования секретарей городских организаций необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячные «Курсы по истории и политике партии». На эти

курсы следует направлять первых или вторых секретарей городских организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,— наиболее способных членов городских организаций.

Наконец, необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячное «Совещание по вопросам внутренней и международной политики». Сюда надо направлять первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо и это должно быть сделано.

Я кончаю, товарищи. Мы изложили, таким образом, основные недостатки нашей работы, как те, которые общи для всех наших организаций — хозяйственных, административных, партийных, так и те, которые свойственны лишь специально партийным организациям, недостатки, используемые врагами рабочего класса для своей диверсионно-вредительской и шпионско-террористической работы. Мы наметили, далее, основные мероприятия, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки и обезвредить диверсионно-вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов иностранных разведывательных органов. Спрашивается, можем ли осуществить все эти мероприятия, есть ли у нас для этого все необходимые возможности?

Безусловно, можем. Можем, так как у нас есть в нашем распоряжении все средства, необходимые для того, чтобы осуществить эти мероприятия. Чего же нехватает у нас?

Нехватает только одного: готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость. В этом загвоздка. Но неужели мы не сумеем разделиться с этой смешной и идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли великое знамя мирового коммунизма?

У нас нет оснований сомневаться в том, что, безусловно, разделимся с ней, если, конечно, захотим этого. Разделимся не просто, а по-большевистски, по-настоящему. И когда мы разделимся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом. (А п л о д и с м е н т ы).

А н д р е е в. Есть предложение объявить перерыв на 10 минут. Нет возражений?

(Продолжение следует)

Примечания

1. Выступление И. В. Сталина публикуется по стенографическому отчету (Архив Президента Российской Федерации, ф. 3, № 9457. с. 3—10).

Бюрократия и сталинизм

М. Левин

Проблема бюрократии и ее роли в истории не занимала в дореволюционный период существенного места в мышлении большевиков. Она приобрела актуальность в связи с приходом их к власти. Понятие «бюрократия» и «бюрократизм» нередко смешивались, как и те реальности, которые они отражали.

Когда чиновники свергнутого режима начали бастовать против нового строя, большевики обнаружили, что существует государственный аппарат, обладающий сокрушительной силой. Затем пришлось признать необходимость государственного аппарата и пойти на сотрудничество со специалистами, выходцами из этого режима. Это было необходимой предпосылкой для функционирования государственной машины. Огромное беспокойство у большевиков вызывала классовая принадлежность этих специалистов. Чиновники рассматривались как идеологически и классово «чуждые», олицетворяющие самую сущность бюрократизма. Поэтому была выдвинута задача: создать «собственные кадры», имеющие «правильное» происхождение, «наше собственное» образование, прошедшие пролетаризацию (орбочивание).

Хотя к феномену бюрократии продолжал применяться «классовый подход», сама проблема, и это становилось все более очевидным, имела двойственный характер. Несмотря на орбочивание аппарата, неэффективность и бюрократическая патология усиливались, одновременно возрастала численность (а заодно и расходы на содержание) чиновников и управляющих. Бюрократизм и бюрократизация с течением времени превращались для большевиков в колоссальную проблему. Однако, поскольку этот феномен связывали с прошлым и общей отсталостью страны, то не могли достаточно объективно анализировать советскую бюрократию, как особое социальное и политическое явление.

Пролетаризация аппарата оказалась абсолютно бесполезным средством против бюрократизма. Дело в том, что бюрократический феномен обладает собственной силой и инерцией. Для характеристики этого весьма сложного явления недостаточно просто назвать его наиболее вопиющие недостатки (охватываемые термином «бюрократизм»). В основе неэффективности и постоянного отставания «бюрократии» лежали неправильные представления о социальных реальностях, как прошлых, так и настоящих.

Надлежащий анализ феномена советской бюрократии, как и продуманная политика борьбы с бюрократизмом, так и не были выработаны до самого конца существования советского режима.

Оппозиция боролась с бюрократизацией, особенно в партийных рядах. По ее мнению, партия оказалась в руках партийного аппарата, что коренным образом изменило ее характер. Особенно угрожающим в политической природе бюрократии была ее нацеленность на борьбу за власть. Руководство страны вольно или невольно стало приспосабливать к себе бюрократию. Началось это с постепенного распространения на некоторые категории чиновников прав, которыми прежде обладали лишь промышленные рабочие. К концу 20-х годов средний чиновник уже зарабатывал гораздо больше, чем средний рабочий, не говоря уже о высшем чиновничестве, которое получало намного больше, чем высоко оплачиваемые рабочие. В 30-е годы режим все более опирался не столько на рабочих, сколько на поддержку чиновников, носителей государственного принципа, ставших основным идеологическим и политическим оплотом режима. Влияние государственных служащих продолжало расти и через несколько десятилетий они уже обладали полной монополией на власть.

Впрочем в сфере идеологии эта тенденция обозначалась уже в 20-х годах, хотя подобная стратегия потребовала значительных манипуляций, заимствования их чужих идеологий. В конце концов идеология основоположников марксизма была полностью отброшена, и такие концепции, как социализм, марксизм-ленинизм в 30-е годы начали сосуществовать с тем, что развивалось в самой советской системе. На практике повсеместно использовались концепции, соответствующие реальной жизни.

Наконец классовый подход в этой сфере был почти полностью отброшен. Начались поиски врагов и агентов иностранных разведок и в самой партии. Классовое происхождение уже не спасало от преследований: достаточно было высказать сомнение, не говоря уже о противодействии линии партии, защите кого-либо, обвиненного органами, или просто отступлении от привычных формулировок, чтобы быть объявленным еретиком. С отмиранием классовых концепций их заменил принцип «демонизации» (т. е. создания длинной цепи «врагов народа»). Отныне возобладал единственный метод — не социальный анализ, а изгнание, культ личности и «вырывание с корнем». Все это и воплотилось в сталинизме.

Часто утверждалось, особенно Л. Д. Троцким, что сталинизм это эманация бюрократии. В сталинизме была определенная двусмысленность: он стал возможен благодаря бюрократии — определенного рода и на определенном уровне, но сам рассматривал бюрократию одновременно и как необходимость (поддержка верхушечных слоев) и как заслуживающую доверия.

Известно, что бюрократия (несмотря на ею же созданный образ беспристрастных слуг государства), обладает собственной автономной инерцией, что предполагает не только осознание ею собственных интересов, но и борьбу ее за них, а также и умение противостоять мерам, направленным против нее. Вот почему бюрократия иногда выглядела, как сила, способная бросить вызов политикам и всяческим, даже очень суровым, мерам контроля. Более того, государственным чиновникам часто удавалось «приручить» правителей, побуждая их следовать бюрократическим процедурам и рутине. Превратить капризных деспотов в бюрократов высшего ранга — вот к чему особенно стремилась бюрократия.

Сталин изучал опыт царей, он опасался способности чиновничества «регулировать» деятельность самодержцев. Он решительно не хотел допустить, чтобы что-нибудь подобное случилось с ним. И до некоторой степени преуспел в этом. Сталинизм был серьезным препятствием на пути превращения верхних слоев бюрократии в правящий класс. Агентура службы безопасности, которая развилась в невероятных размерах, была излюбленным оружием Сталина, используемым для массового искоренения предполагаемых или потенциальных врагов, особенно в той среде, которая была непосредственно связана с главными рычагами

режима, т. е. в государственной и партийной администрации. Сталинская стратегия на деле отстранила от власти правящую партию. Государственную же бюрократию она рассматривала как наиболее подозрительную (в смысле саботажа установившегося режима), даже и тогда, когда эта бюрократия уже стала его воплощением.

Казалось, что сталинские кровавые чистки — это самое действенное оружие против непрекращающегося роста силы, жадности и одновременно просчетов бюрократии. Но последующее развитие обнаружило, что усиления этого «действенного оружия» были тщетными. Чистки, даже самые кровавые, оказались совершенно бесполезными в борьбе против бюрократии, которая оказалась способной принимать различные формы. М. Вебер утверждал, что бюрократию, раз созданную, уничтожить чрезвычайно трудно. К этому можно добавить: как и изменить! Особенно это справедливо для советских условий, где господствовала бюрократическая монополия на реализацию политической линии во всей системе. Сталин возможно раньше других осознал, что бюрократия лишь внешне выглядит как некая открытая пирамидальная структура, только и ожидающая приказов свыше и легко контролируемая. В действительности же налицо была тенденция дробления этой структуры на достаточно сильные и при том трудно согласуемые между собой бюрократические ветви, каждая из которых стремилась сохранить за собой полный контроль над своей отраслью, и пыталась, если не встречала должного отпора, вырваться из подчинения единой государственной системе.

Монополия бюрократии на всю власть сложилась не по чьему-то проекту, а спонтанно. Когда же после смерти Сталина советская бюрократия наконец достигла своих целей, стало очевидно, что она не в состоянии заниматься реальным планированием. Удачнее у нее получалось с администрированием, склонным приобретать самые крайние формы. Когда она достигла своих целей и стала системой, тотчас же выяснилось, что «полная» бюрократизация на самом деле не более чем утопия, во всяком случае в советской системе.

Так или иначе, но полное овладение бюрократией всей системой власти было невозможно, пока существовали сталинизм и диктатор. Сам Сталин и отбрасываемая им тень так сильно воздействовали на умы людей и вне СССР, что большинство зарубежных исследователей даже не представляло себе, как сможет функционировать советская система, лишившись фигуры, подобной Сталину. Фактически его и сталинизм заменили укоренившейся к тому времени бюрократической моделью, основанной на том, что Сталин сам был порождением бюрократии. Но это утверждение спорное.

Общество, доставшееся В. И. Ленину после гражданской войны, было гораздо более примитивным, чем царское. Тяжелое положение страны, неудачи революций на Западе создавали условия для воспроизводства, хотело того советское правительство или нет, новой версии «азиатского деспотизма». Идея «социализации», центральная в любом варианте социалистической идеологии, обрела в России форму «национализации», ничем не ограниченной и не знающей исключений. Следующим шагом стало превращение (некоторые такой исход предсказывали) правящих элит в бюрократию. На это они были просто обречены в условиях российской отсталости. После гражданской войны распоряжение скудными материальными и интеллектуальными ресурсами опустошенной России сосредоточилось в центре. Казалось бы отсюда и должны были распространяться по всей стране необходимые для управления опыт и знания.

Однако эти ничтожные интеллектуальные силы оказались втянуты в формирование правительственной структуры, они были обречены на то, чтобы стать частью бюрократической иерархии, растущей подобно метастазам злокачественной опухоли, чуждой и демократии, и социализму. И этому не могли помешать ни последовавшая индустриализация, ни развитие народного образования. Ленин с самого начала понял потенциальные возможности, заложенные в возникшей системе. Он, пытаясь избежать этой ловушки, выдвинул в начале 1918 г. идею государственного капитализ-

ма, которая, если бы она была реализована, смогла бы предотвратить опасности, связанные с вариантом «азиатского деспотизма». Гражданская война прервала возможность такого развития. Затем начался эксперимент нэпа, который Ленин первоначально рассматривал, как иную версию того же государственного капитализма. Для Ленина было совершенно очевидно: никакой третьей революции в России быть не должно.

Особенно сильно Ленин был обеспокоен бюрократизацией нового государства. Возможно, это было одной из причин, побудивших его заявить в 1922 г. на XI съезде РКП(б), что «машина едет не туда, куда ее направляют»¹. Ленину хватило смелости признать, что государство и его аппарат способны увлечь новый режим на путь беззакония. Государственные структуры тяготели к прошлому, которое просачивалось сквозь едва заметные капилляры, вопреки решимости большевиков бороться со старой и строить новую государственную машину.

Само становление советской бюрократии, руководимой партией, сопровождалось мучительными колебаниями. «Буржуазные специалисты» были незаменимы, особенно в высоких и наиболее чувствительных звеньях управления. Однако доверять им было опасно. Руководители же, которые пользовались доверием партии, были недостаточно компетентны, к тому же они сами зависели от подчиненных им советников — все тех же «буржуазных специалистов».

Такая система «двойной власти» должна была исчезнуть после выдвижения собственно советских кадров. Однако этого не произошло. Подозрительность в отношении административного аппарата, его «антипартийных» настроений сохранилась, несмотря на то, что «буржуазные специалисты» заменили новые начальники с безупречным классовым происхождением. Тем более, что на ключевых постах в государственном аппарате, где решающую роль играли высокая квалификация и солидное образование, даже новые хозяева предпочитали иметь лиц «непролетарского» происхождения, лучше всего из интеллигенции или чиновничества. Решить эту нелегкую задачу можно было лишь путем полной «реабилитации» чиновников, пусть и не имеющих пролетарских корней, но все же созданных советским строем.

Идеологическое — и довольно энергичное — наступление сторонников «реабилитации» началось в 20-х годах, первоначально как защита собственного партийного аппарата от нападков оппозиции. Критика аппарата была объявлена выступлением против партии. При этом преследовалась цель не только защиты аппарата от «клеветнических измышлений» оппозиционеров (которым было что сказать, особенно относительно бюрократизации партии): в советском государстве обозначилась растущая тенденция к формированию административного класса (и в партии и вне ее) — действительного носителя принципа «социалистической национализации» и государства, единственного гаранта целостности социалистической системы. За подобной реабилитацией государственного аппарата должно было последовать и переосмысление роли партийного аппарата.

В 30-е годы продолжилось развитие правительственных структур и чиновничества, что проявилось в возникновении бесчисленных служебных категорий, рангов и запутанной иерархии. Это была попытка преодолеть стихийность в деятельности аппарата и повысить уровень эффективности его работы.

Когда в 20-х годах перед органами РКИ была поставлена задача — проверять и изучать деятельность мелких аппаратчиков в провинции, то они вскоре обнаружили, что практически ничего не знают ни о самом аппарате, ни о том, как подойти к выполнению поставленной перед ними задачи. Новый руководитель РКИ Я. А. Яковлев признавался в своей неопытности, в непонимании, почему ни одно распоряжение центра не будет выполняться на местах, пока не поступит прямой приказ от непосредственных начальников. Его приятель А. И. Микоян, глава Наркомторга, который сам прибегал к подобной практике, разъяснил Яковлеву, что происходит на деле². Яковлев с полным основанием называл деятельность аппарата «организованным варварством»³.

Особенно критическим было состояние низших структур. Инструктор орготдела ЦК ВКП(б) рассказывал на конференции Союза государственных служащих, что работники этих структур, включая и плановые отделы, не имеют никакой специальной подготовки. А ведь именно они и снабжали своих начальников информацией, подчас совершенно невежественной ⁴. По мнению Наркомфина, уровень информации, поступающей от местных властей был «катастрофическим» ⁵. Положение с информацией вызывало иногда просто недоумение. Запросы, на которые должны были отвечать бюрократы, занятые в «низовке», были не только смехотворными, но подчас просто невысказанными. Поэтому низы, как правило, пренебрежительно относились к этим запросам, явно исходя из того, что центр не в состоянии координировать разветвленные бюрократические образования. Единственный выход из этого положения усматривался в развитии целой системы «учраспреда» (отделов кадров), призванных заниматься обучением и контролем личного состава.

Описание собственной номенклатуры, сделанное народным комиссаром труда ⁶, свидетельствует, насколько запутанным был этот организм. Вся система номенклатуры с ее нарочитой усложненностью, рутинной и нелепостями была настоящим лабиринтом. Составление штатных расписаний напоминало сизифов труд. Частые реорганизации, сокращения штатов, чистки и другие меры, преследующие цель уменьшить, удешевить, упростить аппарат, — это запутанная история, которая еще ждет своих исследователей. В 1935 г. в Совете труда и обороны и Наркомфине был создан специальный отдел для того, чтобы не допускать раздувания штатов и повышения должностных окладов ⁷. Наибольшее внимание уделялось ответственным работникам и руководящему составу, в первую очередь государственных и народнохозяйственных учреждений.

Все это было сопряжено с постоянной текучкой кадров внутри самой бюрократии, где эта тенденция была гораздо заметнее, чем во всей остальной социальной структуре. Другой характерной чертой 30-х годов было включение в состав административного аппарата «выдвиженцев» — выходцев из народа, призванных в ряды компартии. В определенной степени это укрепляло поддержку режима со стороны масс, но в то же время усиливало текучесть руководящих кадров, снижало и без того их невысокий образовательный уровень. Это приводило к еще большей зависимости от специалистов, не разделявших партийную идеологию, в особенности на самых сложных и ответственных участках государственной деятельности, где необходим был высокий уровень профессионализма, которым партийные выдвиженцы не обладали.

Командирование инструкторов, представителей, специальных уполномоченных для проверки и перепроверки различных учреждений, постоянная кампанейщина — также были характерны для тех лет. Специальные комиссии назначались политбюро для улаживания межведомственных конфликтов. В особых случаях действовали чрезвычайные органы (политотделы), «ударные группы», которые применяли «ударные методы» для решения вопросов. Частое обращение к таким чрезвычайным мерам свидетельствует о глубокой неудовлетворенности руководства неисполнительностью основных административных структур.

Правительство постоянно призывало к «большевистскому порядку» в работе с кадрами и в бюджете, надеясь, что национализация, упрощение и сокращение канцелярской работы, внедрение шельщины и т. п., сделают механизм работы многих учреждений более отлаженным и четким. Это нашло свое выражение в проекте декрета СНК (сентябрь 1929 г.) ⁸, который требовал установить «твердый» объем работ и «твердый» состав штатов, «твердую» зарплату для каждой должности. Ключевой термин «твердый» — явная реакция на текучесть и стихийность, с которыми так трудно было справиться. Но это были нереальные мечты. Рутинная работа оставалась неэффективной и вялой. Политические же кампании и встряски вели только к потере времени. В 30-е годы в советском обществе действовали одновременно две модели, что отражало присущее государственной системе

«расщепление личности». Одна модель должна была возбуждать и держать в страхе другую.

Политика не «кнута», а «пряника» давала лучшие результаты, была более эффективна. В отличие от первых лет режима положение чиновников по сравнению с рабочими улучшалось. Чиновники были «уравнены» с рабочими в праве на получение квартир, социальных благ, обучение их детей в школах, наконец, в условиях приема в партию. Однако на самом деле данная тенденция вела отнюдь не к «уравниванию», а скорее к возникновению привилегированного слоя и приспособлению идеологии к такому положению, когда власть сосредотачивалась в руках верхнего и среднего звена чиновников.

Руководящие кадры высших государственных структур выдвинулись на первое место и в сфере идеологии. В конце 20-х годов верхний слой аппаратчиков, теперь уже «пролетаризированных» и социально надежных, начал официально именоваться «руководящими кадрами», враждебность по отношению к которым теперь расценивалась как антигосударственная политика. В середине 30-х годов было полуофициально объявлено, что профсоюзам нет необходимости заниматься вопросами зарплаты. Отныне все вопросы, связанные с нею, перешли в ведение администрации. Профсоюзы были освобождены от функции защиты пролетариата от администрации, что так часто провозглашалось и даже официально признавалось в 20-е годы. Согласно новой официальной линии, предписанной Сталиным, профсоюзам больше не надо защищать рабочих, а следует заниматься распределением социальных благ, культурной деятельностью и т. п. ⁹.

Привилегии «руководящих кадров» в виде высокого жалования, больших премий, «13-й зарплаты», улучшенного снабжения и других благ, предоставлялись скрыто от широких масс, как и наращивание их властных полномочий. Чиновники умело пользовались и другими способами расширения своей власти и увеличения доходов, искусно обходили всевозможные проверки и ревизии.

Рост численности чиновничества можно проследить и по цифровым данным официальной статистики, однако они могут лишь обозначить тенденции, так как не содержат точных статистических данных. Цифры эти взяты из переписей населения за 1926, 1939 и 1959 годы и из статьи в «Статистическом обозрении» (№ 5, 1928, стр. 92—94). Данные о категории «административный персонал» я пытаюсь выделить из более широкого понятия — «служащие», в которое включаются учителя, ученые и медицинский персонал, которых никак нельзя квалифицировать как «бюрократов» или «администраторов». Категория «служащих» включает в себя всех «белых воротничков», получающих жалование. К числу «руководящих работников» относятся средние или высшие чины бюрократических или административных учреждений.

В 1928 г. «административный персонал» насчитывал 1 451 564 человека, «руководящие работники» — 600 тыс. человек, а общее число «служащих» — 3 974 836 человек (4,8% всей рабочей силы); в 1939 г. — соответственно — 7 505 010; 1 557 983; 13 821 452 (15,5%). Эти цифры не включают медицинский и научный персонал, как и инженерно-технических работников, занятых в народном хозяйстве, хотя многие из инженеров и техников служили в конторах и занимали административные посты.

Мы сосредоточимся на служащих, занятых на административных постах, в аппарате управления, имея в виду администраторов (и обслуживающих их штат) в государственных — центральных и местных — структурах, которые непосредственно не производят товаров и не занимаются обслуживанием населения (как школы, больницы, магазины). Управляющие этими последними учреждениями, хотя и состояли на государственной службе, но не принадлежали к государственному аппарату, который мы и пытаемся выделить. Можно рассчитать и число служащих народных комиссариатов и других высших, а также и региональных структур. Можно выделить руководяще-административные эшелоны служащих и персонал, обслуживающий их, а также среднее «оперативное» звено администраторов

и «вспомогательный технический персонал» (цифры имеются по каждой из этих категорий). Но они трудно сопоставимы из-за недостаточности и неточности в отношении того, кто именно включался в эти категории в разные периоды времени.

Согласно источнику¹⁰, который мы используем, ситуация, сложившаяся в конце 30-х годов (1937—1939 гг.), особенно беспокоила партийное руководство. Общая занятость в народном хозяйстве выросла на 10,3%, а общий фонд заработной платы на 41%. В то же время число чиновников в административно-управленческом аппарате различных правительственных учреждений увеличилось с марта 1937 по сентябрь 1939 г. на 26,6%. В частности, в центральных учреждениях СССР, республик и на более низких уровнях, вплоть до района, рост чиновничества составил более чем 50%, а фонд их заработной платы вырос на 66,5%.

Еще более явным было увеличение числа чиновников в трестах, отделах снабжения и других (хозрасчетных) организациях, обслуживающих производственные предприятия. В то время, как занятость в промышленности увеличилась лишь на 2,1%, число служащих в хозрасчетных организациях, обслуживающих промышленность, выросло на 26,3%. В строительных предприятиях общая численность личного состава уменьшилась, а их хозрасчетные службы выросли на 29,8%. Число занятых в учреждениях, непосредственно связанных с торговлей, выросло на 16,1%, а служащих хозрасчетных отделов — на 39,3%. Расходы на содержание таких хозрасчетных организаций выросли на 50%. И все это произошло приблизительно за два года.

Разукрупнение в 30-х годах министерств и административных округов потребовало и более гибкого управления. Увеличились штаты и расходы на их содержание, что отнюдь не отразилось на эффективности производства. Новые структуры копировали старые — многоступенчатые, тяжеловесные и запутанные. Большая дробность учреждений, занятых снабжением и сбытом, плодила всевозможные новые аппаратные образования, искусственные должности с высокими окладами. Это раздувание штатов было не столь заметно в аппарате управления производственной сферой, но и здесь, например, в планово-проектных организациях, на транспорте, в градостроительстве и т. п. наблюдались те же тенденции.

В 1940 г. была предпринята еще одна попытка сократить количество чиновников за счет удлинения рабочего дня в конторах. Соответствующее постановление правительства от 26 июня 1940 г. толковалось как средство, предназначенное для сокращения штатов и превращения контор в более гибкие учреждения.

Таким образом, попытки удешевить содержание чиновничества и сократить его численность, различные меры контроля и массовые чистки оказались безрезультатными. Источники отражают растерянность, недоумение и беспомощность партийного и государственного руководства перед этой проблемой. У некоторых исследователей возникает искушение приписать обращение Сталина к крайнему методу «больших чисток», лагерей и расстрелов именно неспособности справиться с бюрократической путаницей и хитрыми увертками бюрократов. Но физическое истребление чиновников не снимает вопрос о социологическом анализе данного слоя.

Вопреки чисткам продолжалось внутреннее развитие высших и низших звеньев аппарата, а качество их исполнительской работы еще более ухудшалось. Их этике и психологическому равновесию явно был нанесен ущерб, по крайней мере в высших бюрократических слоях, потому что многие пострадали из-за понижения в должности, ссылки, арестов или были казнены. В то же время численность их продолжала расти.

М. Вебер утверждал, что стремление к доминированию присуще любым организациям, особенно большим. Мелкие, более простые образования могут позволить себе более демократические формы организации, но по мере их развития и усложнения начинается борьба за власть, и прямые демократические формы утрачивают свой характер. Борьба за власть подвывает демократические тенденции. Появляется особая управленческая

структура, которая может стать «монократической», все функционеры объединяются в иерархию, которая замыкается на единственной личности¹¹.

В. Моммзен приводит следующую цитату из работы Вебера «Экономика и общество»: «бюрократия, как только она полностью укоренилась, относится к тому типу социальных формирований, которые очень трудно уничтожить»¹². Другой исследователь этого феномена подчеркивает, что бюрократия обеспечивает работой миллионы людей, а бюрократический мир — мощная социальная среда, которая оформляет существование людей как массы¹³. По мнению Дж. Гэлбрейта, гигантские бюрократии функционируют на одном уровне с правительствами, участвуя в национальном экономическом планировании¹⁴.

В условиях советского общества бюрократия играла еще большую роль, но в отличие от Запада она была встроена в государство. Вот почему бюрократический менталитет стал здесь еще более мощным фактором в формировании всех или, по крайней мере, очень многих типов человеческих отношений. К советскому опыту приложимо и другое наблюдение Вебера, отметившего, что абсолютный диктатор «часто находится полностью во власти собственной бюрократии, так как... не в состоянии понять, что вынужден проводить именно такую политику»¹⁵. И это не противоречит утверждениям об антибюрократической настроенности Сталина. Напротив, здесь предугадано многое из того, что составляет сущность сталинизма.

Советская бюрократия отличалась тем, что она не была «современной», как в других странах, где ее труд обычно оплачивался наличными деньгами. В советском же обществе применялись скрытые привилегии и подачки, своего рода плата натурой, как в древних обществах. Имеет смысл рассмотреть эту «отсталость» советской бюрократии и с другой точки зрения: она была гарантом и основным орудием спасения разрушенной страны и построения государственной системы и ее служб. Эта высокая степень монополии в сфере политики лишь временно маскировалась партийным контролем. Бюрократия выглядела как бы состоящей на службе у партии. Требование «рабочего контроля» имело идеологический характер и вскоре утратило свое значение даже как средство маскировки истинной природы власти.

Монопольный правитель всех государственных ресурсов брал под свой прямой контроль весь экономико-политический общественный комплекс страны. Но эффективно управлять и контролировать всё и вся было вне его возможностей. В системе, где всё делают правительственные структуры, от низов зависит немного или совсем ничего; их вмешательство может привести лишь к «сбоям» в работе. А это само по себе является мощным фактором отсталости. Показательно, что даже в высокомеханизированных отраслях промышленности, например, там где применялись экскаваторы, рабочие не стремились использовать современную технику, и администрация предпочитала прибегать к примитивной рабочей силе. На XVII съезде ВКП(б) Я. Э. Рудзутак говорил о том, что бюрократия противодействует механизации труда, мешает развитию новаторства и совершенствованию оборудования и управления производством¹⁶.

Необходимо учитывать, что многочисленные практики, т. е. выдвиженцы на административные посты и инженерные должности на железных дорогах, в трестах и на фабриках не имели достаточного специального образования. Они составляли приблизительно 40% от численности всего руководящего аппарата в управлениях железных дорог к концу 1938 г. (в это время 3/4 этого аппарата были лишь недавно назначены на свои должности¹⁷ для замены тысяч функционеров и специалистов, подвергшихся чистке).

В силу присущей советской системе вовлеченности государства в управление экономикой, значительная часть чиновников, в подавляющем большинстве члены партии, целые государственные и партийные административные подразделения были заняты народнохозяйственными вопросами. Именно здесь можно найти истоки будущих бед. После отмены нэпа,

коллективизации сельского хозяйства и индустриализации промышленности министерская машина полностью овладела экономикой. Первоначально это позволило достичь важных результатов. Но эта система управления не несла ответственности за результаты своей деятельности (кроме как перед партией). Поэтому административный аппарат постоянно брал на себя функции, для которых он был вовсе не предназначен.

Пока был жив Сталин, он мог заставить чиновников работать с помощью страха, но такая работа не была эффективной. Даже самое дрилежное отношение к работе не могло застраховать исполнителя от репрессий. Сама монополия на власть и сплоченность аппарата, которые предполагались тоталитарной моделью, становились в этих условиях фикцией. Сказывались мощные ведомственные интересы и сопротивление всей системы сколь угодно действенной координации ее составных частей. Многолетние раздоры и внутренние распри фактически заблокировали способность системы функционировать, несмотря на иллюзию о всемогуществе сильного руководства, осуществляемого в форме диктатуры. Исключение составляли лишь приоритетные вопросы, в основном в области безопасности.

А. Леруа-Буало еще в конце XIX в. понимал роль царского двора в деле приручения, а возможно и обуздания бюрократии¹⁸. Но сама идея «сдерживания» одного аппарата при помощи другого скорее всего вообще не продуктивна. Имеются свидетельства того, что специально созданный для этого орган — РКИ — сам оказался поражен «бюрократизацией». В период нэпа содержать такой орган было еще возможно. Но с перерождением партии она сама превратилась в организацию, крайне нуждающуюся в контроле.

История советской системы отмечена двумя, в равной степени, острыми процессами: развитием деспотизма (личной власти) и постепенным становлением «бюрократического абсолютизма» после смерти Сталина и развенчания основ «культы личности». Эти процессы, хотя и переплетались, но все же противоречили друг другу как разные модели управления.

Могущественный партийный аппарат в 30-е годы продолжал расти и стал еще более сложным. С одной стороны, шел рост личной власти Сталина, который решал все вопросы, так как ему было выгодно. С другой, разбухает партийный аппарат, становящийся все более громоздким и неэффективным дублером правительственного механизма¹⁹. В 1939 г. в аппарат ЦК были включены громадные административные отделы. Управление кадров, возглавляемое Г. М. Маленковым, имело, например, 45 подразделений.

В 1939 г. аппарат ЦК компартии Украины насчитывал 222 ответственных работника и 90 технических служащих. К сожалению, мы не располагаем общими цифрами о численности партийного аппарата по всему СССР. Число наркоматов и высших правительственных ведомств выросло с 10 в 1924 г. до 18 в 1936 г., и до 41 в 1940 году (сюда не включены государственные комитеты со статусом народных комиссариатов, такие как Госплан, Заготзерно, высшего образования, по искусству). Чтобы осуществлять партийный контроль, низовые организации ВКП(б) также учредили в своем аппарате многочисленные отделы с бесчисленными заведующими, инструкторами, техническими службами²⁰.

Разветвленная административная машина не справлялась с выполнением обязанностей, для которых была создана. Напротив, всё во внутренней жизни страны было не просто централизовано, но сверхцентрализовано. На заседания политбюро выносились сотни вопросов, явно не первостепенных, и не подлежащих рассмотрению на таком высоком уровне. Развитие сталинской централизации дополнялось разрастанием партийного и государственного аппарата, а одновременно и падением его эффективности, что было неизбежно при этой системе. И в то же время разрастание громадного и малоэффективного бюрократического аппарата в свою очередь еще больше усиливало централизаторские тенденции.

Эта внутренняя противоречивость в функционировании аппарата обуславливала и двойственность, когда излюбленные бюрократами рутина и инерция внезапно взрывались насильственными или шокowymi методами,

чрезвычайными мерами «специальных» органов, силовыми методами улаживания конфликтов между ведомствами с помощью посланцев Сталина, а после его смерти — политбюро. Это было характерно и для послесталинского режима, хотя и в ослабленной форме (главным образом в сфере национальной безопасности).

Я сомневаюсь в справедливости утверждения Троцкого, будто Сталин был «ставленником бюрократии», хотя он опирался на бюрократов и использовал их как только мог. Но Сталина можно рассматривать и как «отрицание бюрократии». В той же самой вере, в какой над ним психологически доминировал образ Троцкого, он был порождением последнего. Сталина можно рассматривать как бюрократического антихриста и в этом смысле порождением бюрократии. Последняя была ему без сомнения «предана», но это не отменяло внутренней инерции ее развития, шедшего взрез с его системой.

Сталина скорее следует рассматривать как порождение своей партии, которой он сам же помог сформироваться, после того как стал генеральным секретарем и главой партийного аппарата. Тенденции, имевшие место в партийной жизни в 20-х годах, борьба против оппозиции, огромный приток новых членов полуграмотных и вообще необразованных из народных масс — все это способствовало сплочению партии, как организации, контролируемой узкой верхушечной группировкой при помощи могущественного партийного аппарата. Когда в конце 20-х годов разразился новый кризис, именно этой небольшой кучке, уже находившейся под сильным влиянием одного из своих лидеров, предстояло оценить происходящее и принять решение о дальнейшей стратегии. События начала 30-х годов, острый кризис, порожденный неверной стратегией, создали условия для перехода власти от узкой группы людей, которые не справились с происходящим, к личному деспотизму, подавившему прежних соправителей и всю страну.

В такой ситуации проблема «захвата власти» и «приручения» деспота оказалась непосильной для бюрократии. Те же самые условия, которые сделало общество неустойчивым, возбудили аналогичные тенденции и в административном аппарате, ограничив его способности защищать и отстаивать свои интересы. Огромные структурные перестановки и целый каскад кризисов в начале 30-х годов действовали в противоположном направлении: они благоприятствовали скорее установлению новой автократии, нежели утверждению бюрократической контрмодели.

Другим фактором, еще более углубившим черты деспотического угнетения, характерные для этой политической системы, было государство, которое «владело и управляло» промышленностью и вообще всей экономикой. Органы государственной власти и широко разветвленная сеть ее чиновников пронизывали всю экономическую сферу. Рыночные отношения и гражданское общество кратковременного периода нэпа, были разрушены. На первый план вышли две другие модели, присущие советской истории: сталинский вариант «аграрного деспотизма» и сменившая его «государственно-бюрократическая монополия» (первая и зародыш второй с трудом сосуществовали в 30-х годах).

Другой чертой 30-х годов был мобилизационный характер многих аспектов в функционировании этой системы (об одном из компонентов «двойственной модели» мы уже говорили). Это было не по душе, не могло нравиться бюрократии, склонной к рутине. Периодически встряхивать аппарат — вот к чему в первую очередь стремились партийные боссы. Большие чистки конца 30-х годов направили эти встряхивания против партийной и государственной администрации.

Бюрократия как страта и как силовая структура перенесла это испытание и вышла в конце концов победительницей. Она сумела добиться мелких побед еще при Сталине, когда подрезала крылья многим шумным кампаниям, особенно стахановскому движению, которое действительно могло «встряхнуть» бюрократию, открыв возможность для рабочих проявить инициативу и свои способности. Но в советском государстве место

бюрократии занять было некому. При возникновении какой-либо проблемы чаще всего прибегали к одному и тому же методу: обладающие властью чрезвычайные эмиссары автократии вмешивались во все дела и решали спорные проблемы, но обычно это кончалось созданием новых учреждений с чиновниками-рутинерами.

Эта комбинация противоречивых влияний в монополизированном государстве и лежала в основе сталинской «сверхцентрализации», как и порожденном ею же возмездии: репродукции произвола центра в «маленьких сталинах» на местах, во всех звеньях системы, на всех административных уровнях. Но это еще более подчеркивало парадоксальность сталинизма — капризный сверхцентрализатор раздавал власть заочно: каждого «маленького сталина» могли уничтожить, но его немедленно заменяли другим.

Размышляя о «невероятности» сталинизма, следует обратиться к широкому кругу реально существовавших парадоксов. Деспотизм не может обойтись без шоковых методов управления, бюрократия же не может работать в таких условиях. Деспотизм развивает иерархию, но иерархия не может поддерживать деспотизм, так как последний отрицает сугубую ее значимость. Деспотизм действует произвольно и, охватывая всю систему, развращает аппарат, подрывает его уверенность в себе и способность функционировать как орган власти и одновременно как ее держатель. Хотя деспотизм и зависит от бюрократии, но доверять он ей не может. Элитаризация и иерархизация власти наблюдались повсюду.

Многочисленные «парадоксы», присущие сталинизму, на деле были порождением мощных и противоречивых сил, которые и сделали эту систему «невероятной» и неспособной решать жизненно важные государственные задачи. Она была сосредоточена на борьбе с тем, что составляло главные ее достоинства, и не в состоянии была дать отпор негативным тенденциям в своем развитии.

Следуя традициям сталинизма, и достигнув своей зрелости в период Брежнева, бюрократия прошла длинный путь развития, когда ее частично реабилитировали, превращали в сборище привилегированных, но тем не менее по-прежнему пребывающих под подозрением и терроризируемых «властных крепостных». Тридцатые годы были периодом социальной неустойчивости, неслыханных поворотов и в обществе и в бюрократии, которая также страдала от низкого уровня собственного профессионализма и неопытности. «Третий путь» — ни рабочий класс, ни партия — все еще оставался в этих условиях только потенциальной возможностью, что нередко отрицают некоторые марксисты, считающие, что бюрократия никогда не могла бы стать правящим классом. Фактически она не могла стать стабильной и прочной прослойкой, способной открыто и эффективно защищать свои интересы в борьбе с партийным руководством. Для бюрократии оставались возможными лишь скрытые пути борьбы.

Но вскоре после смерти Сталина начались значительные изменения. При Сталине возродились древние обычаи, характерные для московских князей, собственников всех государственных земель, раздававших их дворянам за службу. Сталинское руководство было де-факто собственником всех земель и других ресурсов, включая и рабочую силу. Когда же Сталина не стало, коллективная собственность тех, кто принадлежал к правящей иерархии, выступила вполне явно, но без коллективного или группового ее присвоения ключевыми фигурами верхушки (не считая проявления коррупции, главным образом в виде незаконного присвоения промышленных товаров). Власть над рабочей силой также значительно изменила свой характер. Бюрократия выступила теперь как полностью сформировавшийся правящий класс. Элита была лишь частью бюрократии, обычно — ее верхним слоем. Класс — это более крупная и значительно более сложная социальная конструкция, где власть элиты покоится на многочисленных нижних категориях или слоях данной структуры и различных социальных группах населения за пределами последней. В условиях советского общества не было сомнений, кто правит страной и как на деле распоряжается национальной экономикой. В новейшее время лишь немногие правящие классы обладали такой монополией.

Овладев реальной властью в системе, бюрократия фактически освободилась от власти партии. Это произошло потому, что сами органы контроля также занимали двойственное положение: объекты, подлежащие контролю, могли овладеть и самими контролирующими органами изнутри²¹.

Новый этап, который начался с приходом к власти Н. С. Хрущева, ознаменовался ожиданиями крупных перемен внутри самой системы. Но пронизавшая все общество правящая бюрократическая структура воспрепятствовала реформам. Культ личности Сталина был заменен культом государства, и дальнейшие последствия такой перемены оказались неумолимыми. Бюрократия успешно справилась с наиболее неприглядными сторонами сталинизма, особенно с теми, которые вредили ей самой. Ей удалось разоружить и саму партию, превратив ее в своего собственного «властного крепостного». А вслед за этим утвердилась супермонополярная система «бюрократического абсолютизма» советского типа, не имевшая прецедентов в истории XX столетия.

Но этот краткий период, когда бюрократия овладела высшей властью, ясно показал, что этот класс не способен ни к чему, кроме защиты собственных привилегий. Бюрократия не имела серьезных лидеров, она пребывала в идеологическом вакууме, была деморализована, а часто и коррумпирована. Логическим исходом данной ситуации и явилась перестройка.

Э. О. Райт в своей работе «Контролировать или раздавить бюрократию: Вебер и Ленин о политике, государстве и бюрократии»²² подводит итоги исследованию причин гибели советской демократии. Он подчеркивает значение одного из решающих, по его мнению, факторов — неспособности партии выдвинуть достаточно сильных и энергичных руководителей. Этот вывод полностью согласуется с разделяемым мною взглядом: партия утратила свою политическую роль и сама превратилась в часть бюрократии. В данном случае к советской модели применим тезис Вебера о невозможности для бюрократии вырастить в своей среде лидеров, обладающих достаточным опытом для того, чтобы разбираться в глобальных политических вопросах и заставить население поддерживать ее. К тому же в советской модели отсутствовала ответственность руководства перед электоратом, так же как и способность преодолевать пагубные потенции, заложенные в бюрократии.

Партия могла играть (и на самом деле играла) роль «школы руководства», каковой Вебер считал главным образом парламент, и как таковая она могла до некоторой степени контролировать бюрократию, пока еще была способна сохранять свою надбюрократическую (политическую) роль, т. е. располагать институтами, действующими в условиях минимальной демократии. Мы знаем, что эти возможности быстро исчезают (особенно в конце 20-х годов).

Примечания

1. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 86.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 374, оп. 6, д. 320, лл. 91—92.
3. Партия в борьбе с бюрократизмом. М. 1928, с. 44.
4. ГАРФ, ф. 7709, оп. 1, д. 2, лл. 305—307.
5. Совещание Наркомфина и НКРКИ 2 февраля 1931 г. ГАРФ, ф. 374, оп. 6, д. 316, лл. 23.
6. ГАРФ, ф. 5515, оп. 26, д. 31, лл. 71—73.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7733, оп. 14, д. 1043, лл. 62 и последующие.
8. ГАРФ, ф. 5515, оп. 26, д. 31.
9. ЕВРЕЙНОВ Е. О своеобразном кризисе профсоюзов и об их новых задачах. М. 1936, с. 27—28.
10. См. Плановое хозяйство, 1940, № 9, с. 27—28.
11. Max Weber on Law and Society. N. Y. 1967, pp. 333—337.
12. См. Austro-Marxism. Oxford. 1978, pp. 229—239.
13. Max Weber et la politique allemande. P. 1985, p. 219.

14. ELLIOT C. F. *A General Theory of Bureaucracy*. Lnd.— N. Y. 1977, p. 15 and passim. Об опасности бюрократизации см. также p. 344; высказывание Дж. Гелбрейта, p. 329.
15. GERTH N. and WRIGHT MILLS C. *From Max Weber*. N. Y. 1944, p. 234.
16. Семнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М. 1934, с. 284—285.
17. Железнодорожный транспорт в годы индустриализации СССР (1926—1941). М. 1970, с. 309—310.
18. LEROI-BEAULIEU A. *L'empire des tsars et les Russes*. Tt. 1—3. P. 1881—1889. Том 2 (особенно кн. 4, глава I) касается институтов государства и правовой реформы 1860-х годов. Бюрократия сопротивлялась этим реформам, потому что они предоставляли судам независимость и возможность препятствовать бюрократическому произволу.
19. Тридцатые годы: взгляд из сегодня. М. 1990, с. 24.
20. Цифры о числе наркоматов взяты из неопубликованной работы В. П. Наумова.
21. Проблема советской бюрократии как оплота и основной черты системы не привлекла еще большого внимания. Из немногочисленных книг см. *Social Dimensions of Soviet Industrialization*. Bloomington and Indianapolis. 1993 (главы Д. Ширера о различных эшелонах управленческой иерархии в промышленности, профессора Дона Роуни об отраслевых промышленных наркоматах). См. также: ROWNY D. K. *Transition to Technocracy*. Ithaca — N. Y. 1989. Т. X. Ригби в свое время развивал концепцию моноорганизационного общества (см. его работу «Stalinism and Mono-organizational Society»).— In: *Stalinism*. N. Y. 1977. Он же исследовал работу Совнаркома под руководством Ленина. Следует отметить также более ранние работы: Дж. Армстронга о советском аппарате на Украине, изданную в 1959 году и Дж. Гоффа о секретарях обкомов, изданную в 1969 году.
22. См. *Berkeley Journal of Sociology*. Vol. 19 (1974—1975).

Сословная политика Екатерины II

А. Б. Каменский

Время Екатерины II — это «золотой век» российского дворянства, с одной стороны, и апогей крепостничества — с другой. И то, и другое при всей схематичности в целом верно и взаимообусловлено, но исчерпывается ли характеристика эпохи лишь этим? Ведь перед нами как бы два полюса, а что между ними? Немаловажен и другой вопрос: является ли сложившееся во второй половине XVIII в. взаимоотношение сословий результатом осознанной политики Екатерины II или действия объективных факторов? Собственно говоря, такой вопрос правомерен по отношению к «сословной политике» любого русского государя, но применительно к Екатерине II такое соединение обретает особый смысл, поскольку именно в ее царствование появились на свет законодательные акты, определившие судьбы сословий в России на долгие годы вперед. Эти акты занимают важное место в законодательстве императрицы, придававшей ему значение важнейшего рычага своей преобразовательной деятельности.

Изучение любых реформ предполагает поиск ответа на три вопроса: что было задумано, что реализовано и какими оказались результаты. До революции изучение отдельных екатерининских реформ шло параллельно с изданием целых комплексов источников, облегчив последующим поколениям историков освоение и анализ этого материала. Советская же историография сузила поле зрения, обращая внимание прежде всего на последствия и «классовую сущность» реформ. Со времен В. А. Бильбасова о царствовании длительностью в треть века в России не вышло ни одного монографического исследования. Иначе обстоит дело на Западе, где лишь за последние десятилетия издано несколько крупных работ, среди которых книги Д. Рансела, И. де Мадарьяги, Д. Ле Донна и Д. Александера¹. Большой интерес представляют также работы Д. Гриффитса и, в частности, его предисловие к предпринятому им вместе с Д. Мунро изданию жалованных грамот 1785 г. дворянству и городам². Основной вывод этой работы в том, что целью реформ Екатерины II было создание регулярного государства с сословной структурой наподобие той, что существовала в Западной Европе. Таким образом, проблема сословий в полном соответствии с местом, занимаемым ею в екатерининском законодательстве, ставится в центр реформаторских замыслов императрицы.

Каменский Александр Борисович — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Изучая историю реформ Екатерины II, необходимо прежде всего выделить те основные факторы, под влиянием которых складывались ее воззрения, курс преобразований. В первую очередь это, конечно, современная ей западная литература, включая труды как французских просветителей, составившие идейную основу мировоззрения императрицы, так и профессиональных западных юристов, заложившие основы ее правовых знаний, причем на передовом для того времени уровне. Еще до восшествия на престол Екатерина познакомилась с политической историей крупнейших стран Европы и, таким образом, не просто видела перед собой некие модели, но вполне ясно представляла себе историю их складывания, а следовательно, могла оценить их критически. (Этим, кстати, она выгодно отличалась от Петра I.) На критическое отношение к реалиям Западной Европы настраивало императрицу и чтение сочинений просветителей.

Отказ от механического навязывания России западных образцов диктовало также относительно неплохое знание русской жизни. Еще будучи великой княгиней, Екатерина активно интересовалась русской историей, да и вообще страной, в которой волею судьбы оказалась. Заняв трон, она — впервые после Петра — стала путешествовать по стране, причем именно с познавательной целью. Продолжая изучение русской истории, она и сама писала исторические сочинения. Понятно, что сложившееся у нее представление о действительной жизни не могло быть вполне точным, однако, надо думать, искажение было не более значительным, чем у любого монарха.

В частной записке Н. П. Румянцеву, написанной в 1796 г., за несколько месяцев до смерти, Екатерина II утверждала: «Было время, в которой приказано было все заимствовать у датчан, потом у голландцев, потом у шведов, потом у немцев, но узкие кафтаны таковых тел малых не были впору колосу нашему и должныствовали исчезнуть, что и забылось»³. Рядом с этими словами нелепо выглядят какие-либо обвинения императрицы в слепом подражании Западу.

Именно ясным пониманием разницы между теоретическими построениями западных мыслителей и возможностями, существовавшими в реальных условиях управляемой ею страны, были продиктованы и известные слова, обращенные Екатериной к Д. Дидро в ответ на его недоумение, почему императрица не спешит немедленно следовать его советам: «Вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, действовать же по ним плохо. Составляя планы различных преобразований, вы забываете различие наших положений. Вы трудитесь на бумаге, которая все терпит, между тем как я, несчастная императрица, тружусь для простых смертных, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы»⁴. С этими словами перекликается рассказ статс-секретаря Екатерины В. С. Попова об ответе императрицы на высказанное им удивление по поводу слепого повиновения, «с которым воля ее повсюду была исполняема»: «Повеления мои, конечно, не исполнялись бы с точностью, если бы не были удобны к исполнению. Слепо не повинуются, когда приказание не приноровлено к обычаям, ко мнению народному и когда во оном последовала бы я одной моей воле, не размышляя о следствиях»⁵. Понятно, что в этих словах большая доля позы, но важен уже и факт декларирования подобных принципов. Перед нами уже не самовластный монарх, убежденный в своей вседозволенности, в своем праве на самодурство. Да и сама история реформ Екатерины убеждает, что если ей и не всегда удавалось следовать этим принципам, то по крайней мере она старалась это делать.

Еще одним важнейшим тактическим принципом Екатерины была постепенность преобразований. Именно постепенность дала возможность довольно безболезненно провести те же реформы, которые Петр III, например, пытался проделать в три дня, что и стало одной из причин его свержения. Через шесть лет после губернской реформы Екатерина писала сыну и невестке, путешествовавшим по России: «Очень рада, что новое устройство губернское показалось Вам лучшим, чем прежде. Посещение епархий показало Вам детство вещей, но кто идет медленно, идет безопасно»⁶.

Вместе с тем принципиальная необходимость ориентации на западную модель развития сомнений у нее не вызывала. Об этом с предельной четкостью было заявлено уже в Наказе Уложенной комиссии, написанном в 1765—1766 гг., где о России говорится как о европейской державе. С этим убеждением связан еще один важный для понимания екатерининских реформ фактор. Речь идет о приверженности императрицы тому курсу социально-политического развития, начало которому было положено Петром I. О преклонении перед ним, о желании Екатерины быть ему подобной можно прочесть во многих документах екатерининского царствования, но наряду с этим очевидно, что и тут она не была только подражательницей. Петр был для нее создателем мощной империи в виде регулярного государства с активной внешней политикой и ориентированной на Запад моделью культуры, в чем прежде всего она и видела его заслугу. Именно эту линию Петра и следовало, по мысли Екатерины, продолжать и развивать, и в этом она немало преуспела.

Однако к наследию Петра Екатерина относилась все же критически, в особенности что касается тактики преобразований: «Хотя это критическое отношение императрица могла бы почерпнуть уже у своего излюбленного Монтескье,... наблюдения эти были по большей части ее собственные,— отмечает в связи с этим Н. В. Рязановский.— Озабоченная в первую очередь идеалом справедливого законодателя — центральным в концепции просвещенного абсолютизма и даже в целом в политической мысли века Просвещения, Екатерина II с сожалением обнаружила у Петра Великого множество недостатков. Его законы, и в особенности Уложение о наказаниях, были устаревшими, отсталыми. Он, по сути, делал упор на наказание и правил скорее при помощи страха, нежели любви и доверия к подданным». Хотя императрица и одобряла направление преобразований Петра, «сам он, по ее мнению, принадлежал к этому же старому миру»⁷.

Политические идеалы Петра вполне мирно уживались с философией рационализма, а понятия «общественной пользы» было довольно для оправдания любой тактики в проведении своих замыслов в жизнь. Екатерине же пришлось сопрягать те же в сущности политические идеалы с более «высокими» идеями правового государства, гражданского общества и пр. Несмотря на кажущуюся несовместимость, сделать это было не так уж трудно.

В сознании человека XX в. регулярное, полицейское государство равнозначно государству тоталитарному, с гипертрофированной ролью государственных институтов и минимумом жестоко ограниченной личной свободы граждан. Такое понимание «регулярности» основано на печальном опыте именно XX в., но в XVIII в. он еще не был обретен, и идея полицейского государства воспринималась иначе. По мысли просветителей, «просвещенный» монарх должен был создать систему разумных и справедливых законов, в рамках которых для правителя и подданных существовали бы взаимные обязательства, законом же гарантируемые. Безусловное соблюдение этих законов обеими сторонами должно было обеспечить стабильность и создать основу правового государства, т. е. государства, в котором все совершается по букве писаного закона, а не по чьему-либо хотению. Для того, чтобы этот механизм заработал, требовался достаточный уровень просвещенности, сознательности подданных, а следовательно, необходимо было их определенным образом воспитывать. Отсюда задача жесткого контроля за подданными на началах «регулярства». Соответственно возрастала роль государственного аппарата. Этого же требовала и необходимость соблюдения законов как гарантии гражданских свобод. Именно в этом смысле следует понимать известное выражение Петра I из Регламента Главного магистрата 1724 г. «полиция есть душа гражданства».

Как отмечает Гриффитс, до начала XX в. выражение «полицейское государство» означало лишь «государство, в котором правитель заботится о благосостоянии подданных и стремится создать его путем активного вмешательства в их повседневную жизнь. Как таковое оно представляло шаг от сравнительно слабой политической организации средневековья к более жестко организованному и регулируемому обществу»⁸. Иными

словами, речь идет о хорошо знакомой нам по русской истории идее прогресса через насилие, не противоречившей и взглядам просветителей. Общество при этом представлялось в виде структуры, каждая часть которой обладает определенным, закрепленным в законе набором прав и привилегий, т. е. речь шла именно о сословном устройстве. Привилегии воспринимались, впрочем, иначе, чем теперь: в феодальном обществе они выполняли для индивидуума и для сословия ту же функцию, какую выполняет в современном мире (после американской и французской революций) представление о равенстве прав человека и гражданина⁹.

Закрепление в законе прав и привилегий как неотъемлемого свойства всякого сословия и должно было обеспечить то равенство перед законом, которое декларировалось Екатериной в 34-й статье Наказа: «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам». Спустя почти 30 лет в черновиках нереализованных законодательных проектов читаем: «Всероссийской империи всяких чинов и состояния людям суд и расправа да будет всем равна»¹⁰. В эти же годы в письме к А. А. Безбородко, ополчаясь против масонов, императрица замечает, что они пытаются переустроить общество «под видом незбыточного и в естестве не существующего мнимого равенства»¹¹. (Сам Безбородко позднее писал о «равенстве всеобщем и суще химерическом»¹².) Столь же решительно отвергает она и трактовку равенства, возникшую во время Французской революции: «Равенство — чудовище, которое во что бы то ни стало хочет сделаться королем»¹³.

Государственное строительство в России имело свои особенности, связанные с обширными пространствами страны, многонациональным составом населения, разнообразными типами культур и исторически сложившимися различиями в социально-политическом развитии отдельных территорий. Введение здесь «регулярства» представлялось возможным лишь при жесткой централизации власти и унификации всей системы управления. Из этого обстоятельства делался вывод о том, что самодержавие — единственно возможная для России форма государственного устройства. Еще до вступления на престол великая княгиня Екатерина Алексеевна была убеждена: «Великая империя, подобная России, разрушится, если будет учреждено иное, кроме самодержавного, правление: ибо оно единственно может служить потребной быстроте для нужд отдаленных областей, а всякая другая форма — гибельна по медлительности сих действий»¹⁴. Эта мысль, повторенная в Наказе, свидетельствует о решительном переосмыслении Екатериной идеи Монтескье, полагавшего, что монархия удобнее всего для небольших стран, а в больших порождает деспотию.

О своем понимании значения унификации и централизации власти Екатерина заявила уже вскоре после вступления на престол. В инструкции князю А. А. Вяземскому 1764 г. она писала о необходимости ликвидировать какие-либо различия в системе управления Прибалтикой, Украиной и Смоленском и русифицировать их¹⁵. В том же году гетманство на Украине было упразднено и началось уничтожение остатков ее «самостийности». Спустя три года встретили резкий отпор со стороны правительства попытки украинских и прибалтийских депутатов Уложенной комиссии закрепить статус автономий для своих стран, а на вновь присоединяемых к России землях сразу же устанавливалась система управления, аналогичная российской. В целом Екатерина сумела сделать то, что не удалось, например, ее современнику, австрийскому императору Иосифу II: ввести единообразное управление, превратив империю в унитарное государство. Правда, позднее Павел I и Александр I отчасти восстановили на Украине и в Прибалтике традиционные институты власти, но существо системы управления измениться уже не могло. Возможно, это был один из факторов, продливших существование империи.

Что же касается централизации, то на первый взгляд может показаться, что и губернская реформа 1775 г. и фактически ликвидация коллегиальной системы в 80-е годы XVIII в. вели, наоборот, к децентрализации власти. Однако, как отмечает О. А. Омельченко, смысл и задача централизма

оставались неизменными: «Различие заключалось лишь в том, что при прежней, коллегиальной системе проводником централизма была система ведомств, строго подконтрольных и подчиненных монарху», а теперь — «внешне независимые, но регламентированные почти абсолютно во всей своей административной деятельности чиновники ведомств и учреждений, действующие строго по предписаниям государственного закона»¹⁶.

Создавая соответствующее поставленным целям законодательство, императрица поначалу пошла, казалось бы, проверенным путем: она учредила многочисленные комиссии, поручив им разработку законопроектов в различных областях. Но реализована была лишь малая толика из созданного, и есть основания полагать, что Екатерина не была удовлетворена деятельностью комиссий, одна из которых — Комиссия о вольности дворянства — занималась непосредственно выработкой сословных прав. Так почему же Екатерина, по словам С. М. Троицкого, «внимательно следившая за настроениями тех, кто возвел ее на престол и являлся ее социальной опорой» не конфирмовала ни Манифест 1762 г., ни доклад этой комиссии? Вряд ли дело лишь в том, что, как полагал Троицкий, Екатерину не устраивал пункт Манифеста о праве дворян не служить (собственно, центральный в нем). Ведь даже из приводимой Троицким записки Екатерины Н. И. Панину видно, что она готова была подтвердить Манифест¹⁷. И все же не подтвердила: входившие в состав комиссии высшие сановники ярко проявили свой консерватизм, и нетрудно было заметить, что их воззрения отражали интересы лишь узкого слоя общества. Екатерина же, по всей видимости, уже в это время считала, что законы о дворянстве должны быть частью общего законодательства о сословиях. В 1765 г. у нее рождается идея созыва Уложенной комиссии. основополагающие принципы того, что она хотела от комиссии получить, Екатерина изложила в своем Наказе.

О Наказе написано немало, и оценки разнятся от крайне апологетических до столь же негативных¹⁸. Основной пафос обличений сводится к обвинению Екатерины в провозглашении истин Просвещения, которым она якобы никогда сама не следовала. Однако объективная оценка Наказа невозможна без учета того, что, во-первых, Наказ с самого начала был задуман не как законодательный акт, но как действительно декларация принципов, на которых должно было основываться и будущее законодательство и само общество. При этом Наказ имел вполне конкретного адресата — депутатов Уложенной комиссии, для которых он должен был служить инструкцией, руководством, согласно которому им предстояло создать правовую основу задуманного Екатериной государства всеобщего благоденствия. Императрицу можно обвинить в том, что она заблуждалась относительно возможности создания подобного законодательства и тем более руками депутатов Уложенной комиссии, но вряд ли правомерно винить ее за неспособность депутатов исполнить ее волю. Между тем постулаты Просвещения, провозглашенные со ступеней трона российских самодержцев, не могли не оказать влияние на общественное сознание, и влияние это было скорее благоприятным.

Во-вторых, надо учесть, что Наказ дошел до нас в урезанном виде. Начав работать над ним, по-видимому, в январе — феврале 1765 г., Екатерина уже в июне сообщала г-же Жоффрен, что давала читать свою работу некоторым приближенным, и одновременно замечала: «Я не хотела помощников в этом деле, опасаясь, что каждый из них стал бы действовать в различном направлении, а здесь следует провести одну только нить и крепко за нее держаться»¹⁹. Позднее императрица вспоминала, что показывала части Наказа Н. И. Панину и Г. Г. Орлову и только «заготовляла манифест о созыве депутатов со всей империи... назначила я разных персон, вельми разномыслящих, дабы выслушать заготовленный Наказ... Тут при каждой статье родились прения. Я дала им волю чернить и вымарать все, что они хотели. Они более половины того, что написано было мною, помарали»²⁰. Конечно, как всякий автор, болезненно относящийся к редакторской правке, Екатерина тут преувеличивала, однако вряд ли верно, что этими словами она «стремилась показать и свою терпимость к «народной

критике» и за давностью лет по-своему представляла никого, кроме нее, не затронувшие события».

Омельченко убежден, что «относящиеся к работе над «Наказом» рукописи сохранились практически полностью» и «никакого редактирования, которое не отвечало бы замыслу Екатерины II, тем более «не оприходованного» в рукописном наследстве «Наказа», не было». Однако, во-первых, говоря о каком-либо архивном комплексе XVIII в., и тем более личного происхождения, ругаться за его стопроцентную сохранность невозможно в принципе. Во-вторых, сам Омельченко упоминает о не включенных в окончательную редакцию Наказа и имевшихся в его первоначальном варианте положениях о крестьянском суде и возможности помещикам освобождать крестьян²¹. Именно проблемы сословного статуса крестьянства, крепостного права и вызвали в окружении Екатерины самые серьезные споры, которые, кстати, совершенно не обязательно должны были быть зафиксированы на бумаге. В результате ст. 260 Наказа («Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных»), нередко цитируемая в доказательство крепостнических убеждений императрицы, оказалась как бы вырванной из некоего контекста и выглядит так, будто автор возражает кому-то, кто хотел бы отменить крепостное право единовременным актом.

В других статьях Наказа подчеркивается, что новое законодательство должно быть основано на уже существующих законах и обычаях с учетом особенностей страны и ее истории. Иначе говоря, в полном соответствии с Монтескье, предлагался эволюционный путь. В одной из «записок» Екатерины читаем: «...Вот удобный способ: поставить, что как только отныне кто-нибудь будет продавать землю, все крепостные будут объявлены свободными с минуты покупки ее новым владельцем, а в течение сотни лет все или по крайней мере большая часть земель меняют хозяев, и вот народ свободен»²².

Из изданных черновиков Наказа видно, что в одном из вариантов его имелось продолжение ст. 260. После слов «числа освобожденных» следовало: «Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества и привести их в такое состояние, чтоб они могли купить сами себе свободу. Законы могут определить уреченное время службе; в законе Моисееве ограничена на шесть лет служба рабов. Можно же установить, что на волю отпущенного человека уже более не крепить никому, из чего та польза государственная выйдет, что нечувствительно умножится [число] граждан в маленьких городах». В черновиках имеется и такое не вошедшее в окончательный текст Наказа рассуждение: «Если государственная какая причина или польза частная не позволяет в некоторых державах сделать земледельцев свободными в опасении, чтобы земли не остались неоранными чрез их побег, то можно сыскать средство, чтобы так сказать к земле привязать и утвердить на ней сих самых земледельцев, оставляя им их землю, самим и детям их также, на так долгое время, как они ее обрабатывать будут по договору с ними учиненному за цену или за дань, сходственную с плодами той земли»²³. Можно ли утверждать, что невключение этих положений в Наказ отвечало замыслу Екатерины II? Те же положения через несколько десятков лет вошли в программу отмены крепостного права Александра I, который проводил бы ее, возможно, успешнее, если бы его бабке удалось оставить их в тексте Наказа.

Замечания на проект Наказа, полученные Екатериной письменно, не все известны, но и дошедшие до нас заслуживают внимания. На одном из таких возражений сохранились пометы императрицы. «Сделать русских крепостных людей вольными нельзя, — писал один из оппонентов, — скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея иметь не будут, и будут ласкать слуг своих, пропуская им многия бездельства, дабы не остаться без слуг и без повинующихся им крестьян; и будет ужасное несогласие между помещиками и крестьянами, ради усмирения которых потребны многие полки, и непрестанная будет междоусобная брань, и вместо того, что ныне помещики живут покойно в вотчинах» (*«И бывають зарезаны отчасти от своих»*), —

добавила Екатерина), «вотчины их превратятся в опаснейшие им жилища, ибо они будут зависеть от крестьян, а не крестьяне от них» (Екатерина: «*Не от роду*»). «В других государствах и в Украине другое сему основание, а у нас этого быть без отъятия помещичьяго покоя не может. Все дворяне, а может быть, и крестьяне сами такую вольностию довольны не будут, ибо с обеих сторон умалится усердие. А это примечено, что помещики крестьян, а крестьяне помещиков очень любят, а наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет». «*И иметь не может в нынешнем состоянии*», — снова возразила императрица ²⁴. Показательно, что спорит с Екатериной не какой-нибудь провинциальный невежественный барин-самодур, а один из виднейших деятелей русской культуры XVIII в. А. П. Сумароков.

Создание законодательства о сословиях с самого начала осознавалось Екатериной как одна из важнейших задач Уложенной комиссии. Об этом она не раз упоминала в 1765 г. в письмах к г-же Жоффрен. Императрица писала по-французски, используя термин *état*, с которым часто встречалась в сочинениях французских авторов, однако в текстах, написанных ею по-русски, соответствующего слова «сословие» нет. Чин, род, штат, знание, а впоследствии состояние и общество — вот, по наблюдению Гриффитса, слова, заменявшие в XVIII в. термин «сословие» ²⁵. И это, конечно, не случайно. Лексический состав языка — один из наиболее чутких показателей реальностей исторического развития общества. Историки XX в. могут легко манипулировать понятиями и «класс», и «сословие», и даже «класс-сословие» применительно к России любого исторического периода, но отсутствие этих понятий в языке — едва ли не лучшее свидетельство отсутствия их и в реальной жизни.

Лишь в петровское время появляется потребность в общем названии для тех, кого в советской историографии принято было называть эвфемизмом «господствующий класс», да и то привычное нам и русское по происхождению слово «дворянство» далеко не сразу вытеснило иноземное — «шляхетство». Ко времени Екатерины границы, отделявшие дворянство от всех других социальных слоев, уже были проведены, но с другими сословиями дело обстояло иначе. Особенно заботило императрицу третье сословие, роль которого в создании баланса социальных сил была вполне ясна прилежной ученице французских просветителей. Создать «среднее сословие» Екатерина обещала г-же Жоффрен в письмах января—апреля 1766 года. Показательно, что императрица говорила именно о среднем (*état milieu*), а не о третьем сословии, как бы отвергая, таким образом, идею формирования самостоятельного сословия из духовенства. Она, кроме того, видела, что среднее сословие еще не существует, и именно законодательным путем намеревалась его сотворить.

В окончательном тексте Наказа в общей форме говорилось, что «к сему роду людей причеть должно всех тех, кои, не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах». К ним же Наказ относил и питомцев воспитательных домов, выпускников разного рода училищ, детей чиновников и разночинцев. Дальнейшее доказало правоту Екатерины, писавшей Жоффрен, что «зато же и трудно будет его (среднее сословие.— А. К.) устроить» ²⁶. Однако на этом этапе она могла ограничиться лишь сказанным в Наказе, ведь сами законы предстояло разработать депутатам Уложенной комиссии.

Ожиданиям императрицы не суждено было сбыться. Проработав полтора года, комиссия продемонстрировала полную неспособность к законодательной деятельности в общенациональных интересах. Конечно, негативно сказались и узкие рамки, которыми Екатерина ограничила компетенцию депутатов, и жесткий контроль за ними со стороны правительства, и отсутствие опыта законодательной деятельности и того, что в наши дни называют политической культурой. Уровень политического мышления, общественного сознания подавляющего большинства депутатов оказался столь низок, что поставленная перед ними задача не могла их объединить и не смогла сгладить противоречия между представителями отдельных социальных слоев, которые использовали Уложенную комиссию для реализации своих узкосословных интересов.

Несостоятельным надо признать утверждение некоторых историков, будто Уложенная комиссия была закрыта Екатериной из-за слишком радикальных высказываний отдельных депутатов²⁷. Наоборот, абсолютное их большинство продемонстрировало откровенный консерватизм воззрений, в том числе и в вопросе о крепостном праве. Налицо была и очевидная, легко объяснимая неразвитость сословных представлений как дворянства, так и городских слоев, из которых предполагалось формировать третье сословие. Но наряду с этим комиссия, как и обычно бывает с подобными собраниями, представляла типичный срез общества, показавший императрице «с кем дело имеем и о ком пещися должно»²⁸.

По словам Омельченко, «Большое собрание депутатов объективно выявило политическую позицию «общества» по главным вопросам правовой политики, которые были поставлены «Наказом» и предполагались правительственным курсом». Автор выдвинул, в сущности, новое для нашей историографии объяснение закрытия Уложенной комиссии. По его мнению, она попросту выполнила свои задачи²⁹. Но разве предполагалось обсудить лишь уже существующее законодательство? Напомню, что история Большого собрания знает и неудачную попытку обсуждения уже готового законопроекта, подготовленного частной комиссией. Неудачную именно в силу невозможности примирить межсословные противоречия и консервативности устремлений депутатов. Последовавшие вскоре события Пугачевщины выявили приверженность также и социальных низов архаичным формам общественного устройства.

Но Екатерина не собиралась отступать, она лишь изменила тактику. Начиная с 1775 г. она последовательно проводит свои намерения, сделавшись теперь сама главным автором законодательных актов. Прежде всего это Учреждения о губерниях 1775 г.— одна из наиболее важных и имевших долговременное значение реформ Екатерины II. Ею было продолжено начатое с Сената еще в 1763 г. преобразование управления, на сей раз местных органов. Важнейшим здесь было введение единообразия наряду с созданием фактически новой судебной системы, сочетавшей новейшие достижения политико-правовой мысли Запада с особенностями сословного строя России. Ступив на путь разделения властей, Екатерина обособила судебные органы, причем впервые в русской судебной практике уголовное судопроизводство было отделено от гражданского. Однако разделение властей было неполным, поскольку за губернатором оставалось право вмешиваться в деятельность суда, а сам суд оставался сословным.

Кажущаяся незавершенность реформы дала немало поводов для упреков, а историкам-марксистам — аргументов для выяснения ее классовой сущности. Но не была ли Екатерина мудрее своих позднейших оппонентов? Мыслим ли был независимый бессословный суд в стране, где отсутствовали профессиональные юристы, не существовало юриспруденции как науки, где не была осуществлена кодификация законодательства, не было, наконец, гражданского общества ни в современном его понимании, ни как общества сословного? При острой нехватке даже простых квалифицированных чиновников судебские должности могли быть замещаемы только выборными от отдельных социальных групп, ибо таким образом можно было надеяться получить судей если не компетентных, то по крайней мере обладающих морально-нравственным авторитетом в своей среде. Заседать такие судьи могли только в суде сословном. Очевидно, что подобная судебная система была и еще одним шагом на пути создания сословной организации общества.

Своего рода тактической уступкой Екатерины было введение местных органов дворянского сословного самоуправления и порядка замещения ряда должностей в местных органах власти выборными из дворян. Таким образом создавалось впечатление, что, идя навстречу пожеланиям дворянства, высказанным и в Уложенной комиссии времен Елизаветы Петровны, и в Комиссии 1763 г., и в Уложенной комиссии 1767—1768 гг., в его руки отдавалась власть на местах. К тому же вновь создаваемая система давала им и экономические преимущества, ибо дворянин обретал возможность

получать жалование, практически не выезжая из своего имения. Но на деле именно тут таилась ловушка. Ведь жалование шло от казны и, как казалось, вполне логично, чтобы определить его размеры, нужно было выяснить соответствие выборных должностей военным и гражданским чинам Табели о рангах. А как только это было сделано, стало ясно, что дворянское самоуправление — иллюзия. Само же государство, не отменяя принципов Манифеста о вольности дворянства, фактически возвращало дворян на службу, замещая должности, которые в противном случае могли остаться вакантными.

Делая шаг к превращению дворянства в сословие в западном понимании этого термина, императрица как будто забывала о третьем сословии. Но это может показаться лишь на первый взгляд, ибо в эти же годы предпринимались усилия по созданию экономической основы «среднего рода людей», без которой их конституирование в сословие было невозможно. Уже в 60-е годы XVIII в. была постепенно ликвидирована монополия «указных» фабрик в отдельных отраслях промышленности, значительно упрощен порядок создания новых предприятий. В 1775 г. «всем и каждому» было дозволено открывать новые производства без какого-либо специального разрешения центральных ведомств. Указ, изданный в 1780 г., закреплял частную собственность на фабрики, что полностью соответствовало выраженному Екатериной еще в Наказе и не потерявшему актуальности до сих пор убеждению, что человеку свойственно заботиться о том, что принадлежит ему, а не о том, что может быть у него отнято.

Подобные меры стимулировали производство, особенно в легкой промышленности, где число предприятий в царствование Екатерины II возросло почти в 8 раз. В марте 1775 г. был установлен более высокий, чем прежде, имущественный ценз для записи в купечество. В результате число купцов значительно уменьшилось, ибо около 200 тыс. человек не смогли собрать нужной суммы. Зато попавшие в состав гильдейского купечества освобождались от подушной подати и рекрутской повинности, а это возбуждало предпринимательскую деятельность непривилегированных слоев городского населения. Лишь в Москве с конца 60-х годов до конца XVIII в. более 100 новых семей было записано в первую гильдию, и это при том, что в 1785 г. ценз был повышен еще в 2 раза ³⁰.

В историографии эти мероприятия оценивают по-разному. П. Г. Рындзюнский, опровергая мнение А. С. Лаппо-Данилевского о преждевременности этих мер, как не учитывавших низкий уровень развития «материальных и духовных сил» городского населения, принимает за аксиому, что «потребности времени» состояли в развитии буржуазных отношений, и в результате выносит вердикт о консервативности такой политики ³¹. Конечно, о развитии капитализма в России Екатерина явно не подозревала, но отсталость русского города была ей, видимо, понятна и ее законодательство как раз и было направлено на его развитие. С этой точки зрения, оно вело к поставленной цели, хотя и не могло преодолеть такое препятствие, как крепостничество.

Таким образом, правительство стремилось создать слой зажиточных горожан как основы третьего сословия. Такое истолкование этого понятия, как и определение, данное ему в Наказе, указывает на то, что Екатерина воспринимала его именно в том значении, какое оно *de facto* приобрело и во Франции второй половины XVIII в., в то время как *de jure* к нему относили, за исключением дворянства и духовенства, всех вообще свободных людей, включая и селян. В России подобная трактовка была невозможна из-за крепостного права.

В 1782 г. появился еще один важный законодательный акт — Устав благочиния, призванный продвинуть распространение принципов «регулярства», заложенных петровским Генеральным регламентом 1724 года. Если уже Учреждения о губерниях 1775 г. значительно увеличили число самих губерний, а следовательно, и чиновников, так или иначе надзиравших за подданными, то теперь устанавливался такой порядок, когда дворы городских жителей образовывали кварталы и части со своими квартальными

надзирателями и частными приставами. Одновременно Устав благочиния содержал и своего рода всесословный моральный кодекс, предписывавший правила поведения гражданина ³².

Задача воспитания идеального подданного постоянно находилась в поле зрения правительства и, как известно, именно при Екатерине II в России создавалась система народного образования. В Учреждениях о губерниях есть специальные разделы об учебных заведениях, больницах, воспитательных домах и пр. Устав же благочиния как бы завершал (на этом этапе) создание сети необходимых регулярному государству органов управления, суда, надзора и воспитания, и тем самым открывался путь к созданию законодательства об отдельных сословиях. В 1785 г. на свет появились жалованные грамоты дворянству и городам.

Ряд особенностей этих двух важнейших актов екатерининского царствования указывает на значение, какое им придавалось. Во-первых, оба документа были опубликованы одновременно 21 апреля, в день рождения императрицы. Во-вторых, необычным для XVIII в. было название документов «грамотами». И не случайно в историографической традиции они уже скоро стали «жалованными грамотами», ибо речь шла именно о пожаловании высочайшей властью прав и вольностей одному и прав и выгод другому сословию. Неплохо изучившая русскую историю императрица тем самым как бы устанавливала вассально-сюзеренные отношения между престолом и сословиями. Однако отношения эти устанавливались в своеобразной русской традиции: права и привилегии сословий оказывались не естественным их, природным свойством, но именно пожалованием волею самодержца, хотя и жаловались они навечно. И не случайно, как заметил Гриффитс, обычная формула «ее императорское величество» была заменена в тексте грамот на просто «императорское величество» ³³.

В обширной литературе о жалованных грамотах дворянству и городам обычно обе они рассматриваются изолированно друг от друга (аналогичный подход и в новейшей работе Омельченко), в то время как только изучение их вместе дает возможность раскрыть замысел законодателя, поскольку речь, конечно, идет о целостной политической программе. Более того, к двум изданным грамотам следует прибавить и третью, так и не увидевшую света, — жалованную грамоту государственными крестьянам. Именно такой комплексный подход блестяще продемонстрировали Гриффитс и Мунро в уже упоминавшемся издании, где помимо текстов, комментариев и справочного аппарата к ним представлены таблицы параллельных мест всех трех грамот и отдельных их разделов.

Структура грамот максимально приближена друг к другу. Две опубликованные начинаются с обширных преамбул, объясняющих необходимость их появления. Однако если первая глава дворянской грамоты гласит непосредственно о сословии, то в грамотах городам и «сельским обывателям» говорится соответственно в одном случае о городе, его застройке, владениях, населении, торговле, а в другом — о том же применительно к селу. Зато вторая глава городской грамоты уже целиком посвящена «городовым обывателям», или мещанам, которые образуют градское общество, подобное дворянскому собранию. В городе заводится городская обывательская книга, подобная родословной дворянской и также состоящая из шести частей, для записи шести категорий городских жителей. Непосредственно личным правам мещан посвящена пятая глава грамоты; в первой статье ее делается довольно робкая попытка показать, что городовые обыватели, мещане — это особое сословие, «средний род людей»: «Городовых обывателей, среднего рода людей, или мещан, название есть следствие трудолюбия и добронравия, чем приобрели отличное состояние». Как и дворянское, звание мещанина наследственное, и он мог быть лишен его за те же преступления, за какие дворянин лишался дворянского звания. Как дворян судят дворяне, так мещан — мещане. Купцы 1-й и 2-й гильдий освобождаются от телесных наказаний, и для дворян и для мещан устанавливается одинаковый срок давности за преступления в 10 лет.

Показательно, что если шесть категорий дворян, записанные в разные

части родословной книги, существовали реально, то шесть категорий горожан создавались в определенной мере искусственно. При этом если все дворяне были в правовом отношении равны, то горожане различались по категориям, по существу, в зависимости от своего материального достатка. Равенство всех категорий дворян подчеркивалось и еще одним своеобразным способом: распределение их по частям родословной книги по возрастающей приводило к тому, что самые знатные оказывались в 6-й части, что кстати, вызывало у современников, например, у М. М. Щербатова, возражения. Однако вопреки этой логике и вразрез с характерными для XVIII в. представлениями, лица, выслужившие дворянское звание по военной службе, записывались во вторую часть книги, а по гражданской — в третью. При этом в городской книге иерархия была перевернута, и самой престижной была первая ее часть. Подобные уловки были нужны Екатерине, чтобы сблизить теорию с политическими условиями России.

Примечательна в этом отношении и глава городской грамоты, посвященная ремесленным цехам. Вводя в России цехи наподобие тех, что существовали в средневековой Европе, Екатерина со свойственной ей дошностью детально расписала организацию работы ремесленников, подмастерий и пр. Подобная мелочная регламентация была, во-первых, вообще в духе эпохи, во-вторых, совпадала с жестко регламентированной организацией цехов на Западе. Во Франции, например, к XVIII в. правительство установило за их деятельностью неусыпный контроль, вмешиваясь в составление цеховых уставов, назначение мастеров и т. д. Однако к этому времени было уже ясно, что цехи становились тормозом экономического и социально-политического развития. Так может быть правы те, кто утверждает, что Екатерина, вводя в России цехи, фактически закрепляла отсталую средневековую форму производства, затрудняя тем самым развитие буржуазных отношений? Однако еще А. А. Кизеветтер показал, что Екатерина хорошо сознавала возможность отрицательного влияния ремесленных цехов на развитие предпринимательства, но Россия, по ее мнению, еще не достигла того уровня промышленного производства, когда такое вредное влияние цехов могло бы проявиться³⁴. Пока же от цехов ожидалась польза для ремесленного производства. По этим же причинам невозможно было сразу создать и однородное по правам и привилегиям третье сословие, а грамота 1785 г. должна была ускорить процесс его складывания.

«Свободные сельские жители», согласно черновому проекту жалованной грамоты, так же образовывали «общество сельское», как образовывалось и дворянское собрание или городское общество; оно имело статус юридического лица. Соответственно и звание государственного крестьянина объявлялось наследственным, и лишиться этого звания можно было за те же преступления, за какие дворянин и мещанин лишались своих, причем произойти это могло также только по решению сословного суда. Сельское население также делилось на шесть категорий, и первые две освобождались от телесных наказаний. Как дворяне выбирали свои органы, мещане — свои, так и сельские обыватели должны были выбирать свои.

Рассматривая все три грамоты в комплексе, Гриффитс заключает, что в совокупности они образуют «конституцию в дореволюционном значении этого слова», имея в виду, что первоначально слово «конституция» означало устройство чего-либо, способ создания, организации. Именно такое определение Екатерина могла прочитать в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, и лишь после Французской революции термин приобрел значение, принятое и сегодня.

Действительно, три грамоты вместе должны были придать русскому обществу вид совокупности трех больших групп со сходным внутренним устройством и установленным набором прав и преимуществ, определявшим для членов каждого сословия границы личной свободы. В пределах этой свободы гарантировались гражданские и сословные права, т. е. каждый член общества посредством вхождения в одно из сословий получал защиту закона. Целостное рассмотрение грамот, отмечает Гриффитс, «обнаруживает и целостную политическую программу, отражающую ясные

и взаимосвязанные представления императрицы о форме общественного устройства. Это не либеральные и не консервативные представления, не про- и не антидворянские. Это характерные для начала Нового времени представления о регулярном государстве с сословной структурой»³⁵. Вывод этот противоположен мнению Омельченко, считающего, что «социальный и политический консерватизм составлял не только целевую характеристику доктрины и порожденной ею политической программы, но и изначальное свойство всей политической теории и правовых требований «просвещенного абсолютизма»³⁶.

Конечно, программа реформ Екатерина II не предполагала смены общественно-политического строя, не имела революционного характера и с этой точки зрения была консервативной, но тогда консервативны любые подобные реформы и нет никакой разницы между, скажем, реформами Петра I, Екатерины II и Павла I. Прав, однако, американский биограф Павла Р. Макгрю, заметивший, что «Петр и еще в большей степени Екатерина были новаторами, стремившимися изменить Россию, сделать ее иной и лучшей, чем она была; Павел же использовал власть, чтобы сохранить, довести до совершенства то, что уже существовало»³⁷. Сравнительный анализ жалованных грамот не позволяет также согласиться и с выводом Омельченко о том, что «установление правового статуса других сословий было подчинено задаче охранения господствующего положения дворянства»³⁸.

Третья жалованная грамота, подготовленная Екатериной, не увидела света, а следовательно, возводившееся ею здание осталось незавершенным, и понятно почему. Ведь и три грамоты не охватывали всего населения страны: вне создававшейся сословной структуры оставалось крепостное крестьянство. Появление грамоты государственным крестьянам, как отмечалось исследователями³⁹, могло привести к серьезным волнениям, которые и так всегда усиливались после обнародования крупных законодательных актов. Вряд ли прав Омельченко, считающий, что причины, по которым грамота не была опубликована, «могли быть чисто случайные»⁴⁰. К тому же если жалованная грамота дворянству фиксировала уже существовавшие права, грамота городам внедряла нормы, в целом соответствовавшие уже происходившим процессам, то грамота государственным крестьянам была искусственной и никак не связанной с действительной жизнью русской деревни. Таким образом, и тут отступление Екатерины не было политиканским маневрированием, а вновь свидетельствовало о ее политическом реализме.

И все же каково бы ни было отношение Екатерины к крепостничеству, именно в ее правление крепостная эксплуатация достигла пика. Не вызывает сомнения, что в соответствии со взглядами просветителей на природу человека и его естественные права, крепостное право как таковое было Екатерине отвратительно. Намеки на это содержатся в Наказе, а вполне откровенные высказывания императрицы можно обнаружить в ее мемуарах. Не укрылся от Екатерины и вред, приносившийся крепостным правом сельскому хозяйству⁴¹. Однако намеки Наказа остались почти незамеченными, а «Записки» предназначались потомкам. Робкие голоса, раздавшиеся в Уложенной комиссии против помещичьего произвола, потонули в мощном хоре дворян-крепостников. В борьбе за сохранение в неизменности важнейшего из своих прав они готовы идти до конца. Даже М. Т. Белявский, рассматривавший все законодательство и политику Екатерины как сугубо крепостнические, не мог не задать вопрос: «Что произошло бы, когда во всей России появились бы «манифесты», взятые из «Наказа» самой императрицы? Как реагировало бы дворянство на действия такой императрицы, которая оказалась неспособной обеспечить неизменность их власти и своими непродуманными действиями создала угрозу всему самодержавно-крепостническому строю?»⁴²

Все это объясняет, почему Екатерина II не настаивала на своей точке зрения. Но почему же она действовала, казалось бы, вопреки своим воззрениям? Ведь при ней продолжал действовать указ 1760 г., по которому

помещикам разрешалось ссылать крестьян в Сибирь. В 1763 г. появился указ о возложении на крестьян расходов по содержанию воинских команд, посылаемых на подавление их же восстаний, в 1765 г.— сенатский указ, разрешивший отдавать крестьян в каторжные работы, в 1767 г.— запрещающий крестьянам жаловаться на помещиков. Вряд ли есть нужда объяснять, сколь безобразно выглядят эти указы с точки зрения представлений о правах человека и правовом государстве. Собственно, речь шла не столько о правах, сколько об усиливавшемся беспорядке. Однако есть обстоятельство, без учета которых оценка названных указов не будет полной.

История указа 1760 г. говорит о том, что целью его было скорейшее освоение Сибири, причем переселенные крестьяне из разряда помещичьих переходили в государственные, что на практике вело к улучшению их положения. Чисто экономическими причинами был вызван указ 1765 г., который, по сути, развивал практику, существовавшую с петровских времен, причем в процессе подготовки указа Сенат не согласился с предложением Адмиралтейства, которое могло бы повести к злоупотреблениям со стороны помещиков⁴³. Не было новацией и указ 1767 г.: он повторял норму, существовавшую еще в Соборном уложении 1649 г. и неоднократно воспроизведенную предшественниками Екатерины. Речь шла о запрещении подавать коллективные жалобы непосредственно в руки государю. Другое дело, что, как отмечает Б. Г. Литвак, «нечеткость указа создавала возможность трактовать указ как прямой запрет подачи жалобы крестьянами, по крайней мере в практике XVIII в.»⁴⁴. Таким образом, названные указы не могут рассматриваться как часть реформаторской программы Екатерины II: по сути, они уточняли и развивали уже существовавшие правовые нормы. Определенной новацией был лишь указ 1763 года.

Говоря о законодательстве Екатерины по крестьянскому вопросу, следует иметь в виду, что ей пришлось действовать в условиях фактически новой политической реальности, порожденной реформами ее предшественника. Манифест о вольности дворянства 1762 г., по словам И. Д. Беляева, «окончательно порешил судьбу крестьян и обратил в полную исключительную собственность помещиков»⁴⁵. Исчезла зависимость права владения крепостными от государственной службы, было ликвидировано последнее звено, продолжавшее хотя бы формально связывать помещичье крестьянина с верховной властью. Но манифест не был единственным достижением дворян в короткое царствование Петра III. В январе 1762 г. было ликвидировано введенное Петром I и сохранявшееся его преемниками ограничение на перевод крестьян из одного уезда в другой. С этого времени помещики могли переводить крестьян без регистрации их в местных учреждениях. Тогда же в отмену норм, введенных его дедом, Петр III запретил крестьянам записываться в купечество без разрешения помещика. Наконец в марте того же года фабрикантам было запрещено покупать крестьян к заводам без земли⁴⁶. Этим указом, с одной стороны, сужалась сфера крепостничества, с другой — окончательно устанавливалась монополия дворянства на владение крепостными (хотя, опять-таки не в виде позитивного закона, а путем запрета владеть ими другим категориям населения). По существу Петр III совершил своего рода революцию в системе социальных отношений. Возникла новая социально-политическая реальность, которая на сто лет вперед определила развитие страны.

Что же касается Екатерины II, то в 1765 г. по ее требованию лифляндский ландтаг обсуждал вопрос о крестьянской собственности и ограничении власти помещиков. В 1766 г. по инициативе императрицы вопрос о крестьянской собственности стал предметом открытого обсуждения в Вольном экономическом обществе. Законопроекты, составленные частными комиссиями во время работы Уложенной комиссии, предусматривали наделение крестьян правом частной собственности на движимое имущество. В 1771 г. правительство предприняло попытку ограничить продажу крестьян без земли, но ограничение касалось лишь продажи с аукциона⁴⁷. Сенатский указ от 25 февраля 1773 г. со ссылками на петровское законодательство и Наказ Екатерины предписывал строго

соразмерять наказание с преступлением и, в частности, за мелкие кражи наказывать плетьюми, а не кнутом и записывать в солдаты в счет рекрутов. Тем самым помещики лишались части своих прав по распоряжению крестьянами. В феврале 1775 г. помещикам было запрещено отдавать своих крепостных в услужение другим людям на срок свыше 5 лет ⁴⁸. В марте (в манифесте о правах купечества) последовал запрет вновь крепостить отпущенных на волю и велено записывать их в мещанство или в купечество. (На этот манифест ссылался впоследствии Александр I в указе о вольных хлебопашцах.) В эти же годы и ранее рядом законодательных актов свободными были объявлены питомцы воспитательных домов (брак с таким лицом влек за собой освобождение и его супругу), запрещалось крепостить церковников, пленных и незаконнорожденных ⁴⁹. В учреждениях о губерниях предусматривалось право губернаторов налагать секвестр и назначать опекунов в имения за жестокое обращение их хозяев с крепостными.

Итак, в целом екатеринское законодательство о крестьянах было не хуже и не лучше, чем во времена ее предшественников. Оно продолжало развиваться в том же направлении, что и раньше. Речь идет, конечно, не об апологии Екатерины или ее взглядов и убеждений, а о том, что эти убеждения были гораздо сложнее, многомерней, чем это нередко пытаются представить. Они были продуктом эпохи, сложились под влиянием определенных исторических обстоятельств и идейных влияний и были характерны для общества того времени, причем преимущественно передовой его части. Кроме того, необходимо отделять собственно убеждения Екатерины от тех конкретных политических условий, в которых протекала ее деятельность.

Усиление крепостничества во второй половине XVIII в. было итогом прежде всего эволюции самого этого явления, связанного с основными тенденциями социально-экономического развития страны, а не сознательной правительственной политики. Екатерину II вряд ли можно обвинить в каких-либо действиях, направленных на усиление крепостного гнета, скорее уж она повинна в бездействии. Из сказанного, впрочем, ясно, что это бездействие было вынужденным, и к тому же не полным. Р. Бартлет обратил внимание на то, что хотя в проекте дворянских прав, созданном Уложенной комиссией и легшем в основу Жалованной грамоты 1785 г., закреплялось монопольное право дворян на владение крепостными, в самой грамоте этот вопрос был обойден молчанием ⁵⁰. Несмотря на давление со стороны дворянства, Екатерина-законодательница, автор ряда образцов позитивного права так и не оформила в виде подобного закона четко сформулированное право дворян владеть крепостными душами. А. Романович-Славатинский упоминает, что якобы граф Д. Н. Блудов видел документ, согласно которому Екатерина предполагала объявить всех детей крепостных, родившихся после 1785 г., свободными ⁵¹. Первый шаг к освобождению крестьян был сделан Екатериной в ходе секуляризационной реформы 1764 г., когда около миллиона крестьян перестали принадлежать духовным феодалам.

Лицевой стороной достигшего апогея в своем развитии крепостничества был золотой век российского дворянства. Действительно, Жалованная грамота 1785 г. вобрала в себя многое из того, чего добивалось дворянство на протяжении XVIII в., и тем фактически завершила оформление его сословных прав и привилегий. Именно этот факт прежде всего и создает представление о царствовании Екатерины как о золотом веке дворянства, причем такое представление возникло в основном позже, по контрасту с последующим временем и, в частности, царствованием Павла I. Сама же Екатерина не случайно ввела грамоты дворянству и городам одновременно, как бы подчеркивая, что дворянство не единственное сословие государства. Государственный интерес был соблюден и в самой грамоте дворянству, фиксировавшей лишь реально существовавшие права и не вводившей никаких новых, а также интегрировавшей органы дворянского самоуправления в государственный аппарат. Известно, что некоторые современники, например Щербатов, совсем не были удовлетворены содержанием дворянской

грамоты и резко ее критиковали. В целом «золотой век» российского дворянства — лишь в малой степени творение рук Екатерины II.

Сложившиеся представления о ее сословной политике, таким образом, лишь отчасти связаны с тем, что она была на самом деле. Цель ее заключалась в создании полноценных сословий в западноевропейском значении этого понятия. И цель эта органично вписывалась и в идею петровского наследия, и в просветительские принципы, и в основные тенденции социально-политического развития России того времени. Однако реализация ее не была прямолинейной, и императрица не пыталась достичь ее «кавалерийским наскоком». Тактика Екатерины учитывала как особенности российской действительности, так и европейский опыт. В силу этого поставленная цель была достигнута лишь в той мере, в какой это оказалось возможным без опасения вызвать серьезные социальные потрясения. Будучи осуществляемы постепенно, на протяжении длительного времени, екатерининские преобразования были лишены радикальности, а следовательно, и болезненности реформ Петра I и даже Александра II. Между тем они имели долговременное значение и оказали существенное воздействие на все дальнейшее развитие страны и ее сословного строя. При этом реформы Екатерины являют редкий для России пример успешного воплощения в жизнь целостной политической программы.

Другая сторона проблемы, также требующая обсуждения, — это оценка реформ Екатерины с точки зрения исторической ретроспективы. Как полагают Гриффитс, если согласиться, что путь к модернизации русского общества лежал через освобождение крепостных, «прокладывая дорогу принципу равенства перед законом вместо получения привилегий через членство в сословиях, то тогда следует признать, что Екатерина II помогала направить социально-экономическое и политическое развитие России по тупиковому пути». Если бы императрице удалось распространить закон и на крепостное крестьянство, «ее грамоты оценивались бы с большей симпатией», а у нее самой была бы иная репутация, чем ныне³². Вопрос при этом состоит все же в том, возможен ли был для России второй половины XVIII в. иной путь развития, чем тот, по которому ее вела Екатерина.

Допустимо предположить, что альтернатива, если и существовала, то раньше, на рубеже XVII—XVIII вв., а ко времени Екатерины шанс уже был упущен. Тогда, разрушив старую систему управления страной, преобразовав финансово-налоговую сферу, уничтожив веками складывавшуюся организацию служилого сословия и в результате преобразовывая устройство общества в целом, Петр I мог бы, если бы пожелал, сравнительно легко избавиться и от крепостного права. Это был, видимо, тот редкий момент истории, когда были возможны и происходили самые радикальные перемены и когда противоположные тенденции — и традиционные для России, и нацеленные на ее модернизацию — были, в сущности, равновелики. Но в преобразованиях Петра возобладало милитаристское, имперское начало, которому было подчинено все остальное. В результате внешне модернизированная на западный манер страна сохранила тот компонент своего социального развития, который неизменно искажал сущность всякого внешне схожего с западноевропейским явлением.

Одним из результатов петровских реформ было и появление на русской политической сцене дворянства как единого сословия, как особой политической силы. В таком качестве оно выступило в 1730 г., не допустив изменения политического строя; в 1762 г. не пожелало терпеть на престоле Петра III, в 1767 г. ясно дало понять, что ни перед чем не остановится для защиты своих интересов, что и доказало вновь в 1801 году. Попытка изменения общественных отношений со стороны монарха (будь то Екатерина II или Александр II) тем самым обрекалась на неудачу: на поддержку других социальных слоев рассчитывать не приходилось.

Движение по «тупиковому пути» было уже задано, и не в силах Екатерины было его остановить. Но означало ли создание регулярного государства с сословной структурой усиление «тупиковых» тенденций? Гриффитс признает, что Екатерина пыталась воссоздать в России не те

условия, что она видела в современной ей Европе, а те, что существовали там на предшествовавшем этапе истории. Иначе говоря, императрица как бы заставляла Россию пережить не пережитые ею стадии развития. И в этом, думается, был немалый смысл, ибо, как показывает мировой опыт, перескакивание через определенные этапы ведет к серьезным деформациям и в общественных отношениях, и в общественном сознании.

Но была ли стадия сословного регулярного государства обязательна для России? Ответ на этот вопрос, а следовательно, и оценка реформ Екатерины II зависит от приверженности отвечающего «западническому» или «славянофильскому» идеалу. Если благом для России считать модернизацию, понимая под ней эволюцию в сторону гражданского общества, основанного на принципах демократии, то тогда, даже соглашаясь с оговорками Гриффитса, следует признать, что законодательство Екатерины II было направлено именно в эту сторону, воспроизводя, или, вернее, пытаясь воспроизвести, один из необходимых этапов этого пути.

Все сказанное убеждает в противоречивости екатерининских реформ и невозможности их однозначной оценки. Иное дело — бесспорное политическое мастерство Екатерины II, поистине образцовое применение ею на практике принципа «политика — искусство возможного», могущее служить полезным уроком потомкам.

Примечания

1. RANSEL D. The Politics of Catherinian Russia. New Haven. 1975; MADARIAGA I. DE. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven. 1981; LE DONNE J. Ruling Russia. Politics and Administration in the Age of Absolutism. Princeton. 1984; ALEXANDER J. T. Catherine the Great. Oxford. 1989.
2. Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns. Bakersfield. 1991
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1, оп. 1, д. 46, л. 17 об.
4. Цит. по: Россия XVIII века глазами иностранцев. Л. 1989, с. 413.
5. Цит. по: ШИЛЬДЕР Н. К. Император Александр Первый. Т. 1. СПб. 1904, с. 279—280.
6. Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 9. СПб. 1872, с. 69—70.
7. RIASANOVSKY N. V. Image of Peter the Great in Russian History and Thought. Oxford. 1992, p. 36.
8. GRIFFITHS D. Catherine II: The Republican Empress.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 21 (1973) Heft 3. S. 331.
9. GRIFFITHS D. Of Estates, Charters and Constitutions. In: Catherine II's Charters, p. LI. Автор цитирует в данном случае Д. Герхарда.
10. РГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 17, л. 212 об.
11. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 120, л. 157 об.
12. См. САФОНОВ М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л. 1988, с. 60.
13. Цит. по: БРИКНЕР А. Г. История Екатерины Второй. СПб. 1885, с. 678.
14. Цит. по: ОМЕЛЬЧЕНКО О. А. «Законная монархия» Екатерины II. М. 1993, с. 72.
15. БИЛЬБАСОВ В. А. История Екатерины Второй. Т. 2. Лондон. 1895, с. 418.
16. ОМЕЛЬЧЕНКО О. А. Ук. соч., с. 264. Небезынтересна также гипотеза Д. Ле Донна об «антибюрократическом» характере этой реформы (LE DONNE D. Op. cit., p. 67, 82).
17. ТРОИЦКИЙ С. М. Россия в XVIII веке. М. 1982, с. 141—145.
18. См.: ЧЕЧУЛИН Н. Д. [Вводная статья]. В кн.: Наказ императрицы Екатерины II. СПб. 1907. С. CXLV—CXLVII. Ср.: БЕЛЯВСКИЙ М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М. 1963, с. 145—175; ОМЕЛЬЧЕНКО О. А. Ук. соч., с. 76—95.
19. Сб. РИО. Т. 1. СПб. 1867, с. 276.
20. Записки Екатерины Второй. СПб. 1907, с. 544—545.
21. ОМЕЛЬЧЕНКО О. А. Ук. соч., с. 85, 231.
22. Наказ императрицы Екатерины II, с. XXXVIII—XXXIX. Как видно, в последней цитате воспроизведено распространенное в XVIII в. мнение, что если крестьян освободить, то они сразу же разбегутся и некому будет обрабатывать землю.
24. Сб. РИО. Т. 10. СПб. 1872, с. 85—86.

25. GRIFFITHS D. Of Estates, p. XXXVIII—XLIII.
26. Сб. РИО. Т. 1, с. 284.
27. См., напр.: БЕЛЯВСКИЙ М. Т. Ук. соч., с. 253.
28. Записки Екатерины Второй, с. 546.
29. ОМЕЛЬЧЕНКО О. А. Ук. соч., с. 127—128.
30. АКСЕНОВ А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. М. 1988, с. 61.
31. РЫНДЗЮНСКИЙ П. Г. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население. В кн.: Общество и государство феодальной России. М. 1975.
32. Подробнее см.: КАМЕНСКИЙ А. Б. «Под сению Екатерины...» СПб. 1992, с. 305—308; ОМЕЛЬЧЕНКО О. А. Ук. соч., с. 305—309.
33. GRIFFITHS D. Of Estates, p. LV.
34. КИЗЕВЕТТЕР А. А. Городовое положение Екатерины II. М. 1909, с. 268—269.
35. GRIFFITHS D. Of Estates, p. LII, XXV.
36. ОМЕЛЬЧЕНКО О. А. Ук. соч., с. 102. Понятике «просвещенный абсолютизм», о правомерности употребления которого давно уже ведутся споры, находится в центре монографии Омельченко и в изучение его теории и практики автор вносит весьма весомый вклад. По его мнению, это была «социально и политически консервативная доктрина», осуществление которой должно было в главном стабилизировать в новых общественных условиях социальный и государственный порядок «старого режима», причем все его «стремления и упования» не нарушали и не могли нарушать «общественных позиций дворянства, монархической государственности и феодальной бюрократии» (с. 379). К сожалению, этот конечный вывод мало отличается от уже укоренившегося в нашей историографии представления о том, что тактика «просвещенного абсолютизма» «имела целью укрепить самодержавно-крепостнический строй, усилить иллюзии о надклассовости самодержавия и мужицкую веру в «доброе царя», ослабить остроту классовых и социальных противоречий и предотвратить назревавшую в стране крестьянскую войну» (БЕЛЯВСКИЙ М. Т. Ук. соч., с. 37).
37. MCGREW R. E. Paul I of Russia. Oxford. 1992, p. 356.
38. ОМЕЛЬЧЕНКО О. А. Ук. соч., с. 238.
39. См.: BARTLETT R. P. Catherine II's Draft Charter to the State Peasantry.— Canadian-American Slavic Studies, 23 (1989) № 1, p. 50.
40. ОМЕЛЬЧЕНКО О. А. Ук. соч., с. 238.
41. Записки Екатерины Второй, с. 174—175, 646.
42. БЕЛЯВСКИЙ М. Т. Ук. соч., с. 166.
43. Российское законодательство X—XX вв. Т. 5. М. 1987, с. 496—502.
44. ЛИТВАК Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX—XX вв. М. 1979, с. 272.
45. БЕЛЯЕВ И. Д. Крестьяне на Руси. М. 1903, с. 283.
46. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ). Т. 15, №№ 11423, 11426, 11490.
47. Там же. Т. 19, № 13634; СЕМЕВСКИЙ В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб. 1888, с. 225. Сохранилась записка Екатерины в Дворцовую канцелярию с распоряжением причислить крестьян, предназначенных к продаже с аукциона, к дворцовому ведомству или выдать им паспорта «дабы оне хлеб свой достать могли» (РГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 113, л. 1).
48. Т. 19, № 13951, 13516; т. 18, № 13373.
49. См. СЕМЕВСКИЙ В. И. Ук. соч., с. 225—228.
50. BARTLETT R. P. Op. cit. «Как особое право только дворянства полагалось приобретение деревень с крестьянами» (ст. 26),— пишет Омельченко (с. 217), но на самом деле о крестьянах в ст. 26 не упоминается, речь идет лишь о деревнях. Между тем законодательная практика XVIII в. рассматривала деревни и крестьян как два самостоятельных объекта собственности. В законодательстве существовали также понятия «населенное имение» и «населенная деревня», которых в грамоте нет. Обращает на себя внимание и разрешительный характер данной статьи, подтверждающей уже существующее право.
51. РОМАНОВИЧ-СЛАВАТИНСКИЙ А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб. 1870, с. 378.
52. GRIFFITHS D. Of Estates, p. LXVI—LXVII.

Гельмут Коль

К. С. Вяткин

Колоритная фигура шестого канцлера ФРГ Гельмута Коля давно уже стала неотъемлемой частью германской истории. Назовут ли ученые впоследствии период его пребывания у власти «эрой Коля», как это уже произошло с именами таких выдающихся политических деятелей, как Конрад Аденауэр и Вилли Брандт, или же отведут ему более скромное место, покажет будущее. Сегодня во всем мире, и прежде всего в ФРГ, имя Коля связывают во многом с преодолением послевоенного двуединства германской государственности. Уже стала банальной параллель, начиная со дня крушения Берлинской стены 9 ноября 1989 г., проводимая между Колем и Бисмарком — двумя германскими канцлерами, каждому из которых выпало в свое время объединить Германию¹.

Как бы то ни было, но сегодня, после 12 лет пребывания у власти — из них восемь во главе правительства Западной Германии, а еще четыре — в качестве «канцлера всех немцев» в объединенной Германии, — Коль на очередной, теперь уже четвертый, срок остался лидером одной из ведущих индустриальных стран мира. Уже в силу этого он является одной из ключевых политических фигур Запада, и его личность неизменно привлекает к себе пристальное внимание, подобно тому, как политический курс и экономическое состояние возглавляемой им страны занимают умы ведущих политиков мира. В силу того, что Основной закон ФРГ наделяет федерального канцлера исключительным правом определять основные линии и направления политики государства, она в значительной мере зависит от его позиции, а следовательно, и от его личных и политических качеств, склада ума, особенностей характера, наконец, жизненного опыта.

Третий ребенок в семье, которая проживала тогда в маленьком прирейнском городке Франкенталь, что под Людвигсхафеном, родился 3 апреля 1930 г. и получил при крещении сразу три имени: Гельмут Йозеф Михаэль. Его отец, Иоганн Каспар Коль, был типичным представителем того межвоенного поколения германского чиновничества, которое более всего характеризовало отменное трудолюбие, неподкупное чувство долга и незыблемая вера в справедливость государственной идеи. По происхождению крестьянин, он поначалу трудился в качестве простого рабочего на мельнице. С первой мировой войны вернулся в чине обер-лейтенанта и был отмечен наградой за проявленную храбрость. В 1918 г. он поступил на государственную службу в баварское финансовое управление.

Вяткин Кирил Сергеевич — научный сотрудник Института Европы РАН.

К тому времени, когда родился Гельмут, положение семьи было относительно благополучно. В материальном плане его характеризовал известный достаток и определенная устойчивость. Во многом это была заслуга отца, который, будучи к тому же домовладельцем, получал стабильное, хотя и не очень высокое, жалованье финансового чиновника Веймарской республики. Этих денег вполне хватало на то, чтобы содержать семью из пяти человек, как полагалось в том кругу, к которому он и себя причислял.

Иоганн Каспар Коль упорно продвигался вверх по служебной лестнице, однако значительной карьеры ему сделать так и не удалось — не в последнюю очередь сказалось его сдержанное, а порой и откровенно неприязненное отношение к установившемуся в Германии с января 1933 г. нацистскому режиму. Коль-старший долгое время был убежденным сторонником либерально-католической партии «Центр». После прихода Гитлера к власти Иоганн Коль не изменил своих умеренных умонастроений и не принял национал-социалистической веры.

По свидетельству Гельмута Коля, его отец гордился достижениями своего народа в области культуры, хорошо помнил все важнейшие даты немецкой истории и вместе с тем знал и уважал традиции других народов. Его спокойной, уверенной и жизнестойкой натуре было несвойственно гипертрофированное ощущение национальной исключительности. Все это определяющим образом повлияло на ту атмосферу, которая сопутствовала формированию духовного облика будущего канцлера. Именно в этот период были заложены многие характерные черты и наклонности Гельмута Коля — его упорство и огромная пробивная сила, организованность, трудолюбие, никогда не покидающая его уверенность в своих силах и умение не теряться в трудных ситуациях, любовь к истории и почтительное уважение к своим корням.

Далеко не последнюю роль сыграл и тот факт, что отец его был убежденным католиком. Мать — ее звали Цецилия — была еще более набожна. Она превосходно знала не только Библию, но и жизнеописания всех главных святых католической церкви. В повседневной жизни она стремилась следовать христианским заповедям. Праздник Рождества был одним из самых любимых семейных торжеств, как, впрочем и во всей Германии. В канун его вся семья посещала собор, где слушала мессу. По возвращении домой отец или мать читали своим детям истории из Св. Писания. Старшая сестра Гельмута садилась за пианино и играла рождественские мелодии, а все остальные подпевали. Впоследствии канцлер не однажды вспомнит: «Как хороши были эти старые рождественские песни!». Вполне естественно, что в доме, где атмосфера была проникнута духом христианства и терпимого отношения друг к другу, не нашлось питательной среды для тоталитарной идеологии национал-социализма.

Однако война, которую Гельмут пережил во вполне сознательном возрасте, все-таки наложила свой отпечаток на его судьбу. На всю жизнь в памяти остались авиационные бомбардировки родного города: на индустриальный Людвигсхафен, где в то время был расположен крупнейший химический концерн «ИГ Фарбен», было совершено более 120 налетов англо-американской авиации. Одна бомба угодила прямо в сад перед домом Колей, но, к счастью, не разорвалась. Подростком Гельмут был среди тех, кто тушил пожары, расчищал завалы, оказывал посильную помощь раненым. Трагедия не миновала и его семью: на Западном фронте погиб его 18-летний брат Вальтер.

Сам Гельмут в конце войны был мобилизован вместе с остальными учениками своего класса и направлен в местечко Берхтесгаден для ускоренного прохождения начальной военной подготовки и последующей защиты этого пункта. Один из последних оплотов рейха, Берхтесгаден был настолько хорошо укреплен, что получил название «альпийской крепости». После того, как 3 апреля 1945 г. (т. е. в день своего пятидесятилетия) Коль присягнул на верность рейхсфюреру, на него было возложено выполнение охранно-курьерских функций: необходимо было сопровождать нацистские архивы, которые в спешном порядке свозились из Мюнхена

и Вены в подземные бункеры Берхтесгадена. Лишь после капитуляции вермахта и пятинедельных мытарств по оккупированной союзниками стране Коль вместе с тремя товарищами наконец-то смог добраться до отчего дома.

В ноябре 1945 г. он возобновил прерванные почти год назад школьные занятия. Будучи по натуре жизнерадостным, энергичным, «заводным» юношей, Коль сразу же приобрел много новых друзей. Его неудержимо влекло к сверстникам, и он всякий раз оказывался в центре компании. Его школа была к тому времени перепрофилирована в «естествоведческую гимназию», что вызвало немалое разочарование и откровенное неудовольствие юноши. Основной упор был сделан на преподавании физики, химии, математики. Это было совсем не то, что интересовало и влекло Гельмута, к тому же с этими предметами у него были определенные проблемы. Темпераментный и очень общительный, он никак не мог понять, как можно посвятить себя изучению сухих естественных дисциплин в такое время, когда на глазах творится сама история.

Правда, с учителем математики ему повезло. Им оказался Отто Штамфорт, который был благосклонен к юноше и старался излишне не донимать его нелюбимым предметом. Гимназист Коль часто и с удовольствием бывал у Штамфорта на квартире, где с увлечением дискутировал с этим убежденным коммунистом о Ленине, Сталине, марксизме. Когда в конце 40-х годов Штамфорт переселился в ГДР, он оставил Гельмуту собрание произведений Маркса, которые нынешний канцлер хранит до сих пор.

В 1946 г., будучи еще учеником гимназии, Коль вступил в члены Христианско-демократического союза (ХДС) — одной из двух (наряду с СДПГ) крупнейших в послевоенной Германии «народных партий». ХДС был образован летом 1945 г. главным образом из осколков прежней партии «Центра». Коль получил членский билет за номером 00246 и активно включился в работу местной молодежной организации ХДС. Это был вполне осознанный поступок молодого человека, который уже в тот период принципиально решил для себя вопрос о своей будущей карьере профессионального политика.

Его внимание привлекали социально-политические вопросы, проблемы коммунальной политики в родном городе, и Коль при всяком удобном случае темпераментно обсуждал их не только в кругу своих сверстников, но и с учителями. Его настоящим увлечением стали история и литература. Читал он много. Знакомство с новыми книгами подстегнуло его интерес к истории и жизни общества и повлияло на выбор профессии. На выпускных экзаменах он сумел продемонстрировать незаурядные, явно выходящие за рамки школьной программы, познания в этих областях. За сочинение на тему «Является ли социальный вопрос проблемой рынка?» Коль получил высшую оценку. Это позволило ему выправить общий аттестационный балл, который тянул вниз «неуд» по математике.

После окончания гимназии Коль продолжил учебу. Первоначально он остановил свой выбор на университете во Франкфурте-на-Майне, где в течение двух семестров добросовестно штудировал экономику, право, психологию. Затем он перевелся в Гейдельбергский университет. Здесь он сосредоточил свое внимание на изучении таких дисциплин, как государственное и публичное право, философия, политология, история.

С преподавателями Коль повезло. Среди профессоров, чьи лекции он посещал, были ученые, которые не только по праву составляли гордость университетской науки, но и во многом формировали духовную атмосферу Западной Германии того времени, отражая в своих работах начавшиеся после разгрома нацизма процессы либерализации, пробуждения гражданского общества. Достаточно назвать имена К. Ясперса, Д. Штернбергера, К. Шмидта, В. Хальштейна, А. Вебера, В. Гельпаха, А. Бергштрассера.

Защищать диссертацию для получения степени доктора Г. Коль решил по истории. Темой его работы являлось «Политическое развитие Пфальца и возрождение политических партий после 1945 г.». К тому моменту, когда диссертация была готова к защите, по этой проблематике практически не

существовало сколько-нибудь заметных работ. В процессе написания диссертации Коля провел настоящее исследование. Во многом он опирался на многочисленные архивные документы. Однако наиболее интересную и живую струю в его работу привнесло использование им опыта личной политической деятельности — в качестве заместителя председателя рейнландпфальцской земельной христианско-демократической организации «Молодой Союз» (с 1954 г.) и члена правления земельной организации ХДС (с 1955 г.).

Разработка проблематики диссертации была максимально приближена к современности, система аргументов имела практическую направленность, наконец, итоговые идеи были умело пропущены через призму собственного опыта. Все это отразило внутреннюю склонность Коля к практической политике. Его научный руководитель В. Фукс впоследствии утверждал: «Зная биографию Коля, я понял, что после защиты он уйдет в политику. Сам он тоже не сомневался на этот счет»². Действительно, Коля рассматривал учебу в университете и получение степени доктора наук как ступени для достижения давно поставленной им цели — стать профессиональным политиком.

Между тем, профессиональное занятие политикой в только что созданном западногерманском государстве было отнюдь не простым и далеко не самым престижным делом. Гитлер оставил немцам поистине страшное наследие. Поверженная нация, пережившая катастрофу, пребывала в состоянии шока и растерянности. Люди были подавлены, унижены, деморализованы и в большинстве своем не желали иметь с политикой ничего общего. Нередко они даже не испытывали доверия к новым политическим лидерам, о чем свидетельствовали многочисленные опросы общественного мнения.

Гитлеровская диктатура не смогла, к счастью, поразить традиционные основы мировоззрения семьи Коля. «Ориентиры не были утрачены ни на мгновение», — напишет он позднее в своей автобиографической книге «Мой родительский дом». Его как бы обошла стороной драма тотального краха нацистских ценностей. Однако судьба отнюдь не избавила его от напряженного поиска новых основ своего бытия. Гельмуту, как, наверное, многим из его сверстников было совсем не просто разобраться в сложных перипетиях общественно-политической жизни послевоенной Германии.

50-е годы стали для Германии периодом активного возрождения и нового расцвета традиционной в основе своей, но в то же время и откровенно деполитизированной, национальной культуры. Экраны кинотеатров, например, во множестве заполнили сентиментальные фильмы, которые, как правило, в красочной и вместе с тем примитивно-бесхитростной форме представляли идеализированные сюжеты из сельской жизни Германии. Конечно, такие картины разительно контрастировали с многотрудной реальностью повседневного быта того времени. Однако их массовое производство ознаменовало собой конец безудержной и неприкрытой политической пропаганды с экрана — будь то, как прежде, на потребу национал-социалистов, или же, теперь, в интересах нарождающейся демократии.

Вместе с тем в тот период и речи не могло быть о том, чтобы демонстрировать на широком экране киноленты, подобные фильму Алена Ренэ «Ночь и туман», о людях, погибших в гитлеровских лагерях смерти.

Видимо, это не было случайным. В числе депутатов первого западногерманского бундестага было 57 бывших членов НСДАП, а во внешнеполитическом ведомстве ФРГ еще в 1951 г. насчитывалось 134 бывших национал-социалиста³. Тогда большинство немцев охотно согласились обозначить 1945 г. как «час ноль», как год «тотального возрождения». Эта формула помогла отодвинуть от себя национальный позор предшествующих лет.

Засучить рукава и приняться за восстановление почти полностью разрушенного хозяйства оказалось для многих немцев единственным приемлемым выходом из моральной катастрофы, которую они пережили. Теодор Хойсс, бывший либерально настроенный швабский журналист, ставший в 1949 г. первым президентом ФРГ, так сформулировал эту мысль: «Мы

сегодня управляющие самого ужасного и самого лживого банкротства в истории. У нас есть только один шанс. Имя ему — работа»⁴. Огромный потенциал национальной энергии, помноженный на традиционную организованность и приверженность порядку, реализовывался на сотнях заводов и фабрик, в тысячах мастерских и хозяйств. И вскоре экономические успехи ФРГ получили известность в мире как «немецкое чудо»⁵. С 1949 по 1954 гг. Западная Германия в 5 раз увеличила экспорт своей продукции, и уже в 1951 г. он превышал импорт. Она превратилась в государство-кредитора некоторых из своих европейских партнеров⁶. В те годы вся жизнь ФРГ проходила под лозунгом «необходимо экспортировать». Восстанавливаемое хозяйство было ориентировано на экспортную торговлю.

Это было продиктовано стремлением получить средства для финансирования восстанавливаемого хозяйства, намерением скорее погасить довоенные долговые обязательства, которые ФРГ приняла на себя, чтобы утвердиться в качестве государства — правопреемника «третьего рейха». Э. Ройтер, являющийся ныне председателем правления «Даймлер Бенц АГ», заметил по этому поводу, что «после того позора, на который обрекли Германию злодеяния Гитлера, этот лозунг призван был играть самую важную роль на трудном и долгом пути, который должен был вывести нас к обретению международного уважения и свободы действий»⁷.

Политическая деятельность в этих условиях требовала определенной позиции по всем актуальным проблемам, каждая из них уходила корнями в недавнее трагическое прошлое. Сфера политики заключала в себе животрепещущие и нередко болезненные для каждого немца вопросы о них самих, об их истории, о том, что в ней было достойно гордости, уважения и превращения в традиции, а что — источником несмываемого позора и бесчестия. Ведь отсутствие широкого движения сопротивления режиму Гитлера было неоспоримым фактом, как и то, что освобождение от нацистской тирании стало возможно лишь в результате иностранного вторжения, что повлекло за собой подписание акта о безоговорочной капитуляции, оккупацию страны и утрату ею части принадлежавших ей до войны территорий.

Постепенно получая возможность играть все более значимую роль в мирохозяйственной жизни, ФРГ еще долго оставалась под самой пристальной и поначалу откровенно неприкрытой военно-политической «опекой» со стороны держав-победительниц. Ее политическая ориентация, как вовне, так и внутри страны, была во многом predetermined практически не зависящими от нее условиями. Само конституционное обоснование нового государства явилось результатом действий западных держав⁸. Энтузиазм, с которым они приступили к налаживанию демократических процессов в своих зонах оккупации, создавал порой дополнительные проблемы для тех в Германии, кто выбрал для себя политическое поприще. Практически все они подчас оказывались в двусмысленной ситуации. Каждому из них приходилось решать вопрос о том, как, не нарушая волю союзнических держав, отстаивать интересы своих избирателей.

Основные цели западногерманской политики (безопасность страны, ее единство, политическое и хозяйственное возрождение) практически никем не оспаривались. Однако в начале 50-х годов отнюдь не просто было разобраться в том, чья же политическая линия в большей степени отвечала национальным интересам — Аденауэра, который демонстративно включал в свое ближайшее окружение видных функционеров «третьего рейха»; или другого незаурядного немецкого политика послевоенного времени, тогдашнего председателя СДПГ Курта Шумахера, бывшего почти десять лет узником Дахау.

Как и Аденауэр, Шумахер не питал иллюзий в отношении политики Советского Союза. Однако он искренне опасался, что западные державы используют ФРГ лишь как инструмент в своих политических целях и что слишком поспешная интеграция ФРГ в создаваемые ими структуры помещает восстановлению единства Германии. Он был убежден в том, что пойдя на тесное сотрудничество с западными союзниками, Аденауэр пожертвовал

реальным шансом на объединение страны. Шумахер защищал единство Германии и пытался отстоять возможность объединения страны под знаком «чистого национального сознания, признающего международные обязательства»⁹.

Политические взгляды социал-демократа Шумахера, в том числе и его «агрессивное стремление к национальному единству»¹⁰, оказали глубокое влияние на Коля (в 1947 г. в Мангейме он впервые присутствовал на публичном выступлении лидера СДПГ). Коль, которого впоследствии прозвали «внуком Аденауэра», проникся идеей немецкого единства еще в старшем классе гимназии, и в последующие годы не выказывал и тени сомнения в том, что ему удастся дать свой ответ на «германский вопрос». В 1989 г. можно было убедиться в том, как мало в принципе отличалась позиция канцлера Коля, стремившегося к государственному объединению немецкой нации «под европейской крышей», от взглядов, которые отстаивал после войны Шумахер.

Летом 1958 г. Коль защитил докторскую диссертацию. Работая над нею, он проанализировал во многом уникальные материалы, что помогло ему получить более глубокое и объективное представление о реальном положении дел в Рейнланд-Пфальце. Затем это позволило ему приобрести неоценимые преимущества в борьбе с политическими соперниками.

После окончания университета Коль погрузился в партийную жизнь и быстро начал подниматься по ступеням политической карьеры. В 1959 г. он становится председателем районной организации ХДС в Людвигсхафене, затем — депутатом ландтага Рейнланд-Пфальца, членом правления фракции ХДС в ландтаге и членом его финансово-бюджетной комиссии. Год спустя он занимает пост председателя фракции ХДС в муниципалитете Людвигсхафена, а еще через год с небольшим становится заместителем председателя фракции ХДС в ландтаге.

С самого начала отнюдь не просто складывалось сотрудничество различных поколений в рядах ХДС. Во главе земельного ХДС и правительства в Рейнланд-Пфальце с 1947 г. бесценно находился один из маститых представителей «старшего поколения», Петер Альтмайер. Многоопытный политик, он отличался авторитарным стилем руководства и не склонен был всерьез прислушиваться к голосам молодых христианских демократов, рупором которых после избрания в ландтаг стал Гельмут Коль. Они пытались проявлять самостоятельность во внутривнутриполитических вопросах, стремились оказывать влияние на решение проблемных и кадровых вопросов, выступали против коррупции и семейственности в партийных рядах, сопротивлялись засилью старых функционеров. Сплачивая вокруг себя молодых единомышленников, Коль уверенно занимал подчас бескомпромиссную позицию по всем актуальным вопросам. Он располагал недюжинными познаниями во всем, что касалось политической обстановки в Рейнланд-Пфальце. В мае 1963 г. фракция ХДС в ландтаге подавляющим большинством голосов выбрала его своим председателем. Уже вскоре в лице парламентской фракции и ее правления Колю удалось создать второй центр политической власти в земле наряду с канцелярией премьер-министра¹¹.

У Коля не было какого-нибудь высокопоставленного покровителя. Отличительной особенностью его восхождения на политический Олимп было то, что он всякий раз начинал свое движение, находясь в оппозиции. Нередко это была оппозиция в рядах собственной партии. Коль опирался на созданную им команду, ядро которой составили его бывшие коллеги по Молодому союзу. Бернгард Фогель, который стал преемником Коля на посту премьер-министра Рейнланд-Пфальца, вспоминает: «В 1967 г., когда мне было всего лишь 34 года, моя кандидатура на пост министра казалась 68-летнему премьер-министру П. Альтмайеру совершенно неприемлемой. Аналогичным образом дело обстояло и с Хайнером Гайслером, которому тогда хотя и было 37 лет, но который, по мнению Альтмайера, также не подходил по молодости для поста министра. Однако Гельмут Коль, которому тогда тоже было 37 лет, настоял на своем»¹².

Таким образом, уже тогда Коль обнаружил уникальную способность находить политически одаренных людей, привлекать их на свою сторону и содействовать их выдвижению на ответственные посты. Подбор кадров он осуществлял с прицелом на будущее. Немало политиков обязано тогда своим выдвижением Колью. Он способствовал назначению в 1967 г. генеральным секретарем ХДС Б. Хекка и избранию федеральным канцлером К.- Г. Кизингера, продвижению Н. Блюма, ставшего потом министром труда в федеральном правительстве самого Коля. Примерно в это же время судьба свела будущего канцлера с адвокатом Р. фон Вайцзеккером, которого он и внес в список ХДС по выборам в бундестаг. Позднее этот человек стал, пожалуй, самым популярным президентом ФРГ. Даже соперники Коля вынуждены были признать, что он обладает исключительным даром в нужный момент подобрать необходимых людей.

В глазах «патриархов» земельной ХДС Коль очень скоро заработал репутацию «бунтаря». Действительно, его напористая и эмоциональная манера поведения зачастую носила заметный отпечаток конфронтации. Он часто и охотно встречается с людьми, выступает перед различными, не только партийными, аудиториями. В своих речах и докладах он затрагивает проблемы демократии, отношений между правительством и оппозицией, профсоюзами и предпринимателями. Коль часто апеллирует к идее сильной государственной власти как гаранта порядка и стабильности. Он не устает повторять основополагающие принципы христианско-демократического мировоззрения.

В этот период его политическая деятельность проникнута двумя основными устремлениями: во-первых, превратить ХДС из «партии местной знати»¹³ в подлинно народную; во-вторых, разрушить имидж Рейнланд-Пфальца как архиконсервативной и отсталой земли.

Важное место в его политической концепции занимают в это время вопросы культурной политики, и особенно детского воспитания и школьного образования. Крупным успехом стала реформа школьного образования в Рейнланд-Пфальце, которую он провел, несмотря на упорное, по крайней мере, на первых порах, сопротивление Альтмайера и его окружения. Премьер-министр был убежденным сторонником школ, разделенных по конфессиональному признаку. Между тем, богатый опыт подсказывал Колью, что время такой формы обучения близится к концу. Первый успех на этом направлении ознаменовало принятие ландтагом в 1967 г. поправки в земельной конституции. Через три года, когда Коль уже сменил Альтмайера на посту премьер-министра Рейнланд-Пфальца, христианская общинная школа была утверждена в качестве нормальной общеобразовательной школы.

Возглавив в мае 1969 г. земельное правительство, Коль стал первым премьер-министром Рейнланд-Пфальца, который был местным уроженцем. Он очень гордился этим и поставил себе целью покончить с провинциальной узостью Рейнланд-Пфальца. Приграничное положение этой федеральной земли побуждало к всестороннему развитию связей, особенно с Францией. Что касается улучшения отношений между ФРГ и Францией, земельное правительство проделало во многом первопроходческую работу. Оно содействовало установлению партнерских отношений между городами по обе стороны Рейна, Рейнланд-Пфальцем и французской Бургундией, поощряло развитие контактов граждан обеих стран, особенно молодежи.

Личный опыт и давние переживания самого Коля сыграли здесь определяющую роль: «Рассказы моего отца о первой мировой войне,— вспоминает он,— глубоко запали мне в память... Я вспоминаю, что в 1948 г. я был среди тех старшеклассников, которые вырывали пограничные столбы в Эльзасе, пели европейские песни, в которых говорилось о братстве, и восклицали: «Это — Европа!»¹⁴. Впоследствии, уже как канцлер, Коль оказался одним из наиболее убежденных, последовательных и активных приверженцев идеи объединенной Европы на базе германо-французского согласия.

В своем первом правительственном заявлении 20 мая 1969 г. депутатам

майнцакого ландтага, Коль в качестве одной из основных поставил задачу дальнейшего совершенствования культурной политики и модернизации всей системы образования в Рейнланд-Пфальце.

Он обещал что отныне его кабинет будет править по-новому. За год до этого по всей Западной Германии прокатилась волна антиправительственных выступлений. Они напомнили, что «эксперимент» по созданию на федеральном уровне «большой коалиции», которая, находилась у власти в Бонне в 1966—1969 гг., едва ли был вполне успешным, по крайней мере в области внутренней политики. Образование такой коалиции породило ряд проблем и ассоциации с периодом Веймарской республики. Прежде всего в парламенте практически не стало оппозиции. Единственной оппозиционной силой оказалась сравнительно малочисленная Свободно-демократическая партия (СвДП), классическая «партия середины», которой в силу этого было трудно критиковать «праволебую» коалицию. ХДС был расколот, в то время как в СДПГ ощущалось влияние молодых, сматревших на «большую коалицию» с изрядной долей недоверия и скепсиса.

Важнейшим достижением первых лет существования ФРГ было утверждение в ее политической жизни принципа: правительство против оппозиции. Во второй половине 60-х годов политикам пришлось столкнуться с проблемой, которая являлась следствием парламентской (псевдо)гармонии. В результате оппозиция откололась от представленных в бундестаге политических партий и вышла на улицы. Наряду с террористическими организациями на левом фланге политического спектра возникали объединения типа «Внепарламентской оппозиции», состоявшие преимущественно из радикально настроенной молодежи и студентов. На правом фланге активизировались реваншистские и неонацистские организации, в том числе созданная в 1964 г. Национал-демократическая партия Германия (НДПГ), члены которых раньше нередко отдавали свои голоса ХДС/ХСС. Именно в это время ультраправым удается попасть в парламенты семи из десяти западногерманских земель, в том числе Рейнланд-Пфальца.

Коль уже давно зарекомендовал себя как убежденный сторонник парламентской демократии и решительный противник неконструктивной, огульной критики демократического государства. Вопрос о жизнеспособности современного государства, совершенствовании деятельности всех его учреждений оказывается в центре внимания его кабинета. Уже в первом правительственном заявлении он говорил, что «настало время парламенту разобраться с критикой этого государства и его демократической жизни... «Новые левые» оспаривают способность нашей политической системы и серьезность намерения политического руководства радикально преобразовать общество... «Крайне правые» считают, что парламентская демократия не дает достаточных гарантий для претворения в жизнь ее представлений о праве и порядке. «Новых левых» и «вечно вчерашних» объединяет стремление навязать свои тоталитарные взгляды на государство и общество... Это резко противоречит открытости нашей политической системы, которая заявляет о своей приверженности политическим свободам и равенству всех граждан, принципу принятия решений волей большинства»¹⁵.

Одним из главных элементов его правительственной программы становится установка на сокращение дистанции между рядовым гражданином и государством. Коль был убежден, что гражданину требуется всесторонняя информация о работе всех звеньев власти: правительства, парламента, административных и судебных органов. Условие нормального функционирования демократии он видел в том, чтобы поддерживалась постоянная двусторонняя связь между гражданином и государством, правительством и общественностью. В первом правительственном заявлении Коль говорил: «Государственные органы должны устранять все, что препятствует нормальным отношениям между гражданином и государством... Гражданин должен быть уверен в том, что от него ничего не скрывают. Поэтому данное земельное правительство готово поддерживать прессу в выполнении ее задачи по обеспечению актуальной и всесторонней информации»¹⁶.

Коль выступил также инициатором административной реформы. Он

понимал необходимость консолидации региона, который тогда еще не избавился от нелестного прозвища «дитя оккупационных властей»¹⁷. Из прежних пяти административных округов было образовано три; районы, которых насчитывалось 39, были упразднены; чуть более 24 тыс. городов и общин были объединены в 212 административных единиц. В результате удалось несколько сократить чрезмерно раздутый управленческий аппарат.

На протяжении послевоенных лет различные политические силы ФРГ — от «Союза изгнанных» до СДПГ — неоднократно выдвигали предложение о расчленении и упразднении Рейнланд-Пфальца, как федеральной земли. Политика, которую проводило возглавляемое Колем правительство, способствовала тому, что жители Пфальца, Рейн-Гессена, Вестервальда все больше осознавали себя гражданами единой федеральной земли. Когда 19 января 1975 г. здесь был проведен референдум по вопросу о целесообразности дальнейшего существования Рейнланд-Пфальца, подавляющее большинство его жителей высказались за сохранение единства этой федеральной земли.

Благодаря административной реформе, созданию ряда новых вузов — в Кобленце, Вормсе, Ландау, — а также университета в Трире, начинаниям в социальной сфере Рейнланд-Пфальц вскоре превратился в одну из ведущих федеральных земель и динамично развивающуюся часть ФРГ. Коля заслуженно пользовался большим авторитетом — как глава земельного правительства и лидер местного ХДС. У него были сильные позиции в верхней палате федерального парламента — бундесрате, в котором он стал лидером среди представителей земель, возглавляемых ХДС. В июне 1973 г., на 21-м съезде ХДС его значительным большинством голосов (520 из 600) избирают председателем федерального ХДС.

На выборах в ландтаг в 1975 г. ХДС получает 53,9% голосов, что было лучшим результатом с момента образования ФРГ. Этому способствовали и личные качества Коля: демократизм, знание жизни и особенно положения в Рейнланд-Пфальце, открытость и умение найти верный подход к людям. Он говорит на понятном для простых людей языке. В его речи проскальзывают порой диалектизмы, но он считает важным подчеркнуть особенностью своего говора связь с той культурной средой, которая его сформировала. И это способствует его популярности. Охотно идя на непосредственный контакт, Коля сумел расположить к себе избирателей.

В мае 1975 г. ландтаг снова утверждает его в должности премьер-министра Рейнланд-Пфальца. Летом того же года Коля переизбирают председателем ХДС и определяют кандидатом в канцлеры от блока ХДС/ХСС. Однако на выборах 3 октября 1976 г. партиям консервативного блока не хватило для абсолютного большинства 300 тыс. голосов. Соперником Коля был многоопытный и искушенный политик, правящий канцлер Гельмут Шмидт (СДПГ). Однако Колю, который не имел даже федерального депутатского мандата, удалось набрать 48,6% голосов. Это оказалось вторым результатом ХДС, начиная с 1949 г.¹⁸

Теперь перед Колем встала дилемма: оставлять ли свои прочные позиции в Майнце в качестве главы земельного правительства ради неустойчивого места руководителя оппозиции в Бонне. Решение далось ему нелегко. В конечном итоге перевесили аргументы в пользу федерального уровня. В канун отъезда, на приеме в государственной канцелярии, обербург-гомистр Майнца Й. Фукс на прощание сказал Колю: «Вам предстоит трудный путь, господин премьер-министр. Я надеюсь, что Вам не придется раскатыться в том, что Вы покинули Майнц». Коля ответил: «Дорогой господин Фукс, когда-то в нашей жизни, в том числе и в политической, наступает момент, когда мы должны принять решение. Я решил отправиться в Бонн»¹⁹.

После переезда в столицу Коля сохранил связь с родными местами. Как бы ни была загружена его рабочая неделя, он, как правило, находил возможность для того, чтобы встретиться со своими друзьями, большинство которых он знал по Людвигшафену, и с которыми, уже будучи премьер-министром Рейнланд-Пфальца, любил иногда посидеть в сауне или просто

за бокалом рейнского вина. Коль нередко выверял свою политическую линию по настроению «простых» собеседников. Не упускал он и возможность побродить на досуге по пфальцскому лесу с Е. Рамштеттером, священником из церкви св. Йозефа в Людвигсхафене — кто, как не патер лучше других знает людские проблемы?

На связке ключей у Коля остался ключ от его дома в Оггерсхайме (в предместье Людвигсхафена). «Мне никогда не нужно, чтобы кто-нибудь отпирал для меня дверь моего дома», — с достоинством говорил Коль. Этот дом супруги Коль построили для себя вскоре после свадьбы в 1960 году. Коль полюбил этот дом в Оггерсхайме, который со временем стал любимым местом проведения досуга. Жена Коля, Ханнелоре Реннер, в полной мере разделяла с мужем это чувство привязанности к родному очагу.

На Ханнелоре, которая была на 3 года младше своего мужа, как и на самого Коля, война и послевоенная обстановка наложили глубокий отпечаток. Начиная с 1944 г., одиннадцатилетняя девочка несла на центральном вокзале городка Дебельн (что под Дрезденом), где в то время

обосновалась ее семья, «вокзальную службу»: приходилось обслуживать эшелоны с ранеными, прибывавшими с Восточного фронта. Одновременно она подрабатывала в качестве уборщицы в столовой той фабрики, где трудилась ее мать. Весной 1945 г., при приближении Красной Армии, семья Реннер бежала на запад. Последовала долгая череда необустроенных лет, постоянных переездов с места на место. Лишь в 1953 г. Ханнелоре и ее мать (отец умер годом ранее) окончательно осели в Людвигсхафен. После того, как супруги Коль обрели наконец собственный дом, где росли их сыновья (в 1963 г. родился Вальтер, в 1965 г. — Петер) не так уж и легко было примириться с необходимостью очередного переезда.

Позднее, уже став канцлером, Коль, который очень часто и умело привносит личный элемент в свои публичные выступления, говорил в одной из своих речей: «Будучи ребенком, моя жена была вынуждена 13 раз сменить место жительства»²⁰. Ханнелоре, скромной и демократичной по своим привычкам, пришлось снова срываться с насиженного места и вживаться в новую для нее роль — супруги политика федерального масштаба.

Согласившись возглавить фракцию ХДС/ХСС в бундестаге, Коль вплотную подошел к решению задачи, с которой он, будучи с 1973 г. председателем крупнейшей оппозиционной партии, неоднократно сталкивался. Это было время, когда консерваторы еще не в полной мере оправившись от поражения, нанесенного им в 1969 г. коалицией социал-демократов и либералов. После 20 лет непрерывного и почти единоличного пребывания у власти в Бонне обе христианские партии оказались в оппозиции и сначала никак не могли осознать новый расклад сил на политической сцене ФРГ. Председатель ХДС и канцлер К.-Г. Кизингер воспринял едва ли не как личную обиду известие о том, что его прежний коллега по «большой коалиции» Вилли Брандт после выборов, принесших христианским демократам по сравнению с другими партиями большинство голосов, принял решение о создании новой коалиции (на базе незначительного парламентского большинства) со СвДП. Это спутало все карты демохристианского канцлера. Новым канцлером ФРГ стал Брандт. Его «новая восточная политика», которая нашла свое выражение в договорах с Советским Союзом, Польшей, а затем в договоре об основах отношений с ГДР всколыхнула общественно-политическую жизнь ФРГ и вызвала среди политиков ничуть не менее ожесточенные споры, чем в 50-е годы вызвал внешнеполитический курс Аденауэра на возможно более тесное участие ФРГ в западно-европейской интеграции — в ущерб возможному объединению страны, как тогда считали многие.

Весной 1972 г. борьба между правительством и оппозицией вокруг внешнеполитического курса ФРГ достигла кульминации. В результате того, что некоторые депутаты от СвДП²¹ и даже СДПГ перешли в ряды оппозиции и без того крайне незначительное парламентское большинство правящей коалиции вплотную приблизилось к критической равновесной отметке. 27 апреля 1972 г. председатель ХДС и фракции ХДС/ХСС Райнер Барцель инициировал в бундестаге вотум недоверия правительству Брандта²². В ходе последовавшего голосования христианскому демократу не хватило до абсолютного большинства двух голосов. Брандт остался на посту канцлера. 17 мая бундестаг ратифицировал договоры ФРГ с Советским Союзом и Польшей. В одном из выступлений в бундесрате Коль справедливо признал, что «провал этих договоров повлек бы за собой немалые осложнения»²³.

На федеральных выборах 1972 г. коалиция СДПГ — СвДП получила солидное большинство голосов, а партии социал-демократов впервые удалось набрать большее количество голосов, чем ХДС/ХСС. Таким образом граждане ФРГ поддержали «новую восточную политику». Председатель ХДС Коль был в числе тех, кто раньше других осознал объективное отсутствие у оппозиции приемлемых внешнеполитических альтернатив и стал переориентировать свою партию. Во многом благодаря его усилиям христианские демократы к середине 70-х годов подкорректировали свою позицию в отношении «новой восточной политики».

Изменившиеся условия требовали по-новому наладить работу оппозиции. Многие христианские депутаты, воодушевленные «почти одержанной» победой Коля на выборах в бундестаг 1976 г., возлагали на него большие надежды. Он повел себя как политик, способный учитывать обстановку, обладающий умением кропотливо собирать и максимально концентрировать силы для достижения поставленных целей. Будучи реалистом, он отверг предложенную ему некоторыми коллегами по партии идею организовать в парламенте очередной «штурм» позиций социально-либеральной коалиции и попытаться в ближайшем будущем трансформировать свои 48,6% в абсолютное большинство. Коль предпочел гораздо более долгий, но реалистичный и надежный путь постепенного сближения с партией свободных демократов.

На этом пути Колю пришлось преодолеть немало трудностей. Первые из них сенсационно дали о себе знать уже в самом начале его пребывания на новом посту. Вскоре после выборов в бундестаг в баварском местечке Вильдбад Кройт состоялась конференция Христианско-социального союза (ХСС), который, начиная с 1949 г., выступал в блоке с ХДС. На ней неожиданно для многих, а главное без предварительного оповещения ХДС, было принято решение о прекращении взаимодействия ХСС с христианскими демократами в рамках единой парламентской фракции и создании в бундестаге самостоятельной фракции. Фактически это был раскол оппозиции. Вдохновителем принятого решения был председатель ХСС Франц Йозеф Штраус. Главным мотивом его действий стало несогласие с той стратегией, которую избрал его демохристианский партнер в отношении СвДП и смены правительства в Бонне.

Далеко не последнюю роль в агрессивном поведении баварского политика сыграло и то, что он был убежден: блок ХДС/ХСС мог бы одержать победу на минувших выборах в бундестаг, если бы кандидатом на пост канцлера выступил сам Штраус. Председатель ХСС высокомерно заявил: «Коль — это удачливый премьер-министр, который должен знать свои собственные границы»²⁴. Выразив свое согласие с кандидатурой Коля, лидер ХСС добился включения в итоговое коммюнике слов: «ХСС придерживается собственного мнения, что его председатель является наиболее подходящим кандидатом»²⁵. После неудачи Коля на выборах Штраус повел кампанию по превращению Христианско-социального союза, сфера деятельности которого была ограничена Баварией, в общенациональную партию (наряду с ХДС, СДПГ и СвДП).

Открытая конфронтация в стане консерваторов продолжалась, впрочем, недолго. Меньше, чем через месяц после вильдбад-кройтской конференции Штраус все же пошел на компромисс. После трудной и исполненной драматизма полемики Колю удалось убедить баварского лидера в опасности раскола единой парламентской фракции, который может повлечь за собой ослабление оппозиции и повлиять на исход выборов в 1979 г. главы государства в пользу правящей коалиции. Достигнутый между Колем и Штраусом компромисс состоял в том, что при голосовании вопросов общенационального значения депутаты от ХСС имеют полную самостоятельность, а при решении вопросов принципиального характера христианские социалисты могут не присоединяться к резолюциям ХДС²⁶.

Христианские социалисты продолжали испытывать недоверие к политическому курсу лидера оппозиции. ХСС и его председатель упрекали Коля в слабом руководстве парламентской фракцией, пассивности и, главное, в неправильно выбранной политической стратегии. К критике присоединилась и часть депутатов от ХДС. В мае 1977 г. Ю. Тоденхофер, в частности, заявил, что Коль пытается добраться к власти в «спальном вагоне»²⁷, а бывший генеральный секретарь ХДС К. Биденкопф потребовал, чтобы Коль сложил с себя полномочия руководителя фракции. Критику из собственных рядов Коль научился воспринимать относительно спокойно. В одном из интервью он говорил: «Кто не в состоянии этого вынести, тот должен уйти»²⁸.

Весной 1979 г. Штраус заявил, что он намерен выставить на

предстоящих выборах в бундестаг свою кандидатуру в качестве претендента на пост канцлера от блока ХДС/ХСС. На этот раз Коль воздержался от прямого соперничества с амбициозным баварцем и добился, чтобы у Штрауса появился достаточно опытный конкурент — христианский демократ Э. Альбрехт, бывший премьер-министром Нижней Саксонии. Однако парламентская фракция ХДС/ХСС сравнительно небольшим перевесом голосов (135 : 103) решила вопрос в пользу Штрауса. Во имя победы на предстоящих выборах Коль пошел на мировую со своим «заклятым другом», хотя и высказывал в узком кругу сомнения в том, что баварцу удастся достичь удовлетворительных результатов.

Некоторые политики выражали опасения, что с выдвижением Штрауса кандидатом в канцлеры бразды правления ходом предвыборной борьбы перейдут к ХСС, который по численности как минимум в 5 раз уступал ХДС. В одном из интервью Коль попытался сформулировать контраргументы: «Мы ведем предвыборную борьбу совместно... Между нами полное взаимопонимание и очень тесный контакт... У нас общая предвыборная программа... Между ХДС и ХСС нет разногласий по поводу тождества целей»²⁹.

На состоявшихся осенью выборах в бундестаг Штраус потерпел сокрушительное поражение. Его сторонникам во фракции пришлось признать, что они сделали не лучший выбор. Вскоре после этого парламентская фракция консерваторов, которая, впрочем, и на этот раз оказалась сильнейшей в бундестаге, подавляющим большинством повторно утвердила Коля в качестве своего лидера.

Коль убедился в том, что в ХДС появилось много «удельных князьков», которые зачастую преподносят в парламенте собственную точку зрения как позицию партии, причем нередко делают это без согласия на то руководства фракции. Поэтому он воспользовался ситуацией, которая сложилась после поражения Штрауса на выборах, и приступил к реформированию организационной структуры парламентской фракции. В итоге Коль сумел придать оппозиции новый облик — конструктивной и вызывающей уважение. Его положение упрочилось. На его плечи легла тройная нагрузка — быть соперником правящего канцлера Шмидта, председателя социал-демократической фракции в бундестаге Г. Венера и председателя СДПГ В. Брандта.

Одновременно Коль много делает для того, чтобы завершить постепенный переход ХДС от «общества по выборам канцлера» к настоящей народной массовой партии, основанной на членстве и верности программе. Первоначально совместно с Биденкопфом, а с 1977 г. с Х. Гайслером (в качестве генерального секретаря ХДС) Коль активно участвовал в разработке новой программы партии. В частности, он внес большой вклад в выработку позиций по таким важным вопросам, как охрана окружающей среды, борьба с терроризмом. Его заслугой было и то, что в новой программе нашли отражение позитивные изменения в позиции ХДС в отношении «новой восточной политики»: было зафиксировано признание ХДС «восточных договоров». Комментируя события на 29-м съезде ХДС, на котором Коль в очередной раз подавляющим большинством был избран председателем партии, либеральная (а значит, и не испытывающая к лидеру консерваторов особых симпатий) газета «Frankfurter Rundschau» писала: «Очевидно, что ХДС вновь стал единым целым со своим председателем и, судя по всему, обрел в его лице надежного руководителя»³⁰.

Преодолев кризис в консервативном блоке и сумев отразить все нападки внутрипартийных оппонентов, Коль приступил к подготовке партии к очередным выборам, используя все более нараставшие трудности социально-либеральной коалиции. Правительство Шмидта-Геншера столкнулось с непростыми проблемами внутренней политики, в том числе и в экономической сфере. Во второй половине 70-х годов в Бонне были вынуждены сконцентрировать внимание на таких проблемах, как растущая безработица, увеличивающаяся задолженность государства, необходимая реформа пенсионного обеспечения и больничного страхования, сохранение междуна-

родных позиций западногерманской экономики и стабильности марки в условиях мирового экономического спада.

Левое крыло СДПГ, с одной стороны, и СвДП — с другой, тянули социально-либеральную коалицию в противоположных направлениях по ряду принципиальных вопросов: в области экономической и социальной политики, по проблемам ядерной энергетики, контроля над вооружением, размещения на территории ФРГ ракет среднего радиуса действия, предусмотренного «двойным решением» НАТО. По этим вопросам позиция Шмидта, который принадлежал к правому крылу СДПГ, имела гораздо больше общего с подходами либерального партнера по коалиции (а иногда даже и консервативной оппозиции), чем с мнением левых в собственной партии. По вопросу о довооружении точка зрения канцлера подвергалась наиболее жестокой критике именно в СДПГ.

Коль воспользовался разладом в рядах правящей партии. На страницах христианско-демократического бюллетеня «Deutschland — Union» он подверг резкой критике позицию СДПГ по вопросам безопасности³¹. Он решительно отвергает идею социал-демократов о партнерстве с СССР в области безопасности: «Федеративная Республика Германия и Советский Союз не могут быть партнерами в вопросах безопасности. Это было бы возможно только в том случае, если бы для ФРГ защита ее внутренней и внешней свободы имела формальный характер»³².

Ход предвыборной борьбы и результаты выборов 1980 г. подтвердили личную популярность Шмидта среди избирателей (многие из них в шутку говорили, что они предпочли бы этого социал-демократа в качестве главы правительства от ХДС). Однако, это не могло ослабить напряженность ни внутри СДПГ, ни в рамках социально-либеральной коалиции. Партию свободных демократов вдохновил успех на минувших выборах. Ее лидер Ганс-Дитрих Геншер пользовался все большей популярностью в мире как министр иностранных дел ФРГ (с 1974 года). С начала нового легислатурного периода (октябрь 1980 г.) в СвДП исподволь начинают зреть настроения в пользу такого политического курса, который оставлял бы ей возможность для соглашения с партнером как слева, так и справа. Уже в марте 1981 г. Коль заявил: «Каждый чувствует, что основа нынешней коалиции распадается. Авторитет федерального канцлера улетучился. В рядах СДПГ царит раздор... Я не знаю, какую роль в этом процессе собирается играть СвДП»³³.

Между тем экономическая ситуация в стране продолжала ухудшаться, нарастал спад производства; увеличивалось количество неплатежеспособных предприятий; число безработных росло устрашающими темпами (1980 г.— 890 тыс, 1981 г.— 1 млн 127 тыс, 1982 г.— 1 млн 883 тыс человек), что повысило социальную напряженность в стране; инфляция, достигшая в 1981 г. небывалой для ФРГ отметки в 6,3%, угрожала выйти из-под контроля. Социал-демократы в этих условиях потребовали от правительства дополнительных расходов на социальные нужды, несмотря на то, что это увеличивало и без того весьма существенную задолженность государства³⁴. Напротив, свободные демократы настаивали на снижении налогов и сокращении расходов.

В начале сентября 1982 г. министр экономики ФРГ О. Ламбсдорф (СвДП) сформулировал предложения своей партии по преодолению кризисной ситуации в стране. Однако они не получили одобрения со стороны канцлера (СДПГ). Тогда руководство СвДП приняло решение о прекращении сотрудничества с социал-демократами и о создании правоцентристской коалиции с ХДС/ХСС. Сбылось то, к чему Коль так упорно стремился. 1 октября 1982 г. в бундестаге во второй раз за всю историю ФРГ проходила процедура конструктивного вотума недоверия. Голосами фракций ХДС/ХСС и СвДП Коль был избран новым, шестым по счету, федеральным канцлером. Ему было тогда 52 года, и он стал самым молодым канцлером послевоенной Германии.

Чтобы утвердить свое право на этот пост в результате всеобщих парламентских выборов, Коль пошел на их досрочное проведение. Под его

руководством ХДС/ХСС провели активную предвыборную кампанию и в результате одержали на выборах 6 марта 1983 г. крупнейшую после успеха Аденауэра в 1957 г. победу (48,8% голосов). По сравнению с 1980 г. консерваторы отвоевали у социал-демократов почти 2 млн избирателей.

После президента и председателя бундестага, согласно официальной «табели о рангах», канцлер являлся третьим лицом в государстве. Резко возросли и стали постоянными представительские обязанности супруги Коля. Встречи с рядовыми гражданами, представителями общественности, публичные выступления требовали более тщательной подготовки, выверенности, осмысления. С 1971 г. Ханнелоре шефствовала над федеральной неврологической клиникой для людей с черепно-мозговыми травмами. В конце 1983 г. она стала инициатором создания в Бонне попечительского совета над жертвами несчастных случаев с поражением центральной нервной системы. По ее словам, какой-либо конкретной причины для создания этого органа не было. Может быть, к этому ее побудили воспоминания о тех раненых солдатах, за которыми она ухаживала на исходе войны³⁵.

Во главе коалиционного правительства Коль показал себя способным, решительным и в то же время достаточно гибким политиком. Гибкость и умение находить компромиссы были обусловлены тем, что ему приходилось руководить и поддерживать баланс интересов в рамках блока ХДС с такими непохожими друг на друга партнерами, как христианские социалисты и свободные демократы. Социально-экономическая ситуация, сложившаяся в ФРГ к моменту прихода к власти правоцентристской коалиции, требовала принятия энергичных мер. Предвыборная стратегия ХДС/ХСС в значительной мере основывалась на лозунге «Голосуйте за экономический подъем!». Коль пообещал соотечественникам провести «реформы в духе Людвига Эрхарда», а его правительство, выдвинув в качестве своей приоритетной цели идею «сильного государства», выступило с широкой программой сокращения вмешательства государства в экономику, снижения правительственных займов и приватизации госсектора.

Коль, как и большинство консервативных политиков, был убежден в достаточно высокой эффективности рынка с его способностью к саморегуляции. В то же время — и это важная особенность немецких консерваторов — он признавал необходимость существенной социальной корректировки со стороны государства стихийно действующего рыночного механизма. Тезис о необходимости усиления государственной власти Коль, в частности, обосновывал ссылкой на конституционное положение об обязанности государства обеспечивать надлежащую защиту прав и свобод человека.

Одной из первых инициатив канцлера стало снижение на 5% своего оклада и жалованья федеральных министров. За три месяца Колю удалось добиться одобрения в бундестаге бюджета страны, который в свое время стал яблоком раздора между социал-демократами и либералами. Канцлер инициировал ряд важных законопроектов, нацеленных на создание необходимых предпосылок для оживления конъюнктуры и обеспечения роста производства. Первые реформы консервативно-либерального правительства коснулись налогов, социальной сферы. Был усилен контроль за государственными расходами, удалось снизить некоторые налоги. Развитие новых передовых отраслей производства, связанных с микроэлектроникой и телекоммуникацией, биотехнологией, робототехникой, оздоровление недостаточно эффективного и изрядно дефицитного госсектора проводилось через стимулирование частного сектора. Вместе с тем были значительно сокращены государственные расходы на социальные нужды. Правительство ужесточило правовые нормы, которые регламентировали проведение забастовок. Профсоюзы должны были отныне из своих касс платить бастующим и уволенным и не рассчитывать на государственные органы социального страхования.

В области международных отношений канцлер Коль и вице-канцлер Геншер, который вновь занял пост министра иностранных дел, заявили, что они преисполнены решимости сохранить преемственность внешнеполити-

ческого курса ФРГ. Прежде всего это касалось «новой восточной политики». В правительственном заявлении 13 октября 1982 г. Коль говорил о стремлении своего правительства продолжать «восточную политику», важнейшей основой которой остаются Московский и другие «восточные договоры». Преемственность в этой области была условием участия СвДП в коалиции с ХДС/ХСС. Кроме того многие христианские демократы, как и либералы и социал-демократы были озабочены тем, чтобы в условиях нарастания напряженности в отношениях между Востоком и Западом, имевшей место в первой половине 80-х годов, сохранить, упрочить и, по возможности, развить то позитивное, что удалось достигнуть в отношениях между двумя германскими государствами. Коль заявил, в частности, что его правительство «заинтересовано в обширных долгосрочных договоренностях (с ГДР), к пользе людей и на основе действующих соглашений»³⁶.

Коль, еще возглавляя парламентскую оппозицию, понял, что «новая восточная политика» в большей степени может способствовать преодолению раскола страны, нежели политика, ориентированная только на Запад. В отношении ГДР правительство Коля сделало ставку на политику «малых шагов» (облегчение временного выезда граждан ГДР за рубеж, прежде всего в ФРГ, выкуп за твердую валюту политзаключенных, сотрудничество в области транспорта, охраны окружающей среды и т. п.). Наряду с этим кабинет Коля гораздо более решительно взял курс на сотрудничество с США. Поставив в вину предшествующему правительству заметное ухудшение германо-американских отношений, канцлер выступил в поддержку НАТО и принципа «атлантической солидарности», безоговорочно поддерживав размещение американских «Першингов-2» и крылатых ракет на территории Западной Германии.

В результате Коль оказался под огнем ожесточенной критики. В стране развернулось широкое антиракетное движение, которое оказалось самым мощным массовым движением в истории ФРГ. СДПГ, в которой взяли верх левые, теперь резко критиковала проамериканскую позицию нового канцлера. Правительство Коля не поддавалось давлению. Канцлер показал себя политиком, умеющим противостоять неприемлемым, с его точки зрения, требованиям. «Они демонстрируют, а мы управляем», — заявил Коль 1 сентября 1983 г. в интервью боннской газете «General-Anzeiger». 19 ноября 1983 г. бундестаг голосами депутатов от ХДС/ХСС и СвДП принял решение о размещении на территории Западной Германии «Першингов» и крылатых ракет. Это позволило снять напряженность в отношениях между ФРГ и США. Коль, как показало будущее, поступил очень дальновидно, обеспечив себе поддержку атлантического союзника — при объединении Германии США настояли на ее принадлежности к НАТО.

Коль, являвшийся в своей партии центристом, получил возможность использовать присутствие либералов в правительстве для того, чтобы уравновесить влияние правого крыла ХДС и одновременно нейтрализовать амбиции более консервативного Штрауса (он претендовал на пост вице-канцлера и министра иностранных дел).

Наряду с внешней политикой в тот период все большее значение приобретают социально-экономические аспекты внутренней жизни страны. Уже сравнительно скоро после прихода к власти правительство Коля сумело переломить наиболее опасные негативные тенденции в экономике. Удалось приостановить рост государственной задолженности, оживить конъюнктуру. Произошло значительное сокращение инфляции. С 1986 г. инфляция в течение нескольких лет находилась на уровне менее 1,5%. Однако показатель экономического роста был не очень высок (в среднем за первые годы 2,1%), но в конце 80-х годов он уже составил около 4%.

Постепенный рост производства, возможность создания новых рабочих мест позволили приступить к решению проблемы занятости. Безработица, в первую очередь среди молодежи (в 1983 г. — более 10,5%), стала одной из главных тем на первом же с момента возврата к власти съезде ХДС в мае 1983 года. К 1988 г. этот показатель удалось снизить до 8%. Несмотря на то, что в 80-е годы было создано около 3 млн новых рабочих мест, почти

в таком же масштабе возрастали и размеры свободной рабочей силы на рынке труда. Особенно это стало ощущаться после 1989 г. вследствие возросшего числа эмигрантов из стран Восточной Европы и СССР.

Правительство Коля приняло ряд непопулярных решений. Проводить их в жизнь было гораздо сложнее еще и потому, что заметно возросло количество и степень влияния различных групп по интересам, в том числе и профсоюзов³⁷. Практически каждый шаг правительства мог быть ими «опротестован». Уже летом 1985 г. личная популярность Коля оказывается ниже рейтинга ХДС, который он возглавляет. Переизбрание Коля канцлером на второй срок прошло гораздо сложнее — блок ХДС/ХСС потерял на выборах 4,5% голосов. Колю понадобилось немало усилий для того, чтобы отладить работу партийно-политической системы в условиях новой расстановки политических сил, поддерживать в стране социальный консенсус. Для этого, как правило, требовалось его личное участие и посредничество во время регулярных переговоров между представителями работодателей и профсоюзов, в контактах с главами земельных правительств, с лидерами других политических сил страны.

Для внешнего мира Коля — это прежде всего канцлер ФРГ. Для многих немцев он еще и председатель ХДС. К посту канцлера Коля шел через укрепление своих позиций в ХДС. Сильно развитый инстинкт власти подсказал ему, что тот, кто в рамках существующей в ФРГ системы хочет быть канцлером, должен прежде стать председателем одной из двух крупнейших народных партий ФРГ; тот же, кто хочет удержаться на первом посту, должен сохранить за собой и второй. Когда в 1989 г. в ХДС возникли настроения в пользу разделения постов председателя партии и канцлера, получившие название «путч генералов» (в их числе были Х. Гайслер, Л. Шпэт, Н. Блюм, Р. Зюсмут), то Коля быстро положил им конец. Он оказался поистине образцовым политиком в том, что касается разделения государственного и партийного постов. Каждый понедельник под его председательством президиум ХДС проводит свои заседания в штаб-квартире Союза — Доме Конрада Аденауэра.

К концу 80-х годов выявились определенные экономические успехи правительства Коля. Ему удалось ограничить вмешательство государства в экономику. Значительно было снижено налоговое бремя граждан. В 1989 г. ФРГ практически не имела дефицита платежного баланса. В 1986 г. ФРГ впервые стала величиной № 1 в мире по объему экспорта, а в 1988 г. внешнеторговый оборот ФРГ превысил аналогичный показатель США и составил 323 млрд долларов.

Именно в этот период фактор внешней политики начинает приобретать для Коля особое значение. Канцлер ФРГ и его министр иностранных дел Геншер верно оценили возможности, которые открывала начавшаяся в СССР в 1985 г. «перестройка» для изменения соотношения сил в Европе и в мире в целом и для преодоления раскола Германии. В отношениях с Советским Союзом правительство ФРГ стало прокладывать курс на развитие добрососедства и глубокое вовлечение его в систему европейских связей. Коля и Геншер убеждали своих западных партнеров в возможности, используя «перестройку», добиться осуществления стратегических целей Запада. Наряду с этим ФРГ приняла активное участие в процессе разоружения. Непростое для Коля решение о ликвидации ракет «Першинг-1А» облегчило подписание в 1987 г. советско-американского Договора по ракетам средней и меньшей дальности в Европе.

Именно в это время мир стал свидетелем знаменательного и очень противоречивого по своей сути события, обернувшегося для Коля утратой симпатий ряда его консервативных сторонников. В сентябре 1987 г. канцлер принял в Бонне лидера ГДР Э. Хонеккера на государственном уровне. Во время официального приема в ведомстве федерального канцлера был выставлен почетный караул, исполнены государственные гимны обеих стран. Между тем, когда в 1984 г. впервые зашла речь о возможности такого визита, Коля хотел принимать Хонеккера не в столице, а в местечке Бад Кройцнах для того, чтобы избежать формальностей, полагающихся по протоколу.

Коль, который не владеет иностранными языками, испытал, наверное, приятные минуты, принимая государственного деятеля, говорящего на родном ему языке. К тому же гость канцлера был родом из Саарланда — граничащего с Рейнланд-Пфальцем.

В своем официальном обращении к восточногерманскому лидеру на приеме Коль заявил: «Мы хотим объединенной Европы и призываем весь немецкий народ завершить дело единства и свободы Германии путем свободного самоопределения»³⁸.

Беседа между Колем и Хонеккером сама собой потянулась к годам молодости, пошли воспоминания. Оказалось, что оба когда-то неплохо знали хозяина одной и той же молодежной гостиницы. Для канцлера столь неожиданно обнаруженные узы, связывавшие его с соотечественником, значили очень многое. Беседа всколыхнула развитое у Коля чувство сопричастности общегерманскому историческому процессу.

Будучи убежденным в неизбежности преодоления раскола Германии, Коль тогда еще не рассчитывал на реальную возможность осуществления этого в обозримом будущем. В октябре 1988 г. он посетил с официальным визитом Советский Союз, где в Кремле провел переговоры с М. С. Горбачевым. В одном из своих выступлений Коль заявил, что верит в воссоединение Германии. На пресс-конференции 26 октября на вопрос о том, будет ли он свидетелем объединения Германии, Коль ответил: «По всей вероятности, нет»³⁹. Однако канцлер с неизменным упорством продолжал повторять тезис о «нерешенности германского вопроса».

Как говорит сам Коль, окончательная убежденность в реальности объединения двух германских государств сложилась у него во время следующей встречи с Горбачевым, которая состоялась в июне 1989 г. в Бонне. Выдвинув в конце 1989 г. знаменитый «план из 10 пунктов», поразивший своей неожиданностью мировую общественность, Коль овладел инициативой в процессе объединения Германии и больше ее не выпускал вплоть до 3 октября 1990 года.

За этот год канцлер преодолел и немалые внутренние сомнения, прежде чем окончательно уверовал — не в последнюю очередь благодаря своему «серому кардиналу» В. Шойбле — в свои силы и возможность стать канцлером объединенной Германии. Колю помогла политическая проницательность тогдашнего министра внутренних дел ФРГ. В самый разгар драматических событий в ГДР в ноябре 1989 г. Шойбле заявил, что выборов в прежней ФРГ (намеченных на декабрь 1990 г.) уже не будет, и посоветовал Колю психологически настраивать себя на борьбу за пост «канцлера всех немцев». Тогда Коль счел министра «фантазером».

Впрочем, Коль точно и своевременно распознал главную причину перемен в Европе. Она заключалась в экономической слабости восточного блока и его лидера СССР. Из этого канцлер сделал вывод, который оказался верным: побудить Москву к «сдаче» ГДР — это лишь вопрос денег. Для того, чтобы лучше понять, во что обошлось немцам единство в финансовом смысле в 1990 г., можно, к примеру, вспомнить, что в книге «Проект для Европы», изданной в 1966 г., Штраус рассуждал о том, согласился ли бы Советский Союз предоставить Восточной Германии хотя бы австрийский статус за 100—120 млрд марок⁴⁰.

Во многом благодаря личным качествам и профессиональному мастерству Коля ФРГ сумела извлечь максимально возможную выгоду из столь неожиданно создавшейся в конце 80-х годов благоприятной ситуации. Канцлер использовал субъективный фактор. О его значении для объединения сам Коль говорил 21 октября 1993 г. в бундестаге: «В 1990 г. шанс на воссоединение был лишь короткое время. Я твердо убежден: немного позднее воссоединение нашей страны было бы уже невозможно»⁴¹.

Объединение Германии явилось большой победой для ФРГ и лично Коля. Тем не менее оно повлекло за собой кризис, к которому западная часть страны оказалась неподготовленной. Ведь даже те в ФРГ, кто рассуждал о шансах на объединение в исторической перспективе, мало в него верили. Прежняя дилемма, откажутся ли немцы от НАТО в обмен на

объединение, была решена легко. На смену ей пришли вопросы экономических и социальных издержек объединения. Стало очевидно, что интеграция новых земель в прежнюю ФРГ, переход от централизованно управляемой экономики к «социальному рыночному хозяйству» представляет собой беспрецедентный случай в истории. Заблаговременно разработанной концепции такого перехода не было ни у кого, в том числе и у правительства Коля.

Очень скоро оказались развеяны надежды на относительную болезненность процессов объединения, на естественность слияния двух германских государств в единое целое. Уже в начале 1991 г. стало ясно, что бывшие «народные предприятия» ГДР не выдержат конкурентной борьбы даже внутри самой Германии. Их положение серьезно осложнялось еще и тем, что были нарушены традиционные экономические связи, исчезли рынки сбыта в бывших социалистических странах, в том числе и в России. Социально-экономическая ситуация, которая сложилась в объединенной Германии в начале 90-х годов отчасти напоминала ту, с которой пришлось столкнуться первому консервативно-либеральному кабинету Коля. После того, как в 1990 г. он с триумфальным успехом в третий раз стал канцлером теперь уже объединенной Германии, ему приходилось прибегать к использованию экономического инструментария первых лет своего пребывания у власти.

В Германии заговорили о восстановлении «спартанских добродетелей» общества производительности в противовес процветавшему до той поры обществу распределения. Чтобы финансировать объединение, правительство вынуждено было урезать ассигнования по безработице, социальную помощь и пособия многосемейным. Особенно болезненно в Германии было воспринято то, что правящая коалиция не сумела выполнить обещания, данного перед выборами 1990 г.: осуществить объединение Германии без повышения налогов. Уже в феврале 1991 г. Коль вынужден был принять решение о повышении ряда налогов и о введении сроком на один год «взноса солидарности» в Фонд германского единства. В дальнейшем повышение налогов и других отчислений последовали одно за другим. (Правда, в то же время были несколько снижены налоги на промышленные предприятия, чтобы стимулировать капиталовложения).

В процессе осуществления политики единства страны, задевшей все социальные слои, федеральное правительство и лично Коль испытывали давление и критику с разных сторон, в том числе и из рядов ХДС. Одним из наиболее острых оппонентов Коля оказался премьер-министр Саксонии, К. Биденкопф. В ряде выступлений он пытался показать нереализуемость сделанного Колем в 1990 г. обещания в течение ближайших пяти лет превратить восточногерманские земли в «цветущие ландшафты». Именно этот лозунг ХДС/ХСС и СвДП выдвинули на выборах 1990 года. В стране тогда царил эйфория национального единства. После выборов 1990 г. популярность Коля и его партии неуклонно падала. На последовавших выборах в ряде федеральных земель христианские демократы терпели одно поражение за другим. Коль, как известно, готов пожертвовать личной популярностью ради того, чтобы осуществить необходимое. Это заставляет его, по его собственному признанию, порой ощутить себя в положении волнолома.

Возможно, самый серьезный сигнал канцлеру прозвучал из объединенных предпринимателей. Деловые люди потребовали от Коля самокритичного подведения баланса и убедительной концепции реформ. Для укрепления экономики Коль выдвинул «пакт стабильности». Идея его состояла в том, чтобы достичь национального согласия, включая правительство, профсоюзы и работодателей, направленного на разделение бремени по решению германских проблем. Значительную часть этого бремени брало на себя правительство — в форме дополнительных расходов и увеличения федерального долга.

Сохраняя прежнюю в целом ориентацию общего курса ФРГ, правительство Коля в тесном взаимодействии с деловыми кругами страны раз-

работало и в конце 1993 г. представило общественности документ о социально-экономическом и политическом положении в Германии и ориентирах ее дальнейшего развития. В числе первоочередных задач на ближайшие годы было поставлено совершенствование систем образования и пенсионного обеспечения, проведение реформы почты и железных дорог. Основное внимание было уделено экономическому развитию: созданию новых рабочих мест, повышению конкурентоспособности восточногерманских предприятий, развитию процессов приватизации, постепенному сокращению государственных дотаций нерентабельным предприятиям. Социальное рыночное хозяйство, отмечается в этой программе, нуждается в государстве, которое эффективно выполняет свои функции. Однако оно не может брать на себя решение всех задач. Государство, которое своим вмешательством сковывает частную инициативу, облагает граждан слишком высокими налогами, сдерживает тем самым рост производства и обостряет кризис занятости. В новой программе было отмечено, что федеральное правительство с 1982 г. следует этому принципу.

Прошло не так уж много времени с того момента, когда на прошедших в октябре 1994 г. выборах в бундестаг Коля в четвертый раз привел свою партию к власти. Потеряв по сравнению с предыдущими выборами более 2% голосов, блок ХДС/ХСС сумел набрать лишь 41,5% и остался у власти лишь благодаря тому, что свободным демократам в очередной раз с трудом удалось попасть в бундестаг. Гельмут Коля в четвертый раз подряд отстоял свое право занимать пост федерального канцлера.

В 1990 г. он утвердил за собой право называться первым послевоенным «канцлером всех немцев». Сегодня, когда он вот уже 13-й год возглавляет правительство ФРГ, у него есть шансы превзойти рекорд Аденауэра, пробывшего на этом посту 14 лет. Коля уже теперь чувствуют порой как политика, в чем-то превосшедшего «отца-основателя» ФРГ. Т. Файгель, ставший после Штрауса председателем ХСС, назвал Коля «самым удачливым канцлером после 1949 г.»

В сознании многих немцев, привыкших за 40 с лишним послевоенных лет к существованию двух германских государств на родной земле, 3 октября 1990 г., дата объединения ФРГ и ГДР, обозначила крутой поворот. И, наверное, не будет преувеличением сказать, что для сегодняшних немцев, особенно для тех, кто родился и вырос в условиях разделенной Германии, оказывается более важным не столько то, что Коля объединил страну, сколько то, что во многом благодаря ему они снова обрели те исконные национальные основы, которые столь необходимы для здорового развития всякого государства.

Колю никогда нельзя было отказать в реализме и политической трезвости. К лестным для себя историческим параллелям и сравнениям он относится очень сдержанно. Похоже, канцлер глубоко прочувствовал эту реальность и выстроил свою политическую философию на принципах, один из которых, может быть, наиболее важный, Коля определил как «стремление при любых условиях своего времени выполнять свой долг». Конечно, не легко это делать, имея в бундестаге перевес лишь в 10 мандатов, а в бундесрате — противостоя квалифицированному большинству социал-демократов. Насколько Коля сумеет и на этот раз принять вызов истории, покажет будущее. Ведь о политиках нужно судить прежде всего по результатам их деятельности.

Примечания

1. Наверное, одно из первых таких сравнений принадлежало наследному принцу Луи Фердинанду Гогенцоллерну. В интервью корреспонденту британской газеты «Financial Times» летом 1990 г. он назвал Коля «вторым Бисмарком», а затем, подумав, добавил: «Нет, он больше, чем Бисмарк, потому что он не вел войны».
2. Helmut Kohl, der deutsche Kanzler. Biographie von W. Maser, Ullstein, 1990. S. 31, 29, 56.
3. Ганс Глобке был в числе наиболее активных приверженцев национал-социализма и изве-

- стен, в частности, тем, что в 1935 г. опубликовал комментарий к расовым законам, среди прочего, касавшихся и евреев. Это не помешало Аденауэру сделать его одним из своих ближайших советников и назначить на должность статс-секретаря в ведомстве федерального канцлера, где Глобке и прослужил 14 лет.
4. Цит. по: MARSH D. *Deutschland im Aufbruch*. Wien, Darmstadt, 1990, S. 48.
 5. Это словосочетание первоначально относилось к оживлению хозяйственной конъюнктуры, вызванной мероприятиями экономической политики Гитлера. Сам Эрхард, почитаемый в ФРГ как «отец экономического чуда», избегал употреблять это выражение.
 6. MARSH D. *Op. cit.*, S. 47.
 7. *Ibid.*, S. 49.
 8. *The Bonn Constitution and Its Government*. Jn: HANS J. MORGENTHAU, *Germany and the Future of Europe*. Chicago. 1951, p. 114.
 9. Цит. по: Helmut Kohl, *der deutsche Kanzler*, S. 71.
 10. ВИЛЛИ БРАНДТ. *Воспоминания*. М. 1991, с. 43.
 11. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 30.04. 1965.
 12. Цит. по: Helmut Kohl, *der deutsche Kanzler*, S. 89.
 13. Reinhard Appel (Hg). *Helmut Kohl im Spiegel seiner Macht*, Bonn, 1990, S. 153.
 14. *Ibid.*, S. 48.
 15. Цит. по: Helmut Kohl, *der deutsche Kanzler*, S. 104—105.
 16. *Rheinpfalz*. 20.05. 1969.
 17. Земля Рейнланд-Пфальц возникла, в буквальном смысле, в стенах канцелярии. Она была образована в 1946 г. путем слияния территории Рейнской области и Пфальца согласно распоряжению французской союзнической администрации.
 18. За всю историю ФРГ лишь Аденауэру, который выступал под лозунгом «Никаких экспериментов!», удалось на выборах 1957 г. собрать 50,2% голосов и обеспечить ХДС/ХСС абсолютное большинство в бундестаге.
 19. Reinhard Appel (Hg.). *Helmut Kohl im Spiegel seiner Macht*, S. 148.
 20. MARSH D. *Op. cit.*, S. 164.
 21. Например, Э. Менде, бывший председатель СвДП, вышел из рядов своей партии и примкнул к ХДС.
 22. Конституция ФРГ предусматривает вынесение лишь «конструктивного» вотума недоверия: депутаты бундестага должны не только проголосовать за недоверие правительству, но и одновременно большинством голосов поддержать альтернативную кандидатуру на пост канцлера.
 23. *Keesing's Archiv der Gegenwart*. 16876.
 24. Reinhard Appel (Hg.). *Helmut Kohl im Spiegel seiner Macht*, S. 45.
 25. *Ibid.*, S. 277.
 26. Helmut Kohl, *der deutsche Kanzler*, S. 121.
 27. Reinhard Appel (Hg.). *Helmut Kohl im Spiegel seiner Macht*, S. 138.
 28. *Bild am Sonntag*, 22.10. 1978.
 29. Цит. по: Helmut Kohl, *der deutsche Kanzler*, S. 172.
 30. *Frankfurter Rundschau*, 10.3., 1981.
 31. Helmut Kohl, *der deutsche Kanzler*, S. 190.
 32. *Ibid.*, S. 190.
 33. *Ibid.*, S. 174.
 34. В сентябре 1982 г. ХДС подал жалобу в Конституционный суд ФРГ в связи с тем, что социально-либеральная коалиция внесла в очередной проект бюджета новую нетто-задолженность в размере 33,8 млрд. марок. По мнению ХДС, такой подход безответственным образом обременял будущие поколения и противоречил в силу этого Основному закону. В 1989 г. эта жалоба была отклонена.
 35. Helmut Kohl, *der deutsche Kanzler*, S. 307.
 36. *Das Parlament*. 15.10. 1982.
 37. Подробнее см.: WEBER J. *Die Interessengruppen im politischen System der Bundesrepublik Deutschland*, Kohlhammer. 1977.
 38. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 8.09. 1987.
 39. MARSH D. *Op. cit.*, S. 49.
 40. FRANZ JOSEF STRAUSS. *Entwurf für Europa*, Stuttgart. 1966, S. 47—57.
 41. *Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung* № 90, 22. Oktober 1993, S. 1013.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Военные, ученые и оборонная техника

Рассказав о некоторых аспектах военного строительства в сталинское и постсталинское время, я не исчерпал этой темы. Сейчас хочу продиктовать воспоминания о том, как Сахаров создал водородную бомбу. Талантливый человек, еще очень молодой по возрасту для такого большого дела, он весьма рано проявил свои способности и глубину мышления. Тогда идея водородной бомбы была новой. Таких бомб не имели ни американцы, ни англичане. Правительство СССР приняло все меры, чтобы оказать содействие работе Сахарова и подготовить промышленность к реализации идеи Сахарова, которую воплотили в жизнь советские инженеры, техники, рабочие в начале 50-х годов.

К тому времени мы уже начали планировать договор с США и их союзниками о прекращении гонки вооружений, предложили также прекратить испытания ядерного оружия, чтобы перестать заражать атмосферу, но не получили ответа. Тогда мы решили в одностороннем порядке объявить о прекращении испытаний ядерного оружия и призвали другие страны последовать нашему примеру, сделав полезное дело для всего человечества. Ведь атмосфера — это не национальное и не государственное богатство, а общечеловеческое.

Итак, мы прекратили испытания. Но американцы продолжали взрывать, совершенствуя и накапливая это оружие. Тем временем наши ученые работали над совершенствованием зарядов и достигли больших результатов, добившись увеличения мощности взрыва при меньших весах зарядов. Без экспериментальных взрывов, не проверив заряды на практике, мы не могли переходить к новой конструкции боевого оружия. Отказавшись же в одностороннем порядке от испытаний такого оружия, надеялись, что мировая общественность поддержит нас и окажет давление на свои правительства, которые проводили испытания и отравляли атмосферу. Но правительство США осталось глухим к общественному мнению.

Перед нами встал вопрос: продолжать ли стоять на позициях отказа от испытаний? Не обрета встречной поддержки, мы тем самым обрекали себя на отставание от стран, которые совершенствовали ядерное вооружение, и вынуждены были заявить: если наша идея не будет поддержана странами, которые занимаются созданием и накоплением ядерного оружия, и если они

станут продолжать экспериментальные взрывы, то мы тоже вновь приступим к испытаниям.

Назначили дату. Наши военные и ученые, работавшие в сфере обороны, оказывали на правительство нажим, говоря, что надо, дабы двигаться вперед, провести испытания уже созданных ранее конструкций атомных и водородных бомб. И мы объявили, что проведем такие испытания. Примерно за день до них ко мне обратился академик Сахаров, позвонив по телефону. Я с ним уже был знаком, и он на меня производил очень хорошее впечатление. Да и не только на меня. Как говорится, сверкал драгоценным камнем среди всех ученых. Сахаров обратился ко мне как к председателю Совета Министров СССР с просьбой отказаться от испытания водородной бомбы: «Я, зная, какой тяжкий вред человечеству причиняют такие испытания, не могу согласиться с их продолжением. На основе именно моих научных изысканий создали термоядерную бомбу, но я как ученый теперь выступаю против ее испытания». Он долго меня уговаривал. Несомненно, им руководили чисто человеческие, очень хорошие побуждения. Ученый, преданный науке и добрым идеям мира, он не стремился ни к какому уничтожению людей и вообще не хотел заражать атмосферу.

Я ему ответил: «Товарищ Сахаров, в силу своего политического и государственного положения я не имею права отказаться сейчас от таких испытаний. Это ведь не мое личное желание, тут осуществляется решение всего руководства СССР. Вы знаете, что мы попытались отказаться от испытаний и обратились с призывом к нашим вероятным противникам, которые накапливают ядерное оружие. Но они нас не послушали. Вам отлично известно, что они проводят испытания». Поскольку он продолжал настаивать, я, желая остаться честным перед Сахаровым, сказал ему: «При всем моем сочувствии к Вашим взглядам и к Вашей просьбе, я как лицо, отвечающее за состояние обороны страны, не имею права отказаться от испытаний. Это стало бы преступлением перед государством и народом. Вы же знаете, какие страдания принесла Советскому Союзу вторая мировая война. Нельзя еще раз подвергаться риску, отказавшись от создания современного оружия, когда наши вероятные противники ведут неудержимую гонку новых средств вооружения и истребления людей. Поймите меня правильно, прошу Вас. Согласиться с Вами — значит обречь нашу страну на возможную гибель. Мы окажемся слабее США и их союзников».

Я не убедил его своими аргументами, хотя и он меня не убедил. Мы обсудили просьбу Сахарова всем руководством страны и решили, что не можем согласиться с нею. Очередная бомба была испытана. Подобной мощности мы ранее не достигали. Создавалась она из расчета в 50 млн т тротилового эквивалента, достигнутая составила 57 млн тонн. Это нечто колоссальное. А ученые доложили: если эту бомбу изготовить в «грязном исполнении», когда она будет действовать не только взрывной волной, но и излучением, то ее мощность можно довести до 100 млн тонн. «А где же такую бомбу мы могли бы применить?» — спросил я. Мне ответили: «Над Западной Германией, если бы нам навязали войну и мы были бы вынуждены в ответ применить ядерное оружие, заряд мощностью в 57 млн т взрывать нельзя. В той зоне господствуют такие ветры, что и осколки водородной бомбы, и зараза в атмосфере будут занесены на территорию ГДР. Пострадало бы не только ее население, но и наши вооруженные силы, расположенные там. Можно без особой угрозы последствий для СССР и наших союзников сбросить такую бомбу на Англию, Испанию, Францию и, конечно, на США».

Вот что я услышал о новом ужасном оружии. Но оно позволяло нам оказывать моральное воздействие на тех, кто вел подготовку войны против СССР. А главная опасность исходила от США.

Тем временем продолжали трудиться и конструкторские бюро Королева и Янгеля. Первое занималось проблемами освоения космоса, хотя попутно там изготовили ракеты с ускоренным способом приведения их в боевое состояние. Вопросы же обороны и вооружения нашей армии ракетным оружием легли в основном на плечи Янгеля. Этот одаренный

человек создал прекрасные ракеты мобильного действия и различного назначения. Некоторые уже тогда летели на 2 тыс. километров. Мы их называли стратегическими ракетами ближнего действия. Потом появились 4-тысячекилометровые, тоже стратегические, но средней дальности. Наконец, сконструировали межконтинентальные, которые могли переносить ядерные заряды в любую точку земного шара.

Во время их испытаний произошёл несчастный случай, вследствие которого погибли несколько десятков человек и чуть-чуть не был погублен Янгель. Потеряли мы и маршала Неделина. При испытании очередной новой ракеты из-за неправильного порядка соединения элементов загорелось горючее, и ракета стала действовать, когда еще была облеплена людьми. Неподалеку сидел, ожидая окончания работы, Неделин. Ракета приподнялась, затем упала, кислота разлилась и сожгла всех, находившихся рядом. Янгель спасся чудом, отойдя покурить в специально отведенное для того место. В западных газетах стали часто писать о том, что мы скрываем катастрофические случаи, которые происходят у нас при испытаниях ракет. Но при мне никаких других катастроф не было. Конечно, некоторые ракеты падали, когда и где не нужно, но обходилось без жертв, мы несли только материальные утраты и потерю времени.

Нашу страну признали теперь и как космическую, и как ракетно-ядерную державу. Особенное признание СССР получил после запуска в космос Гагарина в 1961 году. Его полет свидетельствовал о том, что мы запускаем не только спутники. Ведь после запуска нами первого искусственного спутника Земли американский генерал заявил, когда его спросили, как он расценивает запуск спутника: «Ну, что тут особенного? Забросили в космос кусок железа». Генерал сам себя выставил на посмешище, показав, что либо он нарочито принижает наше достижение, либо действительно не понял, какое оно имеет значение для последующего освоения космоса. Открывшаяся в 1961 г. космическая эра навсегда отбила охоту у западных критиков недооценивать выдающиеся достижения советских людей в этой сфере.

Примерно в те же годы у меня возникла мысль о необходимости вывода наших войск с финляндской территории. Советская военная база располагалась в Порккала-Удд, под боком у Хельсинки, столицы Финляндии. Эта база сильно портит наши отношения. Финляндские поезда, которые проезжали через участок базы, подвергались осмотру, в них закрывались окна, людям запрещалось выглядывать, тем более фотографировать. Принимались такие меры, как будто поезда шли через оккупированную территорию. Наш посол в Хельсинки сообщал, что финны выражают массовое возмущение. Мне это было понятно. К тому же надо учитывать, что Финляндия — наш сосед. А вооружение мы уже имели такое, которое моментально могло стереть Хельсинки с лица Земли. И наша база потеряла реальное военное значение.

Стремясь улучшить наши отношения, мы решили показать, что не имеем к соседу никаких притязаний и желаем только добрых контактов. Но как убедить в том Хельсинки, если наши войска стоят рядом? Они же там не шашлык жарят, и не рыбу ловят, и не на рынок ходят вместе с финнами, а тренируются как солдаты. Это наносило нам политический вред и мешало пропаганде идеи мирного сосуществования. Я обменялся мнением с Булганиным как министром обороны, только что выдвинутым на пост главы правительства. Он согласился со мной. Министр иностранных дел Молотов думал об этом по-другому, и я, зная о том, не общившись с ним мнением, потому что заранее предвидел его реакцию как лица, которое не обладает гибкостью ума и с большим трудом может трезво переоценить международную обстановку.

С огромным уважением и по-дружески я относился тогда к маршалу Жукову. Нас сблизила война. К тому же у меня с ним не происходило никогда никаких столкновений. Когда Сталин после войны распространил на него опалу, я Жукову сочувствовал. Он на меня производил сильное впечатление умом, военными знаниями и твердым характером. И я спросил

его, когда мы, находясь на отдыхе, гуляли вдвоем: «Георгий Константинович, как ты относишься к выводу наших войск из Финляндии? Надо бы вытащить эту занозу в наших взаимоотношениях. Она отравляет контакты не только с Финляндией, но и со скандинавскими странами. К тому же мы постоянно призываем все страны вернуть свои войска в пределы национальных границ. Но тут же они тычут пальцем в нашу сторону. В Венгрии, ГДР, Польше наши войска находятся согласно другой политической основе. Совсем не то — в Финляндии». Жуков ответил: «Я с тобой полностью согласен. Со стратегической точки зрения пребывание наших войск в Финляндии и сохранение военной базы под Хельсинки не имеют никакого значения».

Но раз так, то зачем она нужна? Чтобы отравлять отношения двух стран? Коммунистическая партия Финляндии никак не может доказать своему народу необходимость пребывания наших войск на его территории, это непосильная задача. К тому же мы тратим средства, строим там укрепления, содержим войска. И я предложил: «Давай, когда вернемся в Москву, обсудим этот вопрос в руководстве». Затем я все же переговорил с Молотовым. Он не сразу понял полезность идеи, но не настаивал на отказе от нее.

По возвращении в Москву мы быстро решили вопрос в правительстве и в партийном руководстве, а потом обратились к финнам с предложением о ликвидации базы и соглашении насчет сотрудничества двух стран. Финны с готовностью приняли наше предложение. Его реализацию я считаю большой победой на пути улучшения отношений не только с Финляндией, но и с другими странами мира. Это событие дало нам большие козыри в руки. Теперь мы могли со спокойной совестью пропагандировать идею мирного сосуществования и отказа от военных баз на чужой территории. А если нападут на нас издалека, ответим ракетным ударом.

Бюро Янгеля уже включилось тогда в создание стратегических ракет ближнего, среднего и дальнего действия, и мы стали переводить промышленность на конвейерное их производство. В пропагандистских целях я даже рекламировал на весь мир советское достижение, что мы сейчас делаем ракеты чуть ли не автоматами, как сосиски. Это лишь приблизительно так, потому что мы сумели организовать все же не конвейер, а поточную сборку, хотя, конечно, не такую, как при сборке тракторов, где непрерывная лента разносила детали, а сборщики лишь подвешивали их и трактора выходили их цеха готовыми каждые несколько минут.

Потом на нашем горизонте ракетного оружия появился новый человек. Ко мне попросился на прием неизвестный мне конструктор Челомей, молодой еще человек. Он показал мне модель ракеты, которую принес в кармане, и сообщил, что может сделать крылатую ракету на керосиновом двигателе ближнего действия, похожую на немецкую ФАУ-1. Только устроена она была иначе, складывающая крылышки и заряжаясь через трубу, потом запускался двигатель, и когда она вылетала, крылья расправлялись. Мы нуждались в такой ракете для борьбы с самолетами и для береговой охраны. Она была задумана оригинально и понравилась мне как мобильная, хорошо скомпонованная и с умно продуманным запуском. Ракета выстреливалась, как из пушки. Многие видели потом на военных парадах, как везли по Красной площади мимо Кремля огромные трубы. Это как раз и были ракеты Челомея. Ныне они уже не секрет, взамен созданы ракеты нового поколения.

А тогда я спросил Челомея, кто знает его лично? Он сослался на Булганина. Тогда я сообщил Булганину, что известный ему инженер-конструктор Челомей внес интересное предложение о ракетах, которое не конкурирует с идеями Янгеля и Королева, но тем не менее очень полезно для вооружения наших войск. Однако Булганин отреагировал отрицательно: «Да, я его знаю», — и дальше выразился весьма грубо в адрес Челомея как несостоятельного человека, который умеет только болтать, а мне посоветовал: «Гони его в шею!». Меня это покорило. «Николай Александрович, твоя ссылка на то, что еще Сталин прогнал Челомея, ни о чем не говорит.

Может быть, заслушаем Челомея всем кворумом? Поставим вопрос на заседании Президиума ЦК, пусть он доложит нам. Ты строишь свое отношение к нему только со слов Сталина, а он показывал мне свою модель, то есть идею уже конструктивно оформленную. Модель действует, и он близок к тому, чтобы изготовить натуральную ракету».

Так мы и поступили, пригласили Челомея на очередное заседание Президиума ЦК КПСС, он опять показал свою модель. Многие члены Президиума плохо знали проблемы вооружения, поэтому никто особенно его не поддержал, но и не прозвучало возражений. Я предложил дать Челомею мастерскую, рабочих, инженеров, техников, вернуть ему библиотеку, о которой он просил на заседании: «У меня была техническая библиотека в конструкторском бюро. Когда меня раскассировали и лишили материальной базы, то библиотеку отдали Артему Ивановичу Микояну». Библиотеку возвратили, а мастерскую сначала дали небогатую. Но он и ей был рад. Потом Челомей стал интенсивно работать и обрастать людьми и техникой. Изготовил обещанную ракету. Его расчеты оправдались. А мы получили еще одно конструкторское бюро, которое трудилось на вооружение армии.

Сегодня — 7 июля 1971 г., понедельник. Продолжаю воспоминания о ракетном оружии. Его создание приобрело бурный характер. Королев, Янгель, Челомей... Все они работали над ракетами дальнего действия, большой грузоподъемности и крупных зарядов. Создавалось несколько марок таких ракет. Другие талантливые конструкторы разрабатывали реактивное оружие для использования против танков, зенитные ракеты и ракеты ближнего действия. Челомей же буквально засыпал нас новыми предложениями: глобальные ракеты, межконтинентальные ракеты, ракеты классов «корабль — земля» и «земля — корабль». Он сумел сделать мобильную межконтинентальную ракету. Ее мы приняли на вооружение взамен некоторых янгелевских.

На одном из совещаний Челомей, как коробейник, который вытаскивает из короба ботинки с ситцем и бусами, развернул перед нами свои проекты. Помню, как ворчал тогда Королев: вот, мол, Челомей и то, Челомей и се, Челомей все берет в свои руки. Но ведь его предложения действительно оказались универсальными и к тому же наиболее выгодными и экономическими, и в смысле мобилизационной боеготовности. Потом он же предложил тяжелую ракету, которая поднимала в космос груз больше, чем ракета Королева. Она еще и сейчас летает. Тут и Королев предложил создать очередную новую ракету, сверхмощную. Теперь уже Челомей начал настаивать, что в его конструкции заложено больше реализма. Творческая конкуренция продолжалась. Чем она закончилась, не знаю. Я теперь на пенсии, выращиваю морковь и патиссоны, а новости узнаю из газет. Но мне доньше приятно, когда думаю, что я правильно поступил, поддержав в свое время Челомея и дав ему возможность развернуться.

Параллельно развивались и другие события, политического характера. На наши молодые (в государственном понимании) плечи свалилось многое. Когда пришлось заменить в руководстве страны Маленкова, Молотова и всю их компанию, которая взбунтовалась в ЦК партии против антисталинского направления политики, возглавленного мною, мы вынуждены были освободить Булганина от поста Председателя Совета Министров. Меня стали уговаривать занять этот пост. Я очень не хотел, сопротивляясь против совмещения в одном лице постов Председателя Совета Министров СССР и Первого секретаря ЦК партии. Я видел вред от совмещения и ссылался на то, что сам в 1956 г. критиковал Сталина за совмещение им ряда ответственных постов. Выношу этот вопрос на суд историков. Сказалась моя слабость, а может быть, подтачивал меня внутренний червячок, ослабляя мое сопротивление.

Еще до того, как я стал Председателем Совета Министров СССР, Булганин внес предложение назначить меня Главнокомандующим Вооруженными Силами. Это произошло без публикации в печати и было решено сугубо внутренним образом, на случай войны. Внутри армии это стало известно высшему командному составу.

Увы, вынуждены были мы расстаться и с Георгием Константиновичем Жуковым. Для меня это было очень болезненным решением. Я высоко ценил его, и у меня с ним сложились наилучшие отношения. После отстранения от руководства Молотова, Маленкова и других, кто хотел возврата к сталинским порядкам, Жуков вошел в состав руководства. Он сыграл активную роль в подавлении инициативы молотовско-маленковской взбунтовавшейся группы. Но когда Жуков вошел в состав Президиума ЦК, то стал набирать такую силу, что у руководства страны возникла некоторая тревога. Члены Президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении военного переворота, захвата им личной власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о бонапартистских устремлениях Жукова. Постепенно накопились факты, которые нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа тех, которые совершаются в Латинской Америке. Мы вынуждены были пойти на отстранение Жукова от его постов. Мне это решение далось с трудом, но деваться было некуда.

Вместо него министром обороны назначили Малиновского. Это назначение тоже проходило болезненно. В партийном руководстве возражений против Малиновского не было. Конечно, общесоюзный и мировой авторитет Малиновский имел ниже, чем Жуков. С другой стороны, маршал Малиновский отлично зарекомендовал себя во время войны и был не случайной личностью в военной сфере. Жукову в личном плане он уступал по энергии, напористости, обладая спокойным, несколько медлительным характером. Но он не уступал ему по вдумчивости.

Хотя я вынужден в воспоминаниях слегка помянуть Георгия Константиновича недобрым словом, но я на него не в обиде и приписываю происшедшее тогда не ему, а тем, кто пользуясь его характером, подыгрывали ему. Еще хуже мое мнение о личностях, которые готовили первые варианты его мемуаров к публикации. То, что там напечатано, Жуков написать не мог. Он гордый и порядочный человек, на восхваление в адрес Сталина не способный. И уж, конечно, не так, как в его книге сказано, говорил Жуков в жизни о деятельности партийных и некоторых других кадров. Между прочим, вспоминаю о дельном предложении Жукова не допускать к руководству в армии людей престарелого возраста. Он высказался за то, чтобы войсками военных округов командовали лица не старше 55 лет, и мотивировал это тем, что если начнется война, то им потребуется крепкое физическое здоровье. Я с ним согласился, и мы тогда произвели большие перестановки в высшем командовании армии и флота.

Затем заболел начальник Генерального штаба маршал Соколовский. Я ценил его как штабного офицера гораздо выше других. Это был человек трезвого ума и со способностью теоретических обобщений, деятельно занимавшийся строительством могучей армии. Но он уже болел, и пришлось его заменить. Дошла очередь и до маршала Конева, тоже очень сильно болевшего, причем со времен войны, а потом когда он трудился, то вообще весь скрипел. Начальником Генерального штаба назначили Захарова. Он отвечал этому назначению и по уровню подготовки, и по человеческим качествам. Но, к сожалению, на мой взгляд, как раз подходил под ту категорию лиц, о которой говорил Жуков: раньше своих лет состарился, дремал на военных совещаниях и засыпал на заседаниях Совета Министров СССР. И мы с Малиновским решили, что нельзя держать начальником Генерального штаба человека, который постоянно дремлет, лучше подобрать голову посвежее. Выдвинули Бирюзова. После того, как он погиб при авиакатастрофе, вернули на прежний пост Захарова. У меня лично против Захарова абсолютно ничего нет. Просто вижу, что он стар, и не столько по возрасту, сколько по физическому состоянию.

Но состоянием ли Захарова и некоторых других военных деятелей СССР нужно объяснить неудачи Египта в шестидневной войне 1967 г. с Израилем, раз наши военные имели там со стороны Египта решающий голос? Я до сих пор не могу понять, как могли допустить до полного разгрома египтян. Советский Союз несет свою и очень большую долю

ответственности за происшедшее. Мы могли бы удержать Насера от неподготовленной войны, могли правильнее оценить обстановку уже после начала военных действий. Вообще следовало не добиваться ликвидации существования государства Израиль и иными средствами стремиться к равноправию арабов Палестины. Недоучли и силы Израиля. Тут вина и разведчиков, и дипломатов, но все же в основном военных, потому что за ними остается последнее слово.

Досаднее всего, что было продемонстрировано отставание советского ядерного оружия. Все знают мощь нашей ракетной техники и ядерного оружия. А вот средства войны, позволяющие вести ее без применения ядерного оружия, оказались не на должном уровне. Доктрина же Макнамары оправдала себя. Видимо, наши силы обычного типа недостаточны, раз мы не смогли обеспечить господство в воздухе. В противном случае арабы сами смогли бы наносить удары по израильским войскам, и сложилась бы иная картина событий.

Конечно, там Египет не использовал советские ракеты. Хотя у нас уже имелся новый род войск — Ракетные стратегического назначения. Сначала ни одна другая страна не создала у себя таких вооруженных сил. Тогда мы опередили США в данном отношении. Стратегические же ракеты дальнего действия с ядерным зарядом мы получили уже на последнем этапе моей политической и государственной деятельности, твердо став на путь предпочтения ракетно-ядерного оружия перед бомбардировщиками. Кроме того, при мне в течение шести лет готовили атомные заряды к зенитным ракетам и ракеты классов «воздух — корабль» и «воздух — земля». Но всем им предпочитали стратегическое оружие, поскольку тогда СССР имел мало ядерного материала для атомных и водородных бомб.

Наиболее трудным оказалось решение проблемы морского вооружения. Оно заставило меня сильно поволноваться и далось особенно мучительно. Адмиралы голосовали за надводный флот. Отказываясь от программы строительства большого надводного флота, мы все переживали это, я в том числе. А может быть, я-то переживал больше других. На море наш противник имел огромный флот, преимущественно авианосцы. Отказ от соревнования на море мог привести нас к подчиненному положению, чего нельзя было допустить. Поэтому и шли болезненные поиски правильного решения. Ведь любая следующая война может оказаться не похожей на предыдущую, тем более в наше время великих открытий в науке и технике. К тому же любое вновь создаваемое оружие требуется рассчитать на длительное время. Можно сделать и такое, которое быстро устареет и спустя короткий срок пойдет в переплавку. Потребуется тратить крупные средства, чтобы не отстать. Например, когда в последний период жизни Сталина усилилось строительство крейсеров обычного типа, государственные деньги уходили на ветер.

Вот почему приходилось заменять не только устаревшую боевую технику, но и тех, кто ее направляет. Однако не всегда это было связано непосредственно с вооружением. Когда решался вопрос, кого назначить министром обороны вместо Жукова, Жуков с присущей ему прямоотой поставил по-солдатски вопрос в упор: «Кого назначите вместо меня?» Хотя мне не хотелось обсуждать с ним этот вопрос, я сказал: «Малиновского». «Я бы предложил Конева», — отрубил он. Конев присутствовал, мне не хотелось его обижать, к тому же достоинства Конева не меньшие, чем у Малиновского. Но я Малиновского лучше знал по войне. Малиновский же и предложил мне, еще в бытность Жукова министром, назначить Главкомандующим Военно-Морским Флотом адмирала Горшкова. Мы собрались тогда в Севастополе. Прошло лишь несколько месяцев после обсуждения на Президиуме ЦК программы адмирала Кузнецова. Мы познакомились с кораблями Черноморского флота, подводными и надводными. Флот там был сравнительно маленький, надводные корабли — старые. В их числе — трофейный итальянский линкор, который подорвался, стоя на якоре в Севастопольской бухте. Когда разбирали причины взрыва, предположили диверсию. Потом специалисты пришли к выводу, что на дне

лежала немецкая мина времен войны, якорь корабля ее шевельнул, и она сработала.

На совещании нас познакомили с кадрами и с состоянием флота. Затем были организованы штабные морские учения. Один из командиров весело и залихватски докладывал нам, как наш ВМФ топит противника, вот он уже продвинулся к Дарданеллам, вышел в Средиземное море, двинулся к Африке, занимает ее северные берега. Когда он перечислял при этом, какими силами действует, мне стало грустно. Я увидел, что человек не знал новых военных средств, которыми располагал Советский Союз. А я считал, что если этим оружием обладаем мы, то их может использовать и противник. Так бесцеремонно расправляться с противником, который имеет те же средства, что у нас, негоже. Тут можно нарваться на крупные неприятности. А тот капитан первого ранга громил врага, даже не подозревая о береговых ракетах и самолетах-ракетоносцах.

Остановив его, я сказал: «Вот Вы нам с такой уверенностью докладываете, как расправились с противником и завершаете его разгром. Если прикинуть, что может случиться в действительности при начале войны, то Вы бы давно лежали на дне морском». Он посмотрел на меня с удивлением. «Слушаю, как Вы командуете,— продолжал я,— и даже не используете наши новые средства вооружения, да и у врага не предполагаете их наличия. Например, ракеты. Мы-то их имеем. А к противнику всегда надо относиться с уважением, самое опасное — недооценка его возможностей и преувеличение собственных возможностей». Он озадаченно высказался: «Товарищ Хрущев, я впервые слышу о ракетной технике». Тут я согласился: «Это верно, тут мы виноваты, все оказалось слишком засекречено». Прервали заседание. «Давайте, товарищи,— предложил я,— возьмем с собой моряков и поедем здесь же, в Крыму, на военную базу, там познакомимся с ракетноносцами и с ракетами береговой обороны. А потом продолжим совещание. Пусть моряки внесут коррективы в оценку противника».

Но когда продолжили совещание, то уже не возвратились к прерванному учению, а стали обсуждать по существу вопрос дальнейшего строительства ВМФ. Там же и решили, что так дальше продолжаться не может, что нельзя держать все в секрете, не знакомя с достижениями даже наших людей, работающих на оборону, включая высший командный состав. И заодно изменили направление строительства ВМФ, причем сориентировались на крупного специалиста по подводному флоту, работавшего в Генеральном штабе. Он обладал собственной точкой зрения, которая не пользовалась поддержкой. Вызвали его. Оказался интересной личностью. Заслушав его аргументы, приняли решение, что в строительстве ВМФ берем за основу подлодки. Мы издавна привыкли к надводному флоту, а подводный рассматривали как подсобное средство. И я поставил перед моряками вопрос, что такое крейсер? Плавающая артиллерия. На какое расстояние должен подойти крейсер к берегу, чтобы провести артиллерийскую подготовку и высадить потом десант? Примерно 45 километров. Разрывная сила снаряда невелика в сравнении с ядерным зарядом ракет. А на крейсере до 1200 человек команды, ее надо содержать. Эксплуатация крейсера обходится дорого, боевое же его назначение давно утрачено.

Англия когда-то была владычицей морей, имела огромный флот с тяжелыми кораблями как его ядром. Прошли те времена. Появилась авиация, потом ракеты, появились ядерные заряды. Теперь надводному флоту будет трудно выжить в случае войны. К тому же крейсер в одиночку действовать не может. А подводная лодка может, она не нуждается в прикрытии. Если же взять огневую мощь крейсера и сравнить с подводной лодкой, имеющей ракеты, то последняя выиграет. Она может подплыть на нужное расстояние, произвести выстрел даже по цели в глубине страны. Например, американские «Поларисы» в мое время стреляли на 2 тыс. км, а сейчас ракеты могут посылаться на еще большее расстояние.

Конечно, с подводных лодок трудно вести артиллерийскую подготовку высадки десанта даже при наличии средств, позволяющих после взрыва атомной бомбы преодолевать зараженное пространство. Тем не менее,

лодка, стоящая во много раз меньше, чем крейсер, и имеющая меньшую команду, обретает большую огневую мощь и к тому же обладает возможностью скрытного хождения. К тому же подводный флот получил двигатели на ядерном горючем, после чего фактически неограниченное время мог находиться под водой. Навигационные средства позволяют хорошо ориентироваться и под водой, как это продемонстрировали подлодки, совершившие плавание под льдами Северного Ледовитого океана. Наша подлодка всплывала там в свободном водном пространстве, а потом вновь погружалась и спокойно возвращалась на свою базу.

Когда я находился в поездке по Северу, там как раз встречали эту подводную лодку. Мы беседовали с командиром корабля и осматривали ее. Корабль восхищал своими возможностями в сравнении с прежними. Вот почему мы приняли решение строить преимущественно подводный флот, поставив его создание на конвейер. Цель — создать мощный флот, которым мы могли бы угрожать противнику на всех океанах. Главный противник — США. Им требуется преодолеть большое расстояние, чтобы добраться до Европы, перевезти сюда десанты, питать оружием и припасами свои войска. Следовательно, им не уйти от воды. Вот тут подводный флот для нас особенно важен.

Надводный же флот сохраним для охранных нужд, имея сторожевые корабли, торпедные катера и ракетные катера, которые стреляют на десятки километров. Тогда же задумали мы определить свое отношение к авианосцам. Хорошо было бы иметь и их, но это оказалось нам не по средствам. Лучше не распыляться. Авианосцев мы могли бы иметь единицы, в то время как у противника их уже десятки. К тому же мы страна в основном континентальная, которой не следует забывать о пехоте, ракетной артиллерии, стратегической авиации, межконтинентальных ракетах с ядерными зарядами. Не стану скрывать, что именно мне пришлось вынести на своих плечах основную тяжесть борьбы, поддерживая молодые силы в ВМФ против тех, кто жил по старинке и оказывал сопротивление.

Поставив производство подлодок на поток, мы особое внимание сосредоточили на создании ядерного двигателя, чтобы обеспечить им автономное плавание. Потом уже из печати я узнал, что мы в этом деле добились хороших результатов. Считаю, что это произошло в результате принятых при мне правильных решений.

Могут спросить: «А как насчет наступательных операций?». Но нам с нашей мирной политикой незачем дублировать средства ведения войны, имеющиеся у США. Правда, взамен транспортных надводных кораблей можно использовать авиацию. Самолет сейчас поднимет сотни человек и в довольно короткое время может сосредоточить большие силы, если удастся овладеть территорией для высадки десанта. Но мы для себя целей высадки десанта в другие страны не ставили и сосредоточились на обороне с возможностью нанесения удара по противнику стратегическими ракетами, полагая, что тем самым обезопасились от разумного противника. Что такое — разумный противник? Тот, который понимает, что если он нападет на СССР или его союзников, то сам получит разгромный ракетно-ядерный удар. Эта стратегия оправдала себя в мое время и является главным фактором, сдерживающим агрессора.

При обсуждении программы строительства ВМФ возник вопрос, как поступить с крейсерами, которые у нас уже имелись на вооружении? Это были старые гадоши. Некоторые из них оставались еще от первой мировой войны, тихоходы, не игравшие почти никакой боевой роли. Но перед смертью Сталина были заложены и новые корабли. Их постройка заняла почти все мощности нашей промышленности. Требовалось принять решение по этим кораблям, введившим народ в огромные расходы при их нулевом боевом значении. Хороши они только для морских парадов в Ленинграде, Севастополе и Владивостоке. Эффектное и красивое зрелище. Но деньги тратятся на ВМФ не для того, чтобы он участвовал в парадах. Западные страны отдали старые корабли на слом и на переплавку в маретеновские печи или поставили на прикол, что тоже довольно дорогое

удовольствие: содержать их в состоянии, позволяющем в нужный момент использовать. Мы решили часть старых кораблей уничтожить. А крейсеров, которые не успели достроить, у нас было три. Если бы они вступили в строй, то ни в океанах воду не замутили бы, ни наших противников не испугали, зато оказались бы хорошими источниками опустошения советских карманов.

Я не хотел брать ответственность за них на одного себя, административно подавляя мнение специалистов, и предложил министру обсудить проблему у себя. Обсуждение длилось долго. О результатах мне докладывал Соколовский: «Мы пришли к единственно правильному решению — эти корабли не стоит заканчивать. Хотя осталось затратить небольшие средства, чтобы ввести их в строй, но дело заключается еще в тех средствах, которые придется выделять на их содержание. Оно ляжет тяжким бременем на бюджет». Ух, как трудно оказалось принимать такое решение. Сколько миллионов затратили — и вдруг уничтожить?

И я предложил министрам обороны, водного, морского транспорта и руководителям рыболовного флота подумать, нельзя ли как-либо их использовать. Может быть, переделать их в пассажирские? Они отвергли такую мысль: невыгодно экономически и неэффективно для работы. «Не использовать ли их как рыболовные?» — не успокаивался я. Изучили вопрос и снова отвергли: оказалось, что дешевле построить новые. «Тогда задействовать как туристические базы?». Перебрали всяческие варианты, а итог оставался прежним. Пришлось пойти на болезненное мероприятие уничтожения ценностей, созданных своими руками. Так был заложен безоговорочный поворот к созданию мощного подводного флота.

Правда, некоторые старые крейсера мы перевооружили, сняв с них классическую артиллерию старых времен и поставив ракеты. Но и это оказалось нерациональным, потому что корабли не обрели необходимых качеств. И мы стали широко продавать их, эсминцы и сторожевики. Один крейсер продали Индонезии. Это островное государство нуждалось в таком вооружении. Затем занялись проблемой бомбардировочной авиации, вооруженной ракетами класса «воздух — корабль», — береговым оружием, действующим на большом удалении. Конечно, ракетноносцы не смогли бы в то время прорваться сквозь плотную завесу зенитного огня. Нам оставался доступен Северный Ледовитый океан, но выходить в Северное море, не говоря уже об Атлантике, было опасно. В Тихом океане мы тоже могли действовать только в прибрежной зоне. Не имея прикрытия с воздуха, бомбардировщики в случае войны обрекались на гибель. Скажут: «А на бреющем полете?». Тоже уязвимы. Ведь создавались зенитные средства, которые будут поражать цели на малой высоте. К тому же на бреющем полете далеко не улетишь, потому что велик расход горючего. Так что ракетноносцы предназначены в основном для охраны своих границ.

Возможно, завтра наука найдет способ создания неуязвимых бомбардировщиков дальнего действия. Я же говорю с точки зрения сегодняшних технических возможностей. Жизнь внесет коррективы, как внесла она их относительно зенитной артиллерии. Казалось, что она отжила свой век, особенно малокалиберная и скорострельная. Теперь выяснилось, что она пока что единственное средство против самолетов, летящих на бреющем полете. Американцы, тоже ликвидировав свою малокалиберную артиллерию, ныне возвращаются к ней, хотя всем понятно, что будущее останется за самонаводящимися ракетным вооружением.

Расскажу, как мы сделали уступку самим себе, решив построить все же несколько современных крейсеров, вооруженных ракетами: и ударными — для нападения, и зенитными — для защиты. Уступая военным морякам, отчаянно переживавшим тот факт, что мы лишились крейсеров, я высказал мнение, что нам следует сделать несколько их штук на случай, если потребуются представителям СССР прибыть на военно-морском судне за границу. Но пусть такие корабли отвечают всем требованиям современной науки и техники. Потом решили достроить с данной целью начатые ранее ракетные эсминцы и переименовать их в крейсера. Испытали их в Белом море.

Мы с Малиновским, Горшковым, другими специалистами тоже вышли в море и наблюдали за испытаниями.

Первый из этих кораблей произвел хорошее впечатление ходовыми качествами и вооружением, но остался без брони, так как военные единогласно отвергли ее, потому что броня уже не могла соревноваться с мощными зарядами и только отягощала корабль, ухудшая его скорость и маневренность. А какова его боевая цена? Погода тогда стояла прекрасная, люди на корабле были в приподнятом настроении. Заразившись им, я спросил Горшкова: «Как вы оцениваете этот корабль? Мы можем сделать таких, сколько нужно. Конечно, со временем, сразу их из котелка не вынешь, это ведь не гречневая каша. Но если бы такой же корабль имелся у противника, у нас возникли бы затруднения?». «Нет,— ответил Горшков,— он бы моментально был пущен ко дну. Мы бы его потопили ракетноносцами или подводными лодками. Если же он прорвался бы к нашим берегам, мы пустили бы в ход ракетные катера».

Так что эти корабли в бою ненадежны. Конечно, абсолютно надежного оружия нет. Против всякого оружия можно найти средство его уничтожения. Даже межконтинентальные ракеты с ядерными зарядами можно сбивать противоракетами. Можно сбивать и спутники Земли. А ликвидация такого корабля не представляла трудности для страны, имеющей современные средства нападения и защиты. У нас появилось четыре подобных корабля. Но мы морякам так и сказали: «Лишь для того, чтобы встречать и провожать гостей и самим ходить по морю в гости». Один послали на Балтику, другой — на Черное море, третий — во Владивосток, четвертый — на Север. Читая сейчас в газетах о наших военных делегациях, прибывающих с дружескими визитами в различные страны, встречаю названия как раз тех кораблей, о которых рассказывал. Согласно органам печати, другие страны тоже имеют корабли такого назначения.

Уже под конец моей деятельности встал вопрос: не настало ли время создать ВМФ с авианосцами, а также с кораблями-матками, которые несли бы на себе ракетные катера? Военные идею не поддержали, и я придержал их строительство. Тогда возникла проблема присутствия чужих флотов у берегов разных континентов. Вот американцы постоянно держат свои 6-й и 7-й флоты возле Африки и Азии. А нам не надо ли тоже послать туда свой флот, чтобы он сдерживал агрессивные силы? Мы поручили Генштабу проработать возможный состав такого флота и определить его стоимость. Малиновский потом высказался против этого. Оказалось, что затраты на создание такого флота не оправдаются. Если бы мы стали на путь соревнования с США в данной сфере, то нам потребовались бы многие миллиарды расходов почти впустую. Лучше пустить их на иное, хотя и остаются соблазны у военных.

Если военных не контролировать и дать им возможность развернуться в собственное удовольствие, то они вгонят страну в бюджетный гроб. На них всегда надо иметь узду и не позволять им пускать пыль в глаза, чтобы добиться своего. Они стараются запугать правительство силами противника. И не только у нас. В США и прочих западных странах наблюдается та же картина. Впрочем, правительство США пошло нашей дорогой. У них сейчас подводные лодки стали пусковыми установками, обеспечивающими запуск ракет из подводного положения на далекое расстояние.

Возможна ли новая мировая война без применения ядерного оружия? Вот вопрос, который постоянно задавали мне, когда я занимал ответственные посты. Думаю, что невозможно. Если она действительно будет мировой. Когда подорвут силы какой-то ядерной державы, участвующей в войне, она ухватится, как утопающий, за соломинку и нажмет ядерную кнопку. Поэтому надо делать абсолютно все, чтобы не допустить катастрофы, которая неизбежно приведет к гибели человечества. Мы испытали подобный накал в период Карибского кризиса и благополучно ушли от общего краха. Хотя ракет ближнего боя к тому времени мы имели более чем достаточно, чтобы с землей смешать Англию, Западную Германию, Францию, Испанию и другие страны Западной Европы. Но СССР и США тогда

признали равные возможности в ядерной войне. Произошло историческое событие, которое должно явиться уроком на будущее.

Несколько иначе обстоит дело с классическим вооружением — танками и орудиями. За последние годы никто ничего особенного здесь не внес, за исключением того, что дала новая технология выплавки стали. Но и при лучшей броне трудно себе представить, как смогут выжить танки в современной войне. С первого же выстрела противотанковый самонаводящийся снаряд поражает цель, разрушая любую броню.

В этой связи во мне происходила внутренняя борьба: что делать? Развивать дальше танковые части, когда их противотанковыми снарядами колют, как орехи? Но и отказаться от них означает надеяться только на кожу солдата. Сейчас я не смогу определить свою позицию, а в свое время, когда от меня зависело многое, я высказывался, жалея солдат, за развитие танковых войск. Артиллерию мы почти всю заменили ракетами, в том числе и орудия ближнего боя, сопровождения войск. Такое направление сохраняется и сейчас, за исключением способов поражения воздушных целей. Американцы тогда носились с пушками, стреляющими атомными зарядами, как дурень с писаной торбой. Наши военные добились от правительства заказа на идентичные миномет и пушку, доказывая, что получает прицельный огонь для поражения пехоты противника.

У меня возникли сомнения. Это очень тяжелая пушка, ее транспортировать трудно. Неимоверно сложным оказался в техническом отношении снаряд с атомным зарядом. Потребовался большой расход атомного горючего. Ученые говорили, что меньший атомный заряд в меньшем объеме требует, наоборот, большего количества ядерного горючего для получения заданной мощности взрыва. Из заряда для пушки можно было бы сделать в принципе в несколько раз более мощный заряд. Тем не менее, такие пушки у нас тоже спроектировали и изготовили. А потом стрельбы и практика их использования показали их непригодность. На их дальность легче сделать ракеты. Они менее прицельны, но для атомного заряда прицельность не очень-то и требуется.

Я решил посоветоваться с Ванниковым, который имел огромный опыт производства артиллерии и стрелкового вооружения, а за последние годы накопил знания и в сфере атомной энергии. Мы показали атомные пушки во время парада на Красной площади. На публику они произвели впечатление своими размерами. Специалистов же эта пушка не восхищала, а раздражала: ее трудно маскировать, она стреляет на сравнительно близкое расстояние и не оправдывает своего назначения. В конце концов сами артиллеристы признали, что данное оружие не оправдывает затрат на него. И мы прекратили его производство, хотя отдельные артиллеристы продолжали печально вздыхать. Но не из-за атомных пушек, а вообще скорбели об артиллерии, которая постепенно заменялась ракетами. Зато в ракетостроении наметился резкий поворот с созданием нового вида оружия: ракеты межконтинентальные и иных назначений, как стратегические, так и фронтовые с большим ассортиментом зарядов разной мощности.

И здесь не обошлось без инцидентов. Маршал Гречко настойчиво требовал войсковых ракет с малым зарядом. Я понимал, что будет хорошо, если войска приобретут больше уверенности, когда в наступающей дивизии появятся такие ракеты. Но нельзя же требовать ядерного заряда для батальона. У нас не хватит атомного горючего, и артиллерия с малым ядерным зарядом оказалась нам тогда не по карману. К тому же, мы не хотели распыляться и стремились угрожать противнику не в чистом поле, а основе его существования: городам, промышленности, его территории в целом. На этом и остановились.

(Продолжение следует)

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки

(с древнейших времен до наших дней)

Глава VIII. Дивергенция языков и образование языковых семей
(автор — доктор исторических наук, профессор
П. И. Пучков)

1. *Концепция моногенеза и полигенеза языков.* Здесь на место для изложения сугубо специальной проблемы глоттогенеза — процесса становления человеческого естественного звукового языка. Поэтому кратко остановимся только на вопросе, произошел ли человеческий язык из одного источника (моногенез) или нескольких (полигенез)? Если, исходя из современных научных представлений, придерживаться точки зрения, что все современные люди генетически восходят к какой-то одной предковой форме, а также полагать, что язык был свойствен этой форме с самого начала, то следует вывод, что все языки Земного шара происходят из одного источника и должны быть хотя бы отдаленно родственны друг другу. По мнению одного из лингвистов-компаративистов В. В. Иванова, такой исходный праязык мог возникнуть около 100 тыс. лет назад у сформировавшегося тогда человека современного вида (*Homo sapiens sapiens*)¹. Этот язык затем мог распасться на диалекты, которые по мере расселения людей по Земному шару дали начало праязыкам разных языковых макросемей.

Конечно, сейчас обнаружить и теоретически обосновать родство языков после дивергенции, происшедшей десятки тысяч лет назад, очень трудно, а порой, вероятно, и невозможно. Однако достижения «глубокой» компаративистики (т. е. исторического языкознания, сравнивающего языки отдаленно родственных языковых семей) позволяют установить генетические связи между языками, расхождение которых произошло 10 и более тысяч лет назад. Одним из больших успехов сравнительно-исторического языкознания было установление отдаленного родства между подавляющим большинством языков северной части Евразии (включая почти всю Европу).

2. *Ностратические языки.* Гипотеза о существовании обширной группы родственных языков, на которых говорит значительная часть населения мира, была выдвинута еще в 1903 г. датским лингвистом Х. Педерсеном. Он привел ряд аргументов, позволяющих предположить, что между индоевропейскими, семито-хамитскими и урало-алтайскими языками² имеется генетическая связь. Педерсен предложил для обозначения этой крупнейшей генетической группировки языков термин «ностратические» (от лат. — *poster* — наш). Однако на протяжении полувека мысль о родстве большой группы языков Евразии и Северной Африки была лишь более или менее вероятной догадкой: доказательства Педерсена не составляли стройной

системы и не выглядели достаточно убедительными. В результате ностратическая гипотеза не получила тогда широкого признания.

И лишь глубокие изыскания в конце 50-х — 60-х годах российского лингвиста В. М. Иллич-Свитыча³ убедительно доказали представлявшуюся весьма спорной гипотезу о родстве ностратических языков. Более того Иллич-Свитыч значительно расширил рамки ностратической макросемьи, включив в нее картвельские языки Закавказья и дравидийские языки Южной Азии (кроме того, он включил в состав алтайских языков корейский язык). Несмотря на то, что часть лингвистов до сих пор проявляет известный скепсис относительно идеи родства ностратических языков, большинство крупных специалистов в области сравнительно-исторического языкознания как в России, так и за рубежом принимают эту идею, и ностратика фактически уже превратилась из гипотезы в теорию. Последние исследования как будто позволяют включить в ностратическую макросемью также японский язык (в составе расширенной алтайской семьи), распространенный на северо-востоке Азиатской части России юкагирский язык (который объединяют с уральскими языками в уральско-юкагирскую семью) и языки эскимосско-алеутской семьи.

Вместе с тем было сделано предположение, что семито-хамитские языки, которые сейчас чаще называют, вслед за американским лингвистом Дж. Гринбергом, афразийскими, представляют самостоятельную макросемью, если и связанную с ностратическими языками, то на более глубоком (по времени расхождения) уровне. Такой взгляд связан с тем, что дивергенция многих из подразделений внутри афразийской языковой общности произошла даже раньше, чем распад некоторых из семей, на которые разделилось ностратическое единство: индоевропейской, картвельской, дравидийской и др. Это дает основание считать афразийские языки в таксономическом отношении равноценными всем остальным ностратическим языкам, вместе взятым. И афразийскую языковую общность можно, по видимому, назвать не семьей языков, а макросемьей, признав отдельными семьями подразделения афразийской макросемьи.

Однако даже при исключении афразийских языков из состава ностратической макросемьи, число людей, говорящих в настоящее время на относящихся к этой макросемье языках, составит 56% всего населения мира (в том числе на языках индоевропейской семьи говорит 45% всех жителей земли, языках картвельской — 0,1%, дравидийской — 4%, уральско-юкагирской — 0,5%, алтайской семей (вместе с корейским и японским языками) — 6%.

Данные глоттохронологического⁴ анализа позволяют предположить, что дивергенция ностратической этнолингвистической общности произошла самое раннее 15 тыс. лет до н. э. Если же учесть, что глоттохронологические расчеты для отдаленных от нас эпох дают несколько завышенные результаты, а также принять во внимание существенные культурно-исторические соображения, высказанные лингвистами и археологами, то время распада ностратической макросемьи правильнее отнести к более позднему времени — XII—X тыс. до н. э., то есть к самому концу верхнего палеолита или началу мезолита.

Большинство ученых, изучающих ностратические языки, считают, что эта этноязыковая общность сформировалась, а затем распалась в Юго-Западной Азии, причем во время дивергенции она, вероятно, занимала и некоторые соседние области. В мезолите, в эпоху отступления последнего оледенения и климатического потепления, ностратические племена расселились по обширной территории. При этом они оттеснили и частично ассимилировали иноязычные племена, которые ранее там обитали. Заняв в ходе расселения многие области, порой весьма далеко расположенные друг от друга, ностратические племена образовали несколько обособленных ареалов, которые послужили очагами, где начали формироваться новые праязыки — предки ряда будущих языковых семей.

Весьма сложен вопрос о прародине самой крупной семьи ностратического происхождения — индоевропейской, на языках которой сейчас говорит

4/5 всех носителей ностратических языков. Многие десятилетия ведется на этот счет дискуссия, причем разные исследователи помещают ее в самые различные места. Одни ученые считают, что индоевропейская этноязыковая общность сложилась и распалась в Центральной Европе, другие полагают, что это произошло в Северном Причерноморье или в степях от Волги до Енисея, третьи думают, что индоевропейцы сформировались на Балканах и в бассейне Дуная и т. д. Наиболее убедительное обоснование локализации индоевропейской прародины дают Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, которые, учитывая расположение возможных прародин других ностратических языков, считают, что ареал первоначального распространения индоевропейского праязыка находился в области от Закавказья до Верхней Месопотамии, и связывают индоевропейскую прародину с некоторыми энеолитическими культурами этого региона⁵. Глоттохронологический анализ определяет, что распад индоевропейского единства относится к IV—III тыс. до н. э. (по другим расчетам это произошло несколько ранее — в V—IV тыс. до н. э.).

По-видимому, несколько ранее произошел распад уральско-юкагирского языкового единства (если оно, конечно, существовало, и связь уральских языков с юкагирским будет подтверждена дальнейшими исследованиями).

Прародиной уральской этноязыковой общины прежде считали Среднюю Азию и соседние районы Ирана и иногда ассоциировали эту общность с кельтеминарской культурой. Однако сейчас ряд исследователей считают, что прародина «уральцев» с V по III тыс. до н. э. находилась в районе между Уральскими горами и рекой Обь. После распада уральской языковой общности на финно-угорскую и самодийскую ветви первая из них переместилась на запад от Урала.

Что касается алтайской языковой семьи, то сама ее реальность ставится некоторыми исследователями под сомнение. Они считают, что существующее сходство между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками имеет не генетический, а контактный характер. Те же лингвисты, которые верят в существование алтайского этноязыкового единства, ищут прародину «алтайцев» где-то в Средней Азии и прилегающих районах Северного Ирана. Распад алтайского праязыка, по-видимому, произошел на рубеже VI и V тыс. до н. э. По поводу распада тюркского, монгольского и тунгусо-маньчжурского праязыков можно высказать предположение, что дивергенция их, вероятно, произошла восточнее места распада алтайского праязыка. Еще сложнее установить место и время выделения из алтайской (или прямо из ностратической?) этноязыковой общности тех ветвей, которые позже приняли участие в формировании корейцев и японцев.

Распад дравидийской этноязыковой общности начался, вероятно, в IV тыс. до н. э. в Иране, откуда дравиды мигрировали в Южную Азию.

Еще позже, в III тыс. до н. э., распалась картвельская этноязыковая общность. Это, пожалуй, единственная из семей ностратических языков, ареал которой сравнительно мало изменился на протяжении тысячелетий.

Некоторые лингвисты относят к ностратической макросемье эскимосско-алеутскую (эскалеутскую) семью языков. Эта этноязыковая общность, по-видимому, сформировалась где-то поблизости от уральско-юкагирской общности, однако распалась далеко на востоке во II тыс. до н. э. (основная часть эскалеутов мигрировала в Северную Америку, расселившись на ее крайнем севере, в том числе и на острове Гренландия).

3. Неностратические языки. Кроме ностратической макросемьи лингвисты выделяют еще несколько языковых макросемей, к которым относится большинство остальных языков мира (есть, кроме того, небольшое число языков, занимающих изолированное положение).

Афразийскую (семито-хамитскую) макросемью многие лингвисты-компаративисты до сих пор считают одной из частей ностратической макросемьи. Афразийская макросемья объединяет семитскую, берберскую (или берберо-ливийскую), кушитскую (иногда часть языков кушитской семьи,

распространенных на юге Эфиопии, выделяют в особую омотскую семью) и чадскую семьи, а также мертвый древнеегипетский язык. В настоящее время на языках афразийской макросемьи говорит свыше 5% всего населения мира (в том числе на языках семитской семьи — 4%, берберской — 0,2%, кушитской — 0,6%, чадской — 0,6%).

Дивергенция афразийского праязыка произошла лишь немногим позже распада ностратического праязыка — в XI—X тыс. до н. э. (согласно другой точке зрения — в IX—VIII тыс. до н. э.). Некоторые исследователи считают прародиной афразийцев Палестину и связывают их с натуфийской мезолитической культурой. Другие же ученые (в частности, И. М. Дьяконов) локализуют прародину афразийской этноязыческой общности в юго-восточной части Сахары и примыкающих к ней областях Северо-Восточной Африки. Более убедительной выглядит гипотеза о палестинской прародине афразийцев.

Большинство образовавшихся в результате распада афразийского праязыка языков стало, в свою очередь, довольно рано дробиться. Согласно данным глоттохронологии, дивергенция чадского праязыка началась в VI тыс. до н. э., кушитского — тогда же или, возможно, несколько раньше, семитского — не позднее рубежа V и IV тыс. до н. э. Лишь берберский праязык начал дробиться сравнительно поздно — в конце II тыс. до н. э. Сам же берберский праязык образовался в результате распада в III тыс. до н. э. берберо-гуанчского праязыка (гуанчи — аборигены Канарских островов, ассимилированные к XVIII в. испанцами) ⁶.

Сенсацией «глубокой» компаративистики стала выдвинутая известным российским лингвистом С. А. Старостиным гипотеза о существовании сино-кавказской макросемьи, объединяющей сино-тибетскую, северокавказскую (объединяет абхазско-адыгские и нахско-дагестанские языки, а также мертвые хаттский и хурритско-урартские языки) и енисейскую семьи (в настоящее время к ней относятся только кетский и почти вымерший югский язык). Гипотеза эта получила поддержку многих российских компаративистов. Позже другой лингвист С. Л. Николаев привел достаточно веские факты в пользу включения в сино-кавказскую макросемью еще одной языковой семьи — на-дене, к которой ныне принадлежат некоторые языки северо-западной части Северной Африки. Позже было высказано также мнение о принадлежности к сино-кавказской макросемье языка расселенных по горным долинам Каракорума буришей-бурушаски и языка живущих в Пиренеях басков.

Таким образом, на языках этой второй по численности языковой макросемьи говорит более 22% всего населения мира, однако подавляющую часть данной совокупности составляют носители языков сино-тибетской семьи. На языках северокавказской семьи говорит только 0,1% населения мира, что же касается других языков, относящихся к сино-кавказской макросемье, то численность говорящих на них очень мала.

Распад сино-кавказского праязыка произошел в IX—VIII тыс. до н. э., то есть даже позже, чем распад ностратического и афразийского праязыков. Место прародины сино-кавказской этноязыковой общности не совсем ясно. Некоторые лингвисты считают, что ее следует локализовать где-то в Юго-Западной Азии, возможно, в Анатолии или несколько восточнее. Конечно, исходя из современного распространения основной массы языков сино-кавказской макросемьи, можно предположить, что ареал сино-кавказского праязыка располагался восточнее, например в Центральной Азии. Тем не менее локализация сино-кавказской этноязыковой общности в Юго-Западной Азии более вероятна, о чем, в частности, свидетельствуют сопоставления между сино-кавказским, афразийским и ностратическим праязыками. Между ними выявляются некоторые параллели, причем часть из них можно истолковать как ранние заимствования, а часть как намек на отдаленное родство между ностратической, афразийской и сино-кавказской макросемьями.

Условно приняв в качестве прародины сино-кавказского этноязыкового единства Юго-Западную Азию, проследим пути миграций его «осколков»

после дивергенции. Носители языков северо-кавказской семьи либо остались, по-видимому, поблизости от прародины сино-кавказского этноязыкового единства, либо мигрировали на сравнительно небольшое расстояние. Сино-тибетская, енисейская и на-дене языковые общности, а также говорившие на протобурушаском языке постепенно продвигались на восток. О путях их миграции можно строить лишь догадки. Путь на-дене в Северную Америку, по-видимому, проходил через Сибирь. В северо-восточном направлении двигались и енисейцы, пройдя, вероятно, через Среднюю Азию и осев в бассейне Енисея. Независимо от этих двух переселенческих потоков продвигались на восток предки сино-тибетцев, однако их маршрут определить очень трудно. Высказываются предположения, что Гималаи они могли обойти как с севера, так и с юга.

Что касается времени непосредственных «потомков» сино-кавказского праязыка, то северокавказский в сино-тибетский праязык распался в V—IV тыс. до н. э., енисейский праязык — значительно позже — в I тыс. до н. э.⁷

Ученые издавна обращали внимание на определенные черты сходства всех африканских языков к югу от Сахары, за исключением койсанских (на них говорят готтентоты и бушмены). Попытки объединить эти языки Африки предпринимали, в частности, немецкий лингвист Д. Вестерман и российский африканист Д. А. Ольдерогге. Более убедительно обосновал родство двух основных семей африканских языков — нигеро-кордофанской (конго-кордофанской) и нило-сахарской — лингвист Э. Грегерсен, объединивший эти семьи в конго-сахарскую макросемью, к которой сейчас относится около 7% населения мира (в том числе к нигеро-кордофанской семье принадлежит 6% и к нило-сахарской — 0,6%).

Недавно были обнаружены некоторые параллели между конго-сахарскими и афразийскими языками; историко-лингвистическое осмысление этого факта может привести к существенному пересмотру установившейся точки зрения на соотношение языка и расы в Африке.

Довольно рано была предпринята попытка доказать родство большинства языков Юго-Восточной Азии. Этот вопрос впервые поставил лингвист и этнолог конца XIX — начала XX вв. В. Шмидт, который предположил генетическую связь австронезийских (малайско-полинезийских) языков с языками австроазиатскими (мон-кхмерскими и мунда). Сходных взглядов придерживался и американский лингвист П. Бенедикт, который объединял языки кадаи, индонезийские (малайские), мон-кхмерские, вьетнамский, мяо-яо. Несколько позже он привел убедительные аргументы в пользу родства всех австронезийских и кадайских языков. Гипотеза Бенедикта была поддержана многими лингвистами, в том числе российскими.

Таким образом, имеются достаточные основания говорить о существовании еще одной — австрической языковой макросемьи, объединяющей австронезийские, кадайские, мяо-яо и австроазиатские языки. К этой макросемье в настоящее время принадлежит около 9% населения мира (в том числе к австронезийской семье — 5%, кадайской — 1,5%, мяо-яо — 0,2% и австроазиатской — 2%).

Распад австрического праязыка произошел, возможно, в IX—VIII тыс. до н. э. В результате возникли австро-тайский и мяо-австроазиатский праязыки. Австро-тайский праязык, в свою очередь, распался в VII-VI тыс. до н. э. на австронезийский праязык (дивергенция его самого произошла не позже V тыс. до н. э.) и кадайский праязык (он стал дробиться в конце IV тыс. до н. э.), мяо-австроазиатский язык также приблизительно в VII-VI тыс. до н. э. разделился на австроазиатский праязык и праязык мяо-яо.

О прародине австрической этноязыковой общности, а также дочерних общностей, на которые она распалась (австронезийской, кадайской, мяо-яо, австроазиатской) можно строить лишь предположения. Можно думать, что прародина австрической общности находилась скорее во внутренних нетропических районах Восточной Азии, чем на южной периферии Восточной Азии или Юго-Восточной Азии⁸.

Распад кадайского праязыка произошел, вероятно, в пограничных

областях Восточной и Юго-Восточной Азии — в низовьях рек Сицзян и Хонгха и приморских районах между ними.

Две языковые макросемьи имеют гораздо более гипотетичный характер — америндская и индо-тихоокеанская.

О возможности отдаленного родства всех индейских языков Америки писал еще в 20-х годах итальянский лингвист А. Тромбетти. Сходную идею выдвигал американский языковед М. Сводеш, который полагал, что 15—20 тыс. лет назад предки американских индейцев могли говорить на диалектах одного общего языка. Серьезную попытку вычленить единый праамериндский язык сравнительно недавно сделала американская лингвистика Э. Маттисон. Впрочем, одну из семей языков американских индейцев — на-дене — сейчас обычно не включают в америндскую макросемью, считая, что эти языки были принесены более поздними мигрантами. Ареал распространения индейских языков после проникновения европейцев в Америку сильно сузился, и теперь они являются родными только для 0,8% населения мира.

Гипотезу о существовании индо-тихоокеанской макросемьи выдвинул американский лингвист Дж. Гринберг. Он предположил, что некогда существовала индо-тихоокеанская языковая общность, распад которой привел к появлению андаманских⁹, папуасских¹⁰ и тасманийских языков (последние в XIX в. полностью отмерли). Основательное изучение папуасских языков в последние десятилетия не смогло полностью подтвердить эту гипотезу, однако определенные параллели между некоторыми из папуасских языков, андаманскими и тасманийскими языками все же удалось обнаружить. Делаются также попытки сблизить тасманийские языки с языками австралийских аборигенов (последние образуют особую австралийскую языковую семью).

Лингвисты-компаративисты сводят сейчас подавляющее большинство языков мира (всего их насчитывается, по разным оценкам, 5-6 тыс.) в несколько языковых макросемей: ностратическую (индоевропейская, картвельская, дравидийская, уральско-юкагирская, алтайская и эскимосско-алеутская семьи), афразийскую (семитская, берберская, кушитская и чадская семьи), сино-кавказскую (северо-кавказская, енисейская, сино-тибетская и на-дене семьи, возможно, также баскский и буришский изолированные языки, конго-сахарскую (нигеро-кордофанская и нило-сахарская семьи), австрическую (австронезийская, кадайская, мяо-яо и австроазиатская семьи), америндскую (североамериндская, центральноамериндская, чибча-паэс, андская, экваториально-туканоанская и же-пано-карибская семьи), индо-тихоокеанскую (по крайней мере некоторые из папуасских семей, андаманская семья). Как уже отмечалось, выделение америндской и, особенно, индо-тихоокеанской макросемей пока ещё не получило достаточно убедительного обоснования.

Таким образом, за пределами отмеченных крупных языковых объединений остается лишь несколько малочисленных языковых семей: койсанская (на юге Африки), австралийская (в Австралии), чукотско-камчатская (на крайнем северо-востоке Азии), возможно, некоторые из папуасских семей (на Новой Гвинее). Все эти семьи локализованы в периферийных районах ойкумены. Кроме того, изолированное положение занимает ряд отдельных языков: нивхский (на российском Дальнем Востоке), айнский (на севере Японии), кусунда (в Непале), нахали (в Индии), несколько папуасских языков (на Новой Гвинее). Число говорящих на всех этих языках очень невелико. Некоторые из ныне кажущихся обособленными языковых семей и языков при более обстоятельном их изучении и сопоставлении с другими языками мира, возможно, будут включены в состав тех или иных макросемей. Однако вполне вероятно, что изолированное положение нескольких языков и малых семей вовсе не обусловлено недостаточной изученностью, а отражает реальную историю их развития (они действительно могли отделиться от остальных языков в очень давние времена).

4. *Проблема соотношения языка и расы.* Во многих исследованиях по этнологии и антропологии (особенно написанных в советский период) подчеркивалось отсутствие связи между языковой и расовой принадлежностью.

В качестве примера наряду с двумя особенно часто приводилась тюркская языковая группа, в составе которой имеются европеоиды (турки, азербайджанцы и др.), монголоиды (якуты, тувинцы и др.), а также народы смешанного европеоидно-монголоидного происхождения (узбеки, казахи и т. д.). Вместе с тем почти не отмечался тот факт, что на ранней стадии истории человеческих популяций корреляция между языком и расой была, по всей вероятности, достаточно жесткой, и лишь со временем в результате крупномасштабных миграций и следовавшего за ними интенсивного расового смешения, связь между языком и расой во многих случаях разрывалась.

Практически у всех исследователей не вызывает сомнений, что носители ностратического праязыка принадлежат к европеоидной расе. Об этом, в частности, свидетельствуют палеоантропологические находки, соответствующие по времени и месту предполагаемой прародине ностратической этноязыковой общности.

Однако по прошествии определенного времени из ветвей ностратической этноязыковой общности лишь картвельская и индоевропейская (за исключением индоарийской группы) семьи сохранили свою расовую однородность (имеется в виду однородность на уровне большой расы). Некоторые народы уральско-юкагирской семьи впитали в себя в той или иной степени монголоидный элемент (хотя у большей части этносов этой семьи он выражен слабо). Народы дравидийской семьи, мигрировав в Южную Азию, смешались там с австралоидным населением и сейчас образуют смешанную европеоидно-австралоидную малую расу.

Наиболее подверглись расовой «трансформации» алтаеязычные народы, а также эскимосы и алеуты. Как и прочие ностратические общности, алтайская общность была, вероятно, по своему антропологическому типу европеоидной. Однако в ходе своего продвижения на восток «алтайцы», или, точнее, их отдельные ветви, все более поглощались в расовом отношении местным монголоидным населением (сохраняя при этом свои языки), пока этносы монгольской и тунгусоманьчжурской группы, а также предки корейцев и японцев окончательно не «растеряли» все свои европеоидные морфологические признаки. Лишь некоторым народам тюркской группы удалось сохранить европеоидные черты, причем некоторые западнотюркские народы, если и были в какой-то мере метисированы, то при реверсивном движении в западном направлении вновь впитали в себя европеоидные элементы, постепенно «растеряв» почти все «приобретенные» при движении на восток монголоидные черты.

Европеоидами по расовому облику были и носители афразийского праязыка. Из четырех образовавшихся афразийских семей, только семиты длительное время не выходили за пределы Азии, оставаясь в относительной близости от своей прародины. Лишь в середине I тыс. до н. э. часть из них проникла в Северо-Восточную Африку, образовав группу эфиосемитов. В Северной Африке семиты впервые появились еще позже — в VII в. н. э. — во времена арабских завоеваний.

Остальные ветви расколовшейся афразийской общности попали в Африку через Суэцкий перешеек и Баб-эль-Мандебский пролив на несколько тысячелетий раньше. Если до миграции все ветви афразийцев принадлежали к европеоидной расе, то впоследствии только семиты (кроме эфиосемитов и некоторых других групп) и берберы сохранили в основном свой прежний расовый тип. Кушиты, мигрируя по Африке, получили большую примесь негроидной крови и стали смешанной расовой группой, чадцы, изначально тоже европеоиды, фактически бесследно растворились (в антропологическом отношении) среди окружающего негроидного населения, передав, однако, ему свой язык.

Наиболее сложен вопрос о первоначальной расовой принадлежности сино-кавказской этноязыковой общности. В настоящее время свыше 99% всех носителей языков, принадлежавших к сино-кавказской макросемье, — монголоиды. Лишь народы, говорящие на северокавказских языках, относятся к европеоидной расе. Однако прародина «сино-кавказцев», вероятнее всего, находилась в Юго-Западной Азии, и они, как свидетельствует

близкий по времени и месту палеоантропологический материал, были, по-видимому, европеоидами. Что касается монголизации большинства ветвей сино-кавказской этноязыковой общности, то, после того как она распалась, носители сино-тибетского, енисейского и на-дене праязыков, расселяясь в восточном направлении, постепенно все более впитывали в себя монголоидный элемент и утрачивали европеоидные черты.

Таким образом, по крайней мере три языковые макросемьи Земного шара — ностратическая, афразийская и сино-кавказская — возникли в глубокой древности среди европеоидного населения и лишь со временем, после многочисленных миграций стали в расовом отношении неоднородными. Распространение среди ранней европеоидной расовой общности сразу трех праязыков не противоречит идее о тесной сопряженности языковых и расовых общностей на начальном этапе их развития, а говорит лишь о ранней дивергенции языков в европеоидной среде. Древняя генетическая связь между ностратической и афразийской этноязыковыми общностями не вызывает сомнений (не случайно многие лингвисты-компаративисты даже включают афразийские языки в состав ностратических).

Что касается сине-кавказских языков, то об их древней связи с ностратическими языками свидетельствуют некоторые языковые параллели. При этом не все из них могут быть объяснены древними заимствованиями, а часть из них, по-видимому, свидетельствует о родстве, хотя и весьма отдаленном. В этой связи по-своему знаменательны не совсем удачные попытки чешского лингвиста А. Глухака включить сино-тибетские языки в ностратическую макросемью, а также гипотеза американского ученого Р. Шейфера о евразийской макросемье языков, включающей индоевропейские и сино-тибетские языки. Нами было предложено использовать шейферовское название в расширенном смысле, объединив ностратическую, афразийскую и сино-кавказскую макросемьи в евразийскую суперсемью языков.

Весьма сложен и до сих пор не решен вопрос о том, какой праязык можно соотнести с расовой общностью негроидов. Если не принимать во внимание чадцев, чистые в антропологическом отношении негроиды говорят в настоящее время либо на языках конго-сахарской макросемьи, либо на койсанских языках. Отсюда следует, что при решении вопроса о языковой принадлежности древнейших негроидов могут быть три возможных варианта: 1) предки современных негроидов говорили на каком-то праязыке, дивергенция которого привела к возникновению двух указанных языковых группировок; 2) они говорили на конго-сахарском праязыке; 3) их языком был пракойсанский. С уверенностью выбрать один из этих вариантов в настоящее время вряд ли возможно. Однако, если признаки генетической связи конго-сахарских языков с афразийскими будут дальнейшие исследованиями подтверждены, то придется соотнести древнейших негроидов только с койсанскими языками.

Нелегко установить и праязык, на котором когда-то говорили предки монголоидов. Ими не были ни монгольские языки, относящиеся к ностратической макросемье, ни сино-тибетские языки, входящие в состав сино-кавказской макросемьи. Нами было высказано предположение, что с наибольшим основанием на роль праязыка монголоидов может претендовать австрический. Такое предположение вряд ли способен поколебать тот факт, что подавляющее большинство народов, говорящих на австрических языках, будучи в основном монголоидами, имеют небольшую примесь австралоидной расы. Тем более не противоречит этой точке зрения то, что некоторые сравнительно небольшие группы, принадлежащие по языку к австрической макросемье (например, меланезийцы), в настоящее время являются почти чистыми австралоидами (такая расовая трансформация языковых общностей вполне возможна).

Гораздо яснее видятся праязыки, с которыми могут быть соотнесены американоидная и австралоидная расы. Не вызывает сомнения, что есть прямое соответствие между америндской макросемьей языков, с одной стороны, и американоидной расой — с другой. Вряд ли можно сомневаться

и в том, что предки австралоидов говорили на языках, которые сейчас пытаются свести в индо-тихоокеанскую макросемью, а также на языках австралийской семьи.

* * *

О социальной и духовной культуре в эпоху первобытности. При рассмотрении древнейшего периода человеческой истории изложение ее намеренно ограничивалось характеристикой лишь тех сторон жизни, относительно которых есть достаточно надежные источники. Это прежде всего эволюция самого человека, которая может быть более или менее обстоятельно прослежена по имеющимся палеоантропологическим находкам. В той или иной мере могут быть «реконструированы» хозяйство и материальная культура первобытного человека, поскольку сохранились многочисленные остатки его деятельности. Наконец, можно теперь, благодаря стремительному развитию новых областей лингвистики — лексикостатистики и глоттохронологии, судить о древнейших генетических связях языков, а также о времени их дивергенции.

В то же время дать достаточно обоснованную характеристику социальной и духовной культуры первобытных людей довольно трудно. В частности, археологические, палеоантропологические и лингвистические источники дают для реконструкции этих аспектов жизни первобытного человека довольно мало, и наше видение их представляет собой лишь более или менее правдоподобные догадки.

Ранее в отечественной науке для реконструкции общественного строя и духовной культуры первобытности весьма использовался этнографический материал о ныне живущих или известных по письменным источникам народах, сильно отставших в своем развитии и сохранивших родоплеменной строй. Но чрезмерное увлечение использованием этнографических источников для реконструкции первобытности было в определенной мере обусловлено тем, что этот метод широко применял Ф. Энгельс, который, в свою очередь, перенял его у американского исследователя Л. Г. Моргана. В соответствии с подобной практикой, об общественном строе и духовной культуре первобытного общества нередко писали как о якобы хорошо известных. Лишь более осторожные и вдумчивые ученые старались сопоставить используемый этнографический материал с археологическим, применять системный подход в своих исследованиях. Но даже и при таких методах восстанавливаемая картина вряд ли адекватно отражала подлинную первобытность.

Рядом российских исследователей были предложены носившие в основном умозрительный характер схемы развития социальной жизни в первобытном обществе. Согласно одной из таких схем, первобытная история делилась на несколько периодов — в соответствии с «формационным» членением всего исторического процесса — на эпохи праобщины (первобытного человеческого стада), первобытной родовой общины (с двумя стадиями — раннеродовой и позднеродовой общин) и первобытной соседкой (протокрестьянской) общины. Раннеродовая и позднеродовая общины отличались друг от друга, по указанной схеме, тем, что в первой, ведущей присваивающее хозяйство и получавшей в основном лишь жизнеобеспечивающий продукт, господствовали уравнительное распределение и общая собственность, во второй, перешедшей к производящему или высокоспециализированному присваивающему хозяйству и получавшей относительно регулярный избыточный продукт, наряду с уравнительным практиковалось и трудовое распределение, при котором часть продукта поступала в личную собственность членов общины.

Эпоха праобщины соответствовала, по этой схеме, нижнему и среднему палеолиту, стадия раннеродовой общины — верхнему палеолиту и мезолиту, стадия позднеродовой общины — неолиту, эпоха первобытной соседской общины — позднему неолиту, энеолиту или раннему металлу. Что же

касается представленных в эти периоды форм человека, то во времена праобщины жили древнейшие люди и неандертальцы, в остальные эпохи — Homo sapiens sapiens.

При разработке подобных схем недостаточно учитывалось, что применять этнографический материал для реконструкции социальных порядков первобытности весьма рискованно. Во-первых, этнографической науке не был известен ни один народ, стоявший на стадии среднего и тем более нижнего палеолита. Во-вторых, многие явления современной культуры уникальны, и поэтому использовать их для каких-либо реконструкции не вполне корректно. В-третьих, отставшие в своем развитии народы, имевшие (пусть даже весьма редкие) контакты с гораздо более развитыми народами, не могут служить аналогами этносов подлинной первобытности. В-четвертых, сам факт сильной задержки некоторых народов в их развитии не позволяет считать их подходящей «моделью» для реконструкции человеческого прошлого. Исходя из всего этого, описанную выше схему периодизации можно принять лишь как одну из возможных линий развития человеческого общества.

О том, что имеющийся этнографический (как, впрочем, и археологический, палеоантропологический) материал допускает весьма различные трактовки при использовании его для реконструкции социальной и духовной культуры, свидетельствует, в частности, то, что многие ныне не существующие первобытные общества, в зависимости от субъективного мнения ученых, порой «реконструируются» по-разному. Кроме того, различными исследователями нередко весьма неодинаково трактуются одни и те же факты, в результате чего разброс мнений о времени возникновения в эпоху первобытности тех или иных явлений социальной и духовной культуры очень велик. Так, еще недавно появление рода почти всеми нашими учеными относилось к верхнему палеолиту, сейчас же некоторые из них не без оснований высказывают предположение, что род возник значительно раньше. Что касается большинства зарубежных ученых, то они вообще предпочитают воздерживаться от каких-либо высказываний на этот счет.

Возникновение первых религиозных представлений многие исследователи относят к неандертальской стадии развития человека, однако существует мнение, что какие-то зачатки религии были свойственны человеку гораздо ранее.

Из элементов духовной культуры первобытности, пожалуй, лишь отдельные виды изобразительного искусства (наскальная живопись, скульптура, орнаментика и т. п.) могут быть достаточно основательно изучены, хотя в трактовке мотивов произведений первобытного искусства также наблюдается значительная разноречивость.

В связи со всем этим большая часть зарубежных исследователей ранней истории человечества старается не выступать с развернутыми концепциями о социальной и духовной культуре «примитивного» общества. Не случайно такие российские ученые, как С. А. Токарев и В. П. Алексеев, много занимавшиеся ранними стадиями развития человечества, очень осторожно высказывались об общественном строе и духовной культуре первобытной эпохи.

Достаточно основательно судить о социальной и духовной культуре человечества можно лишь с момента возникновения государственности и появления письменности.

(Продолжение следует)

Примечания

1. ИВАНОВ В. В. Глотогенез.— Лингвистический энциклопедический словарь. М. 1990, с. 108.
2. В те годы большинство лингвистов-компаративистов предполагали существование достаточно близкого родства между уральскими и алтайскими языками и объединяли их

- в единую семью. В настоящее время многие лингвисты (в том числе практически все российские) рассматривают уральские и алтайские языки в качестве двух самостоятельных семей.
3. Этот лингвист, которого сейчас крупнейшие компаративисты страны называют гениальным, трагически погиб в возрасте 32-х лет.
 4. Глоттохронология занимается определением времени дивергенции родственных языков и установлением степени их родства.
 5. ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. В., ИВАНОВ В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Кн. 1—2. Тбилиси, 1984.
 6. МИЛИТАРЕВ А. Ю. Современное сравнительно-историческое афразийское языкознание: что оно может дать исторической науке? — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 3. Языковая ситуация в Передней Азии в X—IV тысячелетиях до н. э. М. 1984, с. 9—10, 44.
 7. СТАРОСТИН С. А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 4. Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. М. 1984.
 8. ПЕЙРОС И. И. Лингвистическая история юга и востока Азии. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Материалы к дискуссиям на Международной конференции (Москва, 29 мая — 2 июня 1989 г.). Ч. 1. М. 1989.
 9. Андаманская семья объединяет ряд малочисленных языков на Андаманских островах. Общая численность говорящих на этих языках — несколько сот человек.
 10. Многие папуасские языки весьма далеки друг от друга и, возможно, неродственны. В настоящее время лингвисты выделяют несколько самостоятельных семей папуасских языков: 1) восточноновогвинейского нагорья; 2) финистерре-хьюон, 3) центрально-южноновогвинейскую, 4) западноновогвинейского нагорья, 5) юго-восточноновогвинейскую, 6) мадангскую, 7) хребта Адельберта, 8) Среднего Сепика, Верхнего Сепика и гор Сепик, 9) анга, 10) раму, 11) торричелли, 12) западнопапуасскую, 13) бугенвильскую и еще несколько других, весьма малочисленных. 1—6 и, возможно, 7—9 семьи образуют центральноновогвинейскую макросемью, другие же семьи занимают обособленное положение.

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том пятый. Вооруженные силы Юга России.

Глава XXVII. Отступление армий Юга на Одессу и Крым, за Дон и Сал

К концу ноября обстановка на противобольшевистском театре Вооруженных сил Юга была такова:

На западе, в Киевской области войска наши удерживались на Ирпени и у Фастова; левое крыло 12-й сов. армии, прервав связь между Киевскими войсками и Добровольческой армией, подвигалось с боями по левому берегу Днепра к самому Киеву, одновременно угрожая Черкасам и Кременчугу.

В центре, отдав Полтаву и Харьков, Добровольческая армия вела бои на линии от Днепра на Константиноград — Змиев — Купянск; далее шел фронт Донской армии, отброшенный от Павловска и от Хопра к Богучарам и за Дон главным образом, благодаря конному корпусу Думенко, вышедшему в разрез между 1-м и 2-м донскими корпусами. Между Добровольческой и Донской армиями образовался глубокий клин к Старобельску, в который прорывалась конница Буденного¹.

На востоке — в начале ноября 10-я сов. армия перешла вновь в наступление на Царицын, но была отброшена Кавказской армией с большими потерями. В середине ноября, ввиду начавшегося ледохода, наши заволжские части были переведены на правый берег, и вся армия стянута к царицынской укрепленной позиции. С тех пор многострадальный город подвергался почти ежедневно артиллерийскому обстрелу с левого берега, а части 10-й и 11-й сов. армий вели на него демонстративное наступление с севера и юга, успешно отбиваемое Кавказской армией.

Общая идея дальнейшей операции В.С.Ю.Р. заключалась в том, чтобы обеспечив фланги (Киев, Царицын), прикрываясь Днестром и Доном и перейдя на всем фронте к обороне, правым крылом Добровольческой и левым Донской армий, нанести удар группе красных, прорывающихся в направлении Воронеж — Ростов².

Новое назначение ген. Врангеля внесло много осложнений и атмосферу внутреннего разлада, особенно тягостную в обстановке потрясений, переживаемых тогда армиями и мной.

Прежде всего последовал рапорт с изложением «пренебрежения (нами) основных принципов военного искусства» в прошлом и преимущества стратегических предположений генерала Врангеля. И этот рапорт был также сообщен им старшим начальникам. Новый командующий нарисовал удручающую картину наследия, полученного им от ген. Май-Маевского: систему «самоснабжения», обратившую «войну в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию...» Развращенные этой системой и «примером некоторых из старших началь-

Продолжение. См. Вопросы истории. 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, №№ 2, 4—12; 1994, №№ 1—12; 1995, №№ 1—2.

ников» войска. Громадные «тылы», запрудившие все пути. Хаотическая эвакуация, осложненная нахлынувшей волной беженцев. И как вывод: «Армии, как боевой силы, нет!»

Велики и многообразны были прегрешения Добровольческой армии — но отнюдь, конечно, не большие, чем Киевской, Новороссийской, Донской и той, которой командовал барон Врангель — Кавказской. Но так как про вины других никто из их начальников не говорил так громко, в общественном сознании могла полчиться известная психологическая абберрация. Мне не хотелось бы сраживать степень греховности... К сожалению, все армии грешили и всем есть в чем покаяться.

Но глубоко ошибочен был вывод. Армия, которая под ударами почти втрое превосходившего ее силами противника в течение двух месяцев, на расстоянии 400 верст — от Орла до Харькова, потеряв в кровавых боях до 50% своего состава, могла еще противостоять напору противника, маневрировать, отражать атаки, сама с успехом атаковать — такая армия не умерла.

Сквозь внешнюю неприглядную обстановку, под наносным слоем пыли и грязи жив был тот дух неумирающий, который горел в ней во времена Первого и Второго походов, который выводил горсть храбрецов из сплошного большевистского кольца, бросал их, почти безоружных, на бронированные поезда и давал им победу в столкновении с противником, во много раз сильнеешим.

Ближайшие недели борьбы за Доном и вся последующая история армии показали, что дух этот не угасал.

С первых же дней обнаружались и новые стратегические расхождения. Ген. Врангель считал, что обстановка на правом фланге понудит его оторваться от Донской армии и отходить в Крым. Ссылаясь на неизбежность в этом случае порыва связи со Ставкой³, он просил о назначении общего начальника над армиями Киевщины, Новороссии и Добровольческой. Я ответил ген. Врангелю, что не допускаю и мысли об отходе в Крым. И, если удержаться нельзя будет, отступить можно только на Ростов в связи с Донской армией, каких бы жертв это ни стоило⁴. По этому поводу дважды еще запрашивал Ставку по телеграфу начальник штаба Добровольческой армии, генерал Шатилов. В то же время общая линия фронта, группировка войск и направление подкреплений не давали уверенности в твердом стремлении командующего обеспечить ростовское направление.

Это обстоятельство возбудило тревогу во мне и в особенности в донском командовании и заставило принять особые меры к предотвращению большого несчастья: уход Добровольческой армии в Крым вызвал бы неминуемое и немедленное падение Донского и всего казачьего фронта, что обрекало бы на страшные бедствия, быть может на гибель, десятки тысяч больных, раненых воинов⁵ и семейств военнослужащих, в особенности добровольческих, рассеянных по территории Дона и Северного Кавказа. Никакие стратегические соображения не могли бы оправдать в глазах казачества этого шага и казаки отнеслись бы к нему, как к предательству с нашей стороны.

Надежды на нашу конную группу не оправдались.

Перед отъездом в армию, в Таганроге ген. Врангель заявил мне, что он не потерпит присутствия в ней генералов Шкуро и Мамонтова, как главных виновников расстройства конных корпусов. Ген. Шкуро находился тогда на Кубани в отпуске по болезни. Что касается Мамонтова, я предостерегал от резких мер по отношению к лицу, как бы то ни было, пользующемуся на Дону большой популярностью.

По прибытии в армию, ген. Врангель назначил начальником конной группы достойнейшего и доблестного кубанского генерала Улагая. И, хотя отряд этот был временный и назначение начальника его, всецело зависевшее от командующего армией, не могло считаться с местничеством, оно вызвало крупный инцидент: Мамонтов обиделся и телеграфировал по всем инстанциям: «...учитывая боевой состав конной группы, я нахожу несоответствующим достоинству Донской армии и обидным для себя замещение, как командующего конной группой, без видимых причин лицом, не принадлежащим к составу Донской армии и младшим меня по службе. На основании изложенного считаю далее невозможным оставаться на должности командира 4 Донского корпуса». Копии этой телеграммы Мамонтов разослал всем своим полкам, а на другой день, самовольно покидая корпус, не без злорадства сообщал, как полки под давлением противника панически бежали.

Этот неслыханный поступок не встретил, однако осуждения на Дону. Я отдал приказ об отрешении Мамонтова от командования и встретил неожиданную оппозицию со стороны Донского атамана и ген. Сидорина. Они указывали, что помимо крайне неблагоприятного впечатления, произведенного удалением Мамонтова на Донскую армию, 4-й корпус весь разбегается и собрать его может только один Мамонтов. Действительно, когда корпус был передан обратно в Донскую армию, Мамонтов вступил вновь в командование им, собрал значительное число сабель, и впоследствии за Доном корпус этот нанес несколько сильных ударов коннице Буденного.

Успехи эти не могли изменить общего положения и не компенсировали тяжкого урона, нанесенного дисциплине.

Не лучше было и в других частях конной группы. Внутренние недуги и боевые неудачи угасили дух и внесли разложение. И ген. Улагай 11 декабря доносил о полной небоеспособности своего отряда: «Донские части, хотя и большого состава, но совсем не желают и не могут выдерживать самого легкого нажима противника... Кубанских и Терских частей совершенно нет... Артиллерии почти нет, пулеметов тоже»⁶.

Дезертирство кубанцев приняло массовый характер. Вместо того, чтобы попытаться собрать части где-нибудь в армейском тылу, ген. Врангель отдал самовольно приказ об отводе «кадров» кубанских дивизий на Кубань для формирования, и эта мера вызвала новые тяжелые осложнения. Уклонявшиеся от боя казаки и дезертиры, которых раньше все-таки смущала совесть и некоторый страх, перешли на легальное положение. Их оказалось много, очень много: за Дон, домой потекли довольно внушительного состава полки, на хороших конях, вызывая недоумение и озлобление в донцах, в подходящих подкреплениях и соблазн в кубанских дивизиях, еще оставшихся на фронте.

Дома они окончательно разложились.

Помимо всех прочих условий, большое влияние на неуспех конной группы имело то обстоятельство, что донская конница за все время отступательной операции, охотно атакуя неприятельскую пехоту, решительно избегала вступать в бой с конницей. По свидетельству полк. Добрынина⁷ «донское командование пыталось понудить (ее) к активности, но ничего сделать не могло, так как она не исполняла приказов об атаке конницы противника».

С распадением конной группы положение Добровольческой армии становилось еще более тяжелым, и ей в дальнейшем приходилось совершать труднейший фланговый марш под ударами справа всей 1-й сов. конной армии.

После ряда резких выступлений по моему адресу, я был удивлен, получив 11 декабря от барона Врангеля частное письмо следующего содержания:

«В настоящую грозную минуту, когда боевое счастье изменило нам и обрушившаяся на нас волна красной нечисти готовится, быть может, поглотить тот корабль, который Вы, как кормчий, вели сквозь бури и непогоды я, как один из тех, что шел за Вами почти с начала на этом корабле, я нравственно считаю себя обязанным сказать Вам, что сердцем и мыслями горячо чувствую, насколько сильно должны Вы переживать настоящее испытание судьбы.

Если Вам может быть хоть малым утешением сознание, что те, кто пошел за Вами, с Вами вместе переживают и радости и горести, то прошу Вас верить, что сердцем и мыслями я ныне с Вами и рад всеми силами Вам помочь».

Я поверил этим словам, был тронут ими и ответил, что душевный порыв этот нашел во мне самый искренний отклик.

Между тем, к 11 декабря под непрекращавшимся напором противника фронт центральных армий между Доном и Днепром отодвинулся еще далее на юг, до линии станица Вешенская-Славяносербск-Изюм; центр Добровольческой армии удерживался на среднем Донце, тогда как левый фланг, испытывавший меньшее давление, оставался у Константинограда. В тот же день командующий Добровольческой армией признал дальнейшее сопротивление в Донецком бассейне невозможным и вошел с рапортом об отводе центральной группы за Дон и Сал, оставив за нами лишь плацдарм по линии Новочеркасск-Таганрог. Вместе с тем, ген. Врангель считал необходимым «подготовить все, дабы в случае неудачи... сохранить кадры армии и часть технических средств, для чего ныне же войти в соглашение с союзниками о перевозке в случае надобности Армии в иностранные пределы».

От командования Добровольческой армией барон Врангель отказывался, предлагая свернуть ее, ввиду малочисленности, в корпус. Прибывший в Таганрог по поручению барона ген. Науменко изложил его пожелание — предоставить ему, генералу Врангелю, формирование на Кубани трех конных корпусов, которые, с придачей Терского корпуса, части Донской и Добровольческой конницы, составили бы в будущем конную армию под его начальством ⁸.

Под влиянием частного письма ген. Врангеля, о котором я перед этим упоминал, желая верить в его лояльность, я согласился с этим предложением, тем более, что оно давало мне возможность без возбуждения обид и страстей вручить судьбу Добровольцев тому, кто верил в них, хотел и мог вести их дальше. Хотя и дорогой ценой: временно уходило из официального обихода наименование «Добровольческая армия», сохранявшееся по традиции и тогда, когда «армия» в боевом составе своем насчитывала не более 1½ тысяч бойцов ⁹.

Я почувствовал это особенно тягостно при ближайшей встрече в Таганроге с генералом Врангелем, который говорил:

— Добровольческая армия дискредитировала себя грабежами и насилиями. Здесь все потеряно. Идти второй раз по тем же путям и под Добровольческим флагом нельзя. Нужен какой-то другой флаг...

И, не дожидаясь моего вопроса, он спешно прибавил: Только не монархический...

О каком флаге он говорил, так и осталось тогда невыясненным.

Мы условились, что после оттяжки фронта армия будет свернута и генерал Врангель уедет на Кубань. Командующим Добровольческим корпусом, получившим позже наименование «Отдельного Добровольческого корпуса», был назначен старший Доброволец, генерал Кутепов, который со своими славными войсками вынес главную тяжесть отступления.

Итак, 10-го числа барон Врангель писал мне о своей лояльности, а на другой день произошел эпизод, рассказанный впоследствии ген. Сидориным.

11 декабря на станции Ясиноватой в штабе Добровольческой армии состоялось свидание генералов Врангеля и Сидорина ¹⁰, на котором барон, жестоко критикуя стратегию и политику Ставки, поднял вопрос о свержении главнокомандующего. Для решения этого и других сопряженных с ним вопросом ген. Врангель предполагал в один из ближайших дней созвать совещание трех командующих армиями (Врангель, Сидорин, Покровский) в Ростове. Действительно, это было сделано им в ближайшие дни телеграммой, в копии препровожденной в Ставку. Барон Врангель объяснял потом этот шаг «необходимостью выяснить целый ряд вопросов: мобилизация населения и коней в Таганрогском округе, разворачивание некоторых кубанских частей и т. д.» ¹¹.

Оставляя в стороне вопрос о внутренних побуждениях, которыми руководствовался бар. Врангель, самый факт созыва командующих армий без разрешения главнокомандующего являлся беспримерным нарушением военных традиций и военной дисциплины.

Я указал командующим на недопустимость такого образа действий и воспретил съезд.

К середине декабря стратегическое положение Вооруженных сил Юга было таково:

К 3-му декабря войска Киевской области под напором 12-й сов. армии оставили левый берег Днепра и Киев. Ввиду общности с того времени задач войск Киевских и Новороссийских, командование ими было объединено в руках ген. Шиллинга. Общая обстановка заставила меня отказаться от наступательных действий на этом театре и возложить на ген. Шиллинга лишь прикрытие Новороссии и Крыма, с тем, чтобы главные силы направить спешно в район Екатеринослава для быстрой ликвидации банд Махно, по-прежнему сковывавших корпус Слащева, и для дальнейших действий во фланг и тыл противника, наступающего против Добровольческой армии ¹².

Во исполнение этой директивы войска Шиллинга, ведя постоянные бои с повстанческими бандами и 12-й сов. армией, нанеся последней удар у Черкасс, отошли постепенно на линию Вапнярка — Бобринская (против Черкасс) и далее по Днепру, осадив лишь несколько у Кременчуга.

У Царицына установилось известное равновесие: и Кавказская и советские армии делали попытки частных наступлений, не имевшие серьезных результатов.

Добровольческая и Донская армии, продолжая отступление, отошли на линию Екатеринослав — Дебальцево — Каменская и далее в направлении к устью Хопра. Дон на всем участке между Хопром и Иловлей был перейден большевиками, выходящими в тыл центральной группе, а последняя пододвинулась уже к Ростову на 200 и к Новочеркаску на 140 верст. Терялась всякая связь между Донской и Кавказской армиями.

Эти обстоятельства заставили меня принять более сосредоточенное расположение, оттянув войска с Царицынского фронта. Директива от 15 декабря ставила войскам задачи: Кавказской армии отойти за линию р. Сал для прикрытия Ставропольского и Тихорецкого направлений; Донской и Добровольческой стать между р. р. Миусом и Сев. Донцом¹³, прикрывая Ростов и Новочеркасск; войскам ген. Шиллинга, при выполнении прежней задачи, главное внимание указывалось обратить на прикрытие Крыма и северной Таврии.

Задержка армий была необходима тем более, что не была еще закончена переброска к Ростову подкреплений и не эвакуированы армейские тылы, Таганрог, Ростов, Новочеркасск.

В ближайший плацдарм Ростова и Новочеркасска под начальством генерала Топоркова сосредотачивался мой резерв¹⁴. На этой позиции в случае надобности я предполагал дать решительный отпор противнику.

Указанная выше линия не была удержана. Инерция отступательного движения, в силу многообразных причин, преимущественно морального характера, влекла войска к естественному рубежу, каким является Дон. И к 23—24 декабря, вначале с боями, потом оторвавшись от противника, Добровольческая и Донская армии отошли в Ростов — Новочеркасский плацдарм.

Сосредоточив центральную группу на фронте не более 80 верст, я считал и необходимым и возможным даже для ослабленных наших войск дать здесь сражение. Тем более, что к тому времени обозначились явно переутомление и расстройство неприятельских армий.

20 декабря в видах объединения фронта, ген. Сидорину подчинен был в оперативном отношении и Добровольческий корпус ген. Кутепова¹⁵. Ген. Сидорин развернул войска, прикрыв Ростов Добровольцами, Новочеркасск Донцами и в центре, на уступе поставив конные корпуса Топоркова и Мамонтова.

К 25-му противник подтянул главные силы к нашему расположению. Бои продолжались два дня, являя переменчивую картину доблести и смятения, твердого выполнения долга и неповиновения, и окончились неудачей. В тот же день, 25-го донской корпус, прикрывавший Новочеркасск, под давлением конницы Думенко сдал город и отхлынул к Дону.

В центре — конница ген. Мамонтова и Топоркова атаковала и разбила 1½ неприятельских дивизии, взяв пленных и орудия; но после этого, не использовав успеха, Мамонтов отвел корпус в исходное положение. 26-го конница Буденного почти уничтожила терскую пластунскую бригаду, поставленную в центре Добровольцев и опрокинула конницу Топоркова; а в то же время Мамонтов, невзирая на повторное приказание атаковать противника, посланное ему непосредственно мною через штаб Корниловской дивизии, бросил фронт и спешно уходил через Аксай на левый берег Дона, «опасаясь оттепели и порчи переправ».

На остальном фронте Добровольческого корпуса весь день шел жестокий бой, причем все атаки противника неизменно отбивались; отбита была и ворвавшаяся в прорыв позиций терцев неприятельская конница. Левое крыло наше (Дроздовцы и конница Барбовича) переходило в наступление, отбросив большевиков и преследуя их на 7 верст. Но со стороны Новочеркасска выходили уже в тыл колонны неприятеля. И когда Дроздовцы и Корниловцы, отступая по приказу, проходили через Ростов и Нахичевань, города эти были уже в руках противника; после тяжелого, упорного боя, эти дивизии пробились на левый берег Дона.

27-го на левом берегу находилась уже вся армия. Ставка была переведена на ст. Тихорецкую. Наступила оттепель, переправа по льду становилась ненадежной. Советские армии сделали несколько попыток на плечах отступающих форсировать Дон, но были отражены с большим уроном.

К этому времени на востоке — Кавказская армия совершала свой отход от Царицына, под давлением неотступно следовавшей за ней 10-й сов. армии, и к 4 января 1920 года сосредоточилась за Салом.

На западе ген. Шиллинг, во исполнение своей задачи, двинул корпус генерала Слащева из Екатеринослава вниз по Днепру для непосредственного прикрытия северной Таврии; корпус ген. Промтова и бывш. Киевские войска под начальством ген. Бредова Шиллинг развернул на линии Бирзула — Долинская — Никополь (искл.), тогда как Слащев, перебросив свои тылы в Крым, стал между Днепром и Азовским морем на высоте Мелитополя. В этих районах в течение второй половины декабря войска ген. Шиллинга вели бои против частей 12, 13 и 14 сов. армий, Махно и повстанческих банд, наводнявших Новороссию.

Кончился 1919 год.

Год, отмеченный для нас блестящими победами и величайшими испытаниями. Кончился цикл стратегических операций, поднявших линию нашего фронта до Орла и опустивших ее к Дону. Подвиг, самоотвержение, кровь павших и живых, военная слава частей — все светлые стороны вооруженной борьбы поблекнут отныне под мертвящей печатью неудачи.

Трехмесячное отступление, крайняя усталость, поредение армий, развал тыла, картины хаотических эвакуаций произвели ошеломляющее впечатление на общественность, отозвались болезненно на состоянии духа ее и армии и создали благоприятную почву для пессимистических настроений и панических слухов. Появились люди, которые все предвидели и все предсказывали... Люди экспансивные и неуравновешенные, с невыдержавшими нервами, которые впадали в глубочайшую безнадежность, считали, что сопротивление сломлено и борьба проиграна. И это падение воли к борьбе — иногда в прямой открытой форме, иногда под маской гуманитарных соображений или стратегических предосторожностей — тонким ядом проникало в диспуты представительных и политических организаций, в доклады некоторых военных начальников.

Я употреблял все усилия, чтобы побороть инерцию отступательного движения, видя в затяжке операций одно из действительных средств подорвать силы противника. Поход в несколько сот верст и непрерывные кровавые бои не могли не ослабить его и морально, и физически, не могли не расстроить его сообщений. И я, и ген. Романовский считали, что и в Каменноугольном районе, и на Донском плацдарме мы могли бы удержать противника; что, невзирая на неравенство сил, взаимоотношение их ценности таково, что достаточно было одного сильного удара, одного крупного успеха, чтобы перевернуть вверх дном всю стратегическую ситуацию и поменяться ролями с противником, подобно тому, как это было в мае в Каменноугольном бассейне.

Люди, потерявшие равновесие, осуждали Ставку за такой «оптимизм». Между тем, он покоился не только на интуитивном чувстве, но и на реальных данных. То, что открылось впоследствии, превзошло значительно наши тогдашние «оптимистические» предположения. Советские источники приоткрывают нам картину того тяжелого, почти катастрофического положения, в котором победители докатились до Дона. Страшнейшая эпидемия тифа, большие потери и дезертирство выкосили их ряды. У нас был хаос в тылу, но у них вовсе не было никакого тыла: «железные дороги — говорит советский офицер — совершенно разрушенные противником (нами), стали. Между красной армией и центром образовалась пропасть в 400 верст, через которую ни подвезти пополнения, ни произвести эвакуацию, ни организовать санитарную помощь было невозможно...»¹⁶. Красные войска, оставленные самим себе, жили исключительно местными средствами — реквизициями и повальным грабежом. Советская приказная литература постоянно отмечала эту эпидемию насилий и грабежей. И, если верхи, для сохранения лица, приписывали эти «печальные факты» влиянию «темных элементов, примазавшихся к армии, уголовных преступников и переодетых офицеров Деникинской армии»¹⁷, то низы были откровеннее: «Что мы сделали?.. Нас встречали, как освободителей, с хлебом-солью, но мы в пьяном виде делали насилие и грабеж, что на почве сего у нас в тылу, за наши деланные разные незаконные проделки восставали против нас»¹⁸.

Если у нас в тылу бушевали повстанчество и бандитизм, то и линия наступающего советского фронта не смела повстанцев, а только перекинулась через них, и они работали теперь в тылу советских армий. Тот же Махно, который ранее приковывал к себе 1½ наших корпуса, в конце декабря перейдя в Гуляй-Польский район, вклинился между частями 14-й сов. армии, наступавшей на Крым. Советское командование предписало Махно перейти с его армией на польский фронт. Ввиду

отказа Махно, он и его армия «Всеукраинским ревкомом» объявлены были вне закона. С середины января 1920 г. началась поэтому, упорная и жестокая борьба Махно с советскими войсками, длившаяся до октября¹⁹.

Эти обстоятельства содействовали обороне Крыма Слащевым.

Пехота противника была деморализована и «выдохлась» совершенно, и только конница Буденного и Думенко, состоявшая, главным образом, из донских и кубанских казаков, рвавшихся в родные места, не потеряла боеспособности и активности.

К началу января 1920 г. Вооруженные силы Юга насчитывали в своих рядах 81 тыс. штык. и сабель при 522 орудиях²⁰. Из них на главном театре по Дону и Салу — было сосредоточено 54 тыс.²¹ и 289 орудий.

Настроение этой массы было неодинаково. В Добровольческом корпусе, невзирая на все пережитое, сохранились дисциплина и боеспособность, активность и готовность продолжать борьбу. Численно слабые²², они были сильны духом.

Я видел войска под Батайском и Азовом и беседовал с офицерами. Этот вечер в полутемном здании, в Азове, оставил во мне неизгладимое впечатление, напомнив живо другую такой же вечер и беседу — 18 октября 1918 г. в станции Рождественской в дни тяжелого кризиса под Ставрополем. Так же, как и тогда, я не увидел ни уныния, ни разочарования. Так же, как тогда, измотанные, истомленные, оглушенные событиями люди «жадно ловили всякий намек на улучшение общего положения и интересовались только тем, что облегчало нам дальнейшую борьбу».

В Донской армии последние два месяца было неблагоприятно. Не только рядовым казачеством, но и частью командного состава был потерян дух. «В середине декабря — говорит полк. Добрынин — это определилось настолько ясно, что поступил (в штаб армии) ряд самых отчаянных донесений вплоть до советов о капитуляции, от чего, видимо, не прочь была и часть тыловых дельцов Новочеркасска»²³. Ген. Сидорин, касаясь этого периода, говорил впоследствии²⁴: «Был момент, когда командный состав подорвал свою душу, а это равносильно — подорвать армию...» Но периоды упадка в жизни Дона повторялись трижды, и казачество подымалось вновь. Так и теперь: отход за Дон и некоторая передышка вдвое увеличили силы Донской армии²⁵, успокоили несколько нервы, вернули самообладание. А первые успехи вернули и уверенность, и активность. Казачьи верхи — генералы Богаевский, Сидорин, Кельчевский, председатель Круга Харламов были тверды в своем решении продолжать борьбу.

Гораздо хуже обстояло дело на Кубани. С возвращением к власти в конце декабря самостийной группы, процесс разложения власти и кубанских войск пошел более быстрым темпом. И без того на фронте находилось ничтожное количество кубанских казаков — все остальные «формировались» или дезертировали. Но и оставшиеся выказывали признаки большого душевного разлада, вот-вот готового вылиться в полный развал.

Перед нашей Задонской группой находился противник, ослабленный выделением 13 и 14 армий, которые ушли к западу против Украины и Крыма. 8-я, 9-я, 10-я, 11-я и 1-я конная армии располагались от Ростова до Астрахани. Войска эти образовали новый «Кавказский фронт». Численность войск на главном театре составляла 50—55 тыс., т. е. столько же, сколько имели мы²⁶. Командующий 8 сов. армией, Ворошилов, стоявший на ростовском фронте, в докладе своему начальству так оценивал положение²⁷: «Вследствие трудности похода, гигантской эпидемии тифа и потерь в боях, части 8-й и соседних армий в численном составе дошли до минимума. К тому же старые бойцы заменены местными мобилизованными и пленными: пополнений нет... Противник, вопреки ложным донесениям увлекающихся товарищей, сохранил все кадры и артиллерию... Наше продвижение вперед без значительного пополнения и реорганизации может окончиться плачевно, так как в случае отхода будем иметь в тылу непроходимые, разлившиеся реки. Необходима радикальная переоценка всего положения на фронте, дабы избежать чрезвычайно тяжелых сюрпризов в близком будущем».

Принимая во внимание известные тогда данные, я считал, что, если подымется Кубанское казачество, успех наш будет скорый и окончательный. Если же нет, то положение наше станет весьма трудным, но далеко не безнадежным. Условия материального порядка для обеих сторон были более или менее одинаковы.

Победа довела д у х у.

И войскам приказано было готовиться к наступлению.

Борьба Вооруженных сил Юга окончилась поражением. Это обстоятельство наложило свой мрачный колорит на восприятия и переживания, на мысль и память людей. И тех, что томилась под властью большевиков и, пережив краткое время просвета, вернулись вновь во тьму советского застенка. И тех, что вместе с последним клочком родной земли потеряли все — Родину, семью, добро, весь смысл своего существования. Эти углубленные личными переживаниями картины прошлого — в рассказах, отчетах, мемуарах — вытесняют часто и те положительные стороны, которые были в истории белого Юга.

«Народ встречал их с радостью, на коленях, а провожал с проклятиями». Так формулируют часто приговор над белым прошлым.

С проклятиями!... Не потому ли, что мы — побежденные — уходили, оставляя народ лицом к лицу с советской властью? Ведь следовавшие за нами большевики не вносили умиротворения; их правление было жестоким, их совдепы, че-ка и прочие институты не были гуманнее, справедливее «буржуазно-помещичьих губернаторов»; суды большевистские были незаконны и бессмысленны; народу при большевиках не становилось ни легче, ни сытнее; наконец, красная армия приносила гораздо более разорения, чем белая.

Незвизрая на все отрицательные стороны белого режима, разница его с отходившим советским была слишком наглядна и разительна. Прежде всего, упразднилась система террора, и жизнь освобождалась от тяготевших над ней нестерпимого гнета, ужаса, неуверенности в завтрашнем дне, взаимной подозрительности. На смену тюремных оков, душивших мысль, совесть, всякое индивидуальное проявление личное и общественное, расхолодившееся со взглядами коммунистической партии, появлялась кипящая жизнь обществ, союзов, политических партий, профессиональных организаций²⁸.

Неизмеримо поднялась добыча в Каменноугольном бассейне и, хотя очередной транспортный кризис парализовал в известной степени ее успехи, повлекши за собой одно время и топливный кризис, но «кладбище фабрик и заводов» оживало с каждым днем. Свобода торговли и общественная самодеятельность в хозяйственной области вызвали к жизни множество кооперативных товариществ, частью самостоятельных, частью объединенных в крупные союзы²⁹. Городские и земские самоуправления жили почти исключительно на правительственные ассигнования; к осени начался переход от полунезависимых городских управлений к выборным, за немногими исключениями давший преобладание национально-демократическим элементам; в значительной степени устранялась правительственная опека над городским хозяйством.

Деревня испытывала общие тяготы и бедствия, сопряженные с гражданской войной. Обиды от проходящих войск, злоупотребления местных властей и «возвращающиеся помещичьи шарабаны» — факты бесспорные. Но тягость их все же ограничивалась и умерялась: во-первых, естественным путем — трудностью, зачастую невозможностью проникновения в деревню «шарабанов» вне фронтовой полосы и вне окрестностей крупных городов — с одной стороны, и обильным урожаем, посланным судьбою в 1919 г. — с другой; во-вторых, правительственными мероприятиями: запрещением самоуправного восстановления собственности, возмещением за незаконные реквизиции, ссудами, предоставленными сельским обществам на обсеменение и сбор хлеба, освобождением или отсрочкой по отбыванию воинской повинности хозяйственным одиночкам, нормированием и снижением арендной платы за землю и, вообще, рядом законодательных актов, подводивших некоторое юридическое обоснование под факт земельного захвата. Повсеместно переход к нам новых территорий вызывал в них резкое понижение стоимости хлеба и предметов первой необходимости.

Наконец, белый режим приносил свободу церкви, печати, внесловный суд и нормальную школу.

Все эти явления заглушались бездной наших нестроений и потонули в общей пучине того всеобъемлющего, всесокрушающего и всенивелирующего события, имя которому поражение. Когда пройдут сроки, отзвучат громы и переболит сердце, бесстрастное перо историка остановится и на положительных сторонах государственного строительства Юга.

Распространяться об этом я не буду.

Вопрос об отношениях, создавшихся ко мне лично, принадлежит к области чисто субъективных восприятий и может быть освещен только извне. Скажу лишь, что успех или неудача, прежде всего, влияли на эти отношения, и что напор шел и справа, и слева.

Я остановлюсь лишь несколько на крайних проявлениях общественного ко мне внимания, ввиде готовившихся на мою жизнь покушений.

О них органы сыска и контрразведки докладывали часто. Где там была правда, где заблуждение или вымысел, определить трудно. У меня лично не было никогда ощущения нависшей опасности. До лета 1919 г. не было решительно никакой охраны, кроме почетного караула у дома, и я пользовался полной свободой передвижения. Затем, под давлением общественных деятелей, вопреки моему запрещению, штаб установил секретную охрану, достаточно примитивную и только тяготившую меня. Простой прием — отъезд на автомобиле, а их было мало и не хватало для охранной службы — избавлял, впрочем, от этой тягостной опеки.

Розыскные органы сообщили о целом ряде готовившихся покушений со стороны большевиков, а с ноября 1919 г. — и со стороны кубанских самостийников. Одна партия «террористов», направлявшаяся из Харькова в Таганрог, была обнаружена донской контрразведкой, и пятеро участников «боевого отряда» по приговору донского полевого суда были казнены. Но, спустя некоторое время, контрразведка Ставки получила сведения, что весь этот заговор явился, якобы, чистой провокацией, и казнены были невинные. По этому весьма темному делу велось следствие, но результаты его до моего отъезда из России не были мне доложены.

Были сведения о командировке на Юг соц.—рев. Блюмкина, убийцы Мирбаха, с поручением от большевиков.

На процессе правых соц.-рев. в Москве, в 1922 году, выяснились некоторые, лично меня касающиеся детали. Некто Семенов, оказавшийся провокатором, предложил ц. к. партии «убрать обоих», т. е. Колчака и Деникина, но получил отказ: «Колчак разогнал Учредительное Собрание, расстрелял многих наших товарищей. Но Деникин еще Учредительного Собрания не разгонял, его позиция не выявилась. Пока мы при нем имеем легальную возможность работать»³⁰.

Осенью 1919 г. какой-то анонимный доброжелатель сообщил мне из Киева о боевой организации левых соц.-рев., имевших задачей убить меня. Эти показания впоследствии совпали вполне с рассказом Каховской³¹, находившейся в составе боевой дружины, которая, действительно, после убийства в Киеве Эйхгорна, переехала в Ростов, где довольно долго подготавливала покушение на меня. Не придавая тогда никакого значения письму, я его порвал, не передав в штаб. На это дело потрачено было соц.-рев. много времени и денег. Для реабилитации себя в неудаче не очень самоотверженные террористы ссылались на ряд встреченных ими совершенно непреодолимых трудностей, не раз анекдотического характера. Зачастую соц.—рев. разведка — говорит Каховская — давала «сильно преувеличенные сведения»: «Деникин бывает в Ростове раз в неделю на заседании Верховного Совета (очевидно, Особое Совещание. Авт.). Каждый раз место заседаний меняется. С вокзала он едет загримированным, в закрытом автомобиле, причем, всегда в ряду других, таких же автомобилей.»

По свидетельству той же Каховской неудача постигла и боевые группы, посланные в Одессу и Харьков. При этом последняя, «растеряв по дороге взрывчатые вещества и оружие... бессильно смотрела в нескольких шагах на принимавшего парад Деникина».

Летом 1919 г. появились сведения о готовящемся покушении со стороны крайних правых; в числе участников называли ген. Комиссарова, вероятно, и тогда уже состоявшего одновременно на службе и у большевиков. Некоторое время с этой стороны было тихо и лишь в начале 1920 г., в связи с усилившейся против меня кампанией, в Севастополе «освящался нож», который должен был «устранить» меня. Желавшего им воспользоваться, вероятно, не нашлось. Мне лично все эти рассказы казались следствием излишней впечатлительности осведомителей или бравадой заговорщиков. Тем более, что мои прогулки по улицам Екатеринодара, Новороссийска и Феодосии облегчали до крайности возможность убийства.

Оппозиция находила отклик и в недрах правительственных учреждений. В начале декабря 1919 г. поступил доклад лица, занимавшего видное положение в Осваге,

о том, что, якобы, готовится убийство нач. штаба генерала Романовского и что центром организации является «бюро секретарей информации» Освага. Гражданской частью государственной стражи произведено было по этому делу расследование, обыск в «бюро» и аресты. Улик по данному обвинению не нашлось. Но попутно развернулась картина интриги, питавшейся из казенного сундука, слежки за главнокомандующим, субсидирования оппозиционной правой организации и таинственной связи «бюро» с анонимными группами, стремившимися к перевороту. Расследование затрагивало и высокопоставленных лиц.

Считая неуместным возбуждение подобного политического дела в дни переживаемых нами тогда потрясений (декабрь), я ограничился удалением со службы нескольких чинов Освага и расследование велел прекратить.

Лучший следователь — история, если только ее будут занимать эти мелочи нашей жизни.

Развал так называемого «тыла» — понятие, обнимающее в сущности народ, общество, все невоюющее население — становился поистине грозным. Слишком узко и элементарно было бы приписывать «грехам системы» все те явления, которые, вытекая из исконных черт нации, из войны, революции, безначалия, большевизма — составляли непроницаемую преграду, о которую не раз разбивалась «система».

Классовый эгоизм процветал пышно повсюду, не склонный не только к жертвам, но и к уступкам. Он одинаково владел и хозяином и работником, и крестьянином и помещиком, и пролетарием и буржуем. Все требовали от власти защиты своих прав и интересов, но очень немногие склонны были оказать ей реальную помощь. Особенно странной была эта черта в отношении большинства буржуазии к той власти, которая восстанавливала буржуазный строй и собственность. Материальная помощь армии и правительству со стороны имущих классов выражалась ничтожными в полном смысле слова цифрами. И в то же время претензии этих классов были весьма велики.

Долго ждали мы прибытия видного сановника — одного из немногих, вынесших с пожара старой бюрократии репутацию передового человека. Предполагалось было привлечь его в Особое Собрание. Прибыв в Екатеринодар, при первом своем посещении он представил мне петицию крупной буржуазии — о предоставлении ей, под обеспечение захваченных советской властью капиталов, фабрик и латифундий, широкого государственного кредита. Это значило принять на государственное содержание класс крупной буржуазии, в то время, как нищая казна наша не могла обеспечить инвалидов, вдов, семьи воинов и чиновников.

Чувство долга в отношении отправления государственных повинностей проявлялось очень слабо. В частности, дезертирство приняло широкое, повальное распространение. Если много было зеленых в плавнях Кубани, в лесах Черноморья, то не меньше «зеленых» — в пиджаках и френчах — наполняло улицы, собрания, кабаки городов и даже правительственные учреждения. Борьба с ними не имела никакого успеха. Я приказал одно время принять исключительные меры в пункте квартирования Ставки (Екатеринодар) и давать мне на конфирмацию все приговоры полевых судов, учреждаемых при главной квартире, о дезертирах. Прошло два-три месяца; регулярно поступали смертные приговоры, вынесенные каким-нибудь заброшенным в Екатеринодар ярославским, тамбовским крестьянам, которым неизменно я смягчал наказание; но, несмотря на грозные приказы о равенстве классов в несении государственных тягот, несмотря на смену комендантов, ни одно лицо интеллигентно-буржуазной среды под суд не попадало. Изворотливость, беспринципность — вплоть до таких приемов, как принятие персидского подданства, кумовство, легкое покровительственное отношение общественности к уклоняющимся — служили им надежным щитом.

Не только в «народе», но и в «обществе» находили легкий сбыт расхищаемые запасы обмундирования новороссийской базы и армейских складов.

Спекуляция достигла размеров необычайных, захватывая в свой порочный круг людей самых разнообразных кругов, партий и профессий: кооператора, соц.—дем., офицера, даму общества, художника и лидера политической организации. Несомненно, что не в людях, а в общих явлениях народной жизни и хозяйства коренились причины бедствия — дороговизны и неразрывно связанной с ней спекуляции. Их вызвало общее расстройство денежного обращения и товарообмена,

сильное падение труда и производительности и множество других материальных и моральных факторов, привнесенных войной и революцией. Торгово-промышленный класс видел средство «вырвать торговлю из рук спекулятивных элементов» — в «широкой поддержке государственным кредитом, оказываемой крупным и солидным торговым организациям». Но и этот способ возбуждал в нас известное сомнение, принимая во внимание ту суровую самокритику, которую вынесли сами представители класса: «...совещание³² считает своим долгом указать на угрожающее падение нравственного уровня во всех профессиях, соприкасающихся с промышленностью и торговлей. Падение это охватило ныне все круги этих профессий и выражается в непомерном росте спекуляции, в общем упадке деловой морали, в страшном падении производительности труда».

Обыватель не углублял причин постигшего его бедствия. Он видел их только в спекуляции и в спекулянтах, против которых нарастало сильнейшее и справедливое возбуждение. Под влиянием этих общественных настроений я предложил управлению юстиции выработать законоположение о суровых карах за злостную спекуляцию. Н. В. Челищев затруднялся выполнить это поручение, считая, что само понятие «спекуляция» имеет столь неясные расплывчатые формы, что чрезвычайно трудно регламентировать его юридически, что в результате могут получиться произвол и злоупотребления. Я провел все-таки через военно-судебное ведомство, в порядке верховного управления, «временный закон об уголовной ответственности за спекуляцию», каравший виновных смертной казнью и конфискацией имущества. Бесполезно: попадалась лишь мелкая сошка, на которую не стоило опускать карающий меч правосудия.

Лишь оздоровление народного хозяйства могло очистить его от паразитов. Но для этого, кроме всех прочих условий, нужно было время.

Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлениями обычными, целые корпорации страдали этим недугом. Ничтожность содержания и задержка в его получении были одной из причин этих явлений. Так, жел.-дор. транспорт стал буквально оброчной статьёй персонала. Проехать и отправить груз нормальным путем зачастую стало невозможным. В злоупотреблении проездными «литерами» принимали участие весьма широкие круги населения. В нем, например, изобличены были в свое время и состав редакции столь демократической «Родной Земли» Шрейдера, и одна большая благотворительная организация, которая распродавала купцам предоставленные для ее нужд «литеры» по договору, обусловливавшему ее участие в 25% чистой прибыли. Донское правительство, отчаявшись в получении хлеба с Кубани, поручило закупку его крупному дельцу Молдавскому. Хлеб, действительно, стал поступать массами, хотя и обошелся донской казне чрезвычайно дорого. При этом вся Кубань и все железные дороги края были покрыты контрагентами Молдавского, которые по таксе и по чину совершенно открыто платили попудную дань всей администрации от станичного писаря и смазчика до... пределов не знаю. В Кубанской раде поднят был даже вопрос о том, что «Молдавский развратил всю администрацию». Мне, кажется, однако, что сетования Рады были не совсем основательны: лиходатели и лихоимцы только дополняли друг друга на общем фоне безвременья.

Традиция беззакония пронизывала народную жизнь, вызывая появление множества авантюристов, самозванцев — крупных и мелких. Для характеристики приведу несколько незначительных, но характерных эпизодов, задевавших непосредственно меня.

В Одесской контрразведке подвизался в темных делах какой-то чин, именовавшийся моим «родственником» и приобретший служебный иммунитет. Такую же роль играла на черноморских курортах какая-то дама, назвавшаяся моей сестрой. Во время переезда по Азовскому морю — одна неизвестная мне особа, предполагая скорое разрешение от бремени, принудила капитана большого пассажирского парохода изменить маршрут, назвавшись моей племянницей.

Однажды в управление земледелия обратился полковник (фамилии его не помню) с запиской от «группы», в составе которой была названа моя фамилия, ген. Лукомского и других известных и неизвестных лиц, числом около 50, в том числе и автора записки. «Группа» указывала на необходимость колонизации Черноморья и наделения участками казенных дач лиц, оказавших услуги отечеству, в первую очередь членов «группы». Управление в спешном порядке занялось этим делом и готовило соответствующее представление в Особое Совещание.

Когда я узнал об этом эпизоде, я приказал розыскать полковника и посадить его под арест. Произведенное расследование обнаружило, что он не вполне нормален. Но служебный оппортунизм управления земледелия!..

Все эти факты не вытекали из «системы». Это была давняя и прочная традиция.

В городах шел разврат, разгул, пьянство и кутежи, в которые, очертя голову, бросалось и офицерство, приезжавшее с фронта.

— Жизни — грош цена. Хоть день, да мой!..

Шел пир во время чумы, возбуждая злобу или отвращение в сторонних зрителях, придавленных нуждой. В тех праведниках, которые кормились голодным пайком, ютились в тесноте и холоде реквизированной комнаты, ходили в истрепанном платье, занимая иногда очень высокие должности общественной или государственной службы и неся ее с величайшим бескорытием. Таких было немало, но не они, к сожалению, давали общий тон жизни Юга.

Великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа. Русская смута, наряду с примерами высокого самопожертвования, всколыхнула еще в большей степени всю грязную накипь, все низменные стороны, таившиеся в глубинах человеческой души. Между тем, только самостоятельность народных и общественных сил могла доставить перевес в борьбе.

И вот, учитывая слабеющие сил и средств борющихся сторон, приходишь к заключению, что в отношении подъема и активности народных настроений белое движение имело не многим больше шансов, чем большевизм.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. К концу периода, усиленная конницей и пехотой, эта сов. группа образовала 1-й конную армию Буденного.
2. Директивы 29 ноября и 5 декабря.
3. Почему — было неясно, так как с Крымом сообщались через Новороссийск.
4. Советское командование было уверено, что, потерпев поражение, Добровольческая армия вынуждена будет отойти на запад. Исходя из этого, им дана была директива о преследовании в этом направлении. Только 20 декабря эта директива изменена.
5. К 1 декабря 1919 г. в военно-лечебных заведениях В.С.Ю.Р. состояло 42 733 больных и раненых.
6. Потери были в боях.
7. Нач. оперативного отделения Донского штаба.
8. О миссии генерала Науменко, ген. Врангель предупредил Ставку 13 декабря телеграммой № 010586.
9. 31-го марта 1918 г.
10. Сидорин выехал в Ясиноватую с моего разрешения по вопросу о направлении отхода Добровольческой армии.
11. Ни один из этих вопросов не мог бы пройти без санкции Ставки.
12. Директива 5 декабря.
13. Линия: Цимлянская — Усть-Белокалитвенная — Каменская — Ровеньки — Матвеев Курган — лиман Миусский.
14. 1½ конн. дивизии, пластунская бригада и две офицерские школы.
15. Генерал Врангель выехал спешно на Кубань.
16. Журнал «Военная наука и революция». Кн. 1, 1921 г.
17. Приказ № 3 по первой конной армии, подписанный Буденным и Ворошиловым.
18. Извозвания коммунистической ячейки 4-й Кавк. дивизии армии Буденного.
19. К этому времени враждующие стороны заключили снова мир для совместных действий против войск ген. Врангеля. Тотчас после падения Крыма большевики разгромили Махно.
20. Боевой состав В.С.Ю.Р. по данным к 5 января 1920 г. (соответственно штыков, сабель, орудий): Донского войска: 18 622, 19 140, 154; Добровольческ. части (на Дону, в Новорос., Крыму, в Кавказск. ар., на северн. Кавказе и на Побережье) 25 297, 5 505, 312; Кубанского войска 5 849, 2 468, 36; Терского войска 1185, 1930, 7; Горские части 490, 552, 8; Астраханские войска — , 468, 5; Всего 51 443, 30 063, 522) (У автора дано в форме таблицы.— *Ред.*).
21. Донская армия — 37 тыс., Добров. корпус — 10 тыс. и Кавказская армия — 7 тысяч.

22. Особенно пострадали 2-я пех. и Марковская дивизии; последняя в предыдущих боях потеряла артиллерию и обозы. В тылу имелось еще 10 тыс. пополнений.
23. «Борьба с большевизмом на юге России». Часть Круга во главе с Агеевым еще в Новочеркасске вела тайные беседы о сдаче большевикам.
24. На совещании в Тихорецкой.
25. Подтянулись, потеряв родные станицы, отставшие; мобилизованные, часть дезертиров, наученные уже раз, в начале года большевистским обещанием «мира».
26. Не включая, с одной стороны, 11-й сов. армии, которая из Астрахани вела наступление на Кизляр и Св. Крест, с другой — войск Сев. Кавказа.
27. Сов. журнал «Военная наука и революции». 1921 г.
28. Меры ограничения принимались лишь в отношении жел.-дор. союзов, так как вся страна представляла театр войны, а пути сообщения — одно из важнейших средств ее.
29. Случайная справка: Харьковский окружный суд за вторую половину октября зарегистрировал 32 новых кооперативных общества.
30. Член ц.к. Тимофеев, устыдившись, по-видимому, на суде такой терпимости, оспаривал это показание: была очередь, а не прямой отказ.
31. Сборник «Пути революции». Год изд. 1923.
32. Из резолюции торгово-промышленного совещания в Ростове. Октябрь, 1919 г.

Из воспоминаний

Г. В. Вернадский

Крым

В Симферополе представители университета встретили нас радушно и помогли устроиться на первое время. Обстановка смены власти была нервная. После ухода немцев и турок образовалось местное краевое правительство под председательством известного крымского общественного деятеля винодела С. С. Крыма, караима, очень почтенного и толкового человека. Тогда все успокоилось (тогда то Симферопольский университет и стал самостоятельным и назван был Таврическим). Мы довольно быстро освоились с новой для нас жизнью. Мы раньше полюбили Пермь и могучую северную природу, но теперь постепенно оценили чары юга. Участвовать в создании нового университета была увлекательная работа. Симферополь был симпатичный город и в нем мы нашли много милых и интересных людей. В Перми я участвовал в тамошней ученой архивной комиссии, но не очень активно. В Таврической ученой архивной комиссии я принял деятельное участие и подружился с ее председателем Арсением Ивановичем Маркевичем, глубоким знатоком истории Крыма и очаровательным и интересным человеком (много старше меня). Среди профессоров Таврического университета оказалось двое моих коллег по Перми — Б. Д. Греков и А. И. Кадлубовский. Как и в Перми, Греков читал древнюю русскую историю, а я — новую. С Кадлубовским приехали в Симферополь две его дочери-близнецы Оля и Наташа (Кадлубовский был вдовец). Из новых для меня лиц был талантливый [Н. К.] Гудзий (он читал новую русскую литературу, а Кадлубовский — древнюю). Историю искусства читал Айналов, политическую экономию — Георгиевский (из Петербурга). Классический греческий язык — А. Н. Деревицкий (кажется бывший попечитель Одесского учебного округа) — превосходный знаток и новогреческого языка, сельскохозяйственные науки — Иван Вячеславович Якушкин, младший брат экономиста Николая Вячеславовича, с которым я дружил в Москве. С Иваном Якушкиным мы тоже сблизились. Очень подружился я с Владимиром Алексеевичем Розовым, преподавателем церковно-славянского языка и древней русской литературы. Розов был глубокий знаток в этой области, человек замечательно чистой души, не обращавший внимания на внешность, верующий православный. Жена его Зоя Гавриловна также была очень милая. Сблизились мы также с П. П. Кудрявцевым, философом, читавшим историю церкви. Познакомились и с И. П. Четвериковым (философия и психология). Как Кудрявцев, так и Четвериков тоже были верующие православные. При университете была устроена библиотека, быстро разросшаяся. Библиотекарем назначен был Н. Л. Эрнст, а до его приезда временно исполняла должность библиотекариши Нина (ставшая помощницей Эрнста).

Из естественников я познакомился с ботаниками Кузнецовым и Палладиным. От некоторых других естественников меня отталкивал их воинствующий атеизм. Не могу вспомнить, кто был первый ректор Таврического университета.

В Крыму находилось в частных руках несколько ценных семейных архивов. Часть их еще до основания Таврического университета была передана в архивную комиссию. От А. И. Маркевича я узнал, что в имении Тавель хранится большой ценнейший исторический архив В. С. Попова, правителя канцелярии [Г. А.] Потемкина. Так как время было смутное (шла гражданская война и можно было опасаться, что она коснется и Крыма), то мы сочли необходимым перевести этот архив в университет, как наиболее надежное место для его хранения. Владельцы (потомки В. С. Попова) охотно согласились на это. К этому времени приехал в Симферополь Эрнст. Кажется именно он наблюдал за перевозкой архива и поместил его в библиотеку университета. Так архив был спасен и я начал понемногу его разбирать.

С самого основания университета было принято много студентов и число их все возрастало. Как и в Перми большинство их занималось с большим рвением. Среди них было довольно много студентов из других университетов, но большинство, сколько помню, составляли юноши, только что кончившие гимназию, некоторые в Симферополе же. Не помню отдельных моих слушателей и учеников моего семинара, но помню, что среди них было много талантливых людей.

Кроме преподавания я с увлечением изучал ордера и письма Потемкина и другие материалы Тавельского архива, и на основании их сделал несколько докладов на заседаниях архивной комиссии. Доклады эти были напечатаны в «Известиях» этой комиссии (перечень их см. в моем *Festschrift* — A. D. Ferguson and Alfred Levin. *Essays in Russian History*. 1964).

Я продолжал свои занятия татарским языком у местного муллы. Язык крымских татар почти тождественен с языком казанских татар, но есть разница в произношении. Под руководством муллы я начал осваивать арабский алфавит.

В начале нашего приезда в Симферополь мы сняли комнату довольно далеко от центра города в доме Лобова, довольно сумрачного вдовца, кажется, бывшего земского статистика. Позже переселились в более удобное и близкое к университету помещение — сняли две комнаты в семье чиновника Васильева и там же столовались. Васильев был спокойный хороший человек. Жена его — Евфросиния Ильинишна — армянка, замечательно милая. У них было два мальчика, учившихся в гимназии — Витя и Коля — оба живые и способные. Кажется у них было пианино, которым Нина могла пользоваться или она ходила куда-то близко, где был рояль и там практиковалась в пении. Часто пела на вечерах у друзей, между прочим у Бобковых. Бобков был молодой инженер, не связанный с университетом.

Из не университетских знакомых мы довольно часто виделись со Спасо-Кукоцкими. Спасо-Кукоцкие (их имен не помню) были старше возрастом, чем Бобковы. Муж был тоже инженер, но другой специальности, чем Бобков. Жена Спасо-Кукоцкого была очень музыкальна, хорошо играла на рояле, иногда акомпанировала Нине.

После капитуляции Германии пошли разговоры о том, что «союзники» намерены помочь Добровольческой армии в ее борьбе против большевиков. В конце декабря 1918 г. в Севастополе высадился небольшой французский отряд. К апрелю 1919 г. под французским командованием там было уже несколько тысяч человек, в том числе алжирские и сенегальские стрелки, и полк греков (не доверяя своей памяти беру эти сведения из V тома «Очерков русской смуты» генерала Деникина, стр. 62). Французское командование отправило в северную Таврию на помощь отряду добровольцев две роты греков. Помню, как по дороге на север в Симферополе появились греческие офицеры, покупали в комиссионных магазинах разные вещи, например, часы-браслеты, удивлялись дешезвизне, а для нас на тогдашние бумажные деньги все это казалось очень дорого.

Силы были слишком неравны. И добровольцы и греки понесли тяжелые потери. Добровольцы отступили на Акманайские позиции на Керченском полуострове. Греки вернулись в Севастополь. 27 марта красные заняли Джанкой и, не встречая сопротивления, двинулись на Симферополь (см. Деникин, V, стр. 45). Оттуда ринулись в Севастополь люди, надеявшиеся, что французы их будут эвакуировать. В том числе было несколько профессоров Таврического университета. Мы с Ниной решили поехать в Севастополь и посмотреть, что там делается.

Когда мы подошли к какому-то зданию около пристани, где некоторым желавшим эмигрироваться французы по своему усмотрению выдавали пропуска, мы увидели длинный густой беспорядочный хвост желающих. Членов крымского правительства в стороне от хвоста встречал французский морской офицер и приглашал на адмиральский корабль. (Мы видели как проходили Винавер — министр внешних сношений и Набоков — министр юстиции). От времени до времени два французских матроса старались выравнить хвост, щелкая бичом. Картина была отвратительная. Мы решили остаться в Крыму и пошла пешком в Ялту по южному берегу. В Кореизе мы остановились в небольшом пансионе. Когда мы отходили от Севастополя, услышали сильные взрывы — французы перед уходом взрывали севастопольские укрепления. Несмотря на нашу ненависть к большевизму, нас охватило чувство национальной горечи.

На другое утро после нашей ночевки в Кореизе по шоссе (пансион был у самого шоссе) по направлению из Ялты в Севастополь прошел большой отряд красной конницы. Это не была регулярная кавалерия, а партизанская конница имени «товарища Котовского» (кажется так), первоначального организатора этой конной группы (потом убитого в бою). Отряд шел в полном порядке и, к удивлению всех, от него не было никаких стеснений населению. В Кореиз назначен был представитель советской власти, от которого мы получили бумажку на возвращение в Симферополь. Коротенькое разрешение на выезд было напечатано на машинке. Мы объяснили, что до Ялты мы пойдем пешком, а там уже можно было получить место на арбе. Тогда советский чиновник к словам «на выезд» приписал «пешком». Когда мы добрались до Симферополя, там советская власть начала уже распясываться. Начались аресты, людей хватили на улице на принудительные работы. Встреченные иногда предупреждали — «не ходите на такую-то улицу, там ловят». Этим занимались главным образом местные большевики. Первое их удовольствие было заставлять хорошо одетую даму мыть уборные в казармах или что-нибудь в этом роде. Рассказывали, что одна молодая дама пошла весело (не в пример остальным), подоткнула юбку, засучила рукава и с веселым пением стала действовать шваброй. Ее сразу отпустили.

Понемногу все стало приходить в некоторый порядок. Образовался Крымский краевой Совнарком, председателем которого был брат Ленина Д. Ульянов. Университет продолжал функционировать, профессорам предложено было записаться в учительский профессиональный союз. Много помог наладить отношения между новой властью и университетом профессор административного права А. И. Елистратов, ранее очень консервативный, а теперь не только ставший законопослушным по отношению к новой власти, но чуть ли не записавшийся в коммунистическую партию (впрочем, в этом я не уверен). Елистратов спас от ареста нескольких своих коллег. В начале мае 1919 г. поползли слухи, что на Кубани идут бои с Добровольческой армией, успешные для последней, и что положение Советской власти в Крыму непрочное. Среди большевиков стала чувствоваться нервность. Аресты участились, введен был полицейский час, притом очень ранний. Уже после 5 часов дня, когда было совсем светло, запрещено было обывателям выходить на улицу. 5 июня добровольцы прорвали красный заслон перед Акманайскими позициями и погнали красных из Крыма. Вскоре после того как-то утром вошел в Симферополь передовой отряд добровольцев (5-го армейского корпуса). Население торжественно его приветствовало. Рассказывали, что одна старушка спросила проходящего солдата — «Что ж теперь, батюшка, можно будет и вечером выходить из дому?» Тот ответил: «Ходи, тетка, круглые сутки!»

Полицейский час был отменен, но начались аресты подозрительных лиц и ловля скрывавшихся большевиков. Под подозрением оказался и профессор Елистратов. Его защитили те, кого он спас во время большевиков. Несколько местных большевиков были повешены на столбах близ вокзала. Многие обыватели пошли смотреть на это зрелище. Говорят, что некоторые дамы, в том числе две-три профессорских жены танцевали под повешенными. Мы туда, разумеется, не ходили. Через некоторое время в Симферополь приехал главнокомандующий Доброармией генерал Деникин. После торжественного молебна в соборе Деникин произнес прочувственную речь к собравшемуся множеству народа. Мы с Васильевыми там были. Молодежь, в том числе м. льчики Васильевы, проникнуты были особенным энтузиазмом.

Вскоре после того мы с Ниной поехали на лето на южный берег Крыма. Нас пригласил к себе Михаил Иванович Петрункевич (сын Ивана Ильича Петрункевича), управляющий дворцом и именем «Гаспра» падчерицы Ивана Ильича графини Софьи Владимировны Паниной, с которой мы были знакомы раньше, хотя и не близко. Сама Софья Владимировна в это время жила в Ростове, принимая близкое участие в деятельности правительства Деникина. Во дворце жили двоюродная сестра Михаила Ивановича — Анна Михайловна Ян-Рубан (рожденная Петрункевич, по первому мужу Маевская) и ее гражданский муж Владимир Иванович Поль. Они тогда не могли жениться, его первая жена не давала развода. Только после ее смерти, много лет спустя, когда они были уже в Париже, они смогли оформить свой брак. С ними была и сестра Анны Михайловны — Александра Михайловна Петрункевич (профессор истории Бестужевских курсов в Петербурге).

М. И. Петрункевич сначала предложил нам поселиться в его просторном доме. И он и семья его были очень милые. Жена — Елизавета Ильинична (кажется родственница Бакуниных) и две дочери — Ирина и Ольга. Сын Иван был тогда в Добармии — мы познакомились с ним только много позже в Праге. Довольно скоро М. И., переговорив с Полями, перевел нас во дворец, отведя нам очень большую удобную комнату. При ней была еще маленькая комната с небольшой плитой (м.б. примусом). Прислуги у Полей не было. Мы должны были сами убирать комнату, выносить мусор, готовить себе нехитрую еду. Нина еще раньше слыхала об Анне Михайловне Ян-Рубан, но никогда до того времени ее не видела. Поли жили в Москве, когда мы переехали в Петербург в 1913 году. Теперь Нина загорелась мыслью брать у нее уроки пения. Нина принадлежала к музыкальной семье, у нее был не очень большой, но очаровательный голос. Учиться пению Нина начала еще в Москве и продолжала в Петербурге. Там она не могла найти учителя, который бы ее удовлетворил. Перепробовала нескольких — брала уроки у Ирещкой, Алчевского, Морского.

Анна Михайловна согласилась давать Нине уроки пения. Нина всей душой зажила ими. Много позже она поэтически описала Анну Михайловну, ее пение, ее манеру преподавания («Возрождение», № 151, январь 1965 г.).

Владимир Иванович Поль — идеальный аккомпаниатор для Анны Михайловны, интересный и оригинальный человек, очень одаренный. Помимо музыки у него были способности к живописи, он очень хорошо писал акварелью. Он был йог. С юности у него был туберкулез и доктора считали, что ему недолго осталось жить. Требовали, чтобы он ел больше мяса и вообще сытнее бы питался, больше бы отдыхал и не утомлялся. Владимир Иванович делал все наоборот: не ел мяса, даже не пил молока (называл его «коровий сок»), питался картошкой, орехами, фруктами. Приблизительно раз в месяц устраивал «дебош организма» — в эти дни ел более обильно и кажется иногда позволял себе даже мясо. Он был очень худощав, но благодаря йогской системе дыхания развил себе страшно крепкие мускулы на животе, а гимнастическими упражнениями — и на руках. Очень много ходил. Анна Михайловна приняла его систему питания, несмотря на протесты ее сестры Александры, которая поэтому готовила себе добавочную пищу. Они все трое очень любили ходить по горам. Мы с Ниной — тоже. Часто все пятеро совершали большие экскурсии — подымались по тропинкам на Ай-Петри, а оттуда ходили по Яйле. Когда проходили около стада овец, на нас с лаем набрасывались овчарки. Тогда надо было останавливаться и стоять неподвижно, пока пастухи не отзовут собак. Это были чудесные незабываемые прогулки. Часть лета на южном берегу жил А. П. Кадлубовский. Он был гораздо старше нас, но тоже любитель ходить. С ним мы часто ходили в Козма-Демьянский монастырь, расположенный уже на северном склоне Яйлы. К началу учебных занятий в университете в сентябре мы с Ниной вернулись в Симферополь. Добровольческая армия развивала свое успешное наступление на Москву. Но большевики исподволь вели свою подпольную пропаганду, в Крыму главным образом среди рабочих. Вождей их арестовывали время от времени и на поверхности все было в общем спокойно.

Еще в конце существования крымского правительства в Крыму начались затруднения с продовольствием. При большевиках стало еще гораздо хуже. При добровольцах стало сначала немного лучше. При большевиках Васильевым стало уже трудно нас кормить и мы начали питаться или в столовой Симферопольского попечительства о бедных или иногда в столовой при университете. В обеих обеды

были скудные. В столовой для бедных кормилось кроме нас еще несколько профессоров, в том числе Кадлубовский. Шутили, что это столовая для бедных и профессоров. Единственно что было хорошо, это белый хлеб и давали его вдоволь. Кадлубовский, большой любитель хлеба, брал большой ломоть к себе домой. Ему надо было проходить мимо дома Васильевых и мы иногда видели в окно, как он находу все время отламывает кусочек хлеба и ест. Большинство профессоров и служащих университета питались в университетской столовой. Помню, что доктор Свободин, попробовав суп, каждый раз говорил: «а сегодня суп опять водой пахнет» (он говорил на о), но все-таки выхлебывал всю тарелку.

Бумажные деньги, которыми уплачивалось университетское жалованье, имели все меньше реальной ценности. Надо было придумать дополнительный заработок. У инженера Спасо-Кукоцкого была хорошая двуручная пила и он предложил мне вступить в сотрудничество с ним, чтобы пилить дрова для тех, кому это было нужно. Заказчиков было не очень много, но все же мы на этом подработали. Некоторые даже платили часть зарплаты продуктами. Помню, что раз пилили дрова для писателя [К. А.] Тренева.

Кроме того, в конце 1919 или начале 1920 года я поступил на службу (кажется на 4 часа в день) в Украинский кооператив «Днепросоюз». Там часть жалованья мне платили продуктами.

Несмотря на гражданскую войну и трудные условия жизни, в Крыму был расцвет умственной и религиозной жизни. Даже под властью большевиков (конец марта — начало июня 1919 г.) при университете и в Архивной комиссии устраивались лекции и собеседования на научные темы. Открытых религиозных собраний нельзя было, конечно, устраивать, но церкви не были закрыты и всегда были полны молящимися.

После прихода Добровольческой армии в июне 1919 г. религиозное чувство и религиозно-философская мысль прорвались наружу. Приехали такие выдающиеся люди как отец Сергей Булгаков и В. Тернавцев. Из бывших уже ранее в Крыму в религиозно-философском движении принимали деятельное участие профессора Кудрявцев и Четвериков, а также молодой архимандрит Вениамин, ректор Симферопольской духовной семинарии. Вениамин был тогда в высоком духовном подъеме и вдохновенно совершал церковные службы (он был очень музыкальный). С Вениамином у меня установились дружеские отношения. От Сергея Булгакова (с которым мы мельком были знакомы еще в Москве) принял свящество в 1918 году. В Симферополе ему отвели для служения бывшую домовую церковь, построенную в усадьбе какого-то важного сановника (уже давно умершего). Церковь не отапливалась, и зимой в ней было страшно холодно. Молящиеся стояли в шубах, у мужчин мерзли непокрытые головы. От Сергея тогда еще не вполне освоился с церковным служением. Хотя он любил музыку, но был не музыкален. Но все искупалось горячей верой и вдохновенным чтением молитв. Тайные молитвы при пресуществлении Даров от Сергея читал вслух. Проникновенно читал он и колено-преклоненные молитвы на вечерне в день Пятидесятницы. Это мои тогдашние чувства. Впоследствии мое отношение к от. Сергию изменилось и многое в нем стало для меня неприемлемым.

О Тернавцеве я до того ничего не знал, и даже имя его мне было неизвестно. Тернавцев окончил Петербургскую духовную академию, но не принял священства и занимал маленькую должность при Синоде (см. о нем Н. Зернов «The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century», pp. 90—93.)

Необычайно талантливый человек Тернавцев верил в будущее установление Христом Царствия Божия на земле. У него было вдохновение пророка — он обличал интеллигенцию за безверие, а церковь — за замыкание в самой себе и невнимании к язвам социальной жизни. Тернавцев выдвинулся на религиозно-философских собраниях, происходивших в Петербурге в 1901—1903 годах. Он открыл первое такое собрание своим докладом «Интеллигенция и церковь». Я, конечно, по молодости лет в этих собраниях не мог бы участвовать. Позже о них слышал, но как раз о Тернавцеве не слышал. Ввиду этого первое выступление Тернавцева в Симферополе (кажется именно на эту тему — интеллигенция и церковь) произвело на меня, можно сказать, потрясающее впечатление. После того он выступал на каждом собрании, иногда с докладами, иногда с замечаниями по поводу докладов других участников. Каждое его слово было проникновенно. Сколько помню, он уехал из Крыма за несколько месяцев до эвакуации.

Среди участников религиозно-философских собраний было несколько консервативно настроенных (в церковном смысле) людей, которые не одобряли новые течения церковной мысли. Профессор Кадлубовский, знаток церковных служб, был только раз на служении от. Сергия Булгакова и больше не ходил — счел его служение истерическим. Пророческий дух Тернавцева для Кадлубовского тоже был неприемлем. Среди других противников новизны выделялся один замечательный протоиерей (кажется кафедрального собора). К сожалению, не могу сейчас вспомнить его имя и фамилию (хотя я довольно хорошо его знал и очень уважал). Я почти уверен, что его звали от. Федор. Он был высокого роста, крепкого сложения. Большая красивая голова в форме удлиненного куба, звучный приятный голос. Очень образованный человек, хороший проповедник, величаво вел церковные службы. По всем отзывам, которые я слышал о нем, он был очень достойный пастырь. Вспоминаю, как на одном из религиозно-философских собраний от. Сергей Булгаков прочел доклад о св. мощах. Это было время, когда большевики назначили специальную комиссию (в порядке их антирелигиозной пропаганды), чтобы обследовать мощи святых, для чего вскрывали гроба с ними. Потом в газетах печатались отчеты, что никаких нетленных мощей не сохранилось и что все это был обман. Такими поступками большевики вызывали негодование верующих, но вместе с тем многих и смущали. Вероятно, чтобы рассеять это смущение от. Сергий и написал свой доклад. Сколько помню он говорил, что не надо понимать мощи как нечто материальное.

Когда началось обсуждение доклада, от. Федор (назову его условно так) сказал: «С докладом от. Сергия согласиться не могу. Мы знаем, что мощи не суть непременно доказательство святости угодника. От очень многих святых мощей не осталось. Но от некоторых остались. Мощи суть мощи, и никакие умственные хитросплетения от. Сергия не могут этого изменить».

Кроме религиозно-философских собраний в Симферополе довольно часто читались публичные лекции приехавшими лекторами. Помню лекцию писателя Евгения Чирикова на тему о новых течениях в русской литературе. Мы с Ниной поднесли ему букет цветов. Он, видимо, был растроган, и говорил: «Вы такие молодые, такие милые».

Летом 1919 г. ввиду успешного положения на фронте появилась надежда, почти уверенность, что большевицкому засилью подходит конец. В связи с этим мне захотелось закончить устройство участка земли, который моя мать купила в 1916 г. к югу от Севастополя в Баты-Лимане. Это было кооперативное предприятие, в котором приняло участие много политических и общественных деятелей (например, Милоков), профессоров, писателей, художников (Билибин), адвокатов и других. Совместно куплен был, кажется, у миллионеров Ушковых, незастроенный склон горы к морю и побережье. Купленная земля была затем разбита на участки, проведены улицы и начаты постройки небольших домов. К 1919 г. некоторые из домов были готовы, но на многих участках, в том числе и на нашем, дома остались недостроенными. Дома были расположены в три яруса. Наиболее желательными считались участки у самого моря. Они были самые маленькие по размеру. Участки среднего яруса были побольше, верхнего — самые большие. Наша дача была в среднем ярусе. Кажется все участки были в одной цене. Дома были разного размера, но все были из одного материала — из камней на цементе. Чтобы добраться туда из Симферополя, надо было ехать в поезде (всегда набитом битком) до Севастополя. Оттуда можно было нанять извозчика до Баты-Лимана, но я почти всегда ходил пешком (верст 12). В это лето дачников в Баты-Лимане было очень мало — две-три семьи в верхнем ярусе и столько же у моря. В средний ярус, сколько помню, в это время никто кроме меня не приезжал. У моря жил художник Билибин, с которым я познакомился и довольно часто у него бывал. Познакомился я и с молодой художницей Людмилой Евгеньевной Чириковой, дочерью писателя Чирикова. Много позже в Америке и Нина и я очень подружились с ней и с ее мужем Борисом Николаевичем Шнитниковым, с которым мы когда-то встречались еще в Петербурге.

Приезжал я в Баты-Лиман дня на два, но не каждую неделю. По совету старожилов я сговорился насчет завершения нашего дома с греком Кирьяком, жившим в соседней деревушке. Его главная задача была отделать начисто стены и крышу и построить цистерну для сбора дождевой воды — насчет пресной воды в Баты-Лимане было скудно.

Приходя на работу, Кирьяк приносил себе кое-какую еду и для меня — за плату — хлеба и яиц. Приносил и две бутылки питьевой воды. Платил я ему за работу по часам. Дело подвигалось медленно, но все же подвигалось. Вспоминаю свои поездки в Баты-Лиман с удовольствием. После катастрофы Добровольческой армии зимой 1919/20 года о мирном строительстве уже нельзя было думать. Я больше в Баты-Лиман не ездил и домик наш остался недостроенным.

В августе 1919 г. Добровольческая армия овладела Киевом. В связи с этим мой отец поехал в Ростов, где находилось правительство генерала Деникина, чтобы урегулировать положение Украинской академии и добиться кредитов на ее содержание. Все было ему обещано и он вернулся в Киев.

В октябре передовой отряд армии занял Орел. Москва казалась уже достижимой. Но тут начался перелом. В тылу у армии начались крестьянские восстания. Деникинское правительство не признало происшедшего при большевиках передела земли между крестьянами и восстанавливало помещичьи имения. К тому времени крестьяне готовы были восстать против большевиков, так как те, раздав землю крестьянам, фактически лишили их права распоряжаться урожаем, платя за него низкие цены. Во многих местах поэтому крестьяне ждали с надеждой прихода белых. Но когда белые стали отбирать у крестьян бывшую помещичью землю, крестьяне обратились и против них. К тому же в Добровольческой армии начало проявляться разложение. Благодаря быстрому продвижению армии интендантство не справлялось с обеспечением ее одеждой и продовольствием и многие офицеры и солдаты начали получать все «от благодарного населения» — т. е. попросту говоря грабить. Особенно, говорят, этим отличались казаки. Началось катастрофическое отступление Добровольческой армии по всему фронту. Главная часть ее отошла по направлению к Ростову и потом Новороссийску. Красные следовали по пятам отступавших добровольцев. Они заняли и Северную Таврию, но в Крым тогда еще не проникли. Их успешно отбивал добровольческий отряд под начальством генерала Слащева, наркомана и самодура, но храброго воина.

Умственная жизнь в Симферополе в это хмурое время однако не заглохла. Помню наше яркое впечатление от лекции Максимилиана Волошина. Он читал многие из своих стихотворений последнего времени. Если память мне не изменяет, среди них он декламировал (мерно гудел) свой отклик на октябрьскую революцию:

«С Россией кончено... На последях ее мы прогалдели,
проболтали, пролузгали, пропили, проплевали,
замызгали на разных площадях,
распродали на улицах; «не надоль кому земли,
республик, да свобод, гражданских прав?» И
родину народ сам выволок из гноище как падаль».

Волошин в это время мечтал о «третьей силе», которая остановила бы взаимное самоистребление. В симферопольской газете он напечатал на эту тему статью под заглавием «Вся власть патриарху». Живописна была внешность Волошина. Он был невысокого роста, но плотный, густая борода. Одет в плащ-размахайку, короткие штаны и гетры. После лекции мы с ним довольно долго говорили.

Опасным стало и положение Киева. Мои мать и сестра решили переехать в Полтаву (это и многое дальше — по воспоминаниям сестры). Отец, так как обещанные Украинской академии деньги не приходили, поехал вторично в Ростов (через Харьков).

Вскоре моей матери и сестре пришлось эвакуироваться из Полтавы в Новороссийск. На узловой станции Лозовая их поезд задержали на некоторое время. На путях столпилось много поездов. Мать и сестра, как и большинство пассажиров, вышли из вагонов. Многие неожиданно встретили своих знакомых. Сестра моя встретила знакомого инженера, который сказал ей, что отец ее в поезде по соседству. Это было прямо чудо. Мать и сестра бросились туда. Проведя вместе короткие минуты, они разошлись по своим поездам. Из Новороссийска мать и сестра выехали в Ялту на пароходе «Ксения». Была страшная буря. Все кроме них лежали, страдая морской болезнью. Как потом оказалось это было «моретрясение» (трясение моря от колебаний морского дна).

После приезда в Ялту мать и сестра сначала поселились в Гаспре у Михаила Ивановича Петрункевича, где вся семья радушно их приняла.

Через несколько дней ночью в Гаспре сестра моя проснулась от жуткого гула и разбудила мать. Та ответила: «Спи спокойно, это просто землетрясение». Мать наша родилась на Кавказе и провела там первые 16 лет своей жизни, так что к землетрясениям привыкла. Недели через две мать и сестра переехали к Соне Бакуниной (рожденной Любошинской), племяннице матери (а моей и моей сестры двоюродной сестре). Соня с двумя мальчиками жила недалеко от Ялты в имении «Горная щель». Имение это раньше принадлежало дяде Сониного мужа (Михаила Алексеевича Бакунина) философу-гегельянцу Павлу Александровичу Бакунину, а после его смерти — его вдове. Та, перед смертью, завещала «Горную щель» Михаилу Алексеевичу. Михаил Алексеевич был офицером Добровольческой армии и состоял при штабе генерала Кутепова.

Отец между тем застрял в Ростове, так как железнодорожное сообщение с Киевом было уже прервано. Он решил вернуться в Киев кружным путем через Новороссийск и Крым. В начале января 1920 года ему удалось сесть в Новороссийске на пароход, шедший в Севастополь через Ялту. Мать и сестра знали о его намерении и каждый день выходили на пристань встречать пароходы из Новороссийска. Наконец, в одно утро они его встретили и он с ними поселился в «Горной щели». Скоро обнаружилось, что на пароходе он набрался вшей (в Новороссийске свирепствовал сыпной тиф).

Недели через две я получил телеграмму от матери, что отец заболел сыпным тифом и положение его очень опасно. Я нанял парный фаэтон и выехал из Симферополя в Ялту. Проехал верст двадцать — вдруг застава — несколько добровольческих офицеров и солдат. Не пропускают никаких экипажей. Я сказал им, что спешу к опасно больному отцу, но они все равно не пропустили. Тогда я спросил: «А если я пойду пешком, пропустите?» «Пожалуйста». Тогда я расплатился с извозчиком и отпустил его. Это был так называемый бунт капитана Орлова — группы энергичных молодых офицеров, возмущенных нераспорядительностью и растерянностью командующих генералов. Бунт этот был довольно скоро ликвидирован благодаря посредничеству генерала Врангеля (см. Записки ген. Врангеля, часть I, стр. 289—294, 299, 300). Когда я приехал в «Горную щель» кризис болезни отца уже миновал, но он был еще очень слаб. Соня Бакунина проявила необычайное мужество и спокойствие, держа у себя дома (а с ней были два ее мальчика Алеша и Сашко) тифозного больного — правда, это был ее горячо любимый «дядя Владимир». Для меня радостно было повидать и отца и мать с сестрой и Соной. Побыв в «Щели» два-три дня, я вернулся в Симферополь на арбе. Когда отец совсем выздоровел, он с моей матерью и сестрой переехал в экспериментальную ботаническую станцию (во главе ее стоял С. Мокржецкий) «Салгирка» недалеко от Симферополя. Им там отвели флигель для жилья. Через некоторое время отец был избран профессором Таврического университета, но продолжал жить в Салгирке до осени.

В феврале и марте 1920 года остатки Добровольческой армии и казачьих войск эвакуировались в Крым. Потрясенные катастрофой офицеры и солдаты превратились в озлобленную беспорядочную толпу. Деникин потерял всякий авторитет. Военный Совет Армии, собравшийся в Севастополе 22 марта, избрал новым главнокомандующим генерала Врангеля. После этого последним своим приказом Деникин назначил Врангеля своим преемником и уехал в Константинополь.

Врангелю пришлось начать свою деятельность в хаотической обстановке расположения и интриг и в армии и в администрации. И тут произошло чудо. В течение нескольких недель новому главнокомандующему и «правителю Юга России» удалось водворить порядок и дисциплину и воссоздать армию. Из «Добровольческой» армия была переименована в «Вооруженные силы Юга России». Врангель назначил своим помощником по гражданской части Александра Васильевича Кривошеина, выдающегося государственного деятеля, опытного администратора, бывшего при Столыпине начальником главного управления земледелия и землеустройства. Министром иностранных дел был назначен П. Б. Струве. В мае 1920 г. Польша объявила войну Советской России. Поляки заняли Киев. Франция поддерживала Польшу дипломатически. Врангель послал П. Б. Струве в Париж для переговоров с французским правительством о помощи против красных. Франция признала правительство Врангеля де факто. Это казалось большим дипломатическим успехом, но по существу дела французы были заинтересованы главным образом в том, чтобы отвлечь часть большевистских сил от борьбы с Польшей.

В конце мая преобразованная Врангелем армия начала успешное наступление на север. В июне была занята Северная Таврия. Одновременно Кривошеин начал проводить ряд социальных и экономических реформ, из которых самая важная была земельная. Все земли годные к обработке, казенные и частновладельческие, были переданы хозяевам-землепашцам в собственность. Если бы подобный закон был в свое время проведен правительством Деникина, то весьма возможно, что Белая армия победила бы в гражданской войне. Сейчас шансов на победу оставалось мало — силы уже стали слишком неравны. С военной точки зрения благоприятным обстоятельством было, что главные свои силы большевикам пришлось направить против Польши. Энергичная политика Врангеля и Кривошеина внесла некоторую уверенность в настроение населения, но такого энтузиазма как в разгар победоносного наступления Добровольческой армии в 1919 г. уже быть не могло. Характерно, что молодежь охвачена была разочарованием — это проявилось и у мальчиков Васильевых. Многие из молодежи (как и некоторые взрослые) перенесли свои надежды на восстановление монархии. В какое-то из воскресений большая толпа гимназистов (в том числе Васильевы) после обедни собрались на площадь перед собором, чтобы выбрать царя. Почему-то выбрали князя Никиту Александровича (сына великого князя Александра Михайловича). Кажется он незадолго перед тем приезжал в Крым.

В середине сентября в правительстве Врангеля освободилась должность начальника отдела печати. И Врангель и Кривошеин были неудовлетворены деятельностью Г. В. Немировича-Данченко, занимавшего эту должность (см. Воспоминания Врангеля, ч. II, стр. 197—199). По совету П. Б. Струве Кривошеин решил предложить эту должность мне. (Я об этом предварительно не был уведомлен.) 20 сентября Врангель возвращался на Мелитополя в Севастополь и заранее распорядился, чтобы губернатор Ладыженский вызвал Вернадского на вокзал для следования в поезде Врангеля в Севастополь для переговоров. Произошло недоразумение, которое выяснилось только во дворце Врангеля в Севастополе. Вместо меня Ладыженский вызвал моего отца. Он, конечно, отказался. Врангель тогда вызвал меня и на следующий день я выехал к нему в Севастополь. Перед отъездом я советовался с отцом, он посоветовал мне согласиться.

В 1921 году в Афинах я получил письмо из Петрограда от Льва Александровича Оболянинова (Лельки, друга моего отца по студенчеству, члена Братства «Приютино»), порицавшего меня за то что я, сын Владимира Ивановича Вернадского, согласился быть «цензором» у Врангеля и тем опозорил свое имя. Я не могу написать Оболянинову, что я принял должность начальника отдела печати по совету отца — отец мой был в это время в Петрограде. Да если бы я и написал Оболянинову, даже не упоминая отца, свои доводы, такое «контрреволюционное» письмо могло бы доставить не только моему отцу, но и самому «Лельке» крупные неприятности. Я не ответил ему.

Приехав в Севастополь, я сразу явился во дворец Врангеля и представился ему. Уже по первому впечатлению Петр Николаевич Врангель произвел на меня впечатление человека выдающегося — каким он и был. Он происходил из военной семьи, по образованию был горный инженер, что сближало его с людьми науки и техники. Уже самой внешностью он imponировал людям — высокого роста, стройный и подтянутый. В нем была смелость и быстрота соображения и вместе с тем способность к пониманию реальной обстановки и обдумыванию заранее необходимых мероприятий на случай перемены этой обстановки.

Я сказал Врангелю, что готов принять должность начальника отдела печати на известных условиях. Врангель тогда поручил Кривошеину договориться со мной. О Кривошеине я раньше в Петербурге слышал очень хорошие отзывы, но лично его не знал. Теперь я сразу оценил его умение быстро вникнуть в самое существо каждого рассматриваемого вопроса. Не помню, присутствовал ли при нашем разговоре П. Б. Струве или я потом с ним отдельно говорил.

Я поставил следующие условия, на которых я готов принять должность: 1) Я остаюсь профессором Таврического университета и буду раз в неделю ездить в Симферополь читать курс лекций. 2) Подготовка намеченного на 30 октября съезда деятелей печати должна быть произведена при моем ближайшем участии. 3) В отделе печати мне предоставляется выбор моего помощника — человека, которого я хорошо знаю и которому вполне могу доверять. Таковым я назвал Н. А. Цурикова.

Все мои условия были приняты Кривошеиным без возражений. От службы в Украинском кооперативе я тогда конечно отказался. Цуриков был офицером (не могу вспомнить в каком чине). По распоряжению Врангеля он был прикомандирован к отделу печати. Его помощь была для меня неоценима. Он сидел со мной в моем кабинете. Мы с ним советовались и по текущим вопросам и по общей политике в отношении печати. Кроме того, он мне очень помогал в приеме посетителей. Среди них бывало очень много военных, включая генералов, приходивших для осведомления и за справками всякого рода. Как невоенный человек, я плохо разбирался в чинах — Николай Александрович мне сразу подсказывал, как к кому обращаться (обращение для меня было установлено — «господин генерал», «господин полковник». Н. А. как офицер говорил «ваше превосходительство», «ваше высокопревосходительство»). Приходило, конечно, много деятелей печати. Почти все они понимали трудность положения и соответственно сами себя ограничивали в своих газетных писаниях в отношении острых политических и военных вопросов. Отношения у меня установились в общей хорошие.

Правителем канцелярии отдела печати был молодой петербургский чиновник, искусный в тонкостях канцелярщины, видимо интриган, в глубине души презиравший неопытного нового начальника (меня), но внешне очень почтительный. Фамилию не помню.

Мои друзья и коллеги по университету отнеслись к моему назначению различно. Многие сочувствовали, но некоторые жалели, что я таким образом отвлекаюсь от науки и преподавания.

В Севастополе очень трудно было найти помещение. Сначала нам с Ниной отвели большой пустой зал в гостинице Кист (когда-то считавшейся лучшей в Севастополе). Не помню, почему эта гостиница не была до тех пор использована для разрешения квартирного вопроса. Кажется в ней поместили склады продовольствия, угля и т. д. Кроме нас и сторожа там никто не жил. В зале, которую нам отвели, стояло несколько столов и скамеек. Для нас поставили две кровати и ширмы. Привезенные нами вещи мы держали в корзинах и чемоданах. Было пустынно и неудобно. В первую же ночь обнаружилось еще одно неудобство — по полу бегали стаи крыс (которых Нина всегда панически боялась). Через несколько дней для нас реквизировали большую комнату в доме каких-то богатых армян-дельцов. Они конечно встретили нас не очень любезно, но так как знали, что все равно к ним кого-нибудь вселят, то примирились с нашим вселением.

В Севастополе в это время жил мой дядя Георгий Егорович Старицкий и тетя Нина Георгиевна (так она сама себя и все ее звали вместо «Егоровна») Жедринская с мужем Иваном Александровичем и дочерью Марией (Мурочкой). Мы конечно часто виделись. Кажется в это время мы познакомились с молодым блестящим офицером Владимиром Герасимовичем Терентьевым, другом М. М. Карповича (Карпович был в это время уже в Америке). Терентьев кончил Московский университет на год позже Карповича и на два года позже меня. В Москве я его не встречал, но слышал о нем от Карповича.

С Кривошеиным я часто виделся по делам отдела печати. У нас, несмотря на разницу лет, установились, можно сказать, дружеские отношения. Вероятно изредка по совету Кривошеина виделся я по делам и с Врангелем.

Кроме того, виделся я с ним и его супругой Ольгой Михайловной на приемах, которые они время от времени у себя устраивали. Туда приглашались (с женами) члены правительства и высшей военной и гражданской администрации, епископ Вениамин и некоторые другие духовные лица, некоторые профессора, общественные деятели, промышленники, инженеры и т. д. Сколько помню, приемы обыкновенно бывали днем (подавался чай и закуски — вероятно и вина и фрукты — не помню уже). Разговоры обыкновенно были оживленные. Острых политических и военных вопросов избегали.

В конце сентября поляки, под руководством французского генерала Вейгана, разбили армию Тухачевского под Варшавой. Большевикам пришлось отступать по всей линии. 28 сентября между Польшей и Советской Россией заключено было перемирие. Красное командование тогда бросило все силы на Крым. Положение создалось грозное. Надежда на поголовное восстание казаков против большевиков не оправдалась. Оставалась надежда на Францию. И эта надежда не оправдалась. Врангель был нужен французскому правительству пока Польша воевала с боль-

шевиками. Чтобы поддержать Врангеля Франции нужно было бы послать в Крым значительные военные силы. На это французское правительство не решалось, да и для французского общественного мнения это было бы неприемлемо. При таких условиях неизбежна была эвакуация. План эвакуации армии Врангель предусмотрительно разработал еще в самом начале своего правления. Теперь надо было спешно привести его в исполнение.

Общий тоннаж русского флота в Крыму (достаточный для перевозки почти 130 000 человек) был распределен по пяти портам (Керчь, Феодосия, Ялта, Севастополь и Евпатория). 28 октября утром Врангель принял французского верховного комиссара графа де Мартеля и представителей других иностранных миссий и просил их снестись с их правительствами, чтобы они оказали возможную помощь присылкой дополнительных судов. Днем Врангель созвал представителей русской и иностранной печати и ознакомил их с созданным положением. На следующий день (29 октября) все военные и административные учреждения стали готовиться к погрузке. Персонал отдела печати был назначен к посадке на старый транспорт «Рион». Я выдавал всем членам отдела и некоторым лицам, так или иначе связанным с отделом (литераторы и другие), свидетельства на посадку. Цуриков помогал разговаривать с посетителями. Правитель канцелярии укладывал часть «дел» и сжигал секретные и ненужные бумаги. Должен сказать, что по указанию правительства в это утро (29 октября) начальникам и служащим учреждений еще не разрешено было официально сообщать посторонним посетителям об эвакуации. Это распоряжение было отменено среди дня. Поэтому, когда ко мне утром зашел журналист Окунь (кажется его фамилия была Окунь, а не Окунев), я не считал себя в праве ему сказать об эвакуации, сказал только «приходите позже». Он больше не пришел. Я не знаю, удалось ли ему уехать. Вряд ли. У меня потом были угрызения совести. Это одно из тяжелых воспоминаний моей жизни.

В этот последний вечер нашего пребывания в Севастополе мы с Ниной уложили самые необходимые вещи, надо было брать с собой минимум. Хозяева дома армяне очевидно не собирались эвакуироваться — чуть не всю ночь из их комнат слышались веселые крики, пение «Пей до дна, пей до дна» — видимо шел пир горой и пьянство.

30 октября была погрузка на пароход. Цуриков заранее подобрал подходящую по духу компанию известных ему лиц, сговорившись, что мы усядемся вместе и будем держаться вместе во время переезда. Цуриков правильно рассчитал, что иначе при неизбежной скученности можно затеряться в толпе или попасть в близкое соседство с весьма неприятными личностями. Кружок, подобранный Цуриковым, кроме него самого и нас, состоял из следующих лиц: Юрий Сергеевич Арсеньев, знакомый Цурикова еще по Москве, Валериан Валерианович Лашкевич, очень милый молодой караим садовод Бобович (племянник С. С. Крыма) и харьковский присяжный поверенный Валленбургер, веселый и неунывающий человек. Утром 30 октября Цуриков пришел за нами со своими вещами, мы наняли какого-то человека с тачкой, погрузили вещи. По дороге кто-то сказал, что, так как русские бумажные деньги не имеют цены за границей, надо постараться захватить хоть какие-то продукты. Помню, где-то даром выдавали небольшие мешки сахарного песка. Мы взяли два. Пока мы стояли у пристани и ждали нашей очереди посадки, к Нине подошла очень милая незнакомая женщина и подарила Нине маленького размера русское Евангелие (синодального издания).— «Вот примите от меня на дорогу, пусть Евангелие Вам сопутствует». Это Евангелие и сейчас у нас. Разместились мы кружком на палубе (по левому борту),— под крышей и вместе с тем на свежем воздухе. «Рион» вышел в море под вечер (сколько помню). Погода была идеальная, море совершенно спокойное. Нина была единственной женщиной в нашей компании и ее выбрали хозяйкой. Провизию выдавали от заведующего хозяйственной частью парохода. Выдавали скудно. Главным образом консервные банки (английские или американские). На «обед» на всех была банка солонины. Цуриков делил эту банку, стараясь всем давать поровну. Можно было доставать кипяток. Выдавалось и по куску хлеба на каждого на каждую еду. «Рион» был рассчитан на гораздо меньшее число пассажиров чем фактически на него было посажено. Из-за переполнения было много неудобств. Одно из самых неприятных было пользование уборными.

Приблизительно на полпути до Босфора кончился уголь и «Рион» остановился. К счастью погода была тихая. Через несколько часов подошел один из русских миноносцев и поделился частью своего угля. Все здоровые пассажиры мужчины

(кроме стариков) (и я конечно) помогали грузить уголь. Пошли дальше, но угля из Босфора не хватило. Через несколько часов пришел американский крейсер и взял нас на буксир. К сожалению, не помню его названия. На Босфор, сколько помню, «Рион» пришел поздно вечером. Никого из пассажиров на берег не пускали. На следующее утро перед нашими глазами развернулась красочная картина Босфора, усеянного судами всевозможного вида. К «Риону» подошел французский пароход и привез провизии и питьевой воды. Кажется к вечеру по распоряжению Врангеля меня, Нишу и Цурикова сняли с парохода. Для начала отвели нам места на полу в большом зале русского посольства, переполненного уже беженцами. Таким образом мы все еще были в России.

Врангель вызвал меня к себе. Я вкратце доложил о ликвидации отдела печати. Этим моя служба кончилась. Врангель распорядился, чтобы мне из казначейства выдали 100 ам. долларов. Кажется я не ошибаюсь, что это были американские долл., а не турецкие лиры. Через несколько дней я простился и с Врангелем и с Кривошеиным с глубоким чувством уважения к ним обоим. (Генерал Врангель умер в Брюсселе в 1928 году, Ольга Михайловна Врангель — в Америке в 1968 году, А. В. Кривошеин — в Париже в 1921 году.) Сотни тысяч русских людей были в эту пору выброшены событиями из родной страны. Как и всем, нам с Ниной предстояла теперь борьба за существование на чужбине.

Константинополь, 1920—21 г.

Как я сказал уже в конце II части моих «Воспоминаний», на другой день после прихода «Риона» на Босфор нас с Ниной и Цурикова по распоряжению генерала Врангеля сняли с «Риона» и на первые дни предоставили нам ночлег на полу у стены в большом зале Русского посольства в Пере, уже почти наполненного беженцами. Сколько помню, наши вещи (которых было очень мало) мы сдали на хранение в склад при посольстве, кроме того, что могло ежедневно понадобится. Положили на отведенное нам место ночлега и два небольших мешка сахарного песка, которые мы получили перед самой посадкой на «Рион» в Севастополе. Мы предполагали в Константинополе обменять их на продовольствие или какие-нибудь нужные мелочи. Днем покрывали их чем-то, на ночь клали себе под голову. Тем не менее чуть ли не во вторую ночь у нас их из-под голов украли.

В Константинополь перебрались из Крыма несколько русских общественных организаций (комитеты Земского и Городского союзов и некоторые другие). Туда можно было обращаться за справками и указаниями для поисков жилья и работы. Графиня Варвара Николаевна Бобринская (с которой мы были знакомы еще в Москве) организовала необыкновенно полезное учреждение — Адресный стол для всех русских, находящихся в Константинополе (и, по возможности, в других местах начинавшегося русского рассеяния). Через это бюро многие (и мы в том числе) разыскали родных и друзей.

Вероятно, от комитета Союза городов мы получили адрес одного турецкого обществения (кажется, устроенного одной из американских или английских благотворительных организаций), в котором можно было провести несколько дней, что мы и сделали. Там каждому из нас выдали по серому американскому шерстяному одеялу, очень теплomu. Эти одеяла служили нам много лет, даже в Америке. Затем мы сняли комнату во втором или третьем этаже деревянного дома, принадлежавшего одной гречанке. Как в Пере в это время было в обычае, такие дома были вертикально разделены на несколько квартир. В первом этаже жила хозяйка, а в каждом следующем этаже по одной (или две — уже не помню) комнате, которые она сдавала. Комната была довольно большая и сдавалась дешево. Нина получила (кажется уже в это время) небольшой заработок пением в хоре при посольской церкви. Но первое жалованье ей обещали выдать только через два месяца. Но у меня были деньги.

Как я уже объяснил выше, по прибытии в Константинополь я доложил генералу Врангелю о ликвидации отдела печати и об окончании мною службы в его администрации. По распоряжению Врангеля мне как начальнику Отдела печати было выдано из казначейства 100 американских долларов как бы наградных. (Кажется я не ошибаюсь, но, может быть, это было 100 турецких лир). Цуриков был только

прикомандирован к отделу печати и не числился там служащим и ничего не получил в Константинополе из казначейства. Поэтому я считал (не говоря об этом Цурикову), что в случае надобности я должен и ему из этих денег помочь (и действительно немного помог, хотя фактически не из «врангелевских» денег — объясню немного дальше, почему так вышло).

Помимо того, у меня еще были деньги, но не принадлежавшие мне. Дело в том, что еще до того, как пошли разговоры об эвакуации армии из Крыма, отец мой решил съездить в Англию, чтобы ознакомиться с последними достижениями науки и заказать научные новинки для библиотеки Таврического университета. На это он получил от университета 90 английских фунтов. Когда выяснилось, что эвакуация почти неизбежна, отец решил все равно ехать в Англию. Не помню, по каким соображениям он передал мне на хранение эти деньги, с тем чтобы я ему их вернул в Севастополе перед его посадкой на пароход или уже в Константинополе. В Севастополе я его не видел и думал, что он выехал в Константинополь на другом пароходе (на самом деле в самую последнюю минуту он решил остаться в Симферополе — его как ректора университета упростили об этом профессора и студенты).

Я искал отца в Константинополе, обращался в бюро гр. Бобринской — там ничего об отце не знали. Я подумал, что ему удалось проехать прямо в Лондон и написал П. Г. Виноградову, чтобы узнать адрес. Виноградов ответил мне, что отца в Англии нет. Тогда только я удостоверился, что отец остался в России. Переслать ему деньги в Россию было невозможно (да и бессмысленно, так как их бы у него все равно конфисковали).

Тогда я решил, что при данных обстоятельствах я вправе распоряжаться этими деньгами и помочь моим родным и друзьям за рубежом, если будет нужно, но не тратить ни эти деньги, ни выданные мне Врангелем без крайней надобности, а искать заработка. Из денег, переданных мне отцом, я и дал несколько фунтов дяде Георгию (Г. Е. Старицкому), когда навестил его на острове Халки (где поселена была часть русских беженцев на средства американских или английских благотворительных организаций), Цурикову, Володе Терентьеву и не помню, кому еще из родственников и друзей, бывших в Константинополе. Из этих-то денег я и заплатил за нанятую нами комнату.

Я рассказал об этом отцу, когда в первый раз после этого увидел его в Париже, в 1923 году. Он сказал, что я поступил правильно.

Добавлю, что по воспоминаниям моей сестры еще в Крыму многие офицеры, не хотевшие или не успевшие эвакуироваться, просили начальника канцелярии университета выдать им удостоверения о том, что они состоят студентами университета. Желая их спасти, она это сделала (с ведома моего отца).

Об аресте моего отца после прихода большевиков и отправке его с женой и дочерью в Москву см. воспоминания моей сестры, которые я привожу в своей статье «Братство Приютино» («Новый Журнал», книга 97). В связи с этим сестра вспоминает и о настроении матери к приходу большевиков. «Помню раз я вхожу домой и вижу — какой-то высокий здоровенный коммунист пятится к выходной двери, а мама топает ногами и кричит, чтобы он немедленно ушел. Никогда в жизни я не видела ее в такой ярости. Лицо ее было покрыто красными пятнами. Ее дух победил, он почти убежал».

Возвращаясь к ходу моих воспоминаний. С «врангелевскими деньгами» нам не повезло. Кажется, когда мы еще жили в турецком общежитии, раз случилось так, что Нине надо было спешно пойти за какими-то удостоверениями или справками. Меня в это время дома не было (я тоже ходил по каким-то делам). Нина боялась оставить в общежитии конверт с такими большими деньгами и взяла конверт с собой. Пока она шла по улице какие-то жулики у нее этот конверт украли. Она, бедная, горько плакала. Я сначала разволновался и огорчился, но потом стал Нину утешать — все равно ведь ничего нельзя было сделать.

Что касается поисков заработка, мне и Цурикову один грек, говорящий по-русски (а, может быть, это был и русский, у которого были деньги), предложил временную работу — привести в порядок небольшой сад при доме, который он купил. Сад был в совершенно запущенном состоянии, завален всяким хламом, лежало много больших камней. Хозяин хотел сделать из этого сада что-то очень живописное, между прочим расположить камни так, чтобы они составляли какой-то

узор. Затруднение было в том, что он все время менял план расположения этих камней. Платил он нам гроши (по часам работы), но платил аккуратно, каждый день в конце работы, так что мы этой работой дорожили. Сначала мы очистили сад, потом стали располагать камни по указанному плану. Бывало так, что хозяин придет посмотреть и скажет: «нет, так нехорошо выходит, лучше вот этак», и мы перетаскиваем камни по-новому плану. Мне это подчас было досадно, а Цуриков меня вразумлял: «нам-то какое дело, не все ли равно? Когда все сделаем по его вкусу, наша работа кончится, так лучше, чтобы дольше тянулась». Недели через две-три самому хозяину все это надоело, и он нас рассчитал. Надо было искать другой заработок.

Я упомянул, что в Константинополе мы разыскали (через Адресное бюро Бобринской) нескольких родных и друзей. Со многими интересными русскими людьми мы познакомились в посольской церкви (где, как я уже сказал, Нина пела в хоре).

Скажу прежде всего об архиереях. В Константинополе я познакомился с несколькими выдающимися русскими иерархами. В сентябре 1920 года генерал Врангель вызвал с Афона в Крым митрополита Антония Киевского, чтобы он возглавил Высшее церковное управление на Юге России (митрополит Антоний был в 1919 году в Ростове при правительстве Деникина). Через сорок дней после приезда Антония в Крым ему и другим высшим церковным властям пришлось эвакуироваться в Константинополь (беру эти данные из книги архиепископа Никона Рклицкого «Жизнеописание Антония, митрополита Киевского и Галицкого», том IV, стр. 318 и сл.).

Митрополиты Антоний, Платон (эксарх Грузии), архиепископ Феофан Полтавский и епископ Вениамин Севастопольский были посажены на переполненный пароход «Александр Михайлович», предназначенный для высокопоставленных лиц. С Антонием был почитатель его капитан Рклицкий (будущий биограф Антония). «Александр Михайлович» ушел из Севастополя дня за четыре раньше других пароходов. По приходе «Александра Михайловича» в Босфор он был поставлен в карантин на восемь дней. Как только карантин был снят, в ноябре на «Александре Михайловиче» состоялось первое заграничное заседание «Высшего церковного управления на Юге России».

В этом заседании участвовал, кроме упомянутых владык, протоиерей г. Севастополя Георгий Спасский. Местоблеститель греческого Вселенского Константинопольского патриаршего престола согласился на самостоятельность русской беженской церкви. На заседании было постановлено, ввиду невозможности сношения с Советской Россией, продолжить полномочия членов Высшего церковного управления «с обслуживанием всех сторон церковной жизни беженцев и армии во всех государствах, не имеющих сношения со святейшим патриархом (Тихоном)» (Рклицкий, том V, стр. 6—7). В состав Высшего церковного управления был включен находившийся уже в Константинополе архиепископ Кишиневский Анастасий. Анастасию были отведены в доме русского посольства две скромные комнаты на верхнем этаже. Вбираться туда надо было по крутой лестнице. Обстановка была самая скромная. Одну из комнат Анастасий предоставил Антонию. Кроме того, была еще одна узкая длинная комната, предназначавшаяся для кухни. В ней поместились келейник Антония и Рклицкий. Последний давно хотел постричься в монахи. Антоний благословил его на это. Постриг состоялся 12 января, а через пять дней Антоний рукоположил Рклицкого во иеродьякона (Рклицкий, т. IV, стр. 322—324).

Где жили во время их пребывания в Константинополе митрополит Платон, архиепископ Феофан Полтавский и Вениамин, — я не помню. Вениамин, вероятно, в доме посольской церкви. С ним у меня сразу возобновились дружеские отношения. Как-то раз он меня пригласил на чай к митрополиту Антонию. Чай был не в квартире Анастасия, а в каком-то другом помещении (вероятно, при посольской церкви). Комната была довольно просторная и прилично меблированная. Кроме владык и других духовных лиц, были и миряне, в том числе специалист по каноническому и государственному праву Михаил Валерьянович Зазыкин и его жена Варвара Ивановна — красавица в древнерусском стиле, одевавшаяся полубоярыней-полумонашкой. Помню, что в посольскую церковь она приходила с небольшим ковриком, на который становилась на колени или совершала метания. Все меня

встретили очень приветливо. Митрополит Антоний засмеялся и сказал: «я думаю, что профессор [т. е. я] в своей жизни не видел по-одиночке столько архиереев, сколько их сейчас собралось в этой комнате». Беседа была оживленная, много говорили о текущем положении русской церкви в разных странах зарубежья. После того я еще несколько раз заходил к Вениамину и к Антонию (в квартиру Анастасия), у них видел и других владык.

Все трое руководящих владыки — митрополиты Антоний и Платон и архиепископ Анастасий были выдающимися людьми, каждый в своем роде.

Митрополит Антоний родился в 1863 году в Новгородской губернии в дворянской помещицкой семье Храповицких. Учился в Пятой петербургской гимназии. С детства и юности был очень религиозен и по окончании гимназии поступил студентом в Петербургскую духовную академию. Через четыре дня после окончания Академии он принял пострижение в монашество в академической церкви, чему родители его очень не сочувствовали.

С именем Антония Храповицкого и Антония Вадковского (митрополита Петербургского) связано возрождение ученого монашества в России. На рубеже 1880-х и 1890-х годов Антоний, в сане архимандрита, был ректором Московской духовной академии (помещавшейся в Троице-Сергиевской Лавре). Одним из студентов Академии был будущий митрополит Евлогий. Архимандрит Антоний сразу расположил к себе студентов простотой обхождения и доступностью. Он устраивал у себя собрания для студентов, угощал их чаем, беседовал с ними, интересовался их занятиями. На беседах велись горячие речи о монашестве. «Архимандрит Антоний,— говорит Евлогий в своих воспоминаниях,— был фанатиком монашества. Его пламенный монашеский дух заражал, увлекал, зажигал сердце... Следствием этого нового духа в Академии была волна пострижений...» (см. Митрополит Евлогий. «Путь моей жизни», Париж, 1947, стр. 39—41). По свидетельству митрополитов Евлогия и Антония Вадковского, архимандрит Антоний постригал неразборчиво и исковеркал не одну судьбу и душу. Все зависело от самого постригаемого. Те, кто сами знали и учитывали свои силы и глубину своего призвания, выдерживали иску-

с. Антоний был противником введенного Петром Великим административного подчинения русской церкви государству и стремился к церковной реформе, созыву церковного Собора и восстановлению патриаршества. Эти его стремления осуществились после революции 1917 года. Всероссийский церковный собор был созван при Временном правительстве. Избрание патриарха произошло после большевицкого переворота. Решено было наметить трех кандидатов, выбор одного из которых предоставить жребию. Подготовительная комиссия разработала порядок, обеспечивавший правильное вынудение жребия и дальнейшее возведение патриарха на его престол. Во главе этой Комиссии стоял архиепископ Анастасий Кишиневский. При голосовании большинство получил Антоний (тогда архиепископ Харьковский), вторым по числу поданных голосов был архиепископ Арсений Новгородский и третьим — митрополит Московский Тихон. Жребий пал на Тихона.

Тут уместно будет упомянуть, что когда Антоний был доцентом в Петербургской духовной академии (1886—1890), в числе его студентов был Василий Белавин — будущий патриарх Тихон.

«По свидетельству авторитетных членов Собора,— пишет Рклицкий,— владыка Антоний с глубоким волнением переживал эти дни. Очевидно, что перед его духовным взором предстали те необозримые и великие задачи, которые он, в случае если на него падет жребий, должен будет осуществить... Для него, конечно, ясно было, что ему предстоит мученичество. Господь избавил его от этого креста». Психологически понятно, что Антоний должен был почувствовать, что на него пал драгой жребий — руководить русской церковью в рассеянии за рубежом.

Антоний обычно относился к людям благожелательно, всегда был готов помочь в их затруднениях. Яркий пример этому — прием им в студенты Василия Максименко, исключенного перед этим из Киевской духовной академии. Максименко и несколько других студентов протестовали против различных не порядков в жизни Академии. Все они были исключены с «волчьим билетом», т. е. без права поступить в какую-либо другую академию. Максименко с трудом нашел себе плохо оплачиваемое место учителя в маленькой школе Екатеринославской губернии. Он написал о случае с ним двум своим приятелям — студентам Казанской духовной семинарии. Антоний был в это время ее ректором. Те показали ему письмо.

Антоний вознегодовал и, благодаря своим связям в Петербурге, добился отмены Св. Синодом постановления Совета Киевской духовной академии. Ему было разрешено принять Максименко в студенты Казанской академии. Максименко — впоследствии архиепископ Виталий. (См. Рклицкий, т. 1, стр. 186—187; Виталий, «Мотивы моей жизни», 1955, стр. 172—174).

Мелкий, но характерный случай того же рода произошел с Ниной в Константинополе. Как будет дальше сказано, в конце января нам представилась возможность эмигрировать в Америку. Выезжать надо было сразу. Нина пошла к регенту посольской церкви и просила его выдать ей жалованье (она до тех пор еще ничего не получила). Регент отказал, сказав, что она должна еще столько-то прослужить. Нина рассказала об этом митрополиту Антонию. Тот спросил: «сколько вам причитається?» и заплатил ей. Нина стала благодарить. Владыка засмеялся и сказал: «Будьте спокойны, я с регента сумею взыскать эти деньги».

Художник М. В. Нестеров написал (в 1917 году) хороший портрет владыки Антония (А. Михайлов, «М. В. Нестеров», Москва, 1958, стр. 277). (Портрет ныне находится в Третьяковской галерее.)

С владыкой Анастасием я меньше разговаривал, чем с Антонием, и он при мне меньше высказывался, чем Антоний, но все же у меня создалось определенное впечатление о нем, как о крупной и сильной личности. Видно было, что он знал, чего хочет в церковных делах и как этого достигнуть — дипломатией или твердостью.

С митрополитом Антонием его связывала давняя дружба. Когда Антоний был ректором Московской духовной академии (1891—1894 гг.), Александр Грибановский (мирское имя Анастасия до его пострига в монашество) был там студентом. В Высшем церковном управлении за рубежом архиепископ Анастасий сделался ближайшим помощником Антония.

Митрополит Платон отнесся ко мне (как и Антоний и Анастасий) очень благожелательно и произвел на меня хорошее впечатление, но каких-либо особых разговоров своих с ним тогда я не помню. Ближе я его узнал уже много позже в Америке. К тому же Платон недолго пробыл в Константинополе, т. к. Высшее церковное управление решило послать его в Америку для расследования беспорядочного состояния русской церкви там, а пока наладился его отъезд в Америку, он временно назначен был настоятелем русской посольской церкви в Афинах.

Среди русских, с которыми мы познакомились в Константинополе и видались, был художник Челищев, о котором я раньше слышал от моего двоюродного брата — художника Владимира Ивановича Жедринского (в это время уже уехавшего в Югославию). Челищев приходил к нам еще, когда мы снимали комнату у гречанки. Интересно и оживленно рассказывал о своей жизни в Константинополе, иногда приносил и показывал свои рисунки или наброски картин. Уморительно рассказывал, как он, сняв комнату вроде нашей у какой-то гречанки, но с плоской террасой, на которую можно было выходить через окно, приютил у себя несколько бездомных друзей художников, которые спали на полу. Хозяйка обыкновенно вечером перед сном приходила проверить — все ли в порядке в комнате. Когда слышались ее приближающиеся шаги, друзья Челищева вылезали на террасу и там ложились под окнами так, чтобы их не было видно из окон. Когда хозяйка уходила, они возвращались на ночлег в комнату.

Довольно часто приходил к нам двоюродный брат моей матери Александр Викторович Зарудный, которого мы мельком встречали когда-то в Петербурге у Родичевых. Он был талантливый человек, занимательный собеседник, но какой-то шальный. Критиковал Добровольческую армию и генералов. Когда стало известно, что генерал Лукомский (по поручению Врангеля) уезжает в Брюссель, Александр Викторович сочинил стихи:

Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда,
А Лукомский уезжает
В город Брюссель навсегда.

Приходил он к нам почти всегда с какой-то красивой дамой (кажется армянкой), которая называла себя анархисткой. Александр Викторович называл ее «моя *bolchévisante*». Потом они вдруг исчезали. Позже мы узнали, что эта дама уговорила его вернуться в Россию. Они поехали в Одессу, где его сейчас же арестовали. Он

будто бы выброшен из окна тюрьмы и разбился на смерть. По всей вероятности, тюремщики его выбросили; даму не тронули.

Помню еще очень милую и умную княгиню Трубецкую (не помню имени-отчества и не знаю, из каких она Трубецких). Она была старше нас. Мы любили с ней беседовать. Она бывала у нас, и мы у нее бывали. Она снимала комнату в квартире какого-то русского доктора (не помню фамилии). Приходить надо было через комнаты этого доктора, в том числе через его спальню. Когда мы первый раз как-то днем пришли к Трубецкой, то недоумевали, увидев посреди комнаты доктора, лежавшего на кровати. Он не спал и сказал нам: «Ничего, ничего, я всегда отдыхаю днем, проходите, проходите». Оказалось, что он выработал себе такую систему, чтобы днем ложиться на час, на два; от этого, по его мнению, можно было гораздо больше за день сделать.

Довольно скоро в нашем бытовом устройстве произошла перемена к лучшему. Союз городов решил устроить общежития для тех из своих членов или лиц, так или иначе связанных с Союзом, которые не имели квартир или хороших комнат. Для этого нанят был просторный дом в Галате. Так как некоторые из поселенных в этом доме принадлежали к «кадетской» партии (партии народной свободы), то это общежитие стали шутя называть «Вилла Ка-де».

Нине предложили место хозяйки этого общежития, с тем чтобы она и еду готовила на всех. Она получила комнату в доме, в которой и мне разрешили жить и питаться в общежитии, с тем чтобы я подметал столовую, коридоры, лестницу и ходил за провизией. Жильцы должны были убирать каждый свою комнату. Кроме бесплатной комнаты и еды для обоих, Нине назначили еще небольшое жалованье.

В «вилле Ка-де» поселились два видных «кадета» — кн. Петр Димитриевич Долгоруков (с женой) и Петр Петрович Юрнев. Большинство остальных были не «кадеты» — Кирилл Осипович Зайцев (ученик П. Б. Струве по Петербургскому институту), ныне (записано это 1 декабря 1969 г.) архимандрит Константин (Свято-Троицкий монастырь, Джорданвилль, Нью-Йорк), писатель Иван Лукаш, литератор Козьмин, еще двое-трое русских и два украинца.

Почти все были интересными и милыми людьми. И Петр Димитриевич, и Антонина Михайловна Долгоруковы были необыкновенно мягкие и деликатные. Дружественными и милыми были К. О. Зайцев и Лукаш. Неприятный характер был у Юрнева и очень неприятным был один из украинцев, крайний националист; все время подчеркивающий свою ненависть к русским (фамилии его не помню).

По уговору, Нина должна была по утрам давать чай или кофе с белым хлебом и класть в чашку немного сахарного песка. На это определенного часа не было; Нина подавала по мере того, как кто вставал. Помню как-то утром (собралось одновременно несколько человек) Нина спросила: «Что же, напились власть?», а кто-то вздохнул и ответил: «Ох, не власть, Нина Владимировна!». Но Нина действовала по данной ей инструкции и обижаться на нее за несладкий чай или кофе не было основания.

Кажется в час (или два) дня был обед (на которые все должны были приходиться одновременно) и кажется часов в семь ужин (менее сытный, чем обед).

Я ходил покупать провизию на ближайший базар не без удовольствия — практиковался в разговорном турецком языке. Как я упомянул выше, в Крыму я освоился с языком крымских татар, близким к турецкому.

С готовкой первого обеда у Нины получился конфуз. Она решила сделать рисовый суп и положила слишком много риса, который стал выпирать из кастрюльки. Вышел не суп, а какое-то рисовое месиво. Есть его все-таки кое-как можно было, но часть публики ворчала (особенно Юрнев). Довольно скоро, однако, Нина приспособилась, особенно удачны бывали ее винегреты. К. О. Зайцев объявил даже, что у Нины «ярко выраженный кулинарный талант». Не все, однако, были так снисходительны, и Юрнев начал кампанию за то, чтобы нанять другую кухарку. По чьему-то совету пригласили турчанку, но та заломила такую цену, что даже Юрнев отказался от своего плана и должен был примириться с Ниной стряпней.

К обитателям «виллы Ка-де» почти каждый день приходили гости. Тот, к кому они приходили, принимал их обыкновенно у себя в комнате и сам угощал их чаем. Если кто-нибудь приходил повидать нескольких человек, то они угощали его в общей комнате. К нам и Долгоруковым часто заходил Цуриков. Навещал нас и Владимир Герасимович Терентьев.

На «вилле Ка-де» у меня оставалось больше свободного времени, чем раньше, и я решил не только усовершенствоваться в разговорном турецком языке, но и начать изучать книжный язык. Кажется через школу Берлица я разыскал ученого араба, говорившего по-русски, и начал у него заниматься. Он оказался превосходным преподавателем.

Не одним русским беженцем трудно было жить в Константинополе. Город находился под оккупацией «союзников» (Англия, Франция, Америка, Италия), и основное население — турки — тяжело это переживало. Особенно грубо себя держали англичане. Не раз приходилось наблюдать в трамвае отвратительные сцены. Когда вагоножатый не исполнил приказа какого-нибудь пьяного британского офицера, матроса или солдата, не поняв, что тот требует, или потому, что его требование было против правил, например, остановить трамвай в неполюженном месте, — британец бил вагоножатого кулаком по лицу до крови. Французы тоже были наглыми. Американцы и итальянцы вели себя прилично.

Понятно, что турки ненавидели оккупантов. Русским — как находящимся в униженном состоянии — они сочувствовали. Не раз когда на базаре или в каком-либо другом месте мне приходилось разговаривать с турком и он узнавал, что я русский, он жал мне руку и говорил: «тюрк-рус-кардаш» — братья (по несчастливой судьбе).

В середине (или в конце) февраля 1921 года меня разыскал (вероятно, через бюро графини Бобринской) американский профессор (историк) Франк Гольдер, с которым мы познакомились и подружились в Петрограде в 1916 году. В Константинополь Гольдер приехал как представитель гуверовской организации помощи беженцам и вообще пострадавшим от войны (Американ Релиф Организэйшен — АРА). Гольдер предложил помочь нам с Ниной эмигрировать в Соединенные Штаты. В то время русская квота была незаполнена, американские консульства выдавали визу русским беженцам без всяких затруднений. Вопрос был только в деньгах на переезд. Гольдер выдал нам с Ниной из сумм гуверовской организации, находившихся в его распоряжении, 300 долларов. На эти деньги можно было купить два билета третьего класса на трансатлантический пароход.

Из Константинополя в Америку тогда не ходили прямые американские или английские пароходы. Гольдер советовал взять билеты на английский пароход, садиться на который надо было в Пирее. До Пирея по этим билетам (за ту же цену) надо было ехать на маленьком греческом пароходе во втором классе. Мы испугались поездки с пересадкой и предпочли взять билеты на новый греческий пароход «Великая Греция», страшно рекламировавшийся греками. Пароход этот шел прямым рейсом из Константинополя в Нью-Йорк. На дополнительные дорожные расходы и на первые дни пребывания в Америке у меня оставалась еще часть неизрасходованных английских фунтов. В дальнейшем я рассчитывал на временный заем у М. М. Карповича, личного секретаря посла Б. А. Бахметева, и на его же помощь в подыскании какого бы то ни было заработка. Об этом я списался с Михаилом Михайловичем, причем сказал, что на первое время готов взяться и за физическую работу. Когда мы взяли билеты на «Великую Грецию», я телеграфировал ему о дне прибытия в Нью-Йорк. Так как «Великая Греция» должна была по расписанию простоять в Пирее (гавани для Афин) день или два, то мы попросили одну милую гречанку, говорившую по-русски, с которой мы познакомились в Константинополе, дать нам рекомендательное письмо к ее знакомой гречанке, жившей в Афинах (и тоже говорившей по-русски), что она охотно и сделала.

Наконец, в начале марта, настал день отъезда. На пристани нас провожал Цуриков. Вещей с собой взяли немного. Первое впечатление от нашего устройства на пароходе было удручающее. Красавица «Великая Греция» роскошно обставила пассажиров I класса, похуже — II класса. III класс назначался специально для эмигрантов. Для спанья были нары в два ряда. На ночь мужчин и женщин разделяли, т. е. женщин помещали в особые отделения. И в мужском, и в женском отделениях были клопы; умывальники и уборные были новые, но часть их была закрыта, а часть загрязнена пассажирами. На день пассажиры III класса выпускались на палубу, так что дни мы с Ниной проводили вместе. Столовая была общая для мужчин и женщин. Кормили довольно сытно греческой простонародной едой (все на оливковом масле). По воскресеньям еда была получше, утром к чаю или кофе давали молоко, торжественно объявляя: «чай, кофе с молоком».

Перед отъездом из Константинополя я купил себе краткий «разговорник»

новогреческого языка (не только русские в Америке, но и в Советской России употребляют теперь слово «разговорник»). Благодаря Адольфу (директору Московской V-й гимназии и преподавателю древних языков там), я основательно знал древнегреческий язык, но новогреческого совсем не знал. В «разговорнике» слова были напечатаны латинскими буквами фонетически, вследствие чего трудно было установить какую бы то ни было связь с древнегреческим. Купил я этот «разговорник», чтобы как-то объясняться с пассажирами-греками (которых, как я думал, было большинство) и во время пребывания в Пирее.

В первую же ночь на пароходе меня разбудил сильный толчок, но я сейчас же опять заснул. Когда я проснулся на следующее утро, меня поразила страшная тишина — ни равномерного шума от винтов, ни всплесков воды. Вышел на палубу — пароход стоит, пассажиры в беспокойстве что-то оживленно обсуждают. Наконец мне объяснил один из русских пассажиров, знавший новогреческий язык (или константинопольский грек, знавший русский язык), что пароход ночью сел на мель в Мраморном море, не дойдя до Дарданелл, и что неизвестно, когда снимется с мели.

Из дальнейших объяснений оказалось, что началась забастовка всего греческого флота. По-видимому посадка на мель была актом саботажа. К счастью, погода стояла хорошая, и мы не очень унывали. Кажется, на третий день нашей стоянки капитан парохода (который, очевидно, в саботаже не участвовал) сигнализировал проходящему мимо английскому буксирному пароходу, что просит помощи. Тот остановился. Капитан наш послал к англичанину одного из своих помощников. Англичанин потребовал большую сумму денег за снятие нашего парохода с мели. Наш капитан не согласился. Тогда англичанин остановился и стал ждать. На следующее утро наш капитан послал сказать англичанину, что согласен заплатить требуемую сумму. Англичанин ответил: «теперь платите вдвое больше» и продолжал стоять на месте.

На третий или четвертый день кончилась забастовка греческого флота и несколько греческих пароходов пришли нам на помощь. Один из них подошел к нашему пароходу и начал нас стаскивать с мели. Канат лопнул. С английского буксира послышались крики «ура» и донеслись всякие насмешки. Греческий буксир стал нас опять тащить — канат снова оборвался. Наконец, при третьей попытке нас вытащили. Теперь греки на всех пароходах стали кричать «ура» и издеваться над англичанами неприличными словами и жестами. Англичанин снялся с якоря и ушел полным ходом.

Скоро после того, как мы вошли в Эгейское море, поднялась страшная буря и качка. Большинство пассажиров, в том числе и я, болели морской болезнью и то и дело подбегали к бортам парохода, а иногда и не успевали добежать. В числе публики были два симпатичных русских еврея, вероятно коммерсанты. Когда они утром выходили на палубу, один из них заботливо осведомлялся у другого:

— Господин Тартаковский, вы уже рвали?

Я лежал все время на каком-то помосте на палубе, еле живой. Нина помнит, как какая-то простая русская женщина сказала ей, указывая на меня: «Старик-то твой... Помирает!» (в деревнях в России мужа часто называли «старик», даже если он не был старым).

До Пирея мы шли несколько дней и оба совершенно измучились. Мысль о том, что в таких условиях нам придется ехать из Пирея до Нью-Йорка еще больше двух недель, приводила нас в ужас, и мы решили попытаться остаться в Афинах.

Приехав в Пирей, мы вынесли с парохода свой скромный багаж и сдали его на хранение на пристани, а затем пошли разыскивать гречанку, говорившую по-русски, адрес которой нам дала ее константинопольская подруга. Разыскали мы ее довольно скоро. Она приняла горячее участие в нашей судьбе. Оказалось, что один из влиятельных служащих в греческой пароходной компании ее хороший знакомый. Она нас повела к нему, и он добился того, чтобы компания вернула нам деньги за вычетом, конечно, небольшой суммы за проезд от Константинополя до Пирея.

Мы остались в Афинах. Карповичу я телеграфировал в Вашингтон, что мы не приедем.

Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920—1930-е годы)

Ю. А. Поляков

Среди демографов распространено мнение о том, что воздействие государства на демографические процессы сводится лишь к регулированию роста населения¹. Однако само понятие «демографические процессы» весьма широко и многоаспектно, оно включает не только проблемы рождаемости, смертности, миграций, изменений в половозрастном и национальном составе, но и семьи, здравоохранения, условий труда, быта и т. д. Поэтому понятие «воздействие государства на демографическую ситуацию» отличается от понятия «государственная демографическая политика». Государственное воздействие в широком понимании включает многообразные прямые и косвенные проявления влияния государства на естественное и механическое движение населения. Не говоря уже о войнах, социально-экономические и политические события (в том числе государственные акции) оказывают прямо или опосредованно самое существенное воздействие на демографическую ситуацию.

Изучение влияния социально-экономических и политических событий и явлений на процессы демографические составляет важную часть исторической демографии. Предметом ее изучения является таким образом не только естественная динамика численности и состава населения, но и все параметры, характеризующие население в контексте многообразия и сложности исторического процесса.

Задача данной статьи в том, чтобы показать основные направления, по которым в первые два послереволюционных десятилетия в СССР оказывалось государственное воздействие на демографические процессы. По каждому направлению продолжают исследования, идут дискуссии, существуют противоречия — порой гигантские. В данном же случае предпринимается попытка определить комплекс направлений, рассмотреть их в совокупности и взаимовлиянии, показать их масштаб и значение.

Государственные структуры и политика после революции 1917 г. стали приобретать возрастающее воздействие на демографическую ситуацию. Государство обладало неограниченной политической властью, оно сосредоточило в своих руках всю экономику страны. Поэтому его воздействие на демографическую ситуацию шло как по линии административно-политической, включая репрессивные меры, так и по линии социально-экономической.

В современных публикациях советское государство нередко рассматривается и характеризуется как бы вне времени и пространства, обобщенно, как нечто неизменное на протяжении почти 75-летнего его существования. Между тем политика, роль государства, степень его воздействия на демографические процессы

менялись на разных исторических этапах и были неодинаковы в различных регионах.

Время революции и гражданской войны (включая голод 1921—1922 гг. как последствие войны) характеризовалось огромными потерями населения. Они были обусловлены целым комплексом причин. Важнейшие из их:

1) Значительные боевые потери в Красной, белой армиях, а также в разнообразных повстанческих (боровшихся и против белых и против красных) отрядах. Эти потери доходили до 2,5 млн. человек.

2) Повышение смертности и снижение рождаемости. Несмотря на неполноту и противоречивость данных, ясно, что баланс между рождаемостью и смертностью имел отрицательный характер. Рост смертности объясняется многими причинами, в том числе голодом, отсутствием медикаментов, разрушением системы здравоохранения. Особое значение имели эпидемии. От остроинфекционных заболеваний (возвратный, сыпной, брюшной тифы, оспа, дизентерия) погибло за три года войны более 2 млн. человек ².

3) Массовые репрессии со стороны всех участников гражданской войны и интервенции, включая войска Германии, Австро-Венгрии, Англии, США, Японии, Франции, карательные органы советской власти и белогвардейских правительств, партизан, повстанцев, полууголовные и уголовные отряды. Чрезвычайная трудность определения численности жертв репрессий усугубляется применением разных критериев. В число жертв включаются не только лица, казненные по приговорам судов и трибуналов, но и заложники, пленные, красные партизаны, мятежники-крестьяне, люди, погибшие во время налетов различных банд. Многие современные ученые считают, что установить точные цифры погибших в «ходе красного или белого террора не представляется возможным» ³. С известной долей условности можно считать, что жертвами террора, бандитизма и т. п. стали более 1 млн. человек. Особо надо отметить жертвы еврейских погромов, осуществлявшихся главным образом белогвардейцами и различными бандами (до 300 тыс. погибших).

4) Массовая эмиграция, составившая от 1,5 до 2 млн. человек.

Население страны в 1917—1921 гг. сократилось в беспрецедентных масштабах. Осенью 1917 г. население России составило 147.644,3 тыс., а на начало 1922 г.—134903,1 тыс. человек (по сопоставимой территории). Убыль населения, таким образом, приближалась к 13 млн. человек. Предреволюционный уровень был достигнут лишь к 1926 г., когда перепись 17 декабря этого года определила население СССР в 147 млн. человек ⁴.

В период революции и гражданской войны произошли значительные изменения в социальной структуре общества. В результате мероприятий государства исчезли класс помещиков, крупные и средние предприниматели в промышленности и торговле, было серьезно ослаблено зажиточное крестьянство («кулачество»). Уменьшилась численность крестьянской бедноты, значительно увеличился слой средних крестьян («середняков»). Эти перемены почти не затронули социальную структуру населения Кавказа и Средней Азии, национальных районов Кавказа.

В 20-е годы воздействие государства на демографические процессы было незначительным. Оно распространялось лишь на социальную сферу, в которой государство разрешало (но не поощряло) рост новой буржуазии («нэпманов») в городе, разрешало (но не поощряло) рост зажиточного крестьянства и поддерживало крестьянство среднее и бедное. В эти годы государство предпринимало весьма ограниченные в силу недостатка средств меры по созданию системы охраны материнства и младенчества, по расширению бесплатного здравоохранения и общедоступной рекреационной системы, проводило мероприятия по ликвидации неграмотности и расширению школьной сети.

С конца 20-х годов ситуация существенно изменилась. Роль государства выросла практически во всех сферах человеческого бытия. Что касается демографических процессов, то здесь она проявлялась в резких и острых формах. Прежде всего развернулось широкое и форсированное промышленное строительство («индустриализация»). Оно осуществлялось по государственным планам и на государственные средства. Все построенные и реконструированные предприятия, разумеется, принадлежали государству. Такой стопроцентной, всеобъемлющей роли государства в промышленном развитии, как в СССР, нигде и никогда (если не считать Монголии,

КНДР, Китая, Вьетнама, страна Центральной и Юго-Восточной Европы в послевоенные годы) не было.

Широкая индустриализация, продолжавшаяся вплоть до второй мировой войны, привела к резкому изменению соотношения городского и сельского населения. Возникли новые города; небольшие поселки, сравнительно небольшие губернские и уездные города превратились в крупные промышленные центры. Урбанизация — прямое последствие индустриализации — была в СССР таким образом прежде всего результатом государственной политики.

Осуществление коллективизации было беспрецедентным в истории социально-экономическим мероприятием, также оказавшим серьезное воздействие на демографическую ситуацию. Проводили ее непосредственно органы государственного управления (областные, окружные, районные, сельские советы) и партийные органы, фактически превратившиеся в составную часть государственного аппарата, (областные, окружные, районные комитеты и сельские партийные организации — там, где они существовали). Участвовали в коллективизации и карательные органы — ОГПУ (с 1934 — НКВД), местная милиция. Как проводники партийно-государственной линии в деревню были направлены 25 тыс. рабочих-коммунистов. Коллективизацию поддерживала часть среднего и особенно бедного крестьянства, однако большинство коллективных хозяйств было создано административным путем, в результате нажима со стороны властей.

В итоге коллективизации класс крестьян, индивидуально ведущих свое хозяйство, («единоличники») был преобразован в своеобразный класс крестьян, объединенных в коллективные хозяйства («колхозы»). Вырос удельный вес лиц, работающих в крупных хозяйствах, принадлежавших непосредственно государству (советские хозяйства («совхозы»). Коллективизация привела к усилению миграционных тенденций, стремлению к переезду, нередко попросту к бегству в города, что наряду с индустриализацией стало одной из причин быстрой урбанизации в СССР.

Перепись населения 1926 г. показала, что из 147.027 915 жителей страны было 26.314 114 горожан и 120.713 801 сельчан. А перепись 1937 г. выявила, что из 162.039 470 человек населения горожан стало 51.949 458 (197,4% по сравнению с 1926 г.), сельчан — 110.090012 (91,2%)⁵. Во многих республиках и областях рост городского населения превышал 250% (Коми АССР — 271,2; Карельская АССР — 298,1, Марийская АССР — 316,1, Удмуртская АССР — 261,2, Кабардино-Балкарская АССР — 465,9, Челябинская обл.— 297,7, Свердловская обл.— 250,3, Западно-Сибирский край — 332,1, Красноярский край — 327,4, Бурят-Монгольская АССР — 353,1, Восточно-Сибирский край — 278,9, Дальневосточный край — 324,8, Якутская АССР — 498,3). На Украине резкий прирост городского населения дали Донецкая (342,1) и Днепропетровская (276,5) области. Более 250% прироста дали Абхазия и Туркмения.

В то же время сельское население многих областей даже уменьшилось по сравнению с 1926 годом. Это были прежде всего области с крупными промышленными центрами (Московская, Ленинградская, Калининская, Ярославская, Ивановская, Челябинская, Свердловская, Татарская АССР). Но в таком же положении оказались, с одной стороны, небогатые регионы Севера, Запада, Черноземного центра (Северная, Западная, Кировская, Воронежская, Курская области), с другой — важные и сильные сельхозрайоны (Куйбышевская и Саратовская обл., Азово-Черноморский и Северо-Кавказский края). Сократилось сельское население на Украине в целом (79,6%) и во всех без исключения ее областях⁶.

Массовый отлив населения из деревни грозил дальнейшим подрывом сельского хозяйства. Поэтому государство ввело фактический запрет на выезд колхозников (крестьянам не выдавались паспорта, без которых проживание в города было невозможным). Таким образом возникло своеобразное противоречие: объективно насильственная коллективизация, проведенная государством, способствовала урбанизации. Субъективно государство пыталось (хотя и тщетно) задержать уменьшение сельского населения, во всяком случае ввести отток рабочей силы в города в организованное русло.

Коллективизация сопровождалась ликвидацией хозяйств зажиточных крестьян. Это называлось «ликвидацией кулачества как класса» или «раскулачиванием». Формально ликвидация каждого кулацкого хозяйства должна была осуществляться на основе решения крестьян данного селения, с передачей имущества «кулаков»

в колхоз. Фактически это была насильственная акция со стороны государства. Раскулачивание приняло широкие масштабы. Кулаки были распределены на три категории в зависимости от степени зажиточности и политической активности. Первая категория подлежала насильственному переселению на Север и на Восток. В 1930—1931 гг. по официальным данным более 1 млн. 800 тыс. кулаков и членов их семей были размещены в специальных поселениях на мало обжитых территориях ⁷. Не требует доказательств то, что депортация значительной массы людей сама по себе стала серьезным фактором демографической ситуации, особенно если учесть, что большая доля «спецпереселенцев» погибли в пути следования и в местах расселения.

В конце 20-х — начале 30-х годов произошла ликвидация возродившегося в результате нэпа слоя мелких предпринимателей, главным образом торговцев. Число частных предпринимателей в торговле составляло примерно 150 тысяч. Торговля почти полностью (за исключением мелкоиндивидуальной) стала кооперативной и государственной. Это относилось и к промышленности, где в те же годы функционировало 2166 крупных и средних частных предприятий и 14200 мелких ⁸.

Коллективизация в ряде восточных национальных районов сломала не затронутые революцией родоплеменные устои, изменила образ жизни и производства. Одним из серьезных демографических последствий был перевод коллективизируемого кочевого населения на оседлость. В Казахстане к концу 1936 г. перешло к оседлости 338,7 тыс. хозяйств ⁹. Этот процесс был крайне болезненным. Не случайно именно в Казахстане снижение численности сельского населения было самым значительным среди всех регионов СССР (по официальным данным снижение на 30,9%) ¹⁰. По подсчетам же казахстанских историков и демографов в результате массового голода при переходе кочевников на оседлость и откочевок за пределы страны убыль составила около 2 млн человек, 49% численности коренного населения ¹¹.

Создание колхозной системы еще больше увеличило количество рычагов в руках государства. Колхозы стали инструментом для получения государством продовольствия и сельскохозяйственного сырья из деревни. Государство использовало этот инструмент достаточно жестко. Принудительное отчуждение сельхозпродуктов в виде обязательных поставок /«госпоставки»/ приводило в ряде случаев к массовому недоеданию в отдельных регионах, соответственно к увеличению смертности, а также к бегству из голодных мест, т. е. к возникновению новых миграционных потоков.

В литературе широко освещалась проблема голода 1932—1933 годов. Выдвигались различные версии, объяснявшие необычайно жесткий нажим властей для изъятия продовольствия у крестьян. На Украине, в частности, получила широкое распространение мысль о том, что голод был специально организован сталинским руководством в целях осуществления геноцида против украинского народа. Н. А. Араловец в обзоре исследований этой проблемы приходит к выводу о том, что потери населения от голода 1932—1933 гг. составили в Казахстане 1,3 млн., на Украине — 3,5 млн, в Поволжье 0,4 млн. человек ¹².

Особую остроту имеет вопрос о политических репрессиях в 20-е и 30-е годы. В разные годы, особенно начиная с 1987 г. эта тема прямо или косвенно многократно затрагивалась в литературе, приводились самые разнообразные цифры. Благодаря эмоциональному заряду, неизбежному при рассмотрении подобных вопросов, в советской, а затем в российской печати появилось немало недостоверных заявлений и воспоминаний о масштабе террора. Численность репрессированных за годы советской власти в различных публикациях колеблется от 19,8 млн до 3,7 млн человек ¹³.

Довольно основательно аргументированные расчеты приведены в статье «Жертвы советской репрессивной системы в предвоенные годы». Как сказано в подзаголовке статьи «Первые подходы на основе архивных свидетельств», авторы действительно пытаются сочетать архивные данные с известными материалами. Несмотря на ряд слабостей (в частности, не используются данные переписей населения 1937 и 1939 гг.), определение авторами численности репрессированных представляется наиболее обоснованным. По их расчетам только в 1937—1938 гг. по политическим обвинениям было арестовано около 2,5 млн. человек. В 1938 г. в тюрьмах и лагерях находилось 2 млн. человек. Казнено в 1937—1938 гг. 681692 человек, а всего в 1921—1953 гг. — 799455 человек ¹⁴.

Однако, вопрос до сих пор остается открытым. Тщательное изучение архивов НКВД при сопоставлении с материалами переписей 1937 и 1939 гг. и данными текущей отчетности позволит приблизиться к истине. Так или иначе, можно считать очевидным, что политические репрессии в 30-е годы стали в силу своих масштабов важным фактором демографической ситуации.

В 30-е годы были осуществлены массовые переселения народов. Это прежде всего переселение корейцев с Дальнего Востока в районы Казахстана и Средней Азии осенью 1937 года. Переселено было 172 тыс. человек¹⁵.

Названные направления государственного воздействия на демографическое развитие СССР представляются наиболее существенными. Однако они отнюдь не исчерпывают проблемы. Это воздействие было гораздо шире, захватывало многие другие сферы жизни. Весьма важно рассмотреть в демографическом плане национальную политику советского государства. Вот лишь одна проблема из этого большого комплекса. В результате создания национальной государственности основных этносов СССР (союзные и автономные республики) произошел быстрый рост национальных кадров, гораздо радикальней, чем в центральных районах России повысился образовательный уровень населения. Значительно изменился национальный состав многих городов, особенно столиц союзных и автономных республик. Численность представителей коренной («титульной») национальности резко выросла. Такие города, как Верный — Алма-Ата, Пишпек — Фрунзе, Усть-Сысольск — Сыктывкар, Царевококшайск — Йошкар-Ола, Чебоксары, Уфа и другие имели по переписям 1923 и 1926 гг. ничтожный процент коренного населения. В 1939 г. доля «титульного» населения стала значительной.

По переписи 1923 г. представители горских народов среди городского населения Дагестана практически отсутствовали, а в 1939 г. в городах республики проживало почти 42 тыс. дагестанцев. В городах Удмуртии в 1923 г. из 62610 горожан было русских 56585, татар — 3144, а удмурты насчитывались единицами. В 1939 г. 260750 горожан были русскими, а 36956 — удмуртами. В городах Чувашии в 1923 г. проживало 3605 чувашей, а в 1939 — 36.359. В Башкирии соответственно башкир было 8921 из 188778 горожан и 39018 из 540319¹⁶.

С демографической точки зрения важную роль играло жесткое регулирование миграционных потоков при помощи введенной в 1932 г. системы прописки. Это означало фиксацию государственными органами определенного местожительства каждого гражданина. Получение прописки в крупных городах было чрезвычайно затруднительно для многих категорий граждан, но чрезвычайно легко для рабочих новых предприятий.

Достаточно важная сторона демографической ситуации — государственная организация переселенческого дела. Переселение осуществлялось в районы Восточной Сибири, Дальнего Востока, Севера. Это было частью политики освоения, индустриального развития этих регионов. Не случайно самый высокий процент прироста населения в СССР с 1926 по 1937 г. дал Дальневосточный край (194,8 при общем по СССР — 110,2, по РСФСР — 111,7)¹⁷. Государство осуществляло помощь переселенцам и материальное стимулирование, устанавливая повышенную зарплату для жителей этих районов.

Наряду с добровольными переселенцами огромную роль в освоении восточных и северных регионов сыграло применение принудительного труда заключенных и спецпоселенцев.

Очень важна и интересна в демографическом плане проблема семьи. Государство, руководствуясь идеологическими соображениями, на протяжении 20-х и 30-х годов стремилось «избавить женщину от домашнего рабства», предоставлять ей не только формальное, но и фактическое равноправие. И государство предприняло для реализации своих программ немало усилий. Создавались так называемые фабрики-кухни (для организации питания вне домашнего очага), расширялась сеть учреждений, где дети питались, воспитывались, отдыхали. Увеличилась численность работающих женщин. Однако жизнь показала, что большинство женщин не стремилось избавиться от домашних тягот, полны желания угостить хорошим обедом мужа и детей, а огромная казенная фабрика-кухня не создает достаточно вкусной здоровой пищи и необходимого для семьи уюта.

Жизнь показала, что освобождение женщины от домашних тягот должно идти другим путем — созданием и производством высококачественных полуфабрикатов,

внедрением современной техники для уборки квартир, хранения и приготовления пищи, мытья посуды и т. д. и т. п. Вместо огромных фабрик-кухонь оказались куда привлекательней маленькие ресторанчики и кафе. А их при отсутствии частного сектора в сфере обслуживания не существовало. Государство же создавать их не умело и не хотело. Интересные соображения по этим вопросам высказаны в книге В. Голдман «Женщина, государство и революция. Советская семейная политика и общественная жизнь», вышедшей в США в 1993 году. Вполне очевидно, что изменение семейного быта, как и многое в нашем обществе в 20-х и 30-х годах, должны были происходить не по директивам, продиктованным идеологическими соображениями, а вырастать из реальных потребностей и реальных возможностей.

Вопросы истории семьи тесно смыкаются с проблемами социальной защиты населения. Эта защита, в частности, касалась проблем семьи в отношении воспитания и отдыха. Государственная система воспитания детей была положительно воспринята значительной частью городского населения и приняла в 30-е годы широкий размах. В 1940 г. в постоянных яслях (от грудного возраста до 3-х лет) было 859,5 тыс. детей, 1172 тыс. мальчиков и девочек (от 4 до 7 лет посещали детские сады. В пионерских лагерях и детских санаториях отдыхало около 2,5 млн. школьников ¹⁸. Все это позитивно влияло на положение женщины — матери.

Особенностью СССР в 20-е и 30-е годы было широкое развитие государственной сети здравоохранения. Число больничных коек выросло с 256 тыс. в 1932 г. до 791 тыс. в 1940 г. ¹⁹. Возникла широкая сеть лечебно-профилактических учреждений, как территориальных, так и непосредственно на предприятиях. Несмотря на невысокий качественный уровень лечебных учреждений, возрастающий охват ими населения и, главное, бесплатное становились определенным фактором государственного воздействия на демографические процессы.

Выросло число санаториев и домов отдыха — бесплатных или льготных. В 1939 г. в санаториях отдыхали около 500 тыс., в домах отдыха — 2 млн. рабочих и служащих. Бесплатным было и пользование спортивными сооружениями (стадионы, спортивные залы, плавательные бассейны и т.п.), число которых непрерывно росло (39100 в 1936 г., 82693 — в 1940 г.).

Хотя грамотность и школьное образование не влияют непосредственно на такие «чисто демографические» процессы, как рождаемость, смертность, миграции, образовательный ценз входит в число демографических параметров, без учета которых характеристика населения является неполной.

Вся система школьного и высшего образования в СССР являлась государственной. Борьба за преодоление оставшейся от прошлого неграмотности также проводилась государством (с широким привлечением общественности). В области ликвидации неграмотности было сделано немало, хотя (что показали переписи 1937 и 1939 гг.) и не столь значительные, как считала официальная пропаганда. В 1928 — 1937 гг. было обучено грамоте 40 млн. взрослых ²⁰. Грамотность населения (старше 9 лет) среди русских, например, в 1926 г. составляла 58%, а в 1939 — 83%, среди украинцев — 53,4 и 84,3. Резкий рывок совершило большинство народов Средней Азии и Северного Кавказа. У таджиков в 1926 г. грамотность составляла 3%, узбеков — 4,8, туркмен — 2,7, казахов — 9,1, чеченцев — 3,4%. В 1939 г. грамотность составила у них соответственно 67,6; 63,5; 59,6; 61,1; 42,8% ²¹. Доля неграмотных к концу 30-х годов все же оставалась весьма значительной.

Быстро развивалась система школьного образования. К 1937 г. было завершено введение всеобщего обязательного начального обучения (четырёхгодичного). Число учащихся в начальной и средней школе возросло с 10 млн. в 1925/26 учебном году до 21,3 млн. в 1932 г. и 29,4 млн. в 1937 году ²². Со второй половины 30-х годов начался переход ко всеобщему среднему образованию (семилетнее — неполное среднее, десятилетнее — полное среднее).

Советское государство, обладая не имеющими аналогов в истории политическими, карательными и экономическими рычагами, оказывало в 20-е и 30-е годы существенное воздействие на демографические процессы, прежде всего в социально-экономическом плане, а также посредством репрессивной политики в отношении значительной массы населения. Это привело в конечном счете к людским потерям и соответственно к сокращению прироста населения, стало одной из решающих причин, объясняющих, почему численность населения СССР к концу 30-х годов оказалась значительно меньше, чем можно было ожидать исходя из

темпов естественного прироста 20-х годов. Государство существенно повлияло на миграционные процессы, на развитие здравоохранения, физической культуры, образования. При этом в силу уникального многообразия условий в разных регионах страны влияние государства сказывалось по-разному. Природные условия, влияние религии, национальные традиции и многое другое также проявились в демографических процессах, уменьшая или усиливая уровень государственного воздействия на них.

Примечания

1. О различных точках зрения по этим вопросам см.: Проблемы исторической демографии СССР. Киев. 1988.
2. См. ВОЛКОВ Е. З. Динамика народонаселения за 80 лет. М. 1930, с. 189—191. Все цифровые данные — в границах СССР, существовавших до сентября 1939 года.
3. ЛИТВИН А. Л. Красный и белый террор в России. 1917—1922. — Отечественная история, 1993, № 6, с. 55.
4. Народное хозяйство СССР в 1959 г. М. 1960, с. 7.
5. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М. 1991, с. 52—53, 60—61.
6. Там же, с. 54—61.
7. ЗЕМСКОВ В. Н. Спецпоселенцы: по документам НКВД—МВД СССР. — Социологические исследования, 1990, № 11, с. 6; его же. Спецпереселенцы /1930—1959гг./. В кн.: Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции. М. 1994.
8. Изменение социальной структуры советского общества /1921 — середина 30-х годов/. М. 1978, с. 115.
9. История Казахской ССР. Алма-Ата. 1977. Т. 4, с. 521.
10. Всесоюзная перепись населения 1937 г., с. 60—61.
11. АБЫЛХОЖИН Ж. Б., КОЗЫБАЕВ М. К., ТАТИМОВ М. Б. Казахстанская трагедия.— Вопросы истории, 1989, № 7, с. 67.
12. АРАЛОВЕЦ Н. А. Потери населения России и СССР в конце 20-х — 30-е годы в историографии. В кн.: Население России в 1920—1950-е годы, с. 77.
13. Аргументы и факты, 1990, № 22; ДУГИН А. Сталинизм: легенды и факты.— Слово, 1990, № 7, с. 26.
14. GETTY J. A., RITTERSPORN G. T., ZEMSKOV V. N. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A. First Approach on the Bases of Archival Evidence — The American Historical Review, Vol. 98, October 1993, № 4, p. 1022.
15. Население России в 1920—1950-е годы, с. 154.
16. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. М. 1927, с. 28—36; Всесоюзная перепись населения 1939 года. М. 1992, с. 65—68.
17. Всесоюзной переписи населения 1937 г., с. 44—47.
18. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 9, М. 1971, с. 383.
19. Там же, с. 382.
20. Там же, с. 382—384, 230.
21. Всесоюзная перепись населения 1939 года, с. 83.
22. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 8. М. 1967, с. 265; т. 9, с. 231.

Петр I в Венеции

С. О. Андросов

Как известно, во время своего первого путешествия за границу в 1697—1698 гг. Петр Великий посетил Польшу, германские государства, Голландию, Англию. На обратном пути он направился в Австрию и прибыл в Вену 16(26) июня 1698 года ¹. Здесь он задержался надолго, что, возможно, было связано и с планом путешествия в Италию, где царь собирался посетить Венецию, вероятно, также Флоренцию и Рим. Сообщение из Москвы о восстании стрельцов, полученное 15(25) июля, заставило его изменить планы и срочно вернуться в Россию. Возможность посетить Венецию, куда Петр Великий особенно стремился, была упущена.

Такая точка зрения общепринята в историографии и обоснована данными источников, хотя существуют и документы, указывающие на краткосрочное пребывание Петра в Венеции. Большинство этих документов опубликовал Е. Ф. Шмурло, однако он считал их лишь «любопытным обращением заблуждения» и не придавал им большого значения. Подробно о планах путешествия царя в Венецию пишет и М. М. Богословский. Он даже цитирует два ключевых документа, но рассматривает их как вызванные «напряженным чувством ожидания» царя «курьезные ошибки» ².

Во время работы в Государственном архиве Венеции мне удалось познакомиться с документами, опубликованными Шмурло и относящимися к предполагаемому визиту Петра в г. Сан Марко. Они кажутся достаточно убедительными и, по крайней мере, дают повод еще раз вернуться к поставленному вопросу и подвергнуть его дальнейшему изучению. Имеющиеся материалы довольно отрывочны и подчас противоречивы. Однако в этом нет ничего удивительного, хотя бы потому, что Петр всячески должен был стремиться скрыть свой визит в Венецию.

Впервые информация о предполагаемом посещении царем Венеции появляется в письме венецианского посла в Вене Карло Рудзини к дожу от 2(12) июля 1698 года. Согласно его сообщению, Петр хотел побывать в Венеции с восемью-десятью сопровождающими и находиться здесь 10—14 дней. Венецианское правительство тут же приняло необходимые меры для достойной встречи царя. 13(23) июля представителям местной власти в Удине, Тревизо, Местре (городах, лежащих на пути его следования) были разосланы указания о торжественной встрече гостя. Заведующий почтой (главный курьер) должен был выслать вперед двух курьеров для информации о появлении царя и подготовить лошадей для обеспечения удобного проезда его свиты.

Организация пребывания Петра I непосредственно в Венеции была поручена четырем прокураторам Сан Марко. Его предполагалось на общественный счет поместить в Палаццо Фоскари, кроме того, в Арсенале для его отдыха был отведен дом, называемый «Парадизо». Программа пребывания царя в Арсенале составлялась с учетом опыта визита французского короля Генриха III в 1575 г. и включала осмотр строящихся судов и присутствие при литье пушек. Венеция также должна была встретить Петра различными праздниками и увеселениями, характерными для этого города: кулачным боем, регатой, серенадами, маскарадом, оперой и балом в зале Большого Совета ³.

Однако уже на следующий день указания о почетной встрече царя пришлось отменить в соответствии с информацией, содержащейся в письме Рудзини от 8(18) июля. Венецианский посол доносил, что царь «просит о позволении совершить свое путешествие и въехать в город полностью инкогнито». Даже паспорт должен был быть выдан на имя волонтера Меншикова (Minschios volontario) «с семью персонами». В другом письме от того же дня к Винченцо Вендрамину, коменданту городка Пальма, на границе венецианских владений, Рудзини сообщал дополнительно, что Петр I хотел бы совершить путешествие в Венецию за пять дней и что лошади должны быть запряжены четверками, как это принято в Германии ⁴.

Теперь посмотрим, как интерпретируют последующие события русские источники. «Юрнал 205-го года» сообщает, что 13(23) июля «отсель (из Вены.— С. А.) поехали нашей компании четыре человека в Венецию наперед». Еще Н. Устрялов показал, что это были четыре волонтера (Федосей Склиев, Лукьян Верещагин, Фаддей Попов, Анисим Моляр) и с ними — переводчик Петр Постников. Шмурло добавляет к этому списку также повара Осипа Зюзина. Богословский уточняет, что в документах о выдаче денег поименованы шесть человек (Постников, Склиев, Верещагин, Моляр, Попов и Иван Кочет), однако в выписанном для путешествия паспорте нет имени Кочета, но внесен «повар Оска». Таким образом, путешественников на самом деле было, по-видимому, шестеро.

Следующая информация «Юрнала» относится только к 19(29) июля: «Отсель (из Вены.— С. А.) поехали после полудня пол-4 часа на почте» ⁵. Эта информация относится к отъезду Великого посольства, но создается впечатление, что какая-то важная информация была изъята из «Юрнала» еще в петровское время. Более подробен «Журнал государя Петра I с 1695 по 1709 сочиненный Бароном Гизеном», составленный около 1715 г., но опирающийся на вполне достоверные материалы. Согласно ему, 12(22) июля после обеда Петр отправился в «Презбург» (Братиславу) и вернулся в Вену 14(24) июля. В тот же день его частным образом посетил император Леопольд I. 16(26) июля царь снова виделся с ним. Наконец, 18(28) июля состоялась официальная церемония приема Леопольдом I Великого посольства, которую послы ожидали так долго.

«Журнал» не упоминает об участии Петра I в этой торжественной встрече. Н. Г. Устрялов и М. М. Богословский на основании австрийского источника сообщают, что царь присутствовал на пиру после приема и стоял за стулом Франца Лефорта, который, с разрешения австрийской стороны, угостил его вином ⁶. Точность этой информации может быть оспорена. Хотя царь и считался частной персоной, он вряд ли мог участвовать в пиршестве в роли слуги. Скорее всего австрийский хронист ошибся, спутав царя с кем-то из его сопровождающих, и, может быть, на эту ошибку и рассчитывал Петр.

На основании донесений послов из Вены, собранных Шмурло, можно несколько дополнить картину времяпрепровождения Петра I. 14(24) июля царь виделся и с Рудзини. В разговоре с венецианским посланником он подтвердил свое желание посетить Венецию, соблюдая полнейшую тайну, и просил о паспорте на имя Меншикова, а также о рекомендательном письме к брату Рудзини, находившемуся в Венеции. Паспорт на имя «господина Алессандро Минскиоф (Minschiof) волонтера с семью персонами», подписанный Рудзини 15(25) июля 1698 г., сохранился среди документов посольства ⁷.

Однако уже 16(26) июля Рудзини сообщал в Венецию, что визит царя может быть надолго отсрочен из-за полученных из России «писем и сообщений». Здесь имелось в виду письмо князя Ф. Ю. Ромодановского о восстании стрельцов в Москве от 17(27) июня, полученное в Вене только 15(25) июля. Ответ Петра датирован

следующим днем. Царь приказывал Ромодановскому быть «твердым» и в заключение писал: «аднако сей ради причины будем к вам так, как вы не чаете»⁸. Обычно считается, что эта фраза подтверждает отказ Петра I от путешествия в Венецию.

Достаточно странно, что едва ли не дольше всех в неведении о планах царя оставался Рудзини, который ничего не сообщал и в Венецию. Только 23 июля (2 августа) он писал дожу, что его посетил некий русский дворянин, присланный от третьего посла (оставшегося в Вене П. Б. Вознищина). Этот дворянин уведомил Рудзини об отъезде Петра в Москву и передал ему благодарности царя за все старания⁹. Такой была официальная версия событий с русской стороны.

Спустя неделю эта информация дошла до Венеции, и апостолический нунций Кузано доносил римским властям 30 июля (9 августа), что в Венеции отменены все приготовления к визиту русского царя. Заслуживает внимания, что «москвиты», которые предшествовали царю, были выселены из Палаццо Фоскари и переселены в обычные гостиницы, где им пришлось платить за свое пребывание. Нунций сообщает также о недовольстве в Венеции послом Рудзини, которые не смог во-время предоставить нужную информацию. Очевидно, венецианское правительство сожалело не столько о зря потраченных деньгах на подготовку встречи царя и на его угощение (имеются счета на расходы, представленные из Пальмы, Удине, Конельяно и Тревизо, а также из Арсенала)¹⁰, сколько о возможности утвердить еще раз свой политический престиж.

Нам представляется, что во всей информации о пребывании Петра в Вене в последние дни посольства присутствует какой-то элемент двусмысленности или загадочности. С одной стороны, вроде бы о нем регулярно сообщают иностранные представители и австрийские источники, но, с другой,— анализ этих данных позволяет сомневаться в их точности. Создается впечатление, что покров тайны или даже дезинформация был призван скрыть действительное времяпрепровождение царя.

О присутствии Петра I на приеме послов в качестве слуги речь уже шла. Тогда же на вопрос императора о здоровье царя Ф. А. Головин ответил, что он находился в добром здравии, когда послы оставили его в Москве. Станным кажется также свидание Петра I с Иосифом, наследником австрийского престола, которое 19(29) июля продолжалось не более пяти минут. Разноречивая информация шла и от послов в Вене. Нунций Санта Кроче в донесении римским властям относит отъезд Петра I в Москву к «четвергу», то есть к 14(24) июля. Особенно странно выглядит проезжая грамота на имя А. Д. Меншикова, которую Возницын отправлял с Уляном Снявиным в Москву 27 июля (6 августа), тогда как Меншиков должен был в это время находиться рядом с Петром¹¹. Вероятно, этот перечень можно было бы продолжить, но нам представляется более интересным построить другой ряд документов, свидетельствующих о все-таки состоявшемся путешествии царя в Венецию.

Паспорт на имя Меншикова и семи сопровождавших его персон был выписан Рудзини 15(25) июля. Аналогичный паспорт был получен и от австрийских властей. В тот же день Меншиков получил из казны 500 золотых «для потребы дорожной в венецкой путь». На подготовку коляски для путешествия было истрачено 6 золотых. Наибольший интерес здесь представляет последняя статья расхода: «почтарю который подрядился из Вены в Венецию валентеров везть и за коляски дано 54 золотых 10 алтын»¹². Не известно, были ли эти расходы произведены до или после получения письма Ромодановского.

Заслуживает внимания также донесение испанского посла в Вене, епископа Солзонского от 16(26) июля. Первая его часть отличается большой точностью, и хотелось бы взять на веру его конец. Епископ сообщал в Мадрид: «Потом в понедельник состоялся праздник Хозяйства (Wirtschaft) и полностью удался, и царь показал себя вполне довольным и веселился и танцевал без конца и меры. Потом в четверг он был частным образом посещен Императором, и вчера он снова посетил Его Императорское Величество и уехал в Венецию, оставив здесь своих послов, которые однако не получили публичной аудиенции у этого Величества». Правда, позднее этот же посол сообщал об отмене визита Петра в Венецию¹³, но не исключено, что первое сообщение, посланное в тот же день, было более точным.

Следует также остановиться на донесениях о неких «москвитях», находившихся в то время на пути из Вены в Венецию. От Вены до Венеции несколько более 500 километров. В среднем путешественники на лошадях одолевали тогда за день около

100 км, и первоначальное намерение Петра I проделать путь за пять дней этому не противоречит. После же получения известий из Москвы ситуация изменилась, и царь должен был торопиться. Имея возможность ехать в коляске ночью, он мог добраться до Венеции за трое суток или даже чуть быстрее.

Возможно, именно с путешествием царя связано донесение Вендрамина из Пальмы дожу от 17(27) июля: письмо Рудзини из Вены он получил в 5 час. утра, очевидно, в тот же день с «семью московскими персонами, которые предшествовали движению Царя из Московии»¹⁴. Можно допустить, что это были Склеяев и его спутники, выехавшие из Вены 13(23) июля. Однако вручение письма в 5 час. утра скорее предполагает какие-то исключительные обстоятельства, например, очень поспешное передвижение к Венеции в ночное время. Тогда кажется вполне вероятным, что этими путешественниками были Петр I, Меншиков и их спутники.

19(29) июля датировано письмо Фериго Марина, подеста и капитана Местре, последнего города на материке перед Венецией, к дожу. Из него видно, что около 24 час. ночи (очевидно, в ночь на 19(29) июля) венецианец по имени Карло требовал здесь две небольшие барки для восьми москвитов, которые прибыли из Тревизо, следуя из Вены, и хотели теперь переправиться в Венецию. К письму прилагались показания лодочника по имени Менего о разговоре с этим Карло. Стоит здесь отметить одну деталь: когда с лодками возникло затруднение, Карло интересовался, «приготовлено ли здесь что-нибудь для царя Московии». Менего не предоставил Карло лодок и не знал, как именно удалось москвитам перебраться в Венецию. По его показаниям, это произошло около половины второго ночи¹⁵.

Нам этот материал представляется очень красноречивым. Во-первых, путешественников было восемь, а это число соответствует паспорту, выданному Меншикову. Во-вторых, они явно торопились и вообще вели себя довольно бесцеремонно, требуя лодок поздней ночью. Намек на царя, прозвучавший во время ночного разговора, тоже кажется достаточно недвусмысленным. Такая настойчивость могла быть у Петра, но никак не у Склеяева с его спутниками. Наконец, не был ли этот Карло из прихода Санти Апостоли в Венеции тем самым «почтарем», нанятым в Вене? У Склеяева такого сопровождающего, вероятно, не было.

И все-таки собранная информация лишь косвенным образом подтверждает возможность визита Петра в Венецию. Существуют и прямые свидетельства об этом визите. Среди документов, относящихся к деятельности государственных инквизиторов Венецианской республики, сохранились донесения, составленные, очевидно, руководителем агентуры, который записывал устную информацию своих агентов. Таких материалов от конца XVII — начала XVIII в. сохранилось не так уж много. Тем ценнее эти разрозненные заметки, содержащие информацию о действиях французского посла и русских, находившихся тогда в Венеции. Секретная служба Венеции считалась тогда образцовой. Особенно внимательно контролировались действия иностранцев, в том числе послов и дипломатических агентов. К ним приставлялись специальные конфиденты, которые доносили об их встречах и разговорах, следили буквально за каждым их шагом. Вероятно, один из таких конфидентов и представил интересующие нас сведения.

Первая записка датирована 6(16) июля 1698 г. и начинается так: «Я приказал конфидентам приложить особое старание в отношении известного грека, чтобы получить возможность проникнуть в один из домов, в котором живут московские князья, Пьетро Галицини, Джуро Джуро, Грегорио и генерал Базилио Петроиц Серемет». Далее речь идет о посольском после, который должен этому греку 300 «онгаров» (золотых дукатов), но в заключение конфидент передает информацию, почерпнутую у «москвитов», что царь прибудет в Венецию только с семью кавалерами¹⁶.

Упоминаемые здесь «московские князья» могут быть легко отождествлены с дворянами, приехавшими в Венецию еще в июне 1697 года. Информации конфидента достаточно, чтобы узнать в них П. А. Голицина, Ю. Ю. и Г. Ф. Трубецких, В. П. Шереметева. Последний, встретив в Венеции своего брата Бориса Петровича, вместе с ним совершил путешествие на Мальту. Шереметевы вернулись в Венецию 30 июня (10 июля) и находились здесь по крайней мере до 11(21) августа, когда Борис Петрович отправился в обратный путь. Во многих итальянских документах того времени именно Борис Петрович назывался «генералом».

Главное значение этой записки состоит в том, что она показывает, откуда

конфидент черпал свою информацию. Он, конечно, общался с «московскими князьями», поддерживавшими связь с Великим посольством в Вене. О существовании переписки можно судить, например, по записи в Журнале путешествия Б. П. Шереметева: «В Венеции жил боярин, ожидая по письму своему от великих и полномочных посллов отповеди»¹⁷. Информацию конфидента следует рассматривать как вполне достоверную и полученную от людей, хорошо лично знавших царя. О желании царя посетить Венецию с небольшой свитой конфидент осведомил венецианские власти задолго до получения официальной информации.

Вторая и третья записка не представляют особого интереса для рассматриваемого вопроса. Зато четвертая, датированная 19(29) июля, объявляет со всей очевидностью: «Царь приехал в пятницу вечером и прошел в дом господина Дзордзи, грека в [приходе церкви] Сан Дзуане Ново, вышел из дома с одним товарищем, оба одетые по-славянски. Его генерал сегодня едет для отвода глаз (con finta), чтобы встретить его, а семь его кавалеров приехали еще раньше своего царя в Венецию»¹⁸.

Здесь невероятно только одно: в пятницу — 15(25) июля — Петр наверняка находился еще в Вене. Он мог прибыть в Венецию только в ночь с 18(28) на 19(29) июля, то есть накануне дня, которым датирована записка. Церковь Сан Джованни Нуово расположена неподалеку от православной церкви Сан Джорджо деи Гречи, где естественным образом селились венецианские греки. Информация о генерале, едущем в Местре, показывает, что пребывание царя в Венеции было тайным и даже принимались все возможные меры для дезинформации венецианского правительства. Упомянутый здесь «генерал» — скорее всего, названный ранее генералом В. П. Шереметев, но, возможно, и его брат Борис Петрович. Наконец, «семь кавалеров» — вероятно, Склаев и его спутники, которые должны были приехать в Венецию немного ранее Петра I.

То, что конфидент не знает точной даты прибытия царя в Венецию, не должно нас смущать. Он, естественно, не мог присутствовать при его приезде и поэтому ошибся. Его источник информации не мог знать, что накануне какие-то восемь «москвитов» тоже прибыли в Венецию. Поэтому можно констатировать, что сведения, полученные с разных сторон, в главном подтверждают друг друга.

Следующая записка не имеет даты, но, по-видимому, она относится к тому же дню — 19(29) июля: «Конфидент вернулся ко мне и меня уверяет, клянясь своей жизнью (sorga la sua vita), что Царь в Венеции, в доме, о котором уже сообщалось Вашим Благородиям, и этим вечером отправляется в Конельяно»¹⁹. Можно предположить, что сведения, предоставленные конфидентом, оказались слишком неожиданными и руководитель агентуры потребовал подтверждений. Агент вернулся вскоре, чтобы еще раз повторить свое предыдущее сообщение, и настаивал на нем в весьма определенной форме.

Еще одна записка, написанная той же рукой, датирована 20(30) июля: «Царь, одетый по-славянски, как в Вознесенье (dalla Sensione) сегодня долго разговаривал со своим генералом, а потом в сопровождении своего переводчика все трое вместе пошли к [церкви] Санта Мария Формоза, все время оборачиваясь назад, чтобы видеть, если бы кто-нибудь был сзади. Это я имею от конфидента и это [сообщаю] смиренно Вашим Благородиям»²⁰. Информация подтверждает конспиративный характер визита Петра I. Переводчиком, упоминаемым здесь, скорее всего был Постников либо кто-то, входивший в число спутников Меншикова (П. П. Шафиров?). Упоминание в тексте праздника Вознесения богородицы, очевидно, относится к костюму царя: он был одет, судя по всему, так, как иногда одеваются на этот праздник.

Рассматриваемые здесь документы частично приведены в книге М. М. Богословского, однако два из них опущены, в результате чего они оказались вырванными из исторического контекста. В комплексе же они выглядят весьма убедительно, и не вызывает сомнений датировка записок концом XVIII века. Наконец, наш конфидент не имел какой-либо личной заинтересованности в присутствии или отсутствии русского царя в Венеции. Поэтому в нем следует видеть вполне объективного свидетеля.

На основании всего изложенного можно предположить, что Петр действительно приехал в Венецию в ночь на 19(29) июля и отбыл из нее утром (?) 20(30) июля, то есть находился здесь один полный день. Визит его совершился в обстановке полной секретности и даже сопровождался отвлекающими маневрами. Вместе с тем царю

не удалось обмануть венецианскую службу безопасности, и сообщения о его пребывании в г. Сан Марко регулярно поступали к государственным инквизиторам.

Известно, что Великое посольство возвращалось из Вены довольно быстро. Первая остановка была сделана только в Кракове 24 июля (3 августа)²¹. Обычно считается, что к этому времени были получены известия о подавлении восстания стрельцов. Не исключено, тем не менее, что эта остановка была запланирована еще раньше, и здесь Петр, возвращавшийся из Венеции, догнал Великое посольство.

Остается высказать некоторые соображения по поводу того, почему путешествие Петра Великого было так тщательно законспирировано. Несколько затянувшееся пребывание в Вене к середине июля 1698 г. стало вызывать раздражение у царя. Переговоры с австрийцами оказались безрезультатными, мало что дала и личная встреча с Леопольдом I. Надежды на создание военного союза, направленного против Турции, не оправдались. Все достопримечательности Вены и ее окрестностей были уже осмотрены. Однако внезапный отъезд Великого посольства мог осложнить дальнейшие отношения с Австрией. В такой ситуации Петр должен был понимать, что и визит в Венецию не принесет никаких политических результатов: венецианское правительство тогда занимало пассивную позицию и всецело ориентировалось на Австрию.

Именно так характеризует сложившуюся ситуацию Устрялов: «В Вене ничего более делать не оставалось: все, что могло занять любопытство Царя, было пересмотрено; видел он арсеналы, кунсткамеры, библиотеки, церкви, пышный двор; не видел только того, что не давало ему покоя ни днем, ни ночью: верфи, кораблей, моря. Шум морских волн был для него пленительнее императорских серенад, и он торопился посетить Венецию, чтобы взглянуть на ее славные галеры [...] Одно только препятствие задерживало Петра в Вене: послы, которых он хотел взять с собой, не могли выехать без нарушения этикета, не быв на торжественной аудиенции у цезаря»²².

Получив тревожные известия из Москвы, Петр понимал необходимость быстрого возвращения в Россию, но посольство не могло выехать до приема его Леопольдом I. В этом положении вполне оправданным кажется желание царя воспользоваться несколькими свободными днями, чтобы своими глазами увидеть Венецию. Этот визит он старался скрыть не столько от австрийцев, сколько от венецианского правительства, потому что официальные церемонии затянули бы визит по крайней мере на неделю. Скрывшись среди волонтеров, спутников Меншикова, Петр полностью сохранял свободу действий и передвижений, чтобы не терять времени зря на протокольную часть и видеть то, что его интересовало в первую очередь. Подобное решение было не только целесообразным, но и соответствовало характеру царя, нередко удивлявшего современников своим экстравагантным и непредсказуемым поведением. К тому же участие Петра I в Великом посольстве не было официальным, и он путешествовал как частная персона — некий Петр Михайлов.

К сожалению, мы не располагаем подробной информацией о том, что мог видеть Петр в Венеции. Вероятно, он все-таки посетил Арсенал, хотя бы потому, что недалеко от Арсенала находятся обе церкви, о которых упоминал неизвестный конфидент — Сан Джованни Нуово и Санта Мария Формоза. Однако в любом случае царь вряд ли мог хорошо познакомиться с Венецией за один день своего пребывания там. Тем не менее даже этого срока достаточно, чтобы запомнить Венецию на всю жизнь и получить общее представление об этом удивительном городе. Отсюда могут быть сделаны далеко идущие выводы.

Принято считать, что на планировку Санкт-Петербурга оказало воздействие знакомство Петра Великого с Амстердамом. Теперь это положение может быть подвергнуто некоторой корректировке. Судя по всему, образ Венеции с ее островами и каналами, ее уникальное географическое расположение также учитывались при основании и строительстве города на Неве. И если позднее Санкт-Петербург стала сопровождать слава «северной Венеции», то это сходство, возможно, было изначально заложено его основателем²³.

За консультации и советы, которыми автор пользовался во время работы над текстом, он выражает глубокую благодарность Е. В. Анисимову.

1. Журнал 205-го года. В кн.: Журналы и камер-фурьерские журналы 1695—1774 годов. М. 1867, с. 27.
2. ШМУРЛО Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования Императора Петра Великого. Т. I. 1693—1700. Юрьев. 1903 (далее — Сборник документов); его же. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 года.— Ученые записки Юревского университета, 1898, год 6, № 1, с. 23; БОГОСЛОВСКИЙ М. М. Петр I. Т. II. М. 1941, с. 536.
3. Сборник документов, с. 417, № 551; с. 446, № 575; с. 449, 450, № 578—579; с. 447, № 576; с. 499, 500, № 628; с. 442, № 571; с. 514, № 650.
4. Там же, с. 456, 457, № 587; с. 429, № 563; с. 453, № 583.
5. Журнал 205-го года, с. 28; УСТРЯЛОВ Н. История царствования Петра Великого. Т. III. СПб. 1858, с. 28; Сборник документов, с. 691; БОГОСЛОВСКИЙ М. М. Ук. соч., с. 522.
6. Журнал государя Петра I с 1695 по 1709, сочиненный Бароном Гизеном. В кн.: Собрание разных записок и сочинений... о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого. Ч. III. СПб. 1787, с. 86; УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., с. 149; БОГОСЛОВСКИЙ М. М. Ук. соч., с. 543.
7. Сборник документов, с. 491—493, № 621; с. 493, № 622.
8. Там же, с. 496, № 624; Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. I. СПб. 1887, с. 266, № 252.
9. Сборник документов, с. 503—505, № 636.
10. Там же, с. 514, № 650; с. 479—490.
11. БОГОСЛОВСКИЙ М. М. Ук. соч., с. 542, 546; Сборник документов, с. 505, № 637; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. IX. СПб. 1868, с. 26, 27.
12. Цит по: БОГОСЛОВСКИЙ М. М. Ук. соч., с. 538.
13. Сборник документов, с. 498, № 626; с. 507, № 639.
14. Там же, с. 461, № 593.
15. Там же, с. 465, № 599; с. 466, № 599 (прил.).
16. Там же, с. 426, № 562, I.
17. Журнал путешествия на остров Мальту боярина Бориса Петровича Шереметева в 1697—1699 годах. В кн.: Памятники дипломатических сношений. Т. X. СПб. 1871, с. 1691, 1692.
18. Сборник документов, с. 427, № 562, IV.
19. Там же, с. 428, № 562, V.
20. Там же, VI.
21. Журнал 205-го года, с. 30.
22. УСТРЯЛОВ Н. Ук. соч., с. 135.
23. Казалось бы, аргумент против высказанной нами гипотезы дает письмо Петра Великого архитектору Ивану Коробову от 7 ноября 1724 г., в котором царь противопоставляет Францию, где он был, Италии: «Во Франции я сам был, где никакой архитектуры нет и не любят, но только гладко и просто и очень толсто строят [...] о Италии довольно слышал, к тому же имеем трех человек русских, которые там учились и знают нарочито» (цит. по: Архив Санктпетербургского филиала Института российской истории РАН, ф. 270, д. 107, л. 404). На самом деле текст этого письма Петра не содержит категорического отрицания пребывания в Италии. К тому же под Италией он явно подразумевает Рим, а не Венецию: именно в Риме обучались упоминаемые им русские ученики архитектуре.

Человек, время, религия (средневековая Индия)

Е. Ю. Ванина

В древних памятниках Индии человек рассматривался как воплощение космических законов, уменьшенная копия мироздания. В этой связи физическая природа человека и различные части его тела наделялись особой символикой, на них как бы проецировали Вселенную. Впоследствии, как это отражено в пуранах — оформившихся в раннее средневековье священных преданиях индуизма, символизм отступает на задний план, а наибольшую ценность приобретают социальное лицо человека и его поведение, обусловленное принадлежностью к конкретному общественному слою. В средневековых источниках обнаруживаем среди всего разнообразия идей и воззрений некий общий взгляд на человека, который можно считать господствующим. Он состоит в том, что человек в феодальной Индии воспринимался не сам по себе, не как личность, а как член определенной касты — социальной и конфессиональной группы, наследственная принадлежность к которой должна определять его поведение от рождения и до конца жизни. Каста была и домом человека, и его окном в мир. Ее обычаи регулировали все стороны человеческого бытия и любые связи с другими людьми. Согласно догматам индуизма кастовый статус, который получал человек в момент рождения, определялся его поведением в предыдущие рождения. Этот статус сохранялся за личностью до смерти и вплоть до мельчайших деталей предписывал ее поведение во всех случаях жизни¹.

Вот почему, если героям древних и средневековых индийских памятников приходилось по ходу сюжета менять свой облик или скрывать происхождение, сделать это им, как правило, не удавалось, и окружающие легко догадывались, что, допустим, Рама или Лакшмана — вовсе не отшельники, а воины-кшатрии, Драупади — это принцесса, но не служанка. Типично повествование «Семьдесят рассказов попугая»: хлебнув лишнего, некий горшечник свалился на свои изделия и поранил лицо, а царь, приняв его за украшенного шрамами отважного воина, назначил военачальником. Горшечник охотно принимал положенные новому статусу почести. Но стоило вспыхнуть войне, как он мгновенно обнаружил свою истинную природу.

Схожий мотив — в средневековой басне о шакале: свалившийся в чан с индиго, синий шакал был принят животными за некое существо высшего порядка и избран царем. Однако, когда с наступлением ночи шакал услышал вой собратьев, он немедленно присоединился к ним и был разоблачен. Средневековые авторы, равно как их читатели и слушатели, были убеждены, что каста определяет любые поступки

Ванина Евгения Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

человека, его чувства и природу, которые скрыть или изменить невозможно. Подобные представления во многом распространены в массовом сознании индийцев и поныне ².

Если же, как нередко случалось в реальной жизни, люди из низших каст занимали благодаря своим способностям или стечению обстоятельств высокие посты, порою даже царский трон, либо проявляли несвойственную им, походящему представлению, доблесть и мудрость, средневековые авторы, выходя из такого положения по-разному, стремились как-то спасти главный принцип. В кашмирской хронике Калханы «Раджатарангини» (XII в.) мудрец и ученый Суйя был неприкасаемым чандала. Чтобы смягчить связанное с этим обстоятельством противоречие, хронист сообщает, что Суйя не принадлежал к низкой касте по рождению, а был лишь воспитан женщиной-чандала, которая «вырастила его, не оскверняя прикосновением».

Соответствие такой версии здравому смыслу никого не тревожило. Вообще всякий раз, когда по ходу сюжета традиционный подход мог пострадать, авторы стремились снять противоречие. Герой или героиня, которые из-за принадлежности к низкой касте не могут обрести любовь тех, кто выше их по статусу, оказывались на самом деле царскими детьми, похищенными в детстве. Не менее популярным было проклятие, дескать, обрекавшее кого-либо из небожителей родиться в низшей касте. Такие ухищрения помогали избегать конфликта с зафиксированными в священных книгах и укрепившимися в сознании догмами. К подобным же способам, хотя бы и модернизированным, нередко прибегают в наше время сценаристы в индийском кино.

Дело заключается не в том, что средневековые авторы стремились сознательно удержать свою аудиторию в рамках традиционных воззрений, хотя элемент социального заказа имел тогда место. Просто тогдашние люди, включая самых образованных и мудрых, мыслили и воспринимали общество в данных рамках. Все, что противоречило кастовому подходу к оценке человека, могло оказаться либо ошибкой природы или богов, либо иллюзией и обманом, но всегда лишь исключением, подтверждающим правило. Рано или поздно истинная природа человека должна была проявиться ³.

Итак, любой человек воспринимался как член определенной социальной группы, а оценочная его характеристика целиком зависела от того, насколько его поведение соответствовало кастовому статусу и кастовой дхарме. Жизнь по сути дела оказывалась не чем иным, как исполнением дхармы — суммы прав и обязанностей, предписанных свыше каждой касте, причем именно своей дхармы, но ни в коем случае не чужой. Как гласит «Бхагавадгита», лучше плохо исполненная своя дхарма, чем хорошо исполненная чужая. Характер человека, его взгляды на мир и поведение в различных ситуациях оказывались заранее заданными кастовым положением. Таким же оказывалось отношение окружающих людей к личности.

Тем не менее, лишь на поверхностный взгляд средневековый индеец может считаться машиной, навсегда отрегулированной в режиме кастовых законов и обычаев. Часто эти законы и обычаи вступали в конфликт с реальностью, с интересами и чувствами человека. В драме Бхавабхути «Уттара Рамачарита» (VIII в.) классический сюжет «Рамаяны» превращен в трагедию. Неукоснительное следование дхарме, которое в глазах многих поколений индийцев оставалось главным достоинством Рамы, автор не превозносит, как того требовали моральные каноны, а осуждает, превращая идеального эпического героя в сложную, раздираемую внутренними противоречиями фигуру. Слепо и фанатично поклоняясь древнему закону, герой приносит в жертву дхарме семейное счастье, отталкивает от себя родных, друзей и тот самый народ, глашатай дхармы, во имя служения которому была принесена жертва ⁴.

И все же выполнение кастовых законов осталось критерием оценки человека. Кастовая принадлежность была той основой, на которой базировались достоинства и недостатки, вкусы и привычки, самая природа человека. Не случайно герой индийской средневековой литературы статичен, а его характер заранее определен его кастовой принадлежностью, да и сами памятники были сословными, ориентированными на ценностные категории определенных социальных групп. Поэтому в средневековой Индии легко выделяется, несмотря на жанровое и языковое разнообразие, литература «рыцарская», воспевавшая героические подвиги и любовные похождения

феодалных властителей, затем городская, ориентированная на торгово-ремесленные слои города, и сельская. Сословный характер этих памятников выражался в том, что они раскрывали мир глазами конкретной социальной группы, а упомянутые в них люди воплощали положительные идеалы своей касты.

Герой «рыцарской» литературы изначально благороден и отважен от рождения, его противники тоже не менее доблестны и благородны, принадлежа к той же социальной группе, почему и не могут быть трусливыми или подлыми. Противник может напасть на героя, похитить его возлюбленную, оспорить права на царство, но и тут нет ничего дурного, ибо он выполняет ту дхарму, которой было предписано его поведение. После кровопролитного поединка такие герои часто расстаются друзьями или обмениваются комплиментами. В «Уттара Рамачарите» племянник Рамы Чандракету совершает от имени дяди ашвамедху — обряд жертвоприношения коня, дававший царю право на верховную власть над округой. Воспитанник отшельников Лава пытается помешать Чандракету и вызывает его на бой. Это воспринимается Рамой как естественное для кшатрия поведение: «Доблестный человек не может допустить, чтобы кто-то превзошел его славой. Такова его истинная природа, и это украшает кшатрия». Поединок заканчивается обменом любезностями⁵.

Такая зарегулированность поведения с ориентацией на сословные и кастовые ценности, и прежде всего — на примеры родителей и предков, характерна для средневековой культуры. В средневековой Европе человек тоже воспринимался как член того или иного сословия, а самые ценности, называемые общечеловеческими, имели четкую сословную ограниченность. Если вынести за скобки религиозную и этническую специфику, видно, что герои рыцарской литературы как западноевропейского, так и индийского средневековья имели массу общих черт: врожденную отвагу, щедрость (богатство их заключалось не в том, сколько они имеют, а в том, сколько добывают своим мечом и раздают), преданность сословному долгу, презрение к смерти и детально разработанный этикет, отступление от которого означало бесчестье. Много общих ценностей обнаруживают, равным образом, герои средневековой городской литературы Индии и Западной Европы⁶.

Очевидно, что если характер человека проистекал из его сословно-кастовой принадлежности и был врожденным, то никаких временных изменений он не мог претерпеть. Стало быть, представления о человеке оказывались непосредственно связанными с потоком времени. Для средневекового индийца время было непрерывной чередой вечно повторяющихся циклов. Цикличность свойственна живой природе. Постоянная смена времен года диктовала не только ритм полевых работ, но и всю деятельность человека: с наступлением определенного сезона связывали свои военно-политические действия государи. Для исторических памятников был характерен специфический жанр «барах маса», то есть 12 месяцев, описывавший состояние природы в конкретное время года и соответствующее ему настроение человека: палящий зной обозначал страдание в разлуке, благословенная прохлада осени — счастье обретенной любви.

Соответственно и жизнь человека делилась на циклы — ашрамы. В зависимости от возраста брахман проходил стадии ученика-брахмачарина, домохозяина-грихастхи, в старости становился отшельником-ванапрастха и аскетом-саньяси (иногда две последние стадии соединялись в одну). Эту схему не воспринимали и не воспроизводили буквально. Для небрахманских каст ученичество могло означать не изучение священных текстов, а воспитание, приобщение к кастовым ценностям и кастовой профессии. Главное, что жизнь человека рассматривалась как повторяемый цикл, что связано с идеей перерождения. Последователи религий, не признававших перерождения, тоже разделяли представления о цикличности человеческой жизни и времени. Несмотря на любые религиозные и этнокультурные различия, средневековые индийцы воспринимали время как вращение колеса, ось которого неподвижна и закреплена в пространстве. Это означало, что изменения могли происходить внутри цикла, имевшего четко определенные этапы, но не между циклами. Каждому живому существу предписан свыше цикл жизни, как живой природе⁷.

И для средневекового человека время менялось от зимы к лету, от рассвета к закату, но при том «стояло на месте». Поэтому у героев средневековых памятников как бы нет возраста: они не меняются на протяжении всей жизни ни внешне, ни внутренне и всегда остаются молодыми и прекрасными. Герои и героини «Океана сказаний» Сомадевы описываются порою как сверстники своих детей или даже

14 лет изгнания никак не сказываются на красоте и юности Ситы. Благородные герои рыцарской литературы уже в детстве проявляют доблесть и отвагу, совершая беспримерные подвиги, да и вообще детство описывалось лишь для того, чтобы подчеркнуть врожденный характер добродетелей. Так же мыслили средневековые европейцы: в рыцарском эпосе «Кудруна» (XII—XIII вв.) подруга главной героини Хильдебурга, юная и прекрасная девушка, одновременно являлась подругой ее бабушки, что нисколько не смущало автора. Средневековый автор спокойно объединял в одном повествовании исторических лиц, живших в разное время. В «Бходжапрабандхе» Баллалы царь Бходжа (XI в.) изображен покровителем автора «Шакунталы» Калидасы, романиста Баны и драматурга Бхавабхути, отделенных столетиями и от Бходжи, и друг от друга.

Трудовая деятельность человека регулировалась циклами природы, а его поведение — кастовой дхармой и циклами жизни после его рождения. Движение же времени ощущалось внутри цикла, причем специфически: жизнь рассматривали как промежуток между двумя рождениями и как переход от одного возрастного состояния к другому. При этом возрастная статус человека имел большее значение, чем конкретное число прожитых лет, тем более, что средневековый индеец далеко не всегда мог назвать точную дату своего рождения. Главной целью жизни на каждом этапе было приближение к идеалу кастовых и сословных ценностей с повторением образа жизни предков. Возрастное развитие человека воспринимали только как количественное изменение (слабый — сильный, маленький — высокий, неопытный — опытный). Поскольку черты характера считались изначально заложенными, ребенок воспринимался как уменьшенная копия взрослого, но старик той же касты был уважаем больше, чем мальчик, а старик из низшей касты занимал подчиненное положение рядом с мальчиком-брахманом.

Если в отношении конкретного человека время воспринималось специфически, то в отношении общества течение потока времени ощущалось крайне мало. Историческое время было почти неотделимо от мифологического. Герои эпоса и других памятников не только сосуществовали (к отчаянию современных ученых) в сознании народа с реальными государями, но подчас в персонажах «Рамаяны» источники содержат более детальные сведения, действительно же существовавшие деятели словно окутаны туманом, не позволяющим точно определить время и место их деятельности.

Сознание средневековых индийцев было не более антиисторичным, чем сознание средневековых европейцев. Именно христианство принесло Европе новое представление о времени, которое из циклического стало линейным, получило начало и конец, то есть определенное развитие. А в массовом сознании циклическое и линейное время сочетались. Христианские праздники, расчленявшие год, подстраивались под природный цикл и соответствовавшие ему былые, языческие верования. Для хронистов библейские персонажи были столь же реальны, как современные им правители⁸.

Можно считать закономерностью средневекового сознания, будь то в Индии или в Европе, представление о том, что поскольку порядок в обществе установлен свыше, то никакие изменения не происходит, а если они происходят, то лишь к худшему. Средневековые индийцы и европейцы были едины в негативном отношении к новизне. Достоинством человека оставалась древность рода, достоинством государства — неизменность унаследованного от предков закона. В этом авторы индийских политических трактатов и «Саксонского зеркала» (сборник феодального обычного права, XIII в.) были полностью согласны. Государь, облеченный полностью власти, должен был прежде всего хранить в неизменности установленный свыше и унаследованный от предков порядок. Ни по собственной воле, ни для блага подданных он не мог создать новый закон, а мог лишь «вспомнить» его. Лучшей оценкой деятельности правителя было сравнение его с древними царями.

Термин «свободный» воспринимался в средневековой Индии не только в прямом смысле (тот, кто не раб и не пленник) и не только в смысле религиозно-философском (достигший мокши, то есть освобождения от мирских желаний и уз): он мог также означать своеволие и нежелание чтить древние обычаи, что даже в применении к царям носило резко отрицательный оттенок. Каждый автор стремился подчеркнуть, что его сочинение ни в коем случае не является оригинальным и лишь повторяет, пересказывает то, что утверждали еще древние авторитеты. Оригинальность, независимость в мыслях и поступках, «лица необщее выраженье»

оставались для средневековых индийцев и европейцев качествами предосудительными, если не преступными⁹.

Однако если христианство и ислам предполагают неизбежный конец света, то в индуизме время делится на четыре великие юги (эпохи): Крита, Трета, Двапара и Кали. Каждая последующая хуже предыдущей, а вместе они составляют махаюгу — великую эру, равную одной тысячной кальпы — дня Брахмы. Массовому сознанию в этой связи достаточно было ощущать, что, начиная с эпохи «Махабхараты», человечество живет в наихудшей из юг — Железном веке, концом которого будет (не конец света согласно христианской точке зрения) всеобщее разрушение, знаменующее собой начало новой махаюги. Главное же, что объединяло временные представления средневековых индийцев и европейцев, при всей несхожести их религий, — представление о том, что Золотой век уже позади, что время портится, развиваясь от хорошего к плохому. Вот почему в новизне нет и не может быть ничего положительного¹⁰.

В отличие от христианства индуизм не знал четкой церковной организации, которая могла бы блюсти каноны религии, одинаковые для всех. Да это было и невозможно в условиях, когда каждая каста имела свою дхарму, собственные законы и обычаи. То, что было священным долгом одного человека, другому могло стоить жизни. Но это не означает, что люди средневековой Индии были более свободны, чем их современники-европейцы. В Индии не карали за отличие от других людей в поведении, обычаях и религиозных обрядах лишь в случае, если, отличаясь от членов другой касты, человек полностью подчинялся требованиям и законам своей. За нарушение же кастовой дхармы, за образ жизни, противоречащий кастовым законам, его жестоко наказывали и государство, и сама каста. Подобно тому, как стояло на месте время, должен был оставаться неизменным общественный порядок, который, однако, обладал достаточной гибкостью, чтобы приспособляться к изменениям экономики и социальных отношений, к иноземному влиянию и чужеземным завоеваниям, к распространению новых религий. А человек имел мало случаев проявить свою индивидуальность. Само это понятие тогда либо отсутствовало, либо означало опасное и предосудительное своеволие.

Напротив, в странах Западной Европы дальнейшее развитие общества уже на поздней стадии феодализма было тесно связано с изменениями в подходе к человеку и в восприятии времени. Но, сравнивая Запад и Восток на рубеже средневековья и нового времени, следует избегать односторонности, не переносить наше знание конечного результата развития на весь исторический сложный и противоречивый процесс. Ведь это мы только сейчас знаем, что механические часы на башнях западноевропейских городов стали отзванивать конец средневековья; что пришедшие на смену идеальным героям средневековых памятников герои Возрождения с их сложными и спорными характерами олицетворяли общественный прогресс.

То, с чем Запад вошел в новое время, стало итогом сложного, противоречивого и неоднозначного процесса. Было бы упрощением видеть в нем лишь нарастающий поток позитивных перемен, переход от мрачного средневековья к новому обществу. Прогрессивные реформационные движения позднего средневековья, допустим — кальвинизм, одновременно несли с собой такие этические воззрения, взгляд на человека и культурные ценности, которые оказывались порою шагом назад по сравнению с феодальными воззрениями. Напомним, что в эпоху, когда творил И. Ньютон, европейцы продолжали сжигать ведьм и еретиков, причем протестантизм тут не уступал католицизму.

В отличие от Европы доколониальная Индия не знала механических приборов для измерения времени и не испытала поворот от циклического и мифологического восприятия времени к иному, столь много означавший для Западной Европы. Традиционные воззрения продолжали в Индии господствовать и позднее. Однако это не означает, что изменения не происходили. Просто они касались не столько повседневного, бытового восприятия времени (для чего индийские горожане использовали солнечные, водяные или песочные часы, а на городских площадях рядом с ними устраивали гонг, чтобы дальние жители могли услышать ход времени, и по гонгу же сменялась стража), сколько подхода к историческому времени.

К концу средневековья Индия имела развитую традицию летописания на разных своих языках, причем существовало летописание и официальное, и неофициальное, иногда открыто оппозиционное политике государя. Но самым главным было все же постепенное развитие представлений о том, что историческое время не стоит

на месте; что одна эпоха как-то отличается от другой; что герои и мудрецы древности принадлежат к иному времени и потому не во всем обязаны служить образцами. В повести Видьяпати Тхакура «Пуруша парикша» ее герой утверждает, что «нам слава героев былых не может служить примером», ибо из-за различий во времени «непригодны их идеалы»¹¹.

Источники XVI—XVII вв. характеризуют развитие подобных взглядов у таких авторов, которых можно называть вольнодумцами. В XVI в. то были сподвижники могольского падишаха Акбара (1542—1605), осуществившего ряд крупных реформ, направленных на создание централизованного государства. В окружении Акбара имелось немало высокообразованных, нетрадиционно мыслящих людей. Многие из них придерживались рационалистических воззрений и обрели в источниках звание просвещенных философов. Среди них — министр и друг Акбара, яркий мыслитель того времени Абу-л Фазл Аллами, крупный поэт его брат Файзи и их отец Шейх Мубарак, многие другие ученые, литераторы и государственные деятели, как индусы, так и мусульмане. Они подвергали критическому пересмотру традиционные воззрения и даже религиозные догмы, не щадя ни ислама, ни индуизма.

Одной из часто затрагиваемых ими тем было обличение консерватизма, слепого повиновения традиционным авторитетам. «Окостеневший во времени обычай подобен холодному ветру, разум — едва теплящейся свече», — писал Абу-л Фазл. В уста Акбара Абу-л Фазл вложил следующие слова: «Не нуждается в доказательствах то, что следовать законам разума похвально, а рабски подражать другим — дурно. Если бы подражание было достоинством, то все пророки следовали бы своим предшественникам [то есть ни один не смог бы основать новую религию.— *Е. В.*] ...Многие глупцы, поклонники традиций, принимают обычаи древних за указания разума и обрекают себя на вечный позор». Слепую веру в то, что «услышано от отца, начальника, родича, друга или соседа», отсутствие «духа исследования» Абу-л Фазл считал главной причиной религиозной розни, фанатизма и невежества¹².

В сочинениях этих просвещенных философов слово «свободный» приобретало новое значение: свободомыслящий, не желающий слепо руководствоваться старыми догмами. Файзи писал: «Для свободных людей ислам и неислам — одно. Мы относимся одинаково и к Каабе, и к храму. Ибо и храм, и Кааба — просто камни». «Время не стоит на месте, — замечает Рамдас, один из ведущих идеологов освободительного антимогольского движения маратхов в XVII в., — и никакой закон не может существовать вечно». Такая позиция подвергалась ожесточенным нападкам тех, кто видел в новых взглядах преступную ересь, угрозу религии и устоям.

Общественная мысль Индии позднего средневековья и начала нового времени отразила упорную борьбу между теми, кто настаивал на неукоснительном выполнении священных обычаев старины, и теми, кто считал, что не все постулаты, написанные много столетий назад, должны использоваться в изменившемся обществе. Эта полемика, в которой с обеих сторон участвовали лучшие интеллектуальные силы, впервые в индийской истории обнаружила различие в подходах к таким проблемам, как старое и новое, традиция и современность, религиозная догма и разум. Она впервые зафиксировала тогда и различия во взглядах на человека. Часто по разные стороны оказывались лица, принадлежавшие к одной религии и одному общественному слою. Оказались разделенными на врагов и сторонников «еретических реформ» Акбара многие его приближенные, сородичи, близкие друзья. Некоторым вольнодумцам вроде Абу-л Фазла или принца Дара Шукоха (1615—1659) их свободомыслие стоило жизни¹³.

Именно в позднее средневековье в Индии возник жанр автобиографии. Это отражало изменения в представлениях о человеке. О большинстве древних и средневековых авторов известны только легенды. Даже самое их имя могло быть лишь условным обозначением либо собирательным понятием, покрывавшим многих людей. Очень немногие средневековые произведения содержали реальные сведения о своих авторах, а дата создания указывалась крайне редко. В лучшем случае упоминался правивший тогда государь. Биографический жанр обладал той спецификой, что официальные биографии монархов и жития святых давали некий идеальный портрет, лишенный живых черт личности. Ведь цель подобной литературы состояла не в том, чтобы показать индивидуальность, отличия данного человека от других, а, наоборот, подчеркнуть соответствие его поступков сословно-кастовым нормам, этическим воззрениям и постулатам религии.

Биографии и жития писались по особым канонам. Созданные в различных регионах и в разное время, эти произведения были похожи друг на друга. Поэтому столь важным оказалось развитие в позднее средневековье автобиографической литературы. Она сосредоточивала внимание на индивидуальных чертах человека, отражала его возрастное, физическое и духовное развитие, показывала не идеал, а живой человеческий образ со всеми сложностями и противоречиями его внутреннего мира, причем нередко с изрядной долей самоиронии¹⁴. Происходила индивидуализация творчества вообще: большинство произведений того периода имеет не полуполюгендарных, а реальных авторов и четкую датировку. Последняя начинала применяться даже в житиях святых. Нередко повествование было окрашено личностным восприятием автора и содержало автобиографические мотивы.

И в миниатюрной живописи наблюдалась тенденция к отражению индивидуальных черт характера и внешности людей. Даже в изображении государей условно-канонический подход уступал место реальным портретным чертам, далеко не всегда лестным. Именно в то время индийцы стали проявлять особый интерес к европейской технике живописи, особенно портретной.

Возникновение и развитие новых представлений о человеке связаны с религиозно-реформаторскими течениями позднего индийского средневековья. Собираательные названия «бхакти», «суфизм», под которыми эти течения известны, не раскрывают всей их сложности, внутренней противоречивости, организационных и идейных расхождений. Идеи бхакти действительно могли заключать в себе протест против кастового неравенства, на что обычно обращают внимание исследователи. Вместе с тем они могли убедительно использоваться и для возвеличения кастового строя. Точно так же среди суфиев имелись и люди, обладавшие широким взглядом на мир, и твердолобые мусульманские фанатики. Одни были близки народу и его чаяниям, другие верно служили власти имущим.

И бхакти, и суфизм считали главным способом богопостижения не чтение священных текстов, не богословские изыскания, не выполнение предписанных обрядов, а всеобъемлющую любовь к богу и моральную чистоту человека. Глубоко эмоциональное восприятие верующим бога могло принимать любую форму: страстное влечение к возлюбленному, родительская нежность к ребенку, дружеское чувство. Все эти формы воспринимались как истинная, внутренняя сущность религии и противопоставлялись внешним атрибутам культа. Обряды, священные тексты, канонический язык, аскетические подвиги, а также профессиональное жречество — становились ненужными. Бог бхактов и суфиев понимал любой язык, лишь бы это был искренний язык сердца.

Такой бог был душевно близок верующему и не нуждался ни в храмах, ни в мечетях. Путь спасения был открыт любому человеку, который искренен в любви к богу, чист, милосерден и добродетелен в делах и помыслах. Такой подход возвеличивал конкретного человека и выводил на первый план не слепое подчинение общепризнанным канонам, а индивидуальное, глубоко личностное восприятие бога и мира. В исторических памятниках, оставленных бхактами и суфиями, всегда присутствует первый план как обычное, земное человеческое чувство и второй план как мистическая любовь к божеству. Они органично сосуществуют, переходя один в другой.

Но этим роль религиозно-реформаторских течений в формировании нового подхода к человеку не ограничивалась. Поскольку путь к познанию бога и спасению, который предлагали реформаторы, не был связан ни с исполнением обрядов, ни со знанием священных текстов, он становился доступен любому, будь то мужчина или женщина, брахман или шудра, индус или мусульманин, богач или нищий. В результате изменялись традиционные критерии чистоты и праведности: брахман, ревностно выполняющий обряды, но «не видящий пятен в собственной душе», оказывался ниже искренне верующего и чистого духом неприкасаемого.

Именно суфии и бхакты впервые подвергли сомнению сословный подход к человеку, традиционный для средневековья. Святость, чистота, добродетель не зависят от касты, говорили реформаторы. Брахману, которого надлежало почитать лишь за то, что он родился в высшей касте, крупнейший проповедник бхакти Кабир бросил в лицо: «Хорош ты снаружи, внутри тебя мусор!». Зато Равидас, другой известный проповедник бхакти, был для Кабира святым несмотря на свою принадлежность к неприкасаемой касте чамаров¹⁵.

Для средневековой Индии преодоление сословно-кастового подхода к человеку оказалось гораздо более трудным, чем для Западной Европы, где рыцарь и виллан, нищий подмастерье и богатый бюргер были равны перед богом и стояли в храме рядом, проходя через одни и те же обряды, читая одни и те же молитвы. В Индии же люди разных каст были неравны даже в храме, а неприкасаемым вовсе не было туда доступа. Тем более они оставались неравными вне храма. Для представителя высшей касты метельщик или кожевник был не просто низким и презренным, а ритуально нечистым, оскверняющим на расстоянии. Тут заслуга реформаторов становилась еще более весомой. Они поставили под сомнение незыблемые догмы, заявив, что «для бога безразлично, нищий ты или раджа»; «бог не спрашивает касту и род»; высмеяли самую идею осквернения. «Чего же стоит ваша святость, если ее оскверняет прикосновение?» — говорил Рамдас. Они впервые отдавали приоритет не происхождению человека, а его душевным качествам, чистоте помыслов и устами наиболее радикальных мыслителей осмелились задать вопрос, который и в современной Индии некоторыми воспринимается, как крамола: «Разве оскверняется луч солнца, упавший на дом неприкасаемого? Разве не в грязи растут лотосы, которые мы приносим к статуе бога? Разве не все мы одинаково попираем ногами землю? Откуда же тогда взялась каста?»¹⁶.

Но и этим не исчерпывалось влияние религиозно-реформаторских течений на представления о человеке. С началом «мусульманского периода» истории Индии сословный подход к человеку был дополнен еще и конфессиональным. Конкретный человек воспринимался теперь не только как член данной касты, но и как индус или мусульманин. Государственная доктрина строилась так, что правитель выступал выразителем интересов и защитником своих единоверцев, их «истинной» религии, а все прочие (кафиры — немусульмане, млечча — неиндусы) могли рассчитывать лишь на терпимость. В целом отношения между религиозными общинами в средневековой Индии отличались достаточной терпимостью, хотя обе стороны не испытывали недостатка в фанатиках, готовых осудить мусульманина за участие в индусских праздниках, а индуса — за наслаждение персидскими стихами-газелями.

Терпимость диктовалась здравым смыслом. Вместе с тем она означала лишь необходимость мириться с существованием кафиров и млечча, исходя из безусловной уверенности в истинности своей веры и ложности чужой, наказание же за следование ложной религии непременно должно было последовать в ином мире. Авторы мусульманских хроник не упускали напомнить, что индусов, хотя бы речь шла о смерти кого-либо из крупных государственных деятелей, ждет ад. Даже доблесть, мудрость и заслуги перед государством не могли перечеркнуть греха — принадлежности к неверным. В свою очередь, в глазах индусов мусульмане были отдельной кастой, имевшей собственную дхарму. Но и индусская княжна, выданная замуж за могольского падишаха, становилась неприкасаемой и лишалась права сидеть за одним столом с родственниками. Монарху-млечча можно было покориться, но царский титул не делал его равным высококастовому индусу.

Одновременно индийское средневековье было отмечено взаимообогащением и взаимовлиянием индусской и мусульманской культур. Результатом явились выдающиеся произведения литературы, музыки, архитектуры, а для науки оказалось благотворным, когда врач-индус открывал для себя сочинения Ибн Сины, а врач-мусульманин — Чараку и Сушруту. Но главным постижением, которым Индия обязана этому процессу, стало развитие взглядов, отрицавших конфессиональный подход к человеку и его оценке. Это развитие нового подхода шло как бы на двух уровнях: наверху и внизу.

В народной среде для популярных проповедников бхакти и суфизма внешние атрибуты культа были мишурой не раскрывавшей истинной сущности религии. Данная сущность по их мнению состояла в том, что бог един, и вообще неважно, как человек именует его, на каком языке и в каком храме молится, лишь бы вера была искренней, а жизнь — честной и праведной. Богу безразлично, называет ли себя человек индусом или мусульманином; он может быть ни тем, ни другим, либо тем и другим сразу; различия между религиями и вражда между ними — глупость либо обман, который сознательно поддерживают муллы и брахманы. Наверху, в среде образованной элиты, эти идеи сочетались с рационалистическим отношением к букве религиозных учений.

Предпринятые учеными-вольнодумцами сравнительные исследования инду-

зма, ислама, других религий привели к выводу, что все религии имеют много общего и потому представляют собой разные, но равным образом истинные пути к богу. Поскольку ни одна религия не свободна от неразумных обычаев и устаревших догм, никто не должен объявлять одну веру истинной, а остальные — ложными. Религиозная реформа Акбара, проводившаяся под влиянием идей просвещенных философов, объявила религию частным делом человека, а все вероисповедания — одинаково истинными. Религиозная принадлежность исключалась из критериев оценки человека.

Появление в общественной мысли Индии течений, отрицавших конфессиональный подход к личности, стало значительным явлением мировой культуры. Ведь даже наиболее прогрессивная мысль Запада конца средневековья и начала нового времени не пришла к тому, чтобы распространить на нехристианский мир гуманистические воззрения. Язычников, схизматиков, неверных там можно было в лучшем случае пожалеть и как можно скорее наставить на путь истинный, добром либо неволей¹⁷. Но вплоть до эпохи романтизма самые просвещенные европейцы не смотрели на нехристианина как на равного себе и вместе с тем как на иного человека, чьи религия и культура не ложны, а просто другие. Новый подход к личности, который начала вырабатывать в позднее средневековье передовая мысль Индии, развивался в течение последующих столетий в острой борьбе с противоположными воззрениями и представляет собой важнейший, но до сих пор недостаточно оцененный по достоинству вклад индийцев в мировую культуру.

Примечания

1. Общественная мысль Индии: проблемы человека и общества. М. 1992, с. 40—59.
2. Индийская средневековая повествовательная проза. М. 1982, с. 111; КУЦЕНКОВ А. А. Эволюция индийской касты. М. 1983, с. 200—202.
3. СЕРЕБРЯКОВ И. Д. Литературы народов Индии. М. 1985, с. 123; его же. «Океан сказаний» Сомадевы как памятник индийской средневековой культуры. М. 1989, с. 138—139.
4. Bhagavadgita, III, 35. Lnd. 1948, p. 146—147.
5. Bhavabhuti's Rama's Later History of Uttara Rama-Charita. Oxford. 1915, p. 15—44, 86.
6. ГУРЕВИЧ А. Я. Категории средневековой культуры. М. 1984, с. 214—218; Сомадева. М. 1982, с. 398—402.
7. ЧАНД Б. Притхвирадж-расо. Удайпур. 1955, с. 26—27 (на дингале и хинди); МУКУН-ДОРАМ Ч. Песнь о благодарении Чанди. М. 1980, с. 98—99.
8. Кудруна. М. 1984, с. 118, 351; Индийская средневековая повествовательная проза, с. 323—324; ГУРЕВИЧ А. Я. Ук. соч., с. 128.
9. ГУРЕВИЧ А. Я. Ук. соч., с. 136; Саксонское зеркало. М. 1985, с. 13, 15; Шукранити. Бомбей. 1925, с. 2—5 (на санскрите и хинди); Сомадева, с. 7; ДЕ ТРУА К. Эрек и Энида. М. 1980, с. 59.
10. ТУЛСИДАС. Рамаяна, или Рамачаритаманаса. М. 1948, с. 839; ГУРЕВИЧ А. Я. Ук. соч., с. 133—134.
11. ABU-L FAZL ALLAMI. Ain-i Akbari. Vol. III. Delhi. 1978, p. 17—18; Индийская средневековая повествовательная проза, с. 269—271.
12. ABU-L FAZL ALLAMI. Op. cit., p. 5, 427—428.
13. NIZAMI K. A. Akbar and Religion. Delhi. 1989, p. 211; ПАМДАС. Дасбодх. Бенарес. 1966, с. 423 (на хинди); RIZVI S. A. A. Muslim Revivalist Movements in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Agra. 1965, p. 167—175.
14. Литература и культура древней и средневековой Индии. М. 1979, с. 163—176; ABU-L FAZL ALLAMI. Op. cit., p. 478—524; БАНАРАСИДАС. Ардхакатханака. Джайпур. 1981, с. 222—275 (на хинди).
15. АШРАФЯН К. З. Средневековый город Индии (XIII — середина XVIII века). М. 1983, с. 141; Кабир. Бомбей. 1960, с. 231, 237, 271 (на хинди).
16. СУРДАС. Сурсагар. Матхура. 1970, с. 48, 176 (на хинди); ШАРМА Б. П. Сантгуру Равидас вани. Дели. 1978, с. 90—91 (на хинди); JOSHI T. Social and Political Thoughts of Ramdas. Bombay. 1970, p. 43; RICE E. P. Kanarese Literature. Calcutta. 1921, p. 73.
17. См. Эразм Роттердамский и его время. М. 1980, с. 244—275.

Н. А. Попов как историк и общественный деятель

В. В. Кириллов

Имя Нила Александровича Попова, историка и общественного деятеля второй половины XIX в., в настоящее время почти забыто и известно лишь небольшому кругу специалистов. Между тем его научный, педагогический и общественно-политический вклад в культурную жизнь России весьма значителен.

Он родился 28 марта 1833 г. в небогатой и скромной по своему общественному положению семье. Глава ее А. Г. Попов, происходивший из духовного сословия, в 1831 г. был назначен учителем русского языка в Бежецкое гражданское училище. Позднее он стал смотрителем этого училища. В 1839 г. он получил чин коллежского ассессора, что давало ему право на потомственное дворянство ¹.

Несмотря на то, что семья была большая (13 детей) и не имела достаточных средств, все дети получили образование. Нил (второй сын) в 1850 г. окончил с золотой медалью Тверскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета ². Здесь преподавали тогда Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. М. Соловьев. Но именно Соловьев оказал наиболее сильное влияние на молодого слушателя. Попов подготовил одну из первых своих студенческих работ «История вопроса о русской начальной летописи», которая была отмечена медалью факультета. А незадолго до окончания университета он напечатал свое первое историческое сочинение — «Древние и новые греки» ³.

После завершения образования молодой ученый с 25 марта 1855 г. по 18 октября 1857 г. преподавал историю в 4-й Московской гимназии. Одновременно он успешно заявил о себе как автор статей на исторические и культурные темы в газетах «Московские ведомости» и «Русский вестник». Это были такие статьи, как «Русская дипломатия в XVIII столетии», «О собрании писем царя Алексея Михайловича», «Королева Варвара. Исторический рассказ» и др. ⁴. Сотрудничал Попов и в иных периодических изданиях.

Благодаря этому по рекомендации Соловьева он занял место адъюкта кафедры русской истории Казанского университета, где преподавал и готовил материалы к магистерской диссертации о В. Н. Татищеве, не прерывая своей литературно-публикаторской деятельности в различных газетах и журналах. Из его статей в свое время обратила на себя внимание общественности работа «О биографическом и уголовном элементе в истории», в которой автор старался «установить основы для суждений о деятельности исторических лиц в связи с государственной, общественной и частной их жизнью» ⁵.

В 1859—1860 гг. Поповым было напечатано несколько исследований, материалы для которых были почерпнуты из архивных и малоизвестных старопечатных источников. Таковы статьи «Путешествие в Италию и на остров Мальту стольника П. А. Толстого в 1697 и 1698

Кириллов Виктор Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного открытого педагогического института.

г.», «Придворная проповедь в царствование Елизаветы Петровны». Тогда же он издал «Материалы для истории морского дела при Петре Великом в 1717—1720 гг.», представлявшие собой переписку разных лиц с Петром I и его кабинет-секретарем А. В. Макаровым, относящуюся к морскому делу и морским кампаниям, а также бортовой журнал фрегата «Мальбург» за 1719 год ⁶.

В августе 1860 г. Попов возвращается в Москву и становится преподавателем Московского университета. 13 октября 1860 г. он прочел вступительную лекцию «По поводу современных вопросов в русской исторической литературе», тогда же опубликованную. Эта лекция касалась значения трудов В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина при изучении русской жизни XVI — начала XVIII веков. 15 сентября 1861 г. Попов защитил в Московском университете диссертацию «Татищев и его время». Официальные оппоненты — декан историко-филологического факультета С. М. Соловьев и профессор С. В. Ешевский — высоко оценили исследование молодого ученого, а в 1863 г. его труд был удостоен Демидовской награды Российской Академии наук.

В отзыве А. А. Куника на это сочинение Попова говорилось: «Литература о Татищеве не очень обширна и вообще незначительна. До сих пор мы имели только биографические очерки, авторы которых так мало изучали свой предмет, что даже и печатными материалами пользовались недостаточно тщательно. Г. Попов не только познакомился со всеми печатными материалами, но, сколько ему было возможным, старался отыскать и новые, еще неизвестные источники для жизнеописания Татищева; и его старания в этом отношении остались не без успеха. Главная заслуга автора состоит в том, что он разработал историю служебной деятельности Татищева и этим дал возможность объяснить, как этот сподвижник Петра Великого понимал должность государственного человека в преобразованной России» ⁷.

В качестве приложения к монографии о Татищеве Поповым опубликованы подлинные документы — «Донесения Татищева в коллегии иностранных дел о его занятиях русской историей», «Предложения Татищева о сочинении истории и географии российской», «Доклад Татищева императрице Елизавете Петровне о волжских казаках» ⁸. И хотя советская историография считала эту монографию слабой в теоретическом отношении, главное заключается в том, что в ней впервые на огромном архивном материале была представлена биография этого выдающегося государственного деятеля и ученого ⁹. Попова как историка всегда отличало доскональное знание темы, живость изложения и легкость языка. Он придавал большое значение влиянию среды на развитие личности и считал биографический жанр в исторических исследованиях особенно плодотворным.

В 1862 г. Нил Александрович отправляется в двухлетнюю заграничную командировку с целью подготовки курса лекций по истории славянских народов. Он объехал Германию, Австрийскую империю, подолгу жил в Праге, Белграде и других славянских городах. Хорошо владея славянскими языками, он познакомился с бытом чехов, сербов, болгар, установил дружеские связи со многими славянскими учеными и писателями, а главное — на месте изучил тогдашнее положение славянских народов. Эта поездка наложила глубокий отпечаток на всю дальнейшую научную и общественную деятельность Попова.

В сентябре 1864 г. он возвращается на Родину и открывает в Московском университете курс лекций по истории южных и западных славян. Этот курс был прямым дополнением к филологическим лекциям известного слависта О. М. Бодянского. Одновременно Попов становится одним из самых активных членов Московского славянского благотворительного комитета, целью которого была нравственная и материальная поддержка национально-освободительной борьбы славянских народов. Вместе с М. П. Погодиным Нил Александрович устраивает славянский отдел на этнографической выставке 1867 года.

Долгие годы Попов был секретарем Славянского комитета, собирал денежные средства в помощь славянам, вел переписку с представителями Сербии, Черногории и других балканских государств, принимал их в России ¹⁰. Эту проблематику обстоятельно исследовал С. А. Никитин, который в своих монографиях обширно цитирует письма Попова, его публицистику, показывая его как одну из ключевых фигур (наряду с М. П. Погодиным и И. С. Аксаковым) в российском движении поддержки славянских народов ¹¹. Вместе с тем сегодня требует пересмотра изложенная в книгах Никитина точка зрения, оценивающая Нила Александровича как ярого консерватора, принадлежавшего к катковскому кругу, врага всего прогрессивного и т. п. Такая оценка не соответствует истинным его взглядам и во многом является следствием идеологизированного подхода к истории.

Довершением всех трудов Попова явилась его докторская диссертация, посвященная русскому покровительству Сербии. Она была написана на обширном дипломатическом материале и успешно защищена в 1869 году. В отзыве историко-филологического факультета

говорилось: «Обширное сочинение Н. А. Попова принадлежит к числу самых замечательных произведений нашей исторической литературы последнего времени». Далее в отзыве подчеркивалось, что в борьбе за независимость Сербии и в выработке ее правительственного строя «Россия принимала самое деятельное участие»¹². Диссертация Попова была удостоена Уваровской премии Академии наук, на основании отзыва проф. В. Богишича, который издал по этому поводу целую книгу. Он считал, что к данной работе надо относиться не как к «Очерку русского покровительства Сербии» по скромному его заглавию, а как к истории борьбы сербов за независимость и за свое государственное устройство в течение полувека возрождения Сербии.

В первом томе монографии были изложены события до 1839 г., то есть до отречения Милоша Обреновича от княжения, во втором повествование продолжено до возвращения Милоша на княжение в начале 1858 года. Характерная особенность работы Попова состояла в том, что автор выказал определенную независимость и беспристрастность в своих суждениях и оценках. Он откровенно говорит об ошибках русской дипломатии в отношении Сербии и как историк выявляет главные причины этих ошибок. Речь идет о помощи Порте со стороны России в принятии Сербией Устава 1839 г., что выдвинуло на первый план власть старейшин, усилило политическую борьбу в Сербии, влияние в ней Турции и Австрийской империи и привело к передаче законодательной власти в руки совета старейшин, отняв ее у князя и народа.

Как отмечает Е. П. Кудрявцева, это было первое, и, по-существу, единственное пока исследование, которое выделяло собственно сербскую тему из общей проблематики восточного вопроса в сфере внешней политики России¹³. В монографии Попова прослеживался весь ход борьбы сербского народа за национальную независимость, подробно освещалась политическая и дипломатическая поддержка, оказанная ему Россией. Характеризуя российскую политику на Балканах, автор повторял распространенный среди историков того времени тезис о мессианской роли России по отношению к христианским подданным Османской империи.

Спустя два года Попов издал новый труд по истории славянства — «Россия и Сербия после Парижского мира». Он излагал династические и государственные перемены, совершившиеся в Сербии в этот период. Позднее автором был добавлен материал под заглавием «Вторичное правление Милоша Обреновича в 1859—1860 гг.». Обе названные выше книги были переведены на сербский язык. К ним следует присоединить и статью «Сербия и Порты в 1861—1867 гг.».

Среди других сочинений Попова, касающихся истории славянства, необходимо назвать: рецензию на работу венского профессора А. Шемберга «О западных славянах в доисторическое время», а также исследование «Православная церковь в Далмации под Венецианским, Французским и Австрийским владычеством». Им также была издана переписка Н. И. Надеждина и М. П. Погодина с 1833 по 1860 г., имеющая важное значение для истории литературных связей между русскими и славянскими деятелями. Публикация была снабжена подробными биографическими, библиографическими и историческими комментариями¹⁴.

Став доктором русской истории, Нил Александрович получил звание экстраординарного (1869—1871 гг.), ординарного (1871—1882 гг.), и, наконец, заслуженного профессора (1882—1887 гг.). Более четверти века он преподавал в Московском университете, трижды избирался деканом историко-филологического факультета (1873—1876, 1877—1880, 1882—1885 гг.). В декабре 1883 г. Попов был избран членом-корреспондентом Академии наук по историко-филологическому отделению.

Попов состоял также казначеем и членом приготовительного собрания при Обществе любителей российской словесности, инспектором классов в Мариинском училище и председателем этнографического отдела при Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Нил Александрович долгие годы был связан с семьей С. М. Соловьева — был женат на одной из дочерей великого историка, Вере Сергеевне. Тепло и надежность отношений Сергея Михайловича и Нила Александровича характеризует то, что еще при жизни Соловьева главным хранителем его архива был назначен Попов. Он успел сделать большое количество копий и выписок из подлинных соловьевских бумаг, собирая материал для биографии ученого. После того, как домашние условия Попова стали непригодными для хранения ценного архива, он передал его прямым наследникам историка. В октября 1881 г. рукописи принял у Попова сын Соловьева Михаил Сергеевич¹⁵. Но впоследствии значительная часть этого архива была утрачена по вине детей С. М. Соловьева. В настоящее время о некоторых исчезнувших рукописях ученого можно судить лишь по их описаниям и копиям, сделанным Поповым и хранящимся в фонде Соловьева в рукописном отделе Российской государственной библиотеки.

Научные интересы и симпатии к архивному делу сближают в последние годы жизни Попова и ученого-архивиста Н. В. Калачова (1819—1885). Они начинают вместе работать, но в октябре 1885 г. Калачов умирает, и Попов продолжает его дело. Он становится директором, а затем управляющим Московским архивом Министерства юстиции. Ему удалось так организовать архивное дело, что была продолжена систематизация архива, подготовлено и опубликовано его описание, начатое еще при жизни Калачова, а также изданы «Акты Московского государства». Первый их том вышел в 1890 г. и включает дела Разрядного приказа с 1571 по 1634 год. Второй том был издан в следующем году и содержал документы Московского стола Разрядного приказа, относящиеся к 1633—1659 годам.

В последний период жизни Попов продолжал публикаторскую деятельность и по татищевской теме. Им были изданы «Ученые и литературные труды В. Н. Татищева», «Разговор В. Н. Татищева о пользе наук и училищ» с предисловием и указателем к нему. Попов продолжал также публиковать статьи: «Дело М. Верещагина в сенате. 1812—1816 гг.», «К вопросу о Супраслевской летописи», «К истории Московского университета. 1788 г.»¹⁶. По воспоминаниям П. Полевого, работа архива Министерства юстиции под руководством Попова резко изменилась в лучшую сторону, фонды его стали более доступны, и исследователей там встречали приветливо¹⁷. Этот пост Попов занимал до самой своей смерти, последовавшей 22 декабря 1891 г. (3 января 1892 г.— н. ст.).

Научно-педагогическое и общественно-политическое наследие Нила Александровна Попова занимает почетное место в развитии российской исторической науки и общественной жизни России второй половины XIX века.

Примечания

1. Памяти Нила Александровича Попова. М. 1892, с. 4.
2. Там же, с. 5.
3. ЯЗЫКОВ Д. Д. Ученая деятельность Н. А. Попова — Исторический вестник, 1892, № 2, с. 529.
4. Московские ведомости, 1855, № 47, 60, 62; Русский вестник, 1856, кн. 21; 1857, кн. 1.
5. Атеней, 1858, ч. VII, № 46.
6. Атеней, 1859, т. II, кн. 7—8; Летописи русской литературы и древности, 1859, т. II, кн. 3; ПОПОВ Н. А. Материалы по истории морского дела при Петре Великом. М. 1859.
7. Памяти Нила Александровича Попова. Записка академиков К. С. Веселовского и Н. Ф. Дубровина, читанная на заседании историко-филологического отделения Академии наук 8 января 1892 г. СПб. 1892, с. 3.
8. ПОПОВ Н. Татищев и его время. М. 1861, с. 657—658, 663—696, 640—648.
9. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М. 1960, с. 561.
10. Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ), ф. 231, п. 2, д. 122, с. 41—42.
11. НИКИТИН С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1878 гг. М. 1960; его же. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е гг. XIX в. М. 1970.
12. Памяти Нила Александровича Попова. СПб. 1892, с. 4; БОГИШИЧ В. Разбор сочинения Н. А. Попова «Сербия и Россия». СПб. 1872, с. 247, 4; ПОПОВ Н. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства с 1806 по 1856 г. М. 1869. Ч. I, с. VI, 363—365.
13. КУДРЯВЦЕВА Е. П. Россия и образование автономного Сербского государства. (1812—1833 гг.). М. 1992, с. 13—14.
14. ПОПОВ Н. А. Россия и Сербия после Парижского мира. М. 1871; Вестник Европы, 1879, № 2—3; Древность. Сб. Московского археологического общества. Т. III. 1866, с. 86—96; Православное обозрение, 1873, № 2—12; Переписка Н. И. Надеждина и М. П. Погодина. Вып. 1—3. М. 1879—1880.
15. ВОЛКОВА И. В. Сергей Михайлович Соловьев. Очерк жизни и творчества. В кн.: СОЛОВЬЕВ С. М. Общедоступные чтения по русской истории. М. 1992, с. 163; РО РГБ, ф. 239, п. 3, д. 5, с. 7; к. 10, д. 3, с. 1—40.
16. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), 1886, кн. 6; отдельное издание. СПб. 1886; Разговор В. Н. Татищева о пользе наук и училищ. М. 1887; Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1880, кн. 1; ЖМНП, 1887, кн. 12,3.
17. ПОЛЕВОЙ П. Нил Александрович Попов. — Исторический вестник, 1892, № 2, с. 526—527.

Кончина и похороны П. А. Кропоткина

В. Е. Баранченко

В ночь на 8 февраля 1921 г., в Дмитрове под Москвой, на 79-м году жизни скончался Петр Алексеевич Кропоткин. Потомок Рюриковичей, князь, которого пестовала сама царица, паж и царедворец, разносторонний ученый (географ, биолог, социолог, историк), он в 30 лет вступает в революционное движение, становится активным деятелем бакунинского крыла I Интернационала. В 1874 г. Кропоткин был задержан полицией и подвергнут тюремному заключению. Только в 1876 г. ему удалось совершить побег и эмигрировать в Швейцарию. В 1883 г. он был арестован и приговорен французским судом к пяти годам тюремного заключения за принадлежность к Международному товариществу рабочих. После кампании протестов видных ученых мира Кропоткина амнистируют. Он поселился в Лондоне и посвятил себя разработке теории анархизма, которую он противопоставил марксизму. Он становится фанатичным проповедником концепций абсолютной свободы личности, полного отрицания государства. Любое проявление власти человека над себе подобным он считает величайшим преступлением, всякое подчинение меньшинства большинству — насилием над волей человека.

В годы первой русской революции учение Кропоткина имело многочисленных сторонников в России, а еще больше — во многих других странах. В то время его имя становится знаменем вспыхнувшего на короткое время иступленно бурного, но лишь местами массового, анархистского движения в России. Между двумя революциями 1917 г. анархисты имели сторонников среди некоторых слоев трудящихся, а также среди студентов и матросов. Однако это совсем не было похоже на анархистское движение в рамках первой русской революции ни по напору, ни по глубине. После Октябрьской революции анархисты, продолжая придерживать прежних концепций, выступали против диктатуры пролетариата. Они совершали ограбления артельщиков советского Государственного банка, кассиров железной дороги и инкассаторов кооперативов, агитировали против продовольственных рабочих отрядов и нападали на них. Анархисты приняли участие и в террористическом акте в Леонтьевском переулке в Москве во время совещания пропагандистов при МК РКП(б).

В то же время наряду с анархистскими подпольными группами были и идейные анархисты, которые, как и сам Кропоткин в последние годы его жизни, стали на почву признания советской власти как социалистической, отказались от борьбы против органов диктатуры пролетариата. Они вели, как сами утверждали, лишь идейную пропаганду анархизма и его истории. Власть относились к ним терпимо: они имели свои легальные издательства и открытые клубы. Но не было твердо очерченной границы между идейными анархистами и их подпольными вооруженными группами, к которым примкнули и уголовники. Во многих случаях и легальные анархисты продолжали в своих газетах и на массовых собраниях клеймить большевиков, особенно их руководителей, советскую власть и диктатуру пролетариата. В Бутырской и других тюрьмах тогда сидели по этой причине некоторые анархокоммунисты, в том числе и последователи Кропоткина.

Во время первой мировой войны Кропоткин примыкает к социал-патриотам. Он

обосновал свою позицию, главным образом, тем, что «торжество Германии в этой войне значило бы порабощение всей Европы», а «о последствиях победы Германии над Россией думать не хотелось — так они были бы ужасны». Он рисовал картины захвата немцами Польши, Литвы, Бессарабии и Прибалтики, откуда они «смогут бросить двухсоттысячное свое войско с артиллерией, готовые итти на Петроград»¹.

После Октябрьской революции Кропоткин писал в разгар гражданской войны 28 апреля 1919 г. Г. Брандесу, историку, литературному критику, переводчику и популяризатору произведений Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. М. Горького: «Большевики пытаются... осуществить социализацию земли, промышленности и торговли. Изменения, которые они хотят провести, являются основным принципом социализма»².

В беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем в 1918 г. Кропоткин говорил, что рассматривает Октябрьскую революцию как попытку довести до... перехода к коммунизму и федерализму, а в беседе со скульптором И. Я. Гинцбургом утверждал, что «коммунизм больше других революционных форм приближает нас к осуществлению идеалов анархизма (то есть к безгосударственной организации общества.— В. Б.), служит как бы его этапом»³.

22 февраля 1919 г. Кропоткину за подписью В. И. Ленина было выдано удостоверение как «известному русскому революционеру». В удостоверении говорилось, что «все советские власти в тех местах Российской Федеративной Советской Республики, где будет проживать Петр Алексеевич Кропоткин, обязаны оказывать ему всяческое и всемерное содействие. Ни его вещи, ни его квартира и всякий другой живой и мертвый инвентарь... ни в коем случае не подлежат ни конфискации, ни реквизиции... представителям советской власти в этом городе (Дмитрове.— В. Б.) необходимо принять все меры к тому, чтобы жизнь Петра Алексеевича и его семьи была бы облегчена возможно более и чтобы он, находясь в таком преклонном возрасте, не нуждался бы ни в дровах, ни в чем другом, что ему будет необходимо»⁴. В то очень трудное, голодное время Кропоткин продолжал трудиться над своей «Этикой», так и не дописанной им до конца.

Как только стало известно, что Кропоткин заболел, 19 января 1921 г. из Москвы в Дмитров выехала специальным поездом особая правительственная медицинская комиссия во главе с наркомом здравоохранения Н. А. Семашко и управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичем. С этого дня была установлена телеграфная связь по прямому проводу между Кремлем и Дмитровом, откуда в Совнарком передавались ежедневные сообщения о состоянии Кропоткина. При больном дежурили врач С. М. Ивановский, работники Исполкома местных Совета и райкома, а также А. Атабекян, один из видных анархистов. В консилиумах участвовали проф. Д. Д. Плетнев и другие известные медики.

Вечером 6 февраля у больного наступил упадок сердечной деятельности. 7 февраля утром в 11 час. 15 мин. дочь Кропоткина Александра сообщила Бонч-Бруевичу, что отец ее находится при смерти, и просила разрешить В. Черкезову (близкому другу Кропоткина, видному анархисту) въезд в Россию из Грузии, так как «желательно его присутствие здесь». В полдень 6 февраля было решено, что «в случае неблагоприятного исхода болезни Кропоткина все заботы примет на себя Московский Совет. Днем, когда стало ясно, что состояние больного безнадежно, председатель исполкома Дмитровского Совета Гаврилов послал в Совнарком телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Просьба прислать гроб с полными принадлежностями, если можно сегодня же поездом в 7 часов». Поздно вечером того же дня из Дмитрова поступило сообщение, что Кропоткин агонизирует. 8 февраля в 3 час. 20 мин. оттуда передали по прямому проводу в Кремль: «Петр Алексеевич Кропоткин в три часа 10 минут утра тихо скончался»⁵.

8 февраля днем поступила телефонограмма на имя В. И. Ленина от Комиссии анархических организаций по устройству похорон П. А. Кропоткина: «Комиссия... просит Вашего распоряжения об освобождении из всех мест заключения анархистов для участия в похоронах Кропоткина». В тот же день Совнарком постановил: передать этот вопрос на рассмотрение ВЦИК, о чем и было сообщено во ВЦИК А. Енукидзе⁶.

9 февраля на имя Ленина поступило письмо от дочери Кропоткина, в котором она просила «освободить хотя бы на день похорон, для участия в них, тех товарищей анархистов, которые находятся в данный момент под арестом. Я также просила бы Вас не отказать в том же для тех из дмитровских кооператоров, которые сейчас находятся в Бутырской тюрьме. Бывший председатель Дмитровского союза кооперативов Василий Андриянович Рычков был за последние два года близким другом моих родителей: отец его очень любил и за время болезни, до последнего дня справлялся о том, «скоро ли их выпустят», и мать моя, и я очень желали бы видеть Василия Андрияновича на похоронах, а также его товарищей. Особенно это желательно ввиду того, что за последние два года, почти единственными друзьями моего отца

здесь, в Дмитрове, заботящимися об его физическом благополучии, были члены Дмитровского Союза кооперативов». Это письмо Ленин переслал Ф. Э. Дзержинскому.

10 февраля Президиум ВЦИК постановил «предложить ВЧК по ее усмотрению отпустить содержащихся в местах заключения анархистов для участия в похоронах П. А. Кропоткина»⁷.

Газета «Известия» от 9 февраля сообщила, что «Московский Совет объявил конкурс на устройство мемориальной доски при доме, где жил Петр Кропоткин в Москве, и в Дмитрове, где умер, для увековечения памяти великого революционера». Моссовет решил также похоронить Кропоткина на Новодевичьем кладбище, а все расходы по похоронам отнести на свой счет.

Зазвонили во все колокола анархистские газеты, издававшиеся тогда легально в Москве и в других городах: «Набат», «Анархия», «Голос труда». Анархисты, сидевшие в Бутырской тюрьме, подняли шум, требовали вызова Дзержинского к ним, объявили голодовку в память о Кропоткине. Многолюдно было в те дни в анархистских клубах, помещавшихся в самом центре Москвы, на Тверской улице и в Леонтьевском переулке, в старинных особняках. Анархистские газеты призывали к демонстрации единства всех течений и толков в анархизме, к сплочению своих рядов перед лицом смерти их идеолога. Теперь они простили ему грехи оборончества во время первой мировой войны, его высказывания в защиту советов как власти социалистической. Простили ему и то, что он тихо скончался в своем доме, в своей постели, на руках своей жены и дочери.

Известно, что в практике боевых актов и вооруженных выступлений в годы первой русской революции анархисты, бравирюя, попрали смерть. Они презирали обычную, ненасильственную кончину. Не раз самые идейные последователи Кропоткина на своих встречах и вечеринках торжественно подымали тост за то, чтобы никто из них не помер «своей смертью». Все они считали себя героями, желали и искали для себя смерти лишь в боевых схватках с силами реакции.

ВЦСПС обратился через газеты к профсоюзам, ко всем трудящимся с призывом участвовать в похоронах Кропоткина. В морозное утро, 10 февраля, в 9 час. утра, с Савеловского вокзала в Дмитров ушел специальный поезд с делегациями различных организаций. Среди них — последние могикане анархического движения в России. Мне довелось участвовать в похоронах с момента выноса гроба из дома усопшего, до предания его праха земле.

В глубине двора-сада, в небольшом доме, посреди просторной комнаты стоял гроб с телом Кропоткина, покрытый черным кашемировым покрывалом, окаймленным черным же крепом. Вокруг гроба — венки с траурными надписями на черных и красных лентах, много цветов. У изголовья безмолвно стояли, сложа руки на груди, жена покойного Софья Григорьевна и его дочь Александра Петровна. В этом доме графа Олсуфьева (выделившего четыре комнаты для семьи Кропоткина), что стоял на Дворянской улице древнего Дмитрова, жил последние годы Петр Алексеевич.

Позади школьников-подростков, стоявших в первых рядах, построились бойцы местного гарнизона со своим сводным оркестром. Над толпами собравшегося народа реяли красные знамена, отороченные черным крепом, и черные знамена с красными надписями: «Великому вождю социализма», «Борцу против капитала, за всех угнетенных», «Великому мыслителю, анархисту и революционеру», «Вечная память борцу за угнетенных». На красных же знаменах было очень много эмблем профсоюзов, а надписи указывали лишь, от какой организации знамя.

Около часа дня, под звуки марша анархистов, исполненного хором в сопровождении оркестра, вынесли из дома гроб. Немногие из собравшихся на похороны знали слова этого марша и его трогательно торжественную мелодию. Не все знали, сколько людей, увлеченных в свое время анархистами, погибло под шепот этого марша, сколько их пошло на каторгу и в сибирскую ссылку с этим гимном на устах.

Теперь под эти звуки за гробом шли вдова и дочь покойного, обнявшись с ними, шли Э. Гольдман, известная американская анархистка, соучастница убийства в 1901 г. президента США У. Мак-Кинли, эмигрировавшая до этого из России, и старейшины русских анархистов. В первых шеренгах шли делегации их зарубежных единомышленников, толстовцы, престарелые народовольцы и землевольцы, бывшие политкаторжане, представители различных научных учреждений, известные ученые, делегации профсоюзов.

Под звуки мелодий Шопена траурный поезд медленно приближался к платформе Савеловского вокзала. Привокзальная площадь была полна народа. Над морем обнаженных голов реяли знамена: черные вкраплены были в массу кумачовых.

На всем пути, от Савеловского вокзала до Дома Союзов, траурная процессия разрасталась за счет присоединявшихся к шествию делегаций. Около 7 час. вечера гроб

установили на три дня в Колонном зале Дома Союзов, открытом для прощания с П. А. Кропоткиным. Среди зимы, первой после изнурительной гражданской войны, в Москве, еще терпевшей много бедствий, эпидемий, нехватку продовольствия и топлива, нашлось много цветов и венков, сложенных вокруг высоко поднятого открытого гроба.

В этом зале он, будучи еще отроком, сидя на руках императрицы, примял ее белое бальное платье, не спас ее и пышный кринолин. Лишь немногие, прощавшиеся с покойным, читали его рассказ о том, как он среди шумного бала, заснув, так провинился. Узок и тесен был тогда круг людей, читавших труды Кропоткина. Однако невзирая на зимнюю стужу, люди все шли и шли сюда со всех концов Москвы и из ее пригорода. Многие приехали из других городов.

В день похорон, 13 февраля, анархисты выпустили однодневную газету, посвященную памяти Кропоткина. Антиавторитаристы преклонялись перед его авторитетом. К 11 час. дня на прилегающих к Дому Союзов площадях и улицах собралось много народа. В 12 час. симфоничный оркестр исполнял первую и шестую части шестой симфонии П. И. Чайковского. Трио им. Чайковского сыграло его «Трио». Хор «Пролеткульта» пел «Вечную память».

Сомкнувшись и обнявшись, стояли близко к гробу народовольцы Н. Морозов, В. Фигнер, М. Фроленко, М. Сажин, А. Якимова, Л. Дейч, М. Натансон, М. Ашенбреннер, О. Аптекман, А. Фейт, А. Геденовский, В. Бонч-Осмоловская, другие народовольцы и старейшие политкаторжане. Присутствовали здесь и видные большевики, среди них были те, кто в молодости грешил увлечением анархистской доктриной и занимался боевыми анархистскими делами.

Ко всеобщему изумлению в самый момент выноса гроба к Дому Союзов прибыла не очень стройная колонна анархистов, выпущенных из Бутырской тюрьмы на время похорон Кропоткина. Освобожденные под «честное слово анархиста» с условием, что после похорон возвратятся обратно в тюрьму, они добились, чтобы их отпустили без конвоя. Построившись в шеренги, они шли вольным, но быстрым шагом, под такт напева своего гимна. Они сразу подхватили гроб, не дав установить его на катафалк, понесли его вперед на вытянутых руках. Они пытались громким пением своего гимна перекрыть траурные мелодии. За гробом шли вдова и дочь покойного, а также самые близкие друзья. За ними — члены объединенной комиссии анархистских организаций. Сами же эти организации шествовали под своими знаменами впереди всех прочих делегаций.

Первой шла небольшая кучка людей под знаменем с надписью красным по черному: «Союз идейной пропаганды анархистов». За ними — «Российская федерация анархистов-синдикалистов», «Анархо-синдикалистский союз», «Всероссийская секция анархистов-универсалистов», Украинская федерация анархистов «Набат», «Организация анархистов-ассоциалистов», «Голос труда», «Студенческая организация анархистов», «Рабочий союз анархистов» и другие группы, каждая под своим черным знаменем. За десятком знамен их федераций, секций, организаций и союзов, под этими черными стягами с нашитыми костью и без оных шли всего сотня-полторы человек, кроме «бутырцев». Все они предстали перед прахом своего пророка мелкими разгрозненными группками, раздираемые распрями, разделившиеся на разные толки.

Похоронная процессия, окруженная живой цепью волонтеров порядка, выделенных всеми профсоюзами Москвы, медленно следовала по намеченному маршруту: Охотный ряд — Моховая — Волхонка — Пречистенка — Zubовская — Большая Царицynская — Девичье поле — Новодевичье кладбище. Порядок царил строжайший. Нигде вокруг не было видно милиционеров. Бутырские сидельцы, не сменяясь, все время несли гроб на высоко поднятых руках. Лились траурные мелодии Бетховена, Грига, Чайковского, Шопена.

Под звуки марша анархистов «бутырцы» опустили гроб на лафет, установленный рядом с могилой. Могилу рыли идейные наследники покойного, не доверив это дело безразличным могильщикам. По другую сторону, возле холмика земли, все выше вздымался шатер из сложенных венков с лентами, росла гора цветов.

Траурный митинг открыл Г. Максимов, член анархистской похоронной комиссии. Первым над могилой говорил Г. Сандомирский от имени объединенной комиссии всех анархистских организаций и от «Союза идейной пропаганды анархизма». В своей речи он сказал, между прочим, что анархисты объединились перед прахом своего умершего учителя, чтобы показать, подчеркнуть единство истоков их идей, их способов борьбы. Сандомирский говорил, что всему миру известна душевная чистота, космополитизм и интернационализм Кропоткина, его преданность делу освобождения рабочего класса и всех угнетенных на свете, его идейная бескомпромиссность, являвшаяся примером для всех истинных революционеров.

Сандомирский рассказал об одном эпизоде, очень характерном для умозрения Кропоткина. Вернувшегося после 40 лет эмиграции на родину Кропоткина пришли встречать на

Финляндский вокзал многочисленные делегации питерских рабочих и революционных общественных организаций. Встречали Кропоткина члены ВЦИК и министры Временного правительства во главе с А. Ф. Керенским. Эта встреча освещалась почти во всех петроградских газетах от 13 и 14 июля 1917 года. Расцеловавшись с Петром Алексеевичем в открытом тамбуре вагона, на глазах всего народа, Керенский с места в карьер предложил Кропоткину занять любой пост в его коалиционном кабинете. На это Кропоткин громко ответил: «А я считаю занятие дворника и чистильщика сапог более честным и полезным для человечества». Это было искренним убеждением Кропоткина, закончил Сандомирский⁸.

Выступивший вторым Л. Я. Штернберг говорил о родстве народников с анархизмом, об общей их родословной, о схожести средств борьбы за достижение своих идеалов. Он сказал, что взял слово от имени и по поручению объединенных народников, народных социалистов, правых и левых эсеров. Затем от имени толстовцев выступил С. Н. Булгаков. Он говорил о двух русских, украсивших мир и человечество своим появлением на свет. Таких ясных умов, таких глубоко человеческих, как Кропоткин, сказал он, человечество порождает не каждый век⁹.

Были выступления от московских рабочих-анархистов, от петроградских анархистов, от меньшевиков. От имени делегации зарубежных анархистов горячая речь произнесла Гольдман. Только после нее слово было дано представителю Исполкома Коминтерна французу Росмеру, бывшему синдикалисту. Последним выступил П. Н. Мостовенко — от ЦК РКП(б), Совнаркома РСФСР и ВЦСПС. Этот старейший большевик, начавший свою революционную деятельность в конце века в Союзе борьбы за освобождение рабочего класса, сказал: «В дни нашей юности мы учились по «Былому и думам» ненавидеть крепостнический варварский строй, а по «Запискам революционера» — ненависти к самодержавной власти, ненависти к капитализму... Политические взгляды Кропоткина развели его с нами... Здесь развернуто черное знамя с надписью: «Нет в мире ничего подлее, чем власть над людьми!» Это взято из заповедей Кропоткина, его кодекса морали».

Воздав должное светлой памяти Кропоткина-революционера, Мостовенко подверг затем разбору и критике основные установки, политическую суть анархизма. Нельзя, говорил он, противопоставлять современному империалистическому государству, вооруженному до зубов, голую пропаганду безвластия и полагать, что этим вы разрушите государство, а на его месте возникнет само по себе царство свободы.

Мостовенко, бывший делегат V съезда РСДРП, рассказал затем, как он тогда в Лондоне познакомился с Кропоткиным, присутствуя на чае, на который тот пригласил к себе группу делегатов съезда. Невозможно было забыть, что именно он, душа и мозг современного анархизма, подействовал своим противникам — социал-демократам, большевикам раздобыть в Лондоне беспроцентный заем у одного фабриканта, использованный на покрытие расходов по проведению съезда¹⁰.

Медленно опускали гроб в могилу, когда Мостовенко, кончая свою речь, напомнил, что древние, хороня своих героев, восклицали: «Прощай, дорогой всем нам, юноша-старик!». И со всех сторон послышалось: «Прощай, юноша-старик!»¹¹.

Один за другим, сначала анархисты, а затем и все остальные, стали кидать горсти промерзшей земли в могилу, пока она не заполнилась вся и не поднялся холм. А над ним начала расти гора из венков и цветов. Вскоре свежий снег запорошил эту гору. Отзвучали последние аккорды траурных маршей, потонули в пространстве последние слова хора «Пролеткульта» и последние слова гимна анархистов.

Выпущенные на время похорон анархисты последними покинули кладбище. Уходили медленно, не поворачиваясь спиной к могиле. Впрочем, так поступали и многие другие. Народ расходился как бы нехотя. Некоторые профсоюзные группы строились под своими знаменами в том же порядке, в каком следовали в траурном кортеже. Волонтеры следили за порядком. Построились в шеренги и анархисты-«бутырцы», готовые сдержать честное слово, данное ими, и возвратиться в тюрьму. На кладбище не было ни одного милиционера или красноармейца, никаких стражей порядка. И вдруг кто-то из анархистов громко возопил: «Доколь эти искупающие жертвы?!». Ведь все они считали, что приносят себя в жертву советскому режиму.

На пути в тюрьму бутырские сидельцы задержались до позднего вечера в большом клубе анархистов-индивидуалистов на Тверской улице, напротив Глазной больницы. В клубе они много и громко спорили. Это могли быть споры о том, идти ли всем обратно в тюрьму или нет. Около 11 час. ночи они явились, все как один, в тюрьму, чтобы отсидеть свой срок или дожидаться установления срока заключения для тех, кому пока еще не был объявлен приговор¹².

Еще более удивительным, чем их возвращение в Бутырку, было то, что им дали возможность, находясь в заключении, составить и выпустить в свет альманах на смерть

Кропоткина¹³. В этом сборнике все статьи помечены и датированы: Бутырская тюрьма, февраль, 1921 года. Все статьи подписаны полным именем каждого автора, никто не скрывался за псевдонимом. Легально собиралась объединенная историческая комиссия анархистов в их Доме Кропоткина. Правительство отпустило за границу многих анархистов из тех, которые не согласились подписать личное обязательство об отказе от борьбы против советской власти.

Идейные приверженцы Кропоткина, как и он сам, принявшие в конце концов советскую власть и отказавшиеся от всякой борьбы с нею (среди них были А. Каредин, А. Андреев, А. Боровой, Г. Сандомирский, Д. Новомировский и многие их единомышленники), оставались лояльными гражданами. Они трудились над архивом Кропоткина. Примерно к первой годовщине со дня его смерти в Москве был издан последний его труд — «Происхождение и развитие нравственности». В том же году был выпущен сборник статей к 80-летию со дня рождения П. А. Кропоткина¹⁴. Все они являлись активными членами Общества политкаторжан, сотрудничали в журналах «Каторга и ссылка», «Архив революции» и других изданиях.

Через два с лишним года после смерти Кропоткина в «Правде» и «Известиях» была напечатана декларация, подписанная видными идейными его наследниками: «Мы утверждаем, что анархистская мысль всегда стремилась к синтезу идей, исключаящих одна другую. Все — человеческая мораль Годвина и Льва Толстого, аристократический индивидуализм Штирнера и классовая борьба Бакунина и Кропоткина — не поддается объединению в одну дисциплину. Благодаря такому свойству теоретического анархизма анархисты во всей своей деятельности в продолжении полувека не достигли успеха мирового значения... Отсутствие единства анархического мышления парализовало единство коллективной воли, сделало невозможным коллективное действие и таким образом свело на нет организационный принцип анархизма. Вот почему организованного революционного действия в массовом масштабе анархизм фактически не проявлял. В нашу эпоху анархическое движение, не имея строго классовой системы мыслей и тактики, особенно ярко подчеркнуло свою несостоятельность в решении насущных задач революции».

Под декларацией стояли подписи: И. Гейнцман, Д. Гопнер, А. Лепинь, М. Михайловский, А. Виноградов, И. Шидловский, Е. Теневицкая, Н. Байковский, Л. Симанович и другие¹⁵. Таким путем они заявили о своем полном разочаровании в идеалах и учении основоположников анархизма, об их несостоятельности, доказанной всей практикой их борьбы. По существу это была настоящая панихида по анархизму. До конца 20-х годов эти люди трудились в своей исторической комиссии, регулярно заседавшей в Доме Кропоткина. Но, к сожалению, они не создали сколько-нибудь связно изложенной истории анархистского движения, его идеологии как ветви развития общественной мысли в России.

Примечания

Материал Виктора Еремеевича Баранченко публикуется посмертно.

1. КРОПОТКИН П. А. О войне. (Письма другу). М. 1916, с. 12; его же. Последствия германского вторжения. М. 1917, с. 5
2. L'Humanite, 10.X.1919.
3. Цит. по: БОНЧ-БРУЕВИЧ В. Д. Воспоминания о В. И. Ленине. М. 1965, с. 410; ГИНЦБУРГ И. Я. Из прошлого. Воспоминания. Л. 1924, с. 179.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 130, оп. 3, д. 381, 1919 г., л. 209.
5. Там же, оп. 5, д. 706, лл. 177—178, 183—203.
6. Там же, д. 6, лл. 16, 1, 5.
7. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, ф. 2, оп. 1, д. 23940, лл. 2, 2 об, 3 об; ГАРФ, ф. 1235, оп. 38, д. 10, лл. 3—4.
8. Правда, Известия, Труд, Голос труда, 14, 15.II.1921.
9. Историко-революционный бюллетень. Вып. II—III. М. 1922, с. 82.
10. Правда, Известия, 14, 15.II.1921.
11. ЛЯДОВ М. Н. Из жизни партии. М. 1956, с. 212—213.
12. БОНЧ-БРУЕВИЧ В. Д. Ук. соч., с. 421.
13. Памяти Кропоткина Петра Алексеевича. М.—Пгтр. 1922.
14. Петр Алексеевич Кропоткин. 1842/27 ноября — 1921/9 февр. М. 1922.
15. Правда, Известия, 7.IX.1923.

Федор Шакловитый

М. М. Галанов

Острейшая борьба за власть развернулась в конце XVII в. между двумя придворными группировками — Милославскими и Нарышкиными. Победили последние, и Федор Леонтьевич Шакловитый как один из главных помощников царевны Софьи, руководитель побежденной «партии» был надолго вычеркнут из истории. Если его имя и упоминалось, то только как кровожадного тирана, пытавшегося убить будущего преобразователя России Петра I. Между тем режим царевны Софьи Алексеевны, важнейшим «столпом» которого Шакловитый был, имел в своем потенциале реформаторские тенденции и являлся логичным продолжением тех изменений, пусть робких, но последовательных, которые начались в России с середины XVII столетия.

Точных данных о времени и месте рождения Шакловитого нет. Но поскольку первые сведения о его службе относятся к началу 60-х годов XVII в. (вместе с подъячим С. Никифоровым он был отправлен со сметными списками из Брянска в Москву), то родился он, по всей видимости, не позднее середины 40-х годов XVII века. Что касается места рождения, то в литературе бытовало мнение, что Шакловитый родился, как и Медведев (также сподвижник царевны Софьи), в с. Новоспаском под Курском. Однако в действительности родиной Шакловитого было с. Новоселки в 40 км от Брянска. Это подтверждается и его социальным происхождением. В источниках прослеживается служивший в Брянске подъячий Лев Шакловитый, которого С. Б. Веселовский склонен считать Леонтием. Но это не отец Федора, а его родственник.

В Боярских книгах упоминаются пять представителей рода Шакловитых: Григорий Нежданович (дворянин московский), Леонтий Андреевич (дворянин московский), Любим Леонтьевич (стряпчий), Федор (большой) Леонтьевич (окольныйчий), Федор (мельшой) Леонтьевич (стольник царицы Прасковьи Федоровны). В столбцах Приказного стола сохранились документы о нанесении в Брянске безчестья в 1679 г. Л. А. Шакловитому пушкарским сыном Василием Безчастным. Там же под 1689 г. упоминается воевода Ельца стольник Любим Шакловитый. Кроме того, имеются данные о том, что воеводой в Мещовске (Мещерске) Калужской губ. с 12 декабря 1676 по 4 мая 1677 г. был Леонтий Шакловитый. Таким образом, отцом Ф. Л. Шакловитого был Леонтий Андреевич Шакловитый, и прав А. П. Богданов, считающий, что Шакловитый происходил из брянских детей боярских¹.

Служебная карьера бедного брянского дворянина складывалась следующим образом. Зачисленный по приезде в Москву в начале 1660-х годов в штат Разрядного приказа, в 1669 г. он был верстан окладом 5 руб. в год. С 1672 г. он служил площадным подъячим в Приказе тайных дел: «А в прошлом, во 181 году по указу великого государя царя великого князя Алексея Михайловича... взяты в Приказ его государевых Тайных Дел подъячие, а его

Галанов Михаил Маркович — аспирант Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

государевым жалованьем не верстаны и в приказ не даны: Федор Шакловитый, Григорий Протасов, Иван Неужин, Григорий Гаврилов». После прошений 4 октября 1673 г. царь указал назначить Шакловитому оклад 22 рубля и 22 чети ржи в год. Функции нового подъячего имели хозяйственный характер (обслуживание персоны царя). За 1674—1676 гг. Шакловитый составил памятную книгу расходов и доходов Приказа тайных дел ².

Следующим важным шагом в служебной карьере Шакловитого был перевод в Разрядный приказ. По всей видимости, это было связано с ликвидацией после смерти Алексея Михайловича Приказа тайных дел. «Царь Федор по уничтожению Тайного Приказа зделал его... дьяком в Разряд, что было началом его возвышения». Точная дата его назначения дьяком в Разряд не известна. Имеются четыре ее варианта: 8 марта, 17 марта, 7 апреля 1676 г., 1678 год. Последняя дата не может быть принята, так как уже в 1676 г. Шакловитый выполнял поручения в Разрядном приказе: принимал списки лиц, высланных в Москву на службу белозерским воеводой И. Ф. Чаплиным согласно царской грамоте от 7 апреля 1676 года. 26 ноября того же года он получил поместье в Данкове.

Активно занимался Шакловитый организацией русской армии во время русско-турецкой войны 1676—1681 гг., что подтверждается документами. Он принимал сведения от В. В. Голицина об отпуске ратных людей из полков, стоявших под Чигирином согласно царской грамоте от 23 сентября 1677 года. Тогда же П. И. Хованского обязали послать Шакловитому отчет о составе отпущенных по домам воинов его полка. 3 января 1678 г. в Воронеж была отправлена царская грамота за приписью дьяка о подготовке к военным походам. В марте Шакловитый принимал сведения от белозерского воеводы стольника Н. К. Тараканова о воинских и разных чинов людях, посланных в Курск и Новый Оскол в связи с ожиданием нападения турок и татар на Чигирин. 4 октября 1678 г. он указал дьякам Л. Иванову, В. Бобинину, Е. Украинцеву (Малороссийский приказ) в соответствии с царским указом отсрочить до 25 декабря разбор и исполнение судебных и исковых дел ратным людям, бывшим в 1677—1678 гг. «на службе под Чигирином» ³.

Параллельно с этим дьяк занимается дипломатическими делами. Царская грамота от 22 марта 1678 г. указывает тому же Тараканову поставить Шакловитого в известность о том, когда и какие люди приедут из Белоозера в Москву встречать польских послов. Федор Леонтьевич занимался и поселением иностранцев, прибывших в Россию на службу: С. Василевского и Я. Антоновича. 23 августа 1678 г. он распорядился выдать литвину С. Марковичу государево жалованье, то же в сентябре 1678 — июне 1679 гг. получили: Т. Дерлинский, П. Целихов, Х. Урбанович, И. Островский, Х. Якубовский, И. Ойدياتович, Я. Мошинский, О. Амандт. Все они получили работу в московских приказах или низовых городах. 9 октября 1678 г. царь указал боярину И. И. Милославскому, стольнику П. Лопухину, дьякам Е. Полянскому, А. Волкову, Н. Полунину составить сведения по Иноземному и Рейтарскому приказам, сколько за 1653—1677 гг. и ежегодно было собрано даточных людей, и прислать их Шакловитому ⁴.

В 1682 г. дьяк входил в состав комиссии по составлению родословных книг под руководством кн. В. Д. Долгорукого. Шакловитый был занят также и придворной деятельностью. Документы свидетельствуют, что он присутствовал на пасху 31 марта 1678 г. у государя как дворянин, сопровождал царя в Новодевичий, Донской, Коломенский монастыри. «Апреля в двадцатый день (1679.— М. Г.) на праздник светлого Христова Воскресения по указу... его государевы очи видели в комнате с думными людьми дворяне: ...Федор Шакловитый». То же повторилось и в 1680 году. Оклад Шакловитого в начале 1680-х годов повысился до 250 рублей ⁵.

Выполняя свои обязанности, дьяк курировал Пушечный двор. Имеется жалоба головы московских пушкарей И. Коржавина на то, что Шакловитый приезжает на Пушечный двор в пьяном виде и бьет пушкарей ⁶.

Итак, перед нами достаточно успешная карьера провинциального дворянина, и прав Г. Ф. Миллер, утверждавший, что при Федоре Алексеевиче среди прочих возвысился и Шакловитый, «составлявший по своему характеру совершенную противоположность князю Голицыну, с которым он вместе вырос и достиг высших почестей, благодаря своему уменью писать» ⁷.

Шакловитый принял достаточно активное участие в событиях 1682 года. 8 мая дьяк сидел у гроба умершего царя Федора Алексеевича. 28 июля Шакловитый сопровождал царей Ивана и Петра в Новодевичий монастырь. 27 августа он назначается думным дьяком Разрядного приказа, 30 августа входит в состав лиц, выехавших с царским двором в с. Коломенское, что знаменовало разрыв Софьи со стрельцами. Будучи в отъезде, Шакловитый переписывался с дьяком Разрядного приказа П. Ф. Оловянниковым, который был его доверенным лицом и докладывал о событиях в столице. 4 сентября Шакловитый скрепил своей подписью царскую грамоту на имя И. А. Хованского с приказом о высылке в Киев четырех стрелецких полков.

В возникновении «дела» Хованских Шакловитому принадлежит немалая роль. Он читал царский указ о винах Хованских перед их казнью. 3 октября наряду с думными дьяками В. Семеновым, Е. Украинцевым, И. Гороховым Шакловитый скрепил своей подписью грамоту Софьи о прощении стрельцам. На имя Шакловитого глава комиссии по управлению делами после казни Хованских боярин Головин писал о выполнении царской грамоты о высылке жены и детей кн. И. И. Хованского и о высылке кн. П. И. Хованского в суздальскую деревню.

7 октября кн. К. С. Урусов по царской грамоте с указом о роспуске ратных людей по домам подает отписку в Разрядный приказ Шакловитому. 23 октября думный дьяк приказал послать указ об отмене высылки даточных людей. 3 ноября он вместе с двором возвращается в Москву, принимает сообщения с мест о поиске и поимке участников стрелецкого движения. В ноябре он подписал царскую жалованную грамоту урядникам и рядовым Московского выборного Жданова полка о даровании им прощения⁸.

После окончания стрелецкого восстания 10 декабря 1682 г. (или 29 января 1683 г.)⁹ Шакловитый становится во главе Стрелецкого приказа. Серьезным испытанием для него явилось возмущение стрельцов полковника Бохина, потребовавших выдать несколько начальников. Шакловитый с помощью преданных властям частей разогнал мятежников и казнил четырех заводчиков смуты. После этого случая он выдвинул программу мер по искоренению «стрелецкой крамолы», а именно предложил «перебрать» все полки и перевести неблагонадежных людей в украинские города на «вечное поселение».

За государственными заботами думный дьяк не забывал и о личных делах. Он продал свою деревню Кучи: «7191 года марта в 15 день память в деревню Кучи старосте, Гришке Андронову и всем крестьянам. Ведомо вам буди, что я деревню Кучи с вами и со всяким строеньем продал стольнику Андрею Микитичу Самарину, опричь Савки Лысого и как к вам ся моя память придет и вы б про то ведали и кого Андрей Микитич к вам пришлет и вы б были ему во всем послушны». 21 июля 1683 г. последовал указ царей Ивана и Петра о том, чтобы Шакловитый принял в Стрелецкий приказ дела Приказа тайных дел. 7 декабря Шакловитый получает чин думного дворянина и поместье в Брянском уезде¹⁰.

5 мая 1684 г. Шакловитому было указано выполнять дипломатические функции: 12 мая он должен был со стрельцами встречать и охранять послов Габсбургской империи баронов Иоанна Христофора и Севастьяна. Осенью того же года Шакловитый лично проводил сыск по поводу доноса на вдову М. Брусилову за ее «затейные и к смуте завидные слова». Как говорят документы, в конце августа — начале сентября 1684 г. он занимался межеванием земель, росписью писцов по городам и выдачей им инструкций. В 1685 г. Шакловитый поменялся поместьями землями в Рузском уезде с дьяком Н. А. Поярковым. 8 февраля 1686 г. думный дворянин «красовался» на коне с булавой перед польскими послами, помог переправиться им через р. Пресню, а 27 апреля встречал послов в Крестовой палате. 18 июня 1686 г. он подписал выписку о платежах мещанам, взятым в «гостиную сотню», оброка за их тяглые дворы и об исправлении ими городских служб наравне с тяглыми людьми и т. д. В октябре наградой за служебное усердие Шакловитому становится вотчина в Дмитрове¹¹.

С 12 по 16 июня 1687 г. он находился в армии В. В. Голицына, имея поручения от Разрядного приказа. Из столицы им была привезена грамота поддержки от патриарха. Извет казачьей старшины на гетмана И. Самойловича был составлен не без участия Шакловитого, который прямо обвинил гетмана в поджоге степей. В августе Шакловитый явился инициатором попытки надеть на Софью царский венец. 28 августа он созвал в свой загородный дом у Новодевичьего монастыря 30 стрелецких начальников и, напомнив, какими милостями осыпает их царевна, предложил им подать челобитную, чтобы она венчалась на царство. Он развивал идею устранения Нарышкиных, вплоть до «физической ликвидации». Но сомнения и несогласие стрельцов вынудили правительницу и ее сторонников отложить намерение о ее коронации. На этом совещании Шакловитый открыто заявил о том, что «бояр опасаться нечего: все они зяблое дерево»¹².

Важной сферой деятельности думного дворянина стало прославление царевны Софьи. Именно он вместе с С. Медведевым создал документ о «всенародном» избрании Ивана и Петра царями, а Софья — регентшей. Под его руководством была составлена панегирическая история регентства. Осенью 1687 г., когда украинская войсковая старшина была допущена на прием к царям после Крымского похода и сыновья ахтырского полковника И. Перекреста произнесли перед ними «похвальную рацею», Шакловитый дал им задание с помощью учителя И. Богдановского изготовить «похвальную рацею» Софье, которую они сделали и произнесли на втором приеме. Затем Шакловитый предложил полковнику в торжественной обстановке поднести царевне панегирик. Богдановский сказал, что его надо отпечатать, на что Шакловитый согласился, заявив: «Она-де великая государыня бунт утишила, и монастыри строит, и к людям милостива и премудра».

В феврале 1689 г. Богдановский, черниговский гравёр Л. Тарасевич и Перекрест с сыновьями приехали в Москву, привезя два медных гравировальных листа (матрицу) и десять экземпляров книги. После одобрения Шакловитого и Медведева гравюра была напечатана, одобрена Софьей и Голицыным и размножена в 100 экземплярах. В марте в загородном доме Шакловитого близ Новодевичьего монастыря Тарасевич выгравировал и отпечатал 200 экз. двух новых гравюр — портрета Софьи и святого великомученика Федора Стратилата. На последнем был герб Шакловитого (лев, сабля, булава и лавровый венок). Изготовляя изображение своего патронального святого, Шакловитый хотел, чтобы в нем узнавали его самого. Вид кудрявого молодца в латах не противоречил сохранившемуся описанию начальника Стрелецкого приказа.

Через дьяка Посольского приказа А. А. Виниуса Шакловитый послал портрет Софьи Алексеевны в Голландию. «По тем листам, которые печатаны на моем дворе, слава в Московском государстве, а по тем листам, что напечатаны за морем, слава ей, великой государыне, и в иных государствах», — говорил он. Имеются данные о назначении 13 сентября 1687 г. воеводой в Олешню трубачина Павла Федоровича Шакловитого. Не исключена возможность, что речь идет о сыне Ф. Л. Шакловитого¹³.

В октябре 1688 г. состоялась поездка Шакловитого к И. И. Мазепе во главе посольства из десяти человек. Причины его отправки наиболее полно описал П. Гордон: «У него (Шакловитого. — М. Г.) было три особые причины отправляться к гетману казаков: 1) для переговоров о предстоящем походе, 2) узнать настроения казаков в виду бремени, которое они должны нести по защите государства и своей территории, 3) наблюдать верность гетмана, любовь и симпатии казаков и состояние дел»¹⁴.

В начале 1689 г. Шакловитый занимался решением проблемы русско-китайских отношений вместо Голицына, отправившегося во второй Крымский поход. Все отписки, направленные представителем на русско-китайских переговорах Ф. А. Головиным в Посольский приказ, имеют пометы Шакловитого. Под его влиянием была принята новая инструкция послу — «семь статей», свидетельствующие о пересмотре правительственной политики по отношению к Приамурью. Написаны они в необычной для Посольского приказа манере, формулировки более краткие, чем обычно, что наводит на мысль об авторстве Шакловитого. Инструкция предписывала послу в качестве крайней меры для удовлетворения противной стороны соглашаться на потерю Албазина. Правительство хотело отдать Приамурье, чтобы сосредоточиться на решении внутренних проблем, обострившихся в 1689 г. до предела¹⁵.

Во время второго Крымского похода между Голицыным и Шакловитым шла интенсивная переписка. Князь приказывал «поступать покрепче» с противниками регентства, «особо следить за М. Черкасским, Б. Долгоруким, Ю. Щербатым, И. Волынским». 15 июня 1689 г. Шакловитый становится окольным и наместником Вяземским. Через три дня он едет встречать Голицына из похода с богатыми дарами. Существует, впрочем, мнение, что Шакловитый питал надежду занять место князя при Софье. Основанием для этого вывода послужили отсутствие гравюр с портретами Голицына за 1688—1689 гг. и особенно мнение современника событий кн. Б. И. Куракина, который писал: «В отбытие кн. Василия Голицына с полками в Крым Федор Шакловитый весьма в амуре при царевне Софье профитовал, и уже в тех плезирах ночных был в большей конфиденции при ней, нежели князь Голицын... И предусматривали все... что ежели бы правление царевны Софьи еще продолжалось, конечно, князю Голицыну было от нее падение или содержание был для фигуры за первого правителя, но в самой силе и делах бы был помянутый Шакловитый». Но если и были «сердечные нюансы», то они не могли внести кардинальных перемен в правительство, поскольку как государственный деятель Шакловитый не мог заменить Голицына. Он был приближен Софьей в связи с той острой ситуацией, в которой оказался ее режим и из которой, как ей казалось, мог ее вывести волевой и решительный глава Стрелецкого приказа.

Между тем соотношение сил менялось в пользу группировки Нарышкиных. 25 июля 1689 г., в день тезоименитства царевны Анны Михайловны, Шакловитый дал указания стрельцам быть настороже. 28 июля он собрал стрелецких командиров и приказал им готовить стрельцов на «всякий случай». Гордон записал в тот же день в своем дневнике: «Теперь все предвидели ясно открытый разрыв, который, вероятно, разрешится величайшим раздражением и озлоблением». 31 июля Шакловитый приехал в Измайлово поздравить жену царя Петра Евдокию с днем ее ангела и был арестован на несколько часов.

7 августа Софья приказала Шакловитому снарядить стрельцов сопровождать ее на богомолье в Донской монастырь. Но вскоре было сообщено о подметном письме: будто ночью царь Петр придет с «потешными» в Кремль. Произошло это около 19 часов. Тот час Голицын приказал запереть ворота Кремля, Китай-города и Белого города. С 21 по 23 час. Шакловитый

проводил консультации со стрельцкими начальниками и царевой. Потом он уехал домой, вернулся в 1 час ночи и лег спать в Грановитой палате. Именно в это время стрельцкие пятидесятник Д. Мельнов и десятник Я. Ладогин скачут в Преображенское и сообщают Петру об опасности, после чего царь бежит в Троице-Сергиев монастырь¹⁷.

В течение августа к Петру ушли туда многие бояре, служилые иноземцы, стрельцы. 1 сентября Шакловитый написал от имени Софьи воззвание к народу, в котором указал, что ее хотя бы безвинно свергнуть. Вечером того же дня в Москву от Петра с требованием выдачи Шакловитого приехал полковник И. Нечаев. Двоюродный брат и личный секретарь Шакловитого С. Надеин искал место для укрытия своего родственника, договорившись о строительстве в лесу кельи и подготовив коляску для побега. Выдачи Шакловитого потребовали также стрельцы и царь Иван Алексеевич.

6 сентября кн. П. И. Прозоровский взял Шакловитого под стражу, и началось следствие. После пытки он признался в подготовке заговора, но обвинение в покушении на жизнь Петра отверг. Приговор систематизирует преступления, в которых обвинялся окольный: 1) умысел на убийство государя и его матери; 2) умысел на убийство патриарха и бояр; 3) агитация стрельцов против царя; 4) оскорбления царских особ; 5) раздача казенных денег для подкупа; 6) умысел на поджог Преображенского. «Сентября в 14 день по указу Великих Государей Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича... Бояре в Троицком Сергиева монастыре... приговорили Федьку Шакловитого казнить смертию».

Современники говорят, что Петр, смягчившись признаниями окольного, хотел даровать ему жизнь, но по настоянию бояр и патриарха согласился на его казнь. Шакловитый был казнен «на площади близ монастыря, что к Московской дороге», отсечением головы 12 сентября. «Обезглавленного он (Петр.— М. Г.) велел похоронить в упомянутом монастыре и через шесть недель приказал совершить по нем службу»¹⁸.

Так закончил свою бурную жизнь Ф. Л. Шакловитый — типичный представитель «когорты новых людей», политиков, выдвинутых самой жизнью из низов дворянства в XVII в., последний в их ряду, состоящем из А. Л. Ордин-Нащокина, А. С. Матвеева, С. И. Заборовского, И. М. Языкова и др. Сфера деятельности Шакловитого была необычайно широка: он решал вопросы военного, административного, хозяйственного, полицейского, финансового и дипломатического характера. Однако «нигде не видим мы, чтобы ум его, впрочем тонкий... проницательный, имел те обширные размеры, которые нужны были для сотрудника царевны»¹⁹.

Примечания

1. См.: Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М. 1975; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции (МАМЮ). М. 1853, с. 464; Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ (Описание МАМЮ). Кн. 16. М. 1910, с. 295, 314; Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб. 1902, с. 136.
2. ГУРЛЯНД И. Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль. 1902, с. 136; Дела Приказа тайных дел.— Российская историческая библиотека (РИБ). Т. 23, с. 122—123, 1371—1373.
3. Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории (АСПб ФИРИ), ф. 36, оп. 1, д. 681, л. 25; Приказные судьи XVII в. М.—Л. 1946, с. 148; Дьяки и подьячие, с. 571; Дополнения к Актам историческим (ДАИ). Т. 7. СПб. 1859, № 1, с. 13; № 13, с. 60—61; № 50, с. 265—266; № 51, с. 266—267; т. 9. СПб. 1875, с. 102—103; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. СПб. 1857, № 55, стлб. 304—306; Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии. Воронеж. 1850, с. 103—104; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией (ААЭ). Т. 4. СПб. 1836, № 221, с. 305—307.
4. ААЭ. Т. 4, № 222, с. 307—308; ДАИ. Т. 9, с. 58—59; т. 8, СПб. 1862, № 40, с. 118—119.
5. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ И. А. Записки. СПб. 1840, с. 257—258; Дворцовые разряды. Т. 4. СПб. 1885, с. 35, 122, 125, 151; ЗАМЫСЛОВСКИЙ Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Т. 1. СПб. 1871, с. XXIII.
6. Временник Московского общества истории и древностей российских (МОИДР), 1851, № 10, с. 39.
7. АСП(б) ФИРИ, ф. 36, оп. 1, д. 681, л. 25.

8. Восстание 1682 года в Москве. Сб. доку. М. 1976, с. 16, 73—79, 99 и т. д.: Дьяки и подьячие, с. 571; БУГАНОВ В. И. Московские восстания конца XVII века. М. 1969, с. 272, 275; ААЭ. Т. 4, № 271, с. 396.
9. Приказные судьи XVII в., с. 167—168; Дьяки и подьячие, с. 571; Дворцовые разряды, с. 196.
10. УСТРЯЛОВ Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб. 1858, с. 97; ЕПИФАНОВ П. П. Очерки из истории армии и военного дела XVII—XVIII вв. Автореф. докт. дисс. М. 1969, с. 9; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М. 1968, с. 155—156; РИБ. Т. 21, с. 569—570.
11. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 6. СПб. 1862, с. 437—438; Описание МАМЮ. Кн. 16, с. 102—103; Акты писцового дела 60—80-х гг. XVII века. М. 1990, с. 299—300, 303—306, 321—322; УСТРЯЛОВ Н. Г. Ук. соч., с. 155, 168; Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 2. СПб. 1830, № 1195, с. 798; Дьяки и подьячие, с. 571.
12. СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Т. 14. М. 1962, с. 398—399, 452; Описание МАМЮ. Кн. 11. 1899, с. 75, 313; УСТРЯЛОВ Н. Г. Ук. соч., с. 203, 205—206; БОГДАНОВ А. П. Истинное и верное сказание о первом Крымском походе. В кн.: Проблемы изучения нарративных источников русского средневековья. М. 1982, с. 80; ПОГОДИН М. П. Первые семнадцать лет в жизни императора Петра Великого. М. 1875, с. 128.
13. БОГДАНОВ А. П. Сильвестр Медведев.— Вопросы истории, 1988, № 2, с. 89—90; е г о ж е. Гравюра как источник по истории политической борьбы в России в период регентства Софьи. В кн.: Материалы XV Всесоюзной конференции «Студент и НТП. История». Сб. ст. Новосибирск. 1977, с. 238—243; Книга записная в Разряд московского стола. АСПб ФИРИ, кол. 11, оп. 1, д. 89, л. 71.
14. Das Tagebuch des generals P. Gordon. Bd. 2. СПб. 1851, S. 229—230; см. также ВОСТОКОВ А. Посольство Ф. Шаковитого к Мазепе в 1688 г.— Киевская старина, 1890, № 5, с. 201, 220.
15. См. ДЕМИДОВА Н. Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. В кн.: Россия в период реформ Петра I. М. 1973, с. 301.
16. УСТРЯЛОВ Н. Г. Ук. соч., прил. VII, с. 239, 346—351; Т. 2, с. 32; Дьяки и подьячие, с. 571; БОГДАНОВ А. П. Гравюра как источник, с. 245; КУРАКИН Б. И. Гистория о царе Петре Алексеевиче 1682—1694. Архив кн. Ф. А. Куракина. Т. 1. СПб. 1890, с. 55.
17. УСТРЯЛОВ Н. Г. Ук. соч. Т. 2, с. 37, 52, 60; ПОГОДИН М. П. Ук. соч., с. 162, 168, 187, 204—206; Das Tagebuch, S. 213; Розыскные дела о Ф. Шаковитом и его сообщниках. Т. 1. СПб. 1884, с. 992.
18. УСТРЯЛОВ Н. Г. Ук. соч. Т. 2, с. 72; Das Tagebuch, S. 271; ПОГОДИН М. П. Ук. соч., с. 193; ГОЛИКОВ И. И. Деяния Петра Великого. Т. 1. М. 1788, с. 219; ШМУРЛО Е. Ф. Падение царевны Софьи.— Журнал Министерства народного просвещения, 1896, № 1, с. 94; Розыскные дела. Т. 1, с. 220; т. 4, с. 174—176; ДАВИД И. Современное состояние Великой России или Московии.— Вопросы истории, 1968, № 1, с. 128; МАТВЕЕВ А. А. Записки. В кн.: Записки русских людей. СПб. 1841, с. 56.
19. ЩЕБАЛЬСКИЙ П. К. Правление царевны Софьи. М. 1856, с. 100.

Государственная школа в русской историографии: время переоценки?

В. А. Китаев

Проблема национально-исторических особенностей развития России всегда была центральной в отечественной историографии. На первый план неизменно выдвигалась особая, ведущая роль государственно-централистского начала в русской истории. Обращение современных историков к трудам корифеев государственной школы вполне естественно.

Идеи, вышедшие из этой школы, получили развитие в трудах многих авторов. В монографии И. К. Пантина, Е. Г. Плимака и В. Г. Хороса «Революционная традиция в России» (М. 1986) подчеркивалась беспрецедентная, деспотическая роль государства на протяжении всей русской истории, включая и этап капитализма. По мнению Н. Я. Эйдельмана, русской истории были присущи две отличительные черты: «относительная небуржуазность» и «огромная роль государства, сверхцентрализация». Он адресовал читателей к В. Г. Белинскому и «лучшим русским историкам (представлявшим так называемую государственно-юридическую школу)», видевшим в государстве главный двигатель русского исторического процесса¹.

Авторы двухтомника «Наше отечество: опыт политической истории», пытаясь определить «межформационные, сквозные линии русской истории», сразу же вынуждены были обратиться к тем выводам, которые сделали С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, В. О. Ключевский. «В числе основных факторов этой истории прежде всего следует отметить характерную для России пространственную и геополитическую ситуацию, специфические механизмы сословного строя и, самое важное,— особую роль государства и его институтов в регулировании социальных отношений»².

Всякий раз, когда речь заходит об особенном в истории России, сознательно или бессознательно, вольно или невольно историки возвращаются к основополагающим идеям государственной (юридической) школы в русской историографии. Уже то обстоятельство, что происходит стихийный процесс реабилитации ее научного наследия, требует особого разговора об оценке этой школы.

П. Н. Милюков первым из историков русской исторической науки соединил под названием «юридическая школа» труды С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, В. И. Сергеевича. Общим для них, считал Милюков, были: «потребность понять историю как развивающийся процесс», построение последнего «на смене политико-юридических форм», и, наконец, схема чередования этих форм, завершавшаяся установлением государственных отношений.

Милюков высоко оценил вклад государственников в русскую историческую науку. Государственная школа, отмечал он, «навсегда покончила с периодом патриотизма и с этической точкой зрения в нашей науке (подразумевалось наследие Карамзина.— В. К.),

Китаев Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Волгоградского университета.

приучила к идее закономерности и взаимной связи явлений, наконец, дала первое динамическое представление о нашей истории, сколько-нибудь гармонизировавшее с этой идеей закономерности». Но в то же время Милюков ясно представлял себе и неполноту схемы, предложенной государственной школой. «Государственная власть,— писал он,— есть одно из проявлений общественной организации, а общественная организация сама зависит от элементов, из которых складывается общество. В нашей схеме мы видим юридическую форму, для объяснений которой необходимо исследование наполняющего ее социального материала»³.

Претензии «юридической школы» на «высший синтез», «полную философию истории» не имели под собой достаточных оснований — таков был вывод Милюкова. Концептуальное же ядро построений историков государственной школы, заключавшееся в признании особой роли государства в русской истории, никогда не вызывало у Милюкова протеста.

Утверждение марксизма в послеоктябрьской исторической литературе шло через решительное отбрасывание теоретико-методологического и концептуального багажа русской исторической науки второй половины XIX — начала XX века. В первую очередь это относилось к государственной школе. Против нее в основном было нацелено острое историографическое критики, развернутой М. Н. Покровским и его последователями. «Прививку» против государственничества Покровский считал тем более необходимой потому, что такие крупные авторитеты в марксистской среде, как Г. В. Плеханов и Л. Д. Троцкий, не только не оспаривали тезис о ведущей роли государственного начала в русской истории, но и подводили под него новый методологический фундамент.

Для Покровского было достаточным установить буржуазную природу государственнической концепции, чтобы констатировать ее научную несостоятельность. «Все наши буржуазные историки суть государственники,— писал он.— Прежде всего они выдвигают теорию, которую они выдают за особенность русского исторического процесса, но которая на самом деле отражала особенность объективного положения их класса в России... Это было совершенно естественно, потому что сильная государственная власть нужна была той основной производственной силе, которая в это время росла,— промышленному капитализму»⁴.

В отличие от Покровского, его ученик по Институту красной профессуры П. Соловьев не ограничился установлением факта прямой связи между исторической концепцией и помещичье-буржуазным либерализмом государственников, за которыми стояли «интересы промышленного капитала». В специальном исследовании о Чичерине-историке он попытался соединить социально-политические аспекты характеристики государственной школы, взятые у Покровского, с результатами анализа ее теоретико-методологических достижений в уже упомянутой статье Милюкова. У Соловьева не было сомнений в том, что Чичерин — государственник № 1 в русской историографии — утверждал «общий исходный пункт и ход развития для России и Запада». Но Чичерин, отмечал Соловьев, видит и особенности русского исторического процесса, сводя их однако только к степени и направленности развития отдельных явлений и учреждений. «В России он [Чичерин] видит в период гражданского общества исключительное господство личности, слабость и шаткость гражданских отношений и сословий, чего на Западе в такой мере не было,— пишет Соловьев.— В России он видит всепоглощающее начало власти, чего на Западе опять-таки не было. Но эти особенности частные, необходимые Чичерину для обоснования своей классовой позиции»⁵.

Соловьев не ставил под сомнение приверженность Чичерина идее внутренне обусловленного, органического развития России. Однако это понимание органичности страдало, по его мнению, односторонностью, ибо подразумевало исключительно логическую необходимость смены одного исторического состояния другим. С точки зрения Соловьева, Чичерин явно недостаточно уделял внимание исторической необходимости, причинно-следственной связи явлений, а также и недооценивал значение внешних влияний.

Н. Л. Рубинштейн в своем обобщающем труде по истории исторической науки в России — «Русской историографии» подверг обстоятельному анализу начальный этап развития государственной школы, который он связывал с именами Кавелина, Чичерина и Соловьева. Этот анализ должен был, по его замыслу, преодолеть упрощения и схематизацию, имевшие место у Покровского. Рубинштейну действительно удалось подметить черты своеобразия в государственничестве Кавелина, Чичерина и Соловьева, предложить свое понимание эволюции государственной школы, связать последнюю с изменениями в позиции западного либерализма на рубеже 1850—1860-х годов. Что же касается источников государственничества, то, называя их, автор «Русской историографии» не смог предложить ничего нового: речь у него шла исключительно о гегельянстве и политической ориентации помещичьего

либерализма в переломную эпоху, отмеченную буржуазными реформами. Тем самым как бы сама собою снималась проблема особой роли государства в русской истории.

Не соглашаясь с вулгаризаторскими оценками государственной школы, Рубинштейн предложил такую схему ее развития, в которой опять-таки проглядывают черты искусственного конструирования и заданности. Эта схема чересчур жестко ограничена рамками 40—60-х гг. XIX в., на которые приходится первый цикл истории русского либерализма. Кроме того, в ней, с одной стороны, оказались неоправданно сближенными (почти отождествленными) исторический и политический аспекты государственничества, а с другой — столь же необоснованно противопоставлены друг другу начала внутренне обусловленного развития и принципы государственной теории.

В соответствии с таким пониманием существа проблемы, стороннику органического развития Кавелину отводилась роль основоположника государственной школы. В трудах Соловьева «буржуазная наука, опирающаяся на лучшие стороны гегелевской философии и новой исторической школы, получила свое наиболее блестящее и законченное выражение». Самый последовательный государствовник Чичерин выступал, по мнению Рубинштейна, как главный теоретик школы, но одновременно и как отступник от принципов органического развития и единства исторической закономерности, идеи тождественности путей исторического развития России и Европы. «Так, на протяжении 20—25 лет гегельянская философия истории, как выражение революционной буржуазной мысли XIX в. завершила свой круг развития в русской буржуазной науке и в работах Чичерина пришла фактически к самоотрицанию,— отмечал Рубинштейн.— Это было отражением начала кризиса буржуазной идеологии и буржуазной исторической науки, обозначившегося именно в 60-е годы» XIX века ⁶.

Наиболее тенденциозной выглядит у Рубинштейна характеристика исторических взглядов Чичерина. Здесь автор явно грешил против истины, изображая Чичерина противником принципа органического развития и обвиняя его в абсолютизации роли внешних факторов в истории России, решительном противопоставлении исторических путей России и Западной Европы ⁷.

Рубинштейн дважды возвращается к оценке государственной школы — сначала в соответствующем разделе первого тома «Очерков истории исторической науки в СССР» (М. 1955), затем в специальной статье для «Советской исторической энциклопедии» (т. 4. М. 1963). Эти работы (в особенности первая) заметно отличаются от «Русской историографии» повышенной идеологизированностью и откровенной враждебностью по отношению к объекту исследования. Рубинштейн начинал теперь не с рассмотрения связи государственной школы с западничеством, а напрямую объяснял ее появление реакцией либералов на обострение классовых противоречий в период первой революционной ситуации. В центр критического анализа выдвигалась (видимо, как наиболее уязвимая) историческая концепция Чичерина. Ранее признававшаяся самостоятельность исторических работ Кавелина была теперь поставлена под сомнение: утверждалось, что он «непосредственно примыкал» к Чичерину и Соловьеву. Соловьев же выводился за рамки государственной школы, хотя он так и не смог, по мнению Рубинштейна, освободиться от влияния Кавелина и Чичерина. В конечном счете государственная школа была заклеена как «антинародная», исповедовавшая «исторический нигилизм» и полностью «искажившая историю русского народа» ⁸.

В энциклопедической статье Рубинштейн сформулировал основные положения государственной школы: 1) утверждение государства как движущей силы русской истории; 2) обоснование его господствующей роли в русской истории особенностями природных условий; 3) вытекающее отсюда отрицание внутренней закономерности исторического развития России; 4) отрицание единства закономерности исторического развития, противопоставление истории России истории других народов, прежде всего Западной Европы. В наиболее полной «классической» форме эти положения были представлены, по мнению Рубинштейна, в трудах Чичерина, Кавелина и Сергеевича. Не отрицая влияния государственников на лучших представителей русской буржуазной исторической науки второй половины XIX—начала XX в., Рубинштейн решительно заявлял, что «концепции государственной школы отвергнуты советской историографией» ⁹.

Трудно было добавить что-либо к этому научному и политическому приговору государственным. Тем не менее В. Е. Иллерицкий нашел дополнительные ресурсы для ужесточения их характеристики. Во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР» ему принадлежит раздел о государственной школе в пореформенный период. Автор, в основном разделяя позицию Рубинштейна, утверждал, что последний неправомерно отделял Соловьева от государственной школы и, кроме того, не показал пореформенную

эволюцию государственников и изменение их отношений с другими направлениями исторической мысли. Стремясь преодолеть эти недостатки, Иллерицкий еще более усугубил негативизм и политизированность в характеристике государственной школы.

По словам Иллерицкого, окончательное оформление этой школы произошло в трудах Чичерина именно к началу 60-х гг. XIX в., когда наметилось «тесное сближение либералов с крепостниками», когда либералы были «готовы отречься от своих былых прогрессивных идей» и «выступали апологетами самодержавия»¹⁰. Признание ведущей роли государства в истории России Иллерицкий рассматривал как основу для сближения государственной школы в пореформенный период с реакционной историографией. Акцентировался и такой момент ее эволюции, как «растущее враждебное отношение к представителям демократической исторической мысли».

А. Н. Цамутали в монографии «Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века» (Л. 1977) сделал немало интересных наблюдений о взаимовлиянии и дифференциации внутри государственного направления. Однако в общем, концептуальном плане Цамутали был согласен с оценками, прозвучавшими ранее в работах Рубинштейна и Иллерицкого.

Появившиеся в 60 — начале 70-х гг. вузовские пособия по историографии отечественной истории практически ни в чем не поколебали все более окостеневавшую характеристику государственной школы¹¹. Пожалуй, только в курсе лекций А. М. Сахарова можно обнаружить попытку непредвзято подойти к оценке научных достоинств этой школы. «При всей искаженности получившейся у «государственников» картины они все-таки отразили такие существенные явления, как связь вотчинного землевладения с государственным строем, глубокое проникновение крепостнических порядков во все сословия средневекового русского общества, в том числе в среду горожан и в различные слои господствующего класса, а главное значительную роль государства в истории России», писал Сахаров¹².

В поисках качественно нового синтеза истории России современная историческая мысль либо открыто возвращается к основным идеям государственной школы, либо спонтанно приближается к ним¹³. Однако в специальной историографической литературе все еще преобладают достаточно тенденциозные оценки русских историков-государственников. Думается, мы находимся на пороге радикального переосмысления государственных взглядов на историю России. Для того, чтобы обозначившийся поворот не стал очередной данью конъюнктуре, не породил новый «государственнический» миф, необходимо отказаться от односторонней классово трактовки природы и функций государства; объективно оценить роль либерализма в общественном движении пореформенной России; провести добросовестную научную экспертизу основных элементов государственнической концепции истории России.

Примечания:

1. ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. «Революция сверху» в России (заметки историка).— Наука и жизнь. 1988, № 11, с. 109.
2. Наше Отечество: Опыт политической истории. Т. 1. М. 1991, с. 40.
3. См.: МИЛЮКОВ П. Н. Юридическая школа в русской историографии.— Русская мысль. 1886, № 6. Отд. II, с. 91.
4. Русская историческая литература в классовом освещении. Т. 1. М. 1927, с. 12—13.
5. СОЛОВЬЕВ П. Философия истории Гегеля на службе русского либерализма (историческая концепция Б. Н. Чичерина).— Русская историческая литература в классовом освещении. Т. 1. с. 193.
6. РУБИНШТЕЙН Н. Л. Русская историография. М. 1941, с. 311—312. Надуманность подобной интерпретации воззрений Чичерина была убедительно показана В. Д. Зорькиным. См. ЗОРЬКИН В. Д. Из истории буржуазно-либеральной мысли России второй половины XIX — начала XX в.: Б. Н. Чичерин. М. 1975, с. 89—101.
7. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М. 1955, с. 345.
8. Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М. 1963, стб. 621, 622.
9. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. М. 1960, с. 103—104. См. также: ИЛЛЕРИЦКИЙ В. Е. О государственной школе в русской историографии.— Вопросы истории, 1959, с. 142—143.
10. См. АСТАХОВ В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков. 1965; Историография истории СССР. М. 1971.
11. САХАРОВ А. М. Историография истории СССР (досоветский период). М. 1978, с. 141.
12. В этом смысле очень показательна статья Л. В. Милова «Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса».— Вопросы истории, 1992, № 4—5.

Появление нового исторического журнала в наше непростое время к событиям ординарным не отнесешь, особенно если учесть, что даже многие давние научные издания должны прилагать усилия (не всегда успешные), чтобы выжить.

Издаваемый Государственным архивом Ярославской области, новый журнал,— краеведческий¹.

Как известно, краеведческой работе в советское время уделялось крайне мало внимания не только со стороны властей, но и официальных исторических учреждений. Между тем краеведческая работа в дореволюционной России занимала видное место среди исторических исследований. В ряде губерний эта работа велась широко, содержательно, разносторонне. Типичным примером в этом отношении может служить Ярославское наместничество (губерния с 1777 г.)

Представление (и довольно полное) о почти двухвековой деятельности местных краеведов дает открывающая первый выпуск статья редактора журнала (им является В. Н. Козляков) — «Традиции краеведческих изданий в Ярославле (XVIII—XX вв.)». В ней охарактеризованы местные издания (а частично и центральные), которые занимались поисками, изучением и публикацией материалов, относящихся к ярославской старине, начиная с «Уединенного пошехонца» (1786 г.), «Ярославских губернских ведомостей» (с 1831 г., первого из таких изданий). В этой газете, как и в появившихся в 1860 г. «Ярославских епархиальных ведомостях» значительное место занимали материалы историко-краеведческие. Позднее появились «Вестник ярославского земства» и «Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии» (после ее создания в 1889 г.)².

Читатель найдет в журнале рассказ о значительном числе трудов по истории края и о многих ярославцах, тративших на это дело немало сил и собственных средств. Эти труды явились серьезным вкладом в изучение прошлого такого своеобразного края, каким была Ярославщина на протяжении веков. Они не утратили своего научного, познавательного значения и до наших дней.

Нельзя перечислить всех имен ярославских краеведов, оставивших свой след на этом поприще. Память о некоторых сохраняется и поныне, это Д. И. и С. А. Серебряковы, Ф. Я. Никольский, В. И. Лествицын, Л. Н. Трефолев, страстные коллекционеры рукописей и книг купцы А. А. Титов и И. А. Вахрамеев и многие другие.

К концу XIX — началу XX в. краеведческая работа в губернии достигла значительных высот. «Вот на этом взлете и были оборваны традиции дореволюционного ярославского краеведения» после 1917 г. (с. 8). В 20—30-е годы произошел, видимо, как и повсюду в СССР, разгром научного краеведения, уступившего место «историко-партийно-

му краеведению», сосредоточившемуся не на поиске и анализе фактов, а на решении сугубо пропагандистских, идеологических задач.

Главным для краеведческой работы в 20-е годы стало изучение революционного движения и классовой борьбы. В 1924 г. проф. В. Н. Бочкарев и заведующий архивным бюро А. И. Смирнов подготовили единственный выпуск временника «Ярославская старина» (издание задумывалось как периодическое). Именно это издание и пытается возродить нынешнее поколение ярославских архивистов. В начале 30-х годов большинство ярославских краеведов, как и в других регионах СССР, подверглось репрессиям³. Краеведение как общественное движение (а именно таким оно стало с конца XIX в.) стало невозможно. Попытка (в середине 40-х годов) В. В. Лукьянова возродить краеведение закончилась для него тюремным заключением.

Привлекает внимание статья Ю. Г. Писаренко (Киев), возвращающая читателя, хотя и своеобразным путем, к проблеме основания Ярославля. Учеными давно изучаются фрески охотничьего жанра в росписи Софийского собора в Киеве. Одна из фресок, именуемая «Охота на медведя», по мнению ученых, является единственным сохранившимся изображением киевского князя Ярослава Мудрого. Известно, что в самом начале XI в. он был послан отцом на княжение в г. Ростов. Годы кратковременного пребывания там, как и год его рождения точно неизвестны, что затрудняет датировку основания Ярославля (но в достаточно узких пределах 988—1010 годов). В «Сказании о построении града Ярославля» есть рассказ о борьбе ростовского князя с язычниками на берегах Волги при впадении в нее р. Которосли. Одержав победу, Ярослав Мудрый основал здесь город, назвав его своим именем. Когда в 30-е годы XI в. шло сооружение Софийского собора в Киеве, живописец изобразил Ярослава, поражающего язычников, аллегорически представив их в виде зверя. Писаренко приводит ряд интересных соображений по этой проблеме, анализируя «Сказание» и фрески Софии Киевской.

Я. Е. Смирнов в связи с обнаружением ранее неизвестного свидетельства — записи 1578 года на «Апостоле» 1574 г. («вкладной» от имени И. М. Глинского — двоюродного брата Ивана Грозного, зятя Малюты Скуратова и свояка Бориса Годунова) предпринял попытку выяснить размеры и территориальное размещение земельных владений в Ярославском уезде этой влиятельной в XVI в. семьи.

Заметный след в нашей истории оставил ярославец Иван Ильинский. Являясь секретарем и переводчиком молдавского господара Д. Канттемира, он одновременно был учителем его детей, в частности его младшего сына Антиоха, будущего

известного поэта. Сохранились дневниковые записи ярославца, которые он делал, сопровождая господаря при посещении им Сената, званых вечеров и т. д., а также рисующих семейный быт и образ жизни Кантемиров. В 1725 г. Ильинский был назначен переводчиком в Академию наук, где и прослужил до конца своей жизни (1737 г.). О материалах, связанных с этой его работой и рассказывает А. Л. Лебедев. Они представляют интерес при изучении истории Российской Академии наук.

Со второй половины XVIII в. в России получило довольно широкое распространение (несмотря на наличие типографий и оживление издательской деятельности) создание рукописных сборников и светских рукописных альбомов — атрибутов культурного досуга дворянских семей. Роль их в истории российской культуры еще не изучена. А. А. Севастьянова проанализировала два таких сборника, содержащих ярославские материалы. Среди них оказались материалы ярославской масонской ложи, открытой генерал-губернатором А. П. Мельгуновым. В XVIII в. эта ложа вела значительную просветительскую работу и занималась благотворительностью.

Впечатляет рассказ В. Н. Козлякова (с приложением документов) об основании в Ярославле по инициативе и на средства П. Г. Демидова «вышних наук училища», т. е. по статусу — высшего учебного заведения. Ему было присвоено имя основателя который пожертвовал на эти цели огромную по тому времени сумму — 100 тыс. рублей и «в пособие оному» 3576 душ крепостных. Открытие в 1805 г. Демидовского училища «осознавалось как одно из самых ярких событий в истории города» (с. 51), положившее начало университетскому образованию в Ярославле.

В рубрике «Документы XX века» представлены два комплекса источников. Один из них — листовки, выпускавшиеся в июльские дни 1918 г. восставшими горожанами и городским самоуправлением Ярославля (из бывшего архива КГБ). Этот источник дает возможность судить о целях восстания, раскрывает картину огромных разрушений в городе, причиненных артиллерией большевиков, особенно

в древнейшей его части, состоявшей из памятников архитектуры и культурного достояния (библиотек, архивов и т. д.).

Второй комплекс — материалы о закрытии и сносе ярославских церквей в 20—30-е годы, в том числе знаменитого Толгского монастыря. Привлекает внимание серия изображений разрушенных церквей, построенных в XVI—XVIII вв. Исторические справки содержат сведения о сооружении, перестройках, украшении этих памятников архитектуры и о времени их разрушения.

В журнале помещено несколько хроникальных материалов, свидетельствующих об оживлении краеведческих исследований в крае. Вместе с тем нельзя не согласиться с выводами автора вступительной статьи, показавшим трудности краеведческой работы в наше время.

Редколлегия «Ярославской старины» вершит большое и нужное дело. Надеемся, что почин ярославских историков и архивистов получит поддержку и помощь научной общественности и всех ревнителей российской истории.

К. И. СЕДОВ

Примечания

1. Ярославская старина. Исторический журнал. Выпуск 1. Ярославль. 1994.
2. Разбор ее трудов содержат две не увидевшие свет в свое время работы 1892—1893 гг. крупнейшего специалиста по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам Н. П. Лихачева, в 20-е годы директора Музея палеографии. В 1930 г. он был репрессирован по «Академическому делу». Собранные им богатейшие коллекции были распылены, частично по разным музеям и библиотекам. Ныне обе эти работы напечатаны в рецензируемом журнале.
3. См. например: АКИНЬШИН А. Н. Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х годов). — Вопросы истории. 1992, № 6—7.

Г. А. ДУБОВИЦКИЙ. Шесть портретов. Из истории США первой половины XIX века. Самара. Издательство «Самарский университет». 1994. 200 с.

Кандидат исторических наук Г. А. Дубовицкий (Самарский университет) принадлежит к сравнительно молодому поколению наших американистов. Он зарекомендовал себя способным и многообещающим специалистом по истории США. Его книга написана без привычной для советской американистики предвзятости. Он предпринял попытку использовать биографический жанр для того, чтобы содействовать «новому прочтению истории

США» (с. 6). В целом, эту попытку можно считать успешной.

Дубовицкому удалось создать яркие и запоминающиеся образы крупнейших американских государственных деятелей первой половины XIX века — «президента из народа» Эндрю Джексона, «главного вига» Генри Клея, «непартийного политика» Джона Куинси Адамса, «великого мага» демократов Мартина Ван-Бюрена, «богоподобного

сенатора» от Массачусетса Даниеля Вебстера и «неистового южанина» Джона Кэлхуна. Книга написана легким, порой даже изящным языком, автор проявил себя как ученый, обладающий литературными способностями. Вместе с тем, чтение «шести портретов» навело меня на одно грустное размышление.

Еще в 1856 г., на страницах «Русского вестника» был опубликован обширный биографический очерк о Вебстере, принадлежавший перу харьковского профессора Д. И. Каченовского (1827—1872)¹. Очерк молодого исследователя (Каченовскому в то время не исполнилось еще и 30 лет), основанный на разнообразных источниках и, в первую очередь, на собрании сочинений самого Вебстера², сразу же завоевал мировое признание и уже через два года вышел в переводе на французский язык³.

Без преувеличения можно сказать, что в самодержавной стране это стало событием, как в XVIII в. событием была публикация произведений Б. Франклина, а иной раз и даже простое упоминание имени великого американца. Он хвалит Франклина, он «хуже Пугачева» — таков был отзыв просвещенной Екатерины II об А. Н. Радищеве.

Конечно, за годы, прошедшие после выхода труда Каченовского, о Вебстере опубликовано множество биографических работ и специальных исследований. Сравнительно недавно на страницах «Американского ежегодника» появилось исследовательское сообщение С. А. Исаева о дебатах Вебстера с сенатором Хейном в январе 1830 года⁴.

К сожалению, Дубовицкий ничего не пишет ни о первой, ни о последней русской публикации о Вебстере. Больше повезло в этом смысле К. Марксу (с. 137), хотя без этой ссылки можно было бы вполне обойтись. Но главное не в этом. Если для становления американистики в России труд Каченовского вне всякого сомнения имел важное значение, то в конце XX в. еще один краткий очерк о сенаторе Вебстере, или президенте Джексоне вряд ли можно считать событием.

В свое время мне уже приходилось отмечать, что в нашей литературе наметилась известная диспропорция — публикуется большое число биографических книг, статей, очерков, посвященных выдающимся американским политическим деятелям, и явно не хватает исследований о роли низов — фермеров, ремесленников, рабочих, представителей меньшинств, женщин и т. д. К сожалению, эта диспропорция в настоящее время не только не уменьшилась, но даже несколько увеличилась.

Хорошо, конечно, что книга Дубовицкого свободна от прежней предвзятости и догматизма. Но нельзя также не заметить, что автор далеко не

в полной мере использовал свои возможности для работы над источниками и литературой как в нашей стране, так и в США.

Вызывает удивление, что в ряде случаев, в частности, при цитировании переписки Джексона, Клея или Вебстера автор использует только старые издания, а не современные публикации, которые стали гордостью американской исторической науки⁵. Некоторые современные издания еще не закончены, использование уже вышедших томов затрудняется отсутствием исчерпывающих указателей, но полное их игнорирование не может не снизить профессиональный уровень работы.

Но главное, пожалуй, даже не в этом. Удивляет весьма ограниченный круг и особенно выбор привлеченной литературы. Как можно, например, писать биографию Адамса, не используя лучшего фундаментального труда С. Ф. Бимиса, или моих работ по истории русско-американских отношений, доктрине Монро и др., основанных на архивных материалах, включая коллекцию бумаг семьи Адамсов в Массачусетском историческом обществе! Оттуда такие перлы как замечание о том, что «в американской исторической литературе... о дипломатической и президентской деятельности» Адамса «долгое время писалось лишь вскользь» (с. 75)⁶, или транскрипция фамилий российского посланника в Вашингтоне «Тиль» (с. 81) вместо правильного «Тейль», или уже совсем точного: Ф. В. Тейль-фан-Сероскеркен.

И хотя читатель найдет в книге интересную и полезную информацию об истории США первой половины XIX в., в целом профессиональный уровень изложения не может не вызвать известного разочарования.

АКАДЕМИК Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ

Примечания

1. КАЧЕНОВСКИЙ Д. И. Жизнь и сочинения Даниеля Вебстера.— Русский вестник 1856. Т. 3, с. 385—416; т. 4, с. 239—278.
2. Works of Daniel Webster. 6 vols. Boston. 1852.
3. KATCHENOVSKY D. I. Daniel Webster. Etude biographique. Bruxelles. 1858.
4. ИСАЕВ С. А. Дебаты Уэбстера — Хейна.— Американский ежегодник 1990. М. 1991.
5. The Papers of Henry Clay. Lexington. 1959; The Papers of Andrew Jackson. Knoxville. 1980; The Papers of Daniel Webster. Hanover. 1974.
6. BEMIS S. F. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. N.Y. 1949; ejusd. John Quincy Adams and the Union. N.Y. 1956.

За Германию — против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. М. 1993. 512 с.

Более полувека назад развернуло свои акции в лагерях для немецких военнопленных и на линии советско-германского фронта антифашистское движение «Свободная Германия». Оно было организационно оформлено в июле — сентябре 1943 года после учредительных конференций Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ) и Союза немецких офицеров (СНО). Это движение обрело за прошедшее время и свою историографию, и мифологию. Миф первый, восходящий к геббельсовской пропаганде и до недавнего времени широко представленный в западногерманской литературе: НКСГ и СНО — «предатели», «прислужники Кремля», а их деятельность — «вражеская пропаганда». Миф второй, в распространении которого преуспели историки ГДР: Национальный комитет, являясь прямым предшественником «немецкого государства рабочих и крестьян», осуществлял директивы КПГ — «единственной руководящей организованной силы Сопротивления».

Разрушить устоявшееся клише, познать историческую реальность невозможно без прямого обращения к документам «Свободной Германии». В этом и состоит смысл и значение издания, подготовленного сотрудниками Мемориального музея немецких антифашистов в Красногорске. В публикацию вошли ранее не публиковавшиеся на русском языке материалы конференций НКСГ и СНО, образцы их листовок и тексты радиопередач, обращенных к солдатам и офицерам вермахта, а также отчет, составленный президентом Национального комитета Э. Вайнертом в ноябре-декабре 1945 года.

Версия, изложенная в этом отчете (растираженная в десятках книг и статей, вышедших в ГДР и СССР), достаточно проста: идея «Свободной Германии» возникла «в ходе обмена мыслями военнопленных с немецкими антифашистами, проживавшими в Москве», что привело к созданию «подготовительного комитета», который «обратился в советские инстанции», и «разрешение было предоставлено» (с. 354—359). Разумеется (и это отмечено в предисловии директора красногорского музея А. А. Крупеникова), главным побудительным мотивом «Свободной Германии» было «восстание совести» оказавшихся в плену военнослужащих вермахта, понимание ими невозможности победы в войне, осознание ее подлинного характера.

Но могли ли пленные, находящиеся в лагерях под охраной, действовать по собственной программе, проводить конференции, публиковать воззвания? Могло ли инициатором движения быть руководство КПГ? Вряд ли, особенно, если учесть характер взаимоотношений между ВКП(б) и секциями только что объявленного распущенным Коминтерна. В 1991 г. в бывшем Центральном партархиве

СЕРГ были выявлены записи деятеля КПГ Р. Хернштадта, позволяющие проследить цепочку тогдашних событий: директива Сталина — вызов функционеров КПГ (в июне 1943 г.) к Д. З. Мануильскому — подготовка проекта Учредительного манифеста НКСГ¹.

У «Свободной Германии» было несколько влиятельных (нередко конкурирующих между собой) «кураторов»: отделы ЦК ВКП(б), Главное политическое управление Красной Армии, но прежде всего, подчиненное Л. П. Берии Главное управление по делам военнопленных, располагавшее специфическими средствами воздействия на своих подопечных, плотной сетью осведомителей.

Ключевые позиции в руководящих органах Национального комитета заняли эмигранты-коммунисты: президентом НКСГ стал поэт-агитатор Э. Вайнерт, газету «Freies Deutschland», и радиостанцию того же названия возглавили, соответственно, Р. Хернштадт и А. Аккерман. Кадровые привилегии КПГ настораживали активистов движения из числа военнопленных, которые помнили, сколь нетерпимой по отношению к своим потенциальным союзникам была в Веймарской республике компартия. Во вступительной статье приводится архивный документ — относящееся к лету 1943 г. высказывание капитана Э. Хадермана: «Вайнерт своими выступлениями только отталкивает всех членов комитета — некоммунистов... Вся деятельность Ульбрихта построена на фразеологии и лжи образца 1920 г... Если представители германской компартии будут продолжать свою работу в желаемом для них направлении, офицеры (члены комитета) внесут предложение о роспуске Национального комитета и продолжат работу непосредственно с советскими учреждениями» (с. 6—7).

Офицеры, выступавшие на конференции СНО, достаточно осторожно, но настоятельно требовали от лидеров движения «соблюдать взаимное уважение к частному образу мышления каждого мыслящего, также и с противоположными воззрениями», выдвигать на руководящие посты в движении только тех, «кто пользуется полным доверием масс и кто постоянно доказывает своими действиями, что он способен и полон добрых намерений представлять интересы народа» (с. 214, 219—220). На собраниях в лагерях военнопленных нередко задавался вопрос: «Является ли честным сотрудничество коммунистов с инакомыслящими деятелями Национального комитета?» (с. 419).

Оказались ли руководители КПГ способными к диалогу с людьми иного социопсихологического профиля? Во всяком случае, Вайнерт, выступая перед генералами и офицерами, неоднократно призывал быть «терпеливыми и терпимыми», достигая взаимопонимания на путях «открытого об-

мена мнениями», преодолевать «традиционные предрассудки», сплачивать «немцев различных мировоззрений и всех социальных слоев» (с. 114, 222, 461, 498, 501).

Степень воздействия КПГ на основную массу военнопленных не следует, видимо, переоценивать. Это признавал и Вайнерт, указывая сколько важно привлечь на сторону Национального комитета старших офицеров, «к голосу которых прислушались бы скорее, чем к голосу младших офицеров, не говоря уже о коммунистах» (с. 376). Сомнительны приведенные в отчете Вайнерта данные о том, что из 285 опрошенных в декабре 1943 г. пленных 239 поддержали «Свободную Германию» и только четверо высказались против. Результатом явных приписок является сообщение о том, что в одном из солдатских лагерей число антифашистов достигло к июлю 1944 г. 96,6% (с. 397, 420). Гораздо более реалистичным выглядит вывод Вайнерта о «трудностях, на которые наталкивалась работа представителей Национального комитета» в связи с тем, что «много пленных находилось еще под влиянием пропаганды Геббельса» (с. 419).

Движение «Свободная Германия» не осуществило своей главной задачи. Многочисленные призывы НКСГ и СНО к отводу войск вермахта на германскую территорию, к общенациональному сопротивлению и антифашистскому восстанию не были услышаны ни на фронте, ни в тылу и прямых последствий не имели. Но антифашисты, работавшие в лагерях военнопленных и на передовой, в редакциях газет и на радио, способствовали высвобождению из-под влияния нацистской идеологии сотен тысяч солдат и офицеров.

Но, конечно, главную роль в этом процессе сыграли события, связанные с битвой под Сталинградом. Уцелевшие солдаты и офицеры из «котла» — «объявленные мертвыми, они воскресают и обращаются к народам всего мира» (с. 216) — стали костяком Национального комитета. Об этом свидетельствуют приведенные в книге высказывания военнопленных разного ранга (с. 146, 246) ². С осознанием уроков Сталинградского сражения неразрывно связан переход на сторону Национального комитета генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, вплоть до августа 1944 г. державшегося в стороне от активных антифашистов (с. 457). Четко выраженная позиция Паулюса имела немалое моральное и политическое значение.

В движении «Свободная Германия» разрабатывалась и уточнялась концепция послевоенного социально-политического переустройства страны на общедемократической, антинацистской основе. В Учредительном манифесте НКСГ провозглашалась необходимость утверждения в новой Германии сильной демократической власти, полной отмены законодательства «третьего рейха», восставления и расширения политических прав

граждан, права на труд и законно приобретенную собственность, справедливого суда над военными преступниками (с. 105—106). «Новая, просветленная Германия... в которой воцарятся мир, право, свобода и уважение к другим народам», должна «строить свою судьбу собственными силами», в соответствии «со своими специфическими условиями» (с. 278, 324). В документах Национального комитета, подчеркивалась необходимость духовного обновления народа, его «самовоспитания», осознания — на базе преодоления «самоубийственного немецкого чванства» — своей позорной роли «совиновника войны» (с. 216, 460). Вице-президент НКСГ — правнук Бисмарка, лейтенант люфтваффе граф Г. фон Эйнзидель страстно убеждал своих товарищей в «необходимости сближения Германии и России», «согласованных действий с Россией» (с. 167).

Существует глубинная взаимосвязь между акциями НКСГ и выступлением против Гитлера части немецкой военной и политической элиты. Социальный базис того и другого движений, при всем их несходстве, во многом совпадает. Бросаются в глаза прямые аналогии установок Национального комитета, изложенных в особенности в опубликованных в марте 1944 г. «25 тезисах об окончании войны» (с. 272—282), с программами участников «заговора 20 июля» 1944 года ³. Известие о неудачном покушении на Гитлера взбудоражило находившегося в плену офицеров и генералов. В обращении НКСГ «Жребий брошен!» говорилось: «Любое действие против Гитлера и его приспешников является действительно патриотическим поступком» (с. 456). Отмечалось, что военная оппозиция, подавшая «сигнал освободительной борьбы», действовала во имя «уничтожения гитлеровской системы, помешанной на идее войны» (с. 333).

В конце войны, как это вытекает из материалов сборника, интерес лидеров КПГ (как и «советских органов») к деятельности Национального комитета заметно ослаб. В марте 1945 г. президент СНО генерал В. фон Зейдлиц жаловался на «невнимание к СНО» (с. 15).

В отчете Вайнерта говорится о поддержке движения немецкими подпольщиками-антифашистами, о создании в начале 1945 г. органов движения в Берлине и других городах Германии. Но президент НКСГ умолчал о судьбе берлинского комитета и других подобных ему самочинных неподконтрольных руководством КПГ организаций. С точки зрения В. Ульбрихта, антифашистские комитеты, действовавшие в полном соответствии с программой движения, «только мешали» ⁴ и подлежали незамедлительной ликвидации. Ульбрихт сумел убедить в этом советские военные власти в Германии.

Оставался один шаг к формальному роспуску НКСГ и СНО, о чем было объявлено 2 ноября 1945 года. Вайнерт, пытаясь как-то объяснить

причины прекращения деятельности НКСГ, применяет уклончивые и малоубедительные формулировки (с. 497—498). Разумеется, «сверху» был отдан прямой приказ о ликвидации «ненужной» теперь организации. Была упущена уникальная возможность функционирования и развития нетрадиционного, гетерогенного по своей сути антифашистского, демократического движения.

Военнопленные, принадлежавшие к активу НКСГ, были возвращены в лагеря, многим из них задерживалась отправка на родину. По прямому указанию Берии в 1950 г. был обвинен в военных преступлениях и приговорен советским военным трибуналом к 25 годам тюрьмы наиболее популярный лидер движения фон Зейдлиц. Несοοобразность ситуации состояла в том, что власти «третьего рейха» в 1944 г. объявили Зейдлица и его семью вне закона и заочно вынесли ему смертельный приговор (с. 13—14).

Выход в свет рецензируемого сборника подтверждает необходимость дальнейшей публикации материалов из наших архивов о деятельности

НКСГ и СНО, что позволит подготовить всестороннее исследование о «Свободной Германии».

А. И. БОРОЗНЯК

Примечания

1. Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlaocht. Frankfurt a / M. 1992, S. 263—264.
2. Von Stalingrad zur Währungsreform. München. 1988, S. XXV.⁷
3. О близости позиций НКСГ и организаторов покушения на Гитлера писал недавно профессор Боннского университета А. Фишер, который призвал историков «расширить спектр военного сопротивления против национал-социализма» и «отнестись с должным уважением» к деятельности Национального комитета (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10. VII. 1993).
4. УЛЬБРИХТ В. К истории новейшего времени. М. 1957, с. 58—59.

F. GAL, J. ALAN, J. JIRAK, P. MACHONIN, O. ŠOLTYS, M. TIMORACKY. *Dnešní krize česko-slovenských vztáhů*. Sociologické Nakladatelství. Praha. 1992. 112 s.

Ф. ГАЛ, Й. АЛАН, Я. ИРАК, Р. МАХОНИН, О. ШОЛТЫС, М. ТИМОРАЦКИЙ. *Современный кризис чешско-словацких отношений*.

В предисловии к книге, написанной в основном молодыми учеными, подчеркивается, что она создавалась в то время, когда окончательных ответов на вопрос: как же разрешится кризис чехословацкой государственности, еще не было. Авторы пытались осмыслить процесс формирования нового государственно-правового устройства, исходя из того, что страна все-таки может быть сохранена как единое целое. Современные процессы рассматриваются ими на широком историческом фоне и в контексте общеевропейского развития. «Мы не знаем, чем могут закончиться споры в ЧСФР о государственно-правовом состоянии страны. Но одно мы знаем совершенно точно: если они пойдут в ущерб существованию совместного государства — это будет против воли около 80% граждан страны» (с. 7), утверждает в предисловии к книге.

Однако раздел Чехословакии все же произошел. И тем не менее книга с содержащимся в ней анализом исторического опыта не потеряла своей актуальности. Тем более, что авторы, используя данные и методы многих социальных наук, попытались исследовать не только явные результаты, но и скрытые пружины многих политических решений и акций, которые, впрочем, представляются им единственно возможными и даже безальтернативными.

Й. Алан показал, что очередной рывок в процессе «выравнивания» Чехии и Словакии, замышлявшийся к началу 90-х годов, в силу ряда причин не мог привести к желаемым результатам. Установки на обязательное единение или столь же обязательное разъединение извне не навязывались (как это случилось в конце 30-х годов). Но если для двух народов в начале их совместной истории идея единого государства была не только возможной, но и вдохновляющей (особенно для Чехии, которая с энтузиазмом восприняла свой долг «поднять Словакию» до своего уровня), то к концу века она потеряла свою притягательность.

Конец европейской биполярности породил, по мнению Алана, две тенденции. Первая характеризуется заменой одной коллективистской идеологии (коммунизма) другой (национализмом), что имеет своим следствием дезинтеграцию многоэтнических стран. Вторая предполагает совместимость национализма со стремлением к социальному обновлению. История выявила пока что потенциал первой тенденции, для второй в современной Европе только создаются условия. Такой национализм не противоречит интеграционистским устремлениям, получившим развитие в Западной Европе, хотя последние в принципе должны были сделать националистские тенденции чем-то устаревшим.

Существенным фактором единения чехов и словаков Алан считает то, что в течение многих лет в стране доминировал экстенсивный индустриализм. Это проявлялось и в представлении о неизбежности «выравнивания уровней» как непременной составной части единого индустриального проекта «строительства социализма». Необходимость же развития интенсивного производства осложнила возможности для реализации этого проекта. Еще в 70-х годах обнаружилась относительная неготовность Словакии к интенсификации производства, которая осуществлялась Прагой посредством «централизованного дирижированного перераспределения ресурсов». Возможности иной стратегии в условиях «чистого» экономизма и чрезвычайной политизации страны оказались нераскрытыми. Впоследствии выход нашли в создании национального государства.

Продолжая разработку данной темы, Ф. Гал отмечает, что в истории Чехословакии национальная напряженность всегда имела место, правда, зачастую в скрытом виде. После «бархатной революции», она приняла взрывной характер. «Первым проявлением вызревания этой напряженности в обществе после ноября 1989 г. стала парламентская дискуссия о названии республики, которая обострилась уже в январе 1990 года. Из как будто бы тривиальной она сразу же превратилась в драму» (с. 20).

Исследователи процессов формирования национальных государств заметили, что индикатором нарастающего напряжения часто служат споры по поводу названий и самоназваний государств и этносов, стремление к возрождению старинных имен и т. п. Эти тенденции как бы предвещают грядущие потрясения. В Чехословакии, пишет Гал, это проявилось в дискуссиях вокруг «проблемы дефиса» в названии государства. Начиная дискуссию по этой вроде бы второстепенной проблеме. В Гавел был убежден, что достаточно будет исключить слово «социалистическая» из названия государства, как все станет на свои места. Но результатом был разнобой в названии страны. На чешском языке государство именовалось «Чехословацкая федеративная республика», на словацком — «Чехо-Словацкая федеративная республика», а с апреля 1990 г. было введено название «Чешская и Словацкая федеративная республика».

Однако, как подчеркивает Гал, гораздо важнее наметившаяся экономическая дивергенция, которая усилила политические противоречия (а последние, в свою очередь, углубили и ее самое). Поиск консенсуса становился все более трудным. Распад ранее единого государства стал неизбежным. Я. Ирак и О. Шолтыс показывают, как своеобразно отразились эти тенденции в прессе, в которой страсти нагнетались еще тогда, когда не определялись способы решения вопросов, относящихся к национальному самоопределению и экономическому развитию. Пресса поспешила про-

згласить «государственно-правовое успокоение», когда на самом деле речь должна была идти об отыскании конкретных путей выхода из кризисной ситуации (с. 67).

М. Тиморацкий обращает внимание на такой аспект во взаимоотношениях чехов и словаков как «историческое (не)знание». Парадоксально, но факт: с повышением уровня образованности происходило ослабление исторического сознания чехов и словаков. Причина тому — идеологизация системы образования и всей культуры. При этом характерны различия между чехами и словаками. Согласно опросам 1990 г. 40% словаков утверждали, что не знают или не признают такой личности в истории Словакии, которой они могли бы гордиться. У чехов число таких людей — 22%, т. е. почти вдвое меньше. Но почти втрое больше было словаков, считавших, что в истории их страны нельзя назвать или вообще отсутствуют такие фигуры, которых бы им следовало стыдиться (60%, у чехов — 21%). Более половины опрошенных словаков готовы гордиться определенным событием, в истории своей страны (в Чешской республике — 33%), а стыдиться — 33% (против 27 в Чехии) (с. 80).

По мнению Тиморацкого, там, где нет ясного представления о значимости фигур и событий в реальной истории, главное значение обретают исторические стереотипы, содержащие скорее карикатуры на историю. Симпатии и антипатии становятся хаотичными, вместе с тем и легко управляемыми. Лозунг, статья, фотографии о «стигматизированном» историческом событии, т. е. воспринимаемом с особенно повышенной чувствительностью, пробуждают уснувшие страсти. Такими ключевыми событиями были: первая Чехословацкая республика, Словацкое государство и Словацкое национальное восстание, Пражская весна... 66% опрошиваемых чехов определяли Словацкое государство как фашистское. Напротив, лишь одна треть из 31% словаков, способных четко оценить его характер, называла его фашистским (с. 81, 82). Тиморацкий считает «историческое (не)знание» — существенным фактором при решении проблемы «технико-правовых механизмов взаимоотношений между народами» (с. 90).

П. Махонин (в 1969 г. он за свою книгу «Чехословацкое общество», как и за активность в дни Пражской весны, был лишен научных званий) указывает, что ноябрь 1989 г. открыл шлюзы для новой социальной динамики. Но эти социальные процессы имеют неоднозначный характер, что особенно ясно проявляется в чешском и словацком национальном самосознании. Наряду со вполне рациональными устремлениями обнаруживаются как высокомерное игнорирование проблем словацкой нации чехами, так и комплекс явно завышенных ожиданий словаков от развития в рамках самостоятельного государства (с. 106). Это конечно затрудняет вхождение чехо-словацкого общества в фазу модернизации.

Констатируя, что Чехословакия распадается, авторы обеспокоены, в какой форме это будет происходить, будет этот распад началом нестабильности, пусть даже в «бархатном» облачении. По мнению Гала, этого можно избежать, если Чехия и Словакия войдут как составные части в федерацию европейских государств, что обеспечит им

определенные гарантии экономического и социального процветания. Но для этого недостаточно готовности Чехии и Словакии включиться в европейскую федерацию. Необходимо и стремление последней принять их в свой состав (с. 109).

Э. Г. ЗАДОРЖНЮК

M. DYGO. *Studia nad początkami władztwa Żakonu Niemieckiego w Prusach (1226—1259)*. Uniwersytet Warszawski. Instytut Historyczny Warszawa. 1992. 408 s.

М. ДЫГО. *Изучение возникновения господства Тевтонского ордена в Пруссии (1226—1259)*.

Автор монографии ставит задачу охарактеризовать изученность истории возникновения власти Тевтонского ордена в Пруссии в мировой историографии XX века. Вместе с тем глубокое знание исторических источников и широкого круга современной литературы позволяют М. Дыго изложить и свое представление о становлении государственно-правовой инфраструктуры орденского государства. Дыго сосредоточивается на начальном этапе завоевания Пруссии Тевтонским орденом¹. Заложенные на этом этапе основы будущего государства не только обеспечили его существование, но и способствовали дальнейшей его экспансии.

Автор рассматривает труды, освещающие взаимоотношения ордена с Империей и папством. Разбирая работы о Золотой булле из Римини, данной ордену императором Фридрихом II в марте 1226 г.², автор соглашается с тем, что предоставление великому магистру ордена властных полномочий в Пруссии фактически создавало основу зависимости последней от Империи. Вопрос о правах, предоставленных ордену папством, интересен не только с точки зрения связей крестоносцев с римской курией, но и в плане характеристики позиций последней по отношению к «миссии в Прибалтике» (с 20-х годов XIII в.). Основной источник для интерпретации данного вопроса — булла папы Григория IX от 3 августа 1234 года. По мнению Й. Фрида³, орден распорядился Пруссией на основе права, предоставленного папой. Как считает Дыго, эти отношения были близки к ленным, т. е. фактически выходили за рамки папской протекции (булла 1234 г., подтвержденная в 1243 г., свидетельствовала о стремлении папства подчинить себе Тевтонский орден в Пруссии). Это имело важное значение в период обострения противоречий между папой и императором, поскольку папская протекция выступала как фактор единства орденского государства, общей правовой основы и для Пруссии и для Хелминской земли.

Анализируя литературу о грамоте Конрада Мазовецкого (23 апреля 1228 г.), Дыго обращает

внимание на тот, до сих пор не учитываемый факт, что пожалование Конрада крестоносцам было не только территориальным, но и институциональным, т. е. — с передачей им имущественных, хозяйственных, а также судебно-административных прав (за исключением владений епископа Христиана и местных рыцарей). Это пожалование представляло собой исходный пункт для создания орденского государства, стремившегося к расширению своих владений в Хелминской земле, где в 1228—1235 гг. произошло ослабление княжеских позиций. Крестоносцы распространили свою власть на крестьян в рыцарских (а отчасти и в церковных, а, вероятно, и в княжеских) владениях, стали раздавать землю своим рыцарям, подчинили себе княжеских и епископских рыцарей. Таким образом, великий магистр фактически занял положение князя в Хелминской земле.

Ряд работ, анализируемых в книге, посвящен отношениям ордена и епископа Христиана, главы католической миссии в Пруссии в 20-е годы XIII в., настоятеля цистерцианского монастыря в Могиле. Обе стороны мечтали овладеть Хелминской землей, но при протекции папы борьба закончилась поражением Христиана.

Историки показали, что законодательство ордена строилось на немецком, польском и прусском праве. Дыго разбирает правотворчество крестоносцев. Он подчеркивает значение «кульмского» (хелминского) права⁴, как фактора политического объединения орденского государства, особенно в тяжбах с Конрадом Мазовецким о его границах. Дыго отмечает, что заинтересованный в расширении своих земельных владений орден изменяет имущественный статус польских рыцарей, вводя новый порядок наследования, при котором недвижимость наследовалась лишь по мужской линии (в противном случае она переходила к ордену).

Модификация орденом польского права, считает автор, с одной стороны, предусматривала усиление зависимости от него польских рыцарей, а с другой, предоставляла им широкие хозяйствен-

ные права, привлекая их к оседанию на территориях, принадлежащих Тевтонскому ордену. Эти изменения согласовывались с нормами кульмского права, ставшего фактором политического объединения орденского государства.

Основной источник о правовом положении пруссов,— Кишпоркский договор 1249 г., неоднократно становился предметом исследований польских, немецких и русских историков⁵, показавших, что возникающее орденское государство ломало прусские общественные структуры (родовые общины, дружинные связи и т. п.), выполнявшие ранее, как считают Дыго, функции государства. Крестоносцы не допускали образования у прусских нобилей крупной феодальной собственности, препятствовали объединению пруссов.

Дыго рассматривает работы, посвященные социальным основам государства Тевтонского ордена в Пруссии. Автор подчеркивает, что, укрепляя свою власть в городах, орден упрочивал и всю свою территориально-государственную структуру.

Наделяя землей немецких рыцарей, приходящих в Пруссию, и, возлагая на польских рыцарей и прусских нобилей воинскую повинность за пожалованную им землю, крестоносцы сделали их, по сути, вассалами ордена. Особое внимание обращено в работах историков на изменение социальной структуры пруссов формирующимся орденским государством, как это явствует из «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга⁶, и из жалованных грамот ордена прусским нобилем.

Особо рассматриваются в книге работы, поднимающие вопрос о взаимоотношениях ордена с прусскими епископами⁷. Мнение Г. А. Доннера о том, что последние усиливали орден⁸, не представляется Дыге убедительным. После того, как епископ Христиан был отстранен от борьбы за Пруссию, крестоносцы обрели полную власть над ситуацией в этом регионе и над всеми завоеванными ими территориями. На завоеванных землях церковь утвердила свое влияние несколько позже орденского государства. Деятельность ордена была независимой по отношению к власти епископов. В дальнейшем (начиная с 1264 г.) епископства были «инкорпорированы», что означало новый уровень отношений между епископствами и орденом.

Рассматривает автор и работы, посвященные административно-хозяйственным основам орденского государства. Несмотря на узкие хронологические рамки — 1226—1259 гг.— можно проследить, как происходило постепенное усложнение административной структуры орденского государства. В конце 40-х годов XIII в., пишет Дыго, произо-

шло разветвление власти, преследующее цель связать отдельные места с прусским магистром.

Автор подверг анализу также и труды, касающиеся идеологии и символики крестовых походов.

Исследование процесса образования орденского государства Дыго рассматривает и как предпосылку для постановки кардинальных вопросов истории Польского государства позднего средневековья.

Монография Дыго — это полезный опыт общения многолетнего труда исследователей, занимающихся историей Тевтонского ордена.

В. И. МАТУЗОВА

Примечания

1. Этот этап особо вычленяется в современной польской историографии. См.: BISKUP M., LABUDA G. Dzieje Zakonu Krzyżackiego w Prusach. Gospodarka — społeczeństwo — państwo — ideologia. Gdańsk. 1986.
2. Этой буллой Фридрих II жаловал ордену Хелминскую землю, а также те прусские земли, которые крестоносцы намеревались захватить, и наделял великого магистра правами наравне с имперскими князьями.
3. FRIED J. Der päpstliche Schutz für Laienfürsten. Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. Heidelberg. 1980, № 1.
4. См. KISCH G. Die Kulmer Handfeste. Sigmaringen. 1978.
5. ПАШУТО В. Т. Хришбургский (Кишпоркский) договор 1249 г. как исторический источник.— Проблемы источниковедения. Т. 7. М. 1959; PATZE H. Der Frieden von Christburg vom Jahre 1249.— Jahrbuch für die Geschichte Mittel — und Ostdeutschlands, Bd. 7, 1958; FORSTREUTER K. Zur Geschichte des Christburger Friedens von 1249.— Zeitschrift für Ostforschung. Т. 12. 1963; ŁOWMIANSKI H. Studia nad początkami społeczeństwa i prawa litewskiego. Т. 1. Wilno. 1931.
6. Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae.— Scriptorum rerum Prussicarum. Т. 1. Leipzig. 1861.
7. В 1251 г. в Пруссии создаются епископства: помезанское, вармийское, самбийское.
8. DONNER G. A. Kardinal Wilhelm von Sabine, Bischof von Modena, 1222—1234. Helsingfors. 1929.

Об авантюризме и карьеризме в годы гражданской войны

Один из аспектов развернувшейся в советской России гражданской войны заключался в ставке не на сильных в творческом смысле личностей, а на лиц, которые сумеют жить в состоянии длительной войны при изолированности от внешнего мира. Этим и объясняется отчасти большое количество авантюристов как в Красной, так и в белой армиях. Уничтожение большевиками прежней градации общества привело к появлению массы лиц именно с таким складом характера. Они стремились использовать свой «шанс Наполеона» и в замыкающейся общественной системе занять более приемлемое для себя положение. Такими, в частности, были честолюбивые мотивы врид командующего 11-й армией на Северном Кавказе И. Л. Сорокина или командовавшего в июле 1918 г. войсками Восточного фронта М. А. Муравьева и подобных им людей.

Несколько иным типом авантюриста являлись люди не столь сильного характера, но желавшие обрести в ходе войны нечто такое, что, возможно, переродит их. Из авантюризм питался как бы внутренним дисбалансом, возникшим вследствие бесперспективности жизни из-за их ненужности новому государству, предчувствием социального вырождения. Эти люди не были нужны, впрочем, не только большевистскому государству, но и старому, так как в условиях новейшего времени требовалась более образованная, более мобильная, менее консервативная, более современная опора власти. И в условиях общегосударственной внутренней войны такие личности пытались оторваться от своего социального слоя, чтобы обеспечить себе сносную жизнь и в будущем или хотя бы почувствовать себя при деле.

Третий тип авантюристов — темные и мстительные личности, то «дно» общества, для которого

внезапно создавалась исключительно благоприятная обстановка безнаказанности. Сложилась питательная среда, в которой они почувствовали себя легко и свободно, имея в то же время неплохую перспективу. Как писал впоследствии один из видных военных историков: «Под видом добровольцев в Красную Армию вступало значительное число деклассированного элемента, чуждого каких-либо высоких идейных побуждений и политической сознательности, а смотревшего на войну, как на источник личной выгоды»¹. Другое свидетельство: «Молодые и наиболее предприимчивые рецидивисты после освобождения вступили в РКП(б). В ряде случаев им удавалось занять ответственные административные должности; из этой среды большевики получили наилучший материал для борьбы и истребления врагов партии. Например, военным комиссаром г. Таганрога был Родионов, осуждавшийся ранее за грабеж, морским комиссаром — Канунников, осуждавшийся за убийство, и т. п.»².

Все три типа авантюристов были едины в непомерных амбициях и желании, чтобы война длилась подольше, ибо это несло им почести, богатство, славу и соответствовало превалировавшим у них природным наклонностям. Хотя авантюризм в белой и Красной армиях имел много общего, но существовали и различия. У красных он был чаще распространен в командном составе, что объяснялось отсутствием у большевиков достаточного количества подготовленных кадров. Те, кто понапористее и поречистее, нередко оказывались тогда во главе вооруженных формирований, которые они потом пытались порою использовать в личных целях³. В белой же армии практически не возникало угрозы измены в рядах руководства. Белые соединения были буквально насыщены офицерами Генерального штаба. Командный эше-

лон был занят специалистами, в которых государственное начало превалировало, анархистские настроения встречались реже.

Второе отличие: диффузность существования белых соединений и разрозненность командования, не имевшего единого центра. Это организационно не закрепляло военнослужащих и способствовало привлечению в армию и обычных авантюристов, и «идейных», которые, пока им нравилось их положение и пока имелись успехи, оставались дисциплинированными и надежными, но при случае могли и обнажить фронт.

Уже события 1917 г. показали, как много значил в тогдашней России субъективный фактор и как можно было одним ударом решить крупные проблемы, включая вопрос личного устройства. Поэтому авантюризм тесно переплетался с карьеризмом. Смутное время революции и гражданской войны давало возможность проникнуть через твердую оболочку государства мирного времени либо вплотную подойти к зыбкой границе между государством и обществом, используя средства, невозможные при других обстоятельствах.

Еще в годы первой мировой войны армия России сильно пополнилась разночинным элементом, призванным по мобилизации. Он именно в военной среде и в военной обстановке нашел себе новое место. Вольноопределяющиеся обладали шансами продвинуться по служебной лестнице в силу своей образованности, в силу большей морально-политической гибкости из-за незадогматизированности мышления и в силу более свободного положения при временной привязанности к воинской структуре. Карьеру легко было сделать еще и потому, что возникли вакантные места, для занятия которых раньше требовались специальные условия. Свою роль сыграло и наличие, наряду со строившимся новым государством, разнообразных обломков старой государственности, каждый из которых считал себя единственно законным. Имелся выбор, пойти ли служить в Красную армию или в белую? А может быть, в один из военизированных отрядов, которые тогда фактически никому не подчинялись? Многие искали мест, где легче служить и где больше получишь.

Так среди них возникала заинтересованность в том, чтобы война длилась как можно дольше. На войне случайно можно легко достичь того, для чего в мирное время потребуется много лет и труда, а ведь предела личным мечтаниям нет. Белая армия в этом смысле оказалась благодатным местом еще и потому, что не была привязана к единой централизованной системе, так что ее элементы действовали при определенной независимости и при наличии конкуренции.

Используя этот факт, можно было проявить

свой «инстинкт павиана», ту свободу, которая является необходимым условием соответствующей карьеры, а не чиновничества. В то же время это позволяло не изменять прежней привычке являться не гражданином, а служилым человеком. Ведь белая армия оставалась некоей частью старой государственной структуры, родной и привычной, в которой были давно знакомые карьерные пути и средства и не требовалось больших усилий по приноравливанию к новой ситуации: с самого начала было ясно, что поможет продвижению наверх, а что-способно помешать ему.

В Красной армии карьера облегчалась тем, что армия создавалась практически с нуля. Поэтому формально почти все оказались в равных условиях. Прямой карьерный путь при «хорошей погоде» позволял в кратчайшее время достичь головокружительных успехов. Впервые такую возможность обрели как раз те общественные слои, которые ранее были их лишены. Имелась тут и материальная причина: гарантировались материальные условия существования. В 1918 г. красноармеец получал 150 руб. в месяц, семейный — 250 рублей. Добавим: казенное обеспечение всем остальным. Тем более выгодно было быть командиром⁴.

Но порою выбор той или иной армии определялся для авантюристов и карьеристов близостью ее нахождения или людьми, стоявшими во главе воинских соединений: их авторитетностью, жестокостью, славой, обеспеченностью и пр.

Наличие таких мотивов военной службы, как авантюризм и карьеризм, в большей мере, чем это бывает в мирное время, свидетельствовало о разрушении былых социальных перегородок. Многие личности проецировали теперь себя во времени и пространстве по-другому. И большевистское государство, и враждебные ему пытались регулировать этот процесс, создавая себе всеми силами основу. Авантюристы и карьеристы стали примечательными элементами этой основы.

*С. Н. Щеголихина
(г. Рассказово)*

Примечания

1. КАКУРИН Н. Е. Как сражалась революция. Т. 1. М. 1990, с. 132.
2. БАБИН А. Дневник гражданской войны в России.— Волга, 1990, № 5, с. 119.
3. Примеры см.: ЧЕРЕПАНОВ А. И. В боях рожденная. М. 1976, с. 80—81.
4. ЛИТВИН А. Л. Красный и белый террор в России 1917—1922.— Отечественная история, 1993, № 6, с. 60.

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February—March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU(B). Articles: **M. Levin**. Bureaucracy and Stalinism. **A. B. Kamenskij**. The Estate Policy of Ekaterina the Second. Historical Profiles: **K. S. Vjatkin**. Helmut Kohl. Reminiscences: Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. To the Help of History Teachers and Students: History and Culture of Peoples of Asia, Africa and Latin America (From Ancient Times to Our Days) (the Author of Chapter VIII **P. I. Puchkov**). History and Fates: **A. I. Denikin**. The Essays of the Troubled Time in Russia. Historians on Time and Themselves: From the Memoirs of G. V. Vernadskij. Communications: **Ju. A. Poljakov**. The Influence of State on the Demographic Processes in the USSR (1920s—1930s Years). **S. O. Androssov**. Peter the First in Venice. **E. Ju. Vanina**. Man, Time and Religion (India in the Middle Ages). People. Facts. Events. **V. V. Kirillov**. N. A. Popov as a Historian and a Public Figure. **V. E. Baranchenko**. P. A. Kropotkin's Decease and Funeral. **M. M. Galanov**. Fedor Shaklovityj. Historiography: **V. A. Kitaev**. The State School in the Russian Historiography: Time of Revaluation. Reviews on Books: «The Jaroslav Olden Times»; G. A. Dubovitskij. Six Portraits. From the History of the First Half of the XIXth Century. For Germany — Against Hitler: The Documents and Materials about the Creation and Activity of the National Committee «Free Germany» and the German Officers' Union; F. Gal, J. Alan, J. Jirak, P. Machonin, O. Soltys, M. Timoracky. Dnesni krize cesko — slovenskýck vztahu. Sociologické Nakladatelství. (Praha); M. Dygo. Studia nad początkami wiadzawa Zakonu Niemieckiego w Prusach (1226—1259) (Warszawa). Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Вопросы истории» № 3, 1995

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 17.01.95. Подписано в печать 22.03.95. Формат 70x108/16. Бумага типографская. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,4. Тираж 13000. Заказ № 445. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Индекс 70145

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**